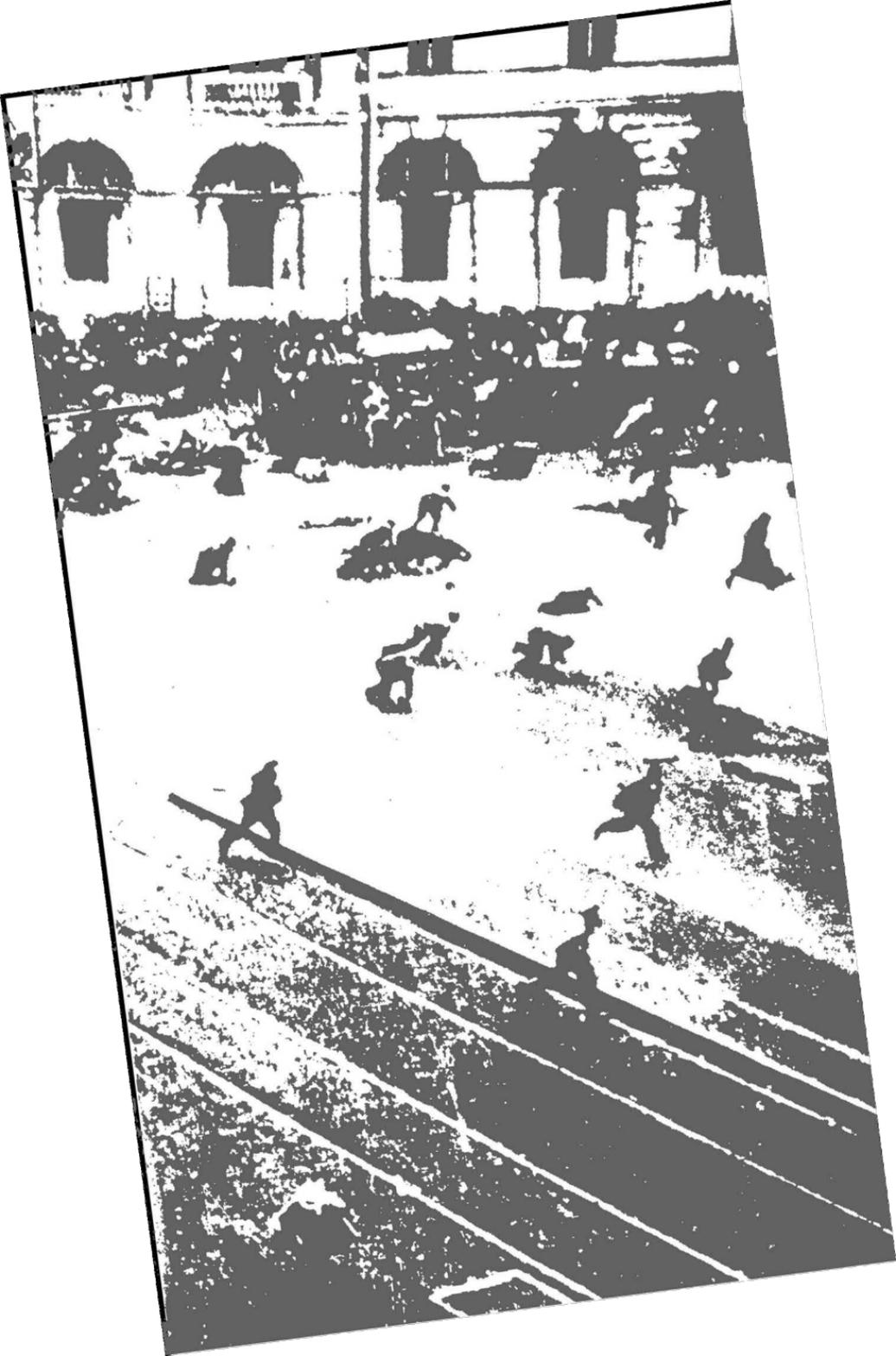

Алекс
Рабинович
**КРОВАВЫЕ
ДНИ**

АСТЬ СОВЪТУ
С. и КРЕСТ.
ЕПУТАТОВ!

ДОЛОЙ
МИНИСТРОВ
КАПИТАЛИСТОВ!

**Алекс
Рабинович**

КРОВАВЫЕ ДНИ

**Июльское восстание
1917 года
в Петрограде**

**Москва
Издательство «Республика»
1992**

ББК 63.3(2)711.1
P12

Alexander Rabinowitch

Prelude to Revolution

The Petrograd Bolsheviks
and the July 1917 Uprising

Indiana University Press
Bloomington, London, 1968

Переводчик *Никольская Т. В.*

Общая редакция и послесловие
академика *П. В. Волобуева*

Рабинович А.

P12 **Кровавые дни: Июльское восстание 1917 г. в Петрограде: Пер, с англ.— М.: «Республика», 1992.— 272 с.**

ISBN 5—250—01525—5

Имя американского историка, профессора Индианского университета А. Рабиновича уже известно в нашей стране. В 1989 г. издательством «Прогресс» была выпущена его монография «Большевики приходят к власти».

Предлагаем читателям еще одну книгу американского ученого — об июльских событиях 1917 года в Петрограде. Свое исследование автор строит на большом документальном материале, с привлечением не только русскоязычных, но и всевозможных западных источников. Книгу отличает свободный, яркий стиль изложения. Рассчитана на массового читателя.

Р 0503020300—093
079(02)—92 106—92

ББК 63.3(2)711.1

ISBN 5—250—01525—5

© «Республика», 1992

«Кровавые дни: Июльское восстание 1917 года в Петрограде» — под таким названием выходит моя вторая книга в России. Первая — «Большевики приходят к власти» — вышла в 1989 г. в издательстве «Прогресс» и была посвящена непосредственно Октябрьской революции. По существу же, она — продолжение предлагаемой вашему вниманию работы.

Книга об июльском восстании 1917 г. — мой первый опыт серьезного изучения истории партии большевиков. К тому же это одно из первых самостоятельных исследований российских революций в американской исторической науке. В 1963 г., когда я, еще аспирант университета штата Индиана, начал собирать материалы для своей будущей книги, западная историография по 1917 г. находилась на относительно раннем этапе своего развития. К тому времени были опубликованы главным образом воспоминания русских эмигрантов, а также зарубежных журналистов, многие из которых были участниками или, по крайней мере, свидетелями описываемых событий. Большинство из них сходилось на том, что по своему характеру Октябрь стоял лишь немного выше добротного проведенного государственного переворота. Объективный анализ революционных событий затруднялся и тем, что на Западе и в США широко бытовало мнение, что первичные источники, необходимые для более детального изучения революционного периода, недоступны для зарубежных историков.

И я вряд ли бы избрал в качестве темы своей докторской диссертации 1917 г. (не говоря уже о таком сложном и противоречивом эпизоде, как роль большевиков в неудавшемся июльском восстании), если бы не случайный разговор с профессором Колумбийского университета Филиппом Мозли летом 1962 г. Тогда я только что приступил к работе над биографией видного меньшевика Ираклия Церетели, личный архив которого находился в США и был доступен для ученых. Однако скоро выяснилось, что, поскольку я не владею грузинским языком,

продолжать разработку этой темы бесперспективно. Узнав о моих трудностях, Мозли предложил мне сосредоточиться на политической деятельности Церетели в 1917 г. (особенно на политических кризисах весны и середины лета 1917 г., когда авторитет и влияние Церетели достигли наивысшего подъема). По мнению Мозли, деятельность Церетели можно было бы использовать в качестве призмы для более глубокого анализа российской революции в целом.

Незаметно в ходе работы мой интерес переключился с Церетели на большевиков и на июльское восстание. Для Церетели, отчаянно стремившегося объединить «все живые силы страны» вокруг находившегося тогда у власти либерально-умеренного коалиционного правительства, июльское восстание выглядело беззастенчивой попыткой Ленина и большевиков вопреки воле русского народа захватить власть в своих корыстных целях (уже вскоре после неудавшейся демонстрации 10 июня* Церетели требовал разоружить рабочие формирования и части Петроградского гарнизона, поддерживавшие большевиков). Проверка обоснованности взглядов Церетели потребовала детального исследования таких сложных и взаимосвязанных вопросов, как развитие ситуации, устремления и поведение петроградских масс в период с февраля по июль 1917 г., а также политика большевистской организации Петрограда на этом переломном этапе (особенно во второй половине июня и в начале июля). В итоге я пришел к выводу, что заявления Церетели чрезмерно упрощали ситуацию. Поняв это, я поставил перед собой задачу объяснить истинные причины происшедшего.

Мне кажется, как первое детальное исследование деятельности большевиков в 1917 г. книга «Кровавые дни...» не только обозначила западным историкам рамки изучения июньских и июльских событий в Петрограде, но имела и более широкое значение. Во-первых, она показала, что, несмотря на постоянные трудности с получением доступа к советским архивам, достаточное количество информации можно извлечь из таких крупных западных хранилищ документов по истории СССР, как институт Гувера в Стэнфорде (штат Калифорния), библиотека Конгресса в Вашингтоне, Нью-Йоркская публичная библиотека, а также крупнейших советских библиотек и с ус-

* Даты в книге приводятся по юлианскому календарю, который действовал на территории России до 14 февраля 1918 г.— *Ред.*

пехом использовать ее для выяснения важных, ранее запутанных вопросов революции.

Во-вторых, книга высветила важную роль революционных российских масс как мощной независимой политической силы. За малым исключением, более ранние западные и советские исследования почти полностью сводились к анализу политики в высших эшелонах действовавших тогда сил, прежде всего деятельности таких ключевых фигур, как Ленин и Керенский.

В моем исследовании доказывается, что отдельные события и ход революции 1917 г. в целом нельзя объяснить, не приняв во внимание широкий спектр лидеров из звеньев среднего и низшего эшелонов и, особенно, политических воззрений и поведения простых людей — от рабочих и крестьян до рядовых солдат в Петроградском гарнизоне и на фронте.

В то время десятки тысяч рабочих и солдат Петрограда, а также кронштадтских моряков, разочарованных в экономических и политических итогах Февральской революции, увидели свою единственную надежду на будущее в «народовластии», осуществляемом через избранные демократическим путем, многопартийные Советы национального и местного уровней. Отсюда и постоянно нарастающая привлекательность лозунга о передаче «всей власти Советам». Конечно, если иметь в виду создание базы для стабильной демократической политической системы на основе Советов, вероятно, существовали и более перспективные альтернативы той неудачной форме Советской власти, которая стала складываться сразу после победы Октября (прежде всего я имею в виду возможное создание национального правительства с участием в нем представителей всех партий Советов, а не только большевиков).

Как бы то ни было, петроградские события в июне и июле 1917 г. продемонстрировали, что зародившееся (большей частью как результат жестокого наследия многовековых унижений и несправедливости) в ходе Февральской революции массовое движение нельзя было произвольно обуздать, остановить на полпути или повернуть вспять. Уже в июле, менее чем через полгода после падения старого режима, было просто невозможно отмахнуться от требований народа о незамедлительном проведении более радикальных экономических и социальных реформ и о скорейшем прекращении войны.

И наконец, книга об июльских событиях помогла западным историкам более молодого поколения выработать

новый подход к изучению деятельности большевистской партии и ее взаимоотношений с массами.

Как показало тщательное исследование, традиционный образ партии 1917 г. как пассивного, монолитного орудия, послушного воле Ленина, не имел с действительностью почти ничего общего. Наоборот, в то время большевистская организация Петрограда была относительно открыта, демократична и децентрализована и структурно, и в практической деятельности. Это объясняется не только тем, что в ее составе снизу доверху помимо Ленина было много влиятельных, независимо мыслящих личностей, а также группировок левого, правого и центристского толка, которые оказывали существенное влияние на формирование партийной политики. В хаотичных, крайне нестабильных и регионально специфических политических условиях 1917 г. Центральный Комитет просто-напросто был не в состоянии полностью контролировать деятельность подчиненных ему комитетов. Да он и не пытался делать это, за исключением самых общих вопросов. Местные партийные организации пользовались относительной свободой в выработке тактики и подготовке лозунгов применительно к местным условиям, что сыграло огромную роль в достижении окончательной победы. Более того, в случае необходимости они решительно боролись за сохранение своих полномочий. В Петрограде именно таким образом обстояли дела с Петербургским комитетом и Военной организацией.

Кроме того, в 1917 г. была отвергнута дореволюционная концепция Ленина о небольшой по численности, профессиональной и конспиративной партии. Активно проводя политику расширения своего влияния на местах отчасти за счет сближения своих программ с устремлениями масс, большевики открыли дорогу в партию десяткам тысяч новых членов, которые также оказывали значительное воздействие на процесс принятия решений. Как тонко отметил мой американский коллега Стивен Ф. Коэн, в то время партия большевиков «не имела ничего общего со стереотипом конспиративного, дисциплинированного авангарда... Это была партия, реагирующая на изменения в стихийных движениях и извлекающая из этого для себя пользу»*. Как будет показано далее, подавительность большевистской партии влиянию преобладавших настроений масс привела в июле 1917 г. к огромным осложнениям. Тем не менее в конце концов источни-

* *Cohen S. F. Bolshevism and Stalinism // Stalinism: Essays in Historical Interpretation. Ed. Robert C. Tucker. New York, 1977. P. 13.*

ком силы большевиков и их способности взять власть стали организационная гибкость, относительная открытость и чуткое реагирование на изменение ситуации, а также широкие, тщательно разрабатываемые связи на заводах, в многочисленных общественных рабочих организациях (в районных Советах, фабрично-заводских комитетах, профсоюзах и т. д.) и частях Петроградского гарнизона. Более поздние работы западных авторов по этой тематике в некоторой степени могли принижать значение такого пересмотренного образа партии большевиков 1917 г., однако полностью игнорировать его стало невозможно.

В перечне библиографии приводятся все источники, использованные при написании данной книги. Однако необходимо отметить, что за более чем 20 лет, прошедших со времени ее издания, западная историография обогатилась большим количеством работ о российских революциях 1917 г., основанных на оригинальных первичных исследованиях. Среди наиболее значительных хотелось бы отметить следующие: о революционном рабочем движении — книги С. А. Смита, Дэвида Мэндела, Майкла Болла, Рекса Уэйда, Уильяма Г. Розенберга и Дианы П. Конкер; о солдатах на фронте — Аллана Уайлдмана; о матросах Балтийского флота — Эвана Модсли и Израэла Гетцлера. К ним можно отнести и биографии В. И. Ленина, Л. Д. Троцкого, Ю. О. Мартова и А. Ф. Керенского, вышедшие из-под пера соответственно Роберта Сервиса, Ирвинга Жоу, Израэла Гетцлера и Ричарда Абрахама; книги о других действовавших тогда на политической арене партиях — Розенберга, Зивы Галили, Пола Авриха, Рекса Уэйда и Майкла Меланкона; работы о развитии революционных процессов на местах Рональда Сьюни, Дональда Рэли и Дианы П. Конкер, а также труды более широкого плана о Февральской революции Цуиоши Хасегавы и об Октябрьской революции — Джона Кипа и Марка Ферро*.

* *Smith S. A. Red Petrograd: Revolution in the Factories, 1917—1918. Cambridge, 1983; Mandel D. The Petrograd Workers and the Fall of the Old Regime: From the February Revolution to the July Days, 1917. New York, 1983; Boll M. The Petrograd Armed Workers Movement in the February Revolution (February — July 1917): A Study in the Radicalization of the Petrograd Proletariat. Washington: D. C., 1979; Wade R. A. Red Guards and Workers' Militias in the Russian Revolution. Stanford, 1984; Koenker D.P., Rosenberg W. G. Strikes and Revolution in Russia, 1917. Princeton, 1989; Wildman A. K. The End of the Russian Imperial Army: The Old Army and the Soldier's Revolt. Princeton, 1980; The End of the Russian Imperial Army: The Road to Soviet Power and Peace. Princeton, 1988; Mawdsley E. The Russian Revolution and the Baltic Fleet: War and Politics,*

Работы названных авторов разнятся не только пред-
метами изучения, но и интерпретацией фактов. Тем не
менее я считаю своим долгом отметить, что ни одна из
них, за редким исключением, не ставит под сомнение
основные выводы моего исследования в отношении ко-
ренных политических, экономических и социальных при-
чин массовых волнений в Петрограде весной и летом
1917 г., характера большевистской партии в то время и ее
роли в июльском восстании. Более того, несмотря на то
что работы эти внесли весомый вклад в историческую
науку, они практически не коснулись целого ряда воп-
росов, относящихся к июльским событиям, которые я пы-
таюсь разобрать в своей книге и которые требуют даль-
нейшего изучения.

Что же это за вопросы? Один из них касается анар-
хистов-коммунистов, которые в то время пользовались
значительной поддержкой петроградских рабочих. На-
сколько значительна была их роль в подготовке неудав-
шейся демонстрации 10 июня и июльского восстания;
насколько глубоким и существенным было сотрудниче-
ство между анархистами-коммунистами и большевиками
на местах в тот период?

Другой и, может быть, более важный вопрос связан
с ролью Ленина в событиях июня и начала июля. Очеви-
дно, что Ленин и большинство ЦК РСДРП(б) считали
вооруженное восстание преждевременным из-за вероят-
ного противодействия ему со стороны солдат на фронте
и крестьян в провинции. Не менее очевидно и то, что
к середине июня Ленин потерял надежду на возможность

February 1917 — April 1918. London, 1978; *Getzler I.* Kronstadt 1917—
1921. Cambridge, 1983; *Service R.* Lenin: A Political Life, Vol. II.
Bloomington, forthcoming; *Howe, J.* Leon Trotsky. New York, 1976; *Getzler I.* Martov: A Political Biography of a Russian Social Democrat. London,
1967; *Abraham R.* Alexander Kerensky: The First Love of the Revolution.
New York, 1987; *Rosenberg W. G.* Liberals in the Russian Revolution: The
Constitutional Democratic Party, 1917—1921. Princeton, 1974; *Galili Z.* The
Menshevik Leaders in the Russian Revolution: Social Realities and Political
Strategies. Princeton, 1967; *Avrich P.* The Russian Anarchists. Princeton,
1987; *Wade R.* The Russian Search for Peace, February — October 1917.
Stanford, 1969; *Melancon M.* The Socialist Revolutionaries During World
War I and the February Revolution. Columbus, 1990; *Suny R.* The Baku
Commune, 1917—1918. Princeton, 1972; *Raleigh G.* Revolution on the
Volga: 1917 in Saratov. Ithaca, 1986; *Koenker D. P.* Moscow Workers and
the 1917 Revolution. Princeton, 1981; *Hasegawa T.* The February
Revolution: Petrograd, 1917. Seattle, 1981; *Keep J. L. M.* The Russian
Revolution: A Study in Mass Mobilization. New York, 1976; *Ferro M.*
October 1917: A Social History of the Russian Revolution. London: Boston
and Henley, 1980.

мирной передачи власти Советам и довел свое мнение до партийного руководства. Отсюда и вытекает вопрос: какое отклонение от намеченного курса допускал он в переговорах с Военной организацией относительно выбора подходящего момента для начала восстания против Временного правительства? Как бы то ни было, один из руководителей Военной организации, В. И. Невский, отмечал в своих ранних мемуарах, что уже 22 июня под давлением радикально настроенных солдат Петроградского гарнизона он и его коллеги начали разработку плана «восстания». В чем конкретно заключался этот план и какое отношение имел он к организации и развитию июльского восстания? *

И последний вопрос — имеется ли хоть доля истины во всех измышлениях, получивших широкое хождение перед июльским восстанием, относительно финансовой поддержки большевиков Германией, или в несколько более поздних спекуляциях о том, что некоторые большевики, например А. Я. Семашко, де-факто командовавший одной из наиболее политически активных частей гарнизона — 1-м пулеметным полком, были германскими шпионами **. Ответы на эти вопросы, если на них вообще можно ответить, заключены в документах, до недавнего времени недоступных для западных ученых ***.

Остается добавить, что выход моей книги в США совпал с начавшимся вскоре после падения Хрущева периодом застоя, в течение которого советские ученые в один голос резко критиковали мою работу. Упор при этом делался на ее сильную зависимость от

* Кроме того, возникает вопрос, какие цели содержались в планах Военной организации, составленных утром 4 июля, то есть после того, как партия официально взяла на себя ответственность за проведение уличных демонстраций, а также какое влияние они оказали на поведение партийного руководства на кульминационном этапе восстания?

** С моей точки зрения, некоторые западные историки искажают вопрос о «германских деньгах». Тем не менее до тех пор, пока их российские коллеги не будут освещать эту тему более откровенно и полно, чем в прошлом, она будет по-прежнему бросать тень на дискуссию об Октябрьской революции.

*** Имеется в виду доступ к таким документам, как протоколы ЦК РСДРП (б) и Всероссийского бюро Военной организации РСДРП (б) за июнь и июль 1917 г., а также документальные материалы внутривнутрипартийной дискуссии в послеиюльский период относительно деятельности и будущего Военной организации.

мемуарных источников. При всей несправедливости критика была в какой-то мере оправданной. Однако мои оппоненты пошли дальше, отвергнув мои выводы относительно характера большевистской партийной организации в Петрограде и ее отношения к неудавшимся июньской демонстрации и июльскому восстанию, а также характера и целей июльского движения в целом. Теперь благодаря более свободной общественной атмосфере читатели сами смогут оценить достоинства и недостатки моего подхода. О большем я не могу и мечтать.

Алекс Рабинович
Университет штата Индиана
Блумингтон, Индиана, США

июль 1991 г.

Пролог

10 июня 1917 г., почти через четыре месяца после свержения самодержавия, в результате вмешательства I Всероссийского съезда Советов в последнюю минуту был отменен марш протеста петроградских рабочих и солдат, тайно организованный Центральным Комитетом РСДРП(б) и направленный против Временного правительства *. Не прошло и месяца, как в начале июля, во время политического кризиса, вызванного роспуском первого коалиционного кабинета Временного правительства, по улицам Петрограда прокатилась мощная волна массовых демонстраций. Она сопровождалась неоднократно вооруженными столкновениями между матросами Кронштадта, рабочими и солдатами Петроградского гарнизона, выступавшими за передачу всей власти Советам, с одной стороны, и сторонниками Временного правительства — с другой. Несмотря на то что во главе июльских выступлений стояли рядовые члены партии большевиков, ЦК РСДРП(б) санкционировал их с явным запозданием. Временное правительство и руководство Всероссийских Советов проявили полную беспомощность в возникшей ситуации. Демонстрации были подавлены только после того, как из районов боевых действий были вызваны верные им войска, а руководство большевиков — публично дискредитировано, обвиненное в тайном пособничестве германскому правительству. В то время широко бытовало мнение, что оба события — сорвавшийся марш протеста 10 июня и стихийные уличные демонстрации начала июля — составные части ленинского заговора, направленного на

* Автор в данном случае не прав. В 1917 г. в Петрограде в условиях всеобщей гласности и свободы просто немислимо было тайно подготовить массовую антиправительственную демонстрацию. Другое дело, что в отличие от демонстрации 3 июля руководящие центры большевиков не поставили в известность Исполком Петроградского Совета и городские власти о назначении демонстрации на 10 июня.—
Ред.

захват власти. Обозначившийся к середине июля среди многих лидеров русских либеральных демократов и умеренных социалистов крен вправо в значительной степени объясняется их паническим страхом перед большевиками, который был вызван столичными беспорядками в начале месяца.

Советские официальные историки трактуют неудавшуюся июньскую демонстрацию и июльское восстание как мирное по своей сути, спонтанное выражение нетерпения и недовольства «контрреволюционным» Временным правительством, сводя роль партии большевиков к организационным и направляющим функциям. Они заостряют внимание на росте негативных настроений среди петроградских рабочих и солдат, но при этом крайне скудно пополняют сведения о РСДРП(б) того времени ¹.

Со своей стороны, большинство западных исследователей русской истории считают июньский и июльский кризисы водоразделом в развитии русской революции. Тем не менее сами события и особенно роль в них партии большевиков остаются одной из наиболее противоречивых глав в западной историографии. На наш взгляд, более или менее детально этот вопрос рассмотрен только в двухтомном труде первооткрывателя истории русской революции У. Х. Чемберлена ². В целом же зарубежные исследователи революционных событий 1917 г. интерпретируют июньскую и июльскую демонстрации по-разному. Некоторые из них полагают, что неудавшаяся демонстрация 10 июня была организована большевиками под давлением народных масс, а июльские выступления состоялись помимо воли партии. Другие, основываясь главным образом на свидетельствах Н. Н. Суханова в его «Записках о революции» ³, делают вывод, что демонстрация 10 июня и июльское восстание особенно имеют непосредственное отношение к сорвавшимся планам Ленина по захвату власти. Третья группа историков почти полностью уклоняется от исследования этих вопросов, тем самым косвенно признавая крайнюю противоречивость сведений относительно роли большевиков в демонстрации 10 июня и организации ими июльского восстания.

Задача настоящей работы — более глубоко и детально изучить причины июньской и июльской демонстраций в Петрограде, а также определить роль и цели РСДРП(б) в них. Вполне естественно, что основное внимание уделя-

ется событиям в Петрограде, где к середине лета 1917 г. массовые выступления и поддержка большевиков были гораздо шире, чем на периферии и на фронте. Причем анализу деятельности местных большевистских организаций уделяется не меньше внимания, чем деятельности Ленина и ЦК РСДРП(б). Это объясняется тем, что уже на раннем этапе своих изысканий я пришел к убеждению, что путь к пониманию политики большевиков в июне — июле 1917 г. лежал не в поисках некоего заблаговременно разработанного Лениным революционного плана и что противоречивость, окутывающая всю эту тему, во многом объясняется тенденцией советских историков представлять партию большевиков как практически монолитный орган, подвластный воле Ленина. Западная историческая наука оперативно выделила существенные разногласия между внутренними фракциями РСДРП(б) в период непосредственно после Февральской революции и в Октябрьские дни, однако не торопилась использовать концепцию «расколовшейся партии» применительно к событиям середины лета 1917 г. Тем не менее в то время в Петрограде существовали три в большой степени самостоятельные организации РСДРП(б) — Центральный Комитет, Всероссийская военная организация и Петербургский комитет. Каждая из них имела свои собственные интересы и сферы деятельности.

Центральный Комитет, находившийся на вершине организационной иерархии РСДРП(б), отвечал за формирование общей политики и координацию партийной деятельности по всей России. Избранный в конце апреля 1917 г., он состоял из девяти членов и по политическим взглядам был далеко не однороден. Посты в нем были почти поровну распределены между сторонниками Ленина и более умеренными, или «правыми», — сторонниками Л. Б. Каменева. Влияние этой умеренной группы, а также вполне естественные опасения ЦК, что события в столице будут развиваться несравненно быстрее, чем в провинциях и на фронте, объясняют его относительно осторожную позицию в доиюльский период.

Военная организация РСДРП(б) была создана в марте 1917 г. городской партийной организацией для осуществления революционной деятельности в Петроградском гарнизоне и на военно-морской базе в Кронштадте. После перехода в непосредственное подчинение ЦК в апреле 1917 г. перед Военной организацией была поставлена задача завоевать поддержку вооруженных сил на фронте

и в тылу и превратить их в надежную, дисциплинированную революционную силу. С самого начала своего существования эта организация обладала удивительно большой автономией. Более того, под воздействием таких факторов, как радикальное единомыслие руководства, массивное давление со стороны своих последователей из Петроградского гарнизона, боявшихся, что социалистическая революция произойдет слишком поздно и не спасет их от гибели на фронте, а также уверенность, неизбежно внушаемая военной силой, Военная организация, как правило, занимала позицию левее Центрального Комитета.

Петербургский комитет, во главе которого стояла небольшая по численности Исполнительная комиссия, объединял представителей районных партийных комитетов и координировал деятельность большевиков в Петрограде. Однако присутствие в столице Центрального Комитета и огромное значение происходящего здесь для всей страны вносили в полномочия ПК некоторую двусмысленность, что приводило к постоянным трениям между этими двумя органами. Отношения между ЦК и ПК еще более обострились после того, как подавляющее большинство петроградских большевиков под влиянием безудержного экстремизма районных и низовых партийных лидеров проявило готовность к немедленному началу активных революционных действий. Этим настроениям также способствовали популярность большевистских лозунгов среди нетерпеливых столичных масс и очевидная слабость Временного правительства.

Один из основных тезисов настоящего исследования предполагает, что в июне — июле 1917 г. революционная политика петроградских большевиков формировалась в условиях, когда три вышеназванные организации подчас совершенно по-разному реагировали на возникающие обстоятельства и каждая по-своему интерпретировала ленинскую концепцию революции. Подобный подход позволяет до некоторой степени объяснить деятельность большевиков в доиюльский период, а также роль партии в организации и проведении июньской и июльской демонстраций.

Трудности, связанные с детальным изучением истории РСДРП(б), хорошо известны. Необычайно сложен для исследования период революции в целом, но особенно такой сверхзасекреченный отрезок времени, как первые летние месяцы 1917 г. Соответствующие государственные

и партийные архивы закрыты для западных ученых (равно как и для большинства советских) *. Многие важные опубликованные источники довольно трудно обнаружить, и, кроме того, даже многие советские исследования и сборники документов представляют лишь относительную ценность. Тем не менее западным исследователям русской революции доступно довольно большое количество исторической литературы, еще недостаточно изученной за пределами Советского Союза. Библиография материалов, на которых основана данная работа, приведена в конце книги. Мне остается только предупредить читателя, что результаты моего исследования, подверженного всем опасностям чрезмерной зависимости от неофициальных источников и мемуаров, безусловно, имеют несовершенный характер и до некоторой степени получены при помощи метода научного предположения. Работая над книгой, я неукоснительно пытался провести четкую грань между фактом и гипотезой, называя вещи своими именами.

Примечания

В примечаниях используются следующие сокращения:

КА — Красный архив

КЛ — Красная летопись

ПР — Пролетарская революция

¹ Знаменский О. Н. Июльский кризис 1917 года. М.; Л., 1964.

² Chamberlin W. H. The Russian Revolution. 1917—1921: 2 vols. New York; Macmillan, 1935.

³ Суханов Н. Н. Записки о революции: В 7 т. Берлин; Пг.; М., 1922—23. Если не указано иное, все ссылки на мемуары Суханова в данном исследовании сделаны по сокращенному английскому переводу: Sukhanov N. N. The Russian Revolution. 1917 (ed. and trans). Joel Carmichael: 2 vols. Harper and Row, 1962.

* Имеются в виду 60-е годы, когда писалось настоящее исследование.— *Ред.*

I Историческая ситуация

Россия и начало первой мировой войны

«Его Императорское Величество приказывает перевести армию и флот на военное положение и призвать на действительную военную службу призывников и лошадей... 18 июля считать первым днем мобилизации»¹. Эта историческая телеграмма, превратившая первую мировую войну в реальность, была отправлена с Центрального телеграфа Санкт-Петербурга в самые отдаленные концы Российской империи 17 июля 1914 г. На рассвете следующего дня петербургские полицейские уже начали разносить призывные повестки по домам резервистов, а группы встревоженных граждан толпились у составленных в резких выражениях мобилизационных прокламаций красного цвета, которые были расклеены на всех углах в течение ночи. «Во исполнение высочайшего повеления... нижним чином запаса... явиться в участковые полицейские управления столицы, по месту своего жительства, на второй день мобилизации, в субботу 19 июля, в 6 часов утра для отправления на соответствующий сборный пункт»². Этот ошеломляющий приказ поставил в тупик транспортные службы, коммерческие фирмы и промышленные предприятия, которые должны были произвести окончательный расчет с тысячами призывников, имевших всего 24 часа для устройства личных дел.

Реакция русского населения на мобилизацию или по крайней мере ее внешнее проявление должна была ободрить царя Николая II. Действительно, в сельских районах России крестьяне восприняли призыв в армию с долей фатализма, хотя и без особого энтузиазма. А вот горожане, например в Петербурге и Москве, встретили объявление о мобилизации взрывом патриотизма, который сопутствовал известиям о начале войны и в других европейских столицах. В первые дни призыва на главных улицах Петербурга прошли военные парады и демонстрации в поддержку войны, причем лишь относительно небольшое число призывников пыталось уклониться от воен-

ной службы. В воскресенье 20 июля, на следующий день после объявления войны Германией, несколько тысяч чиновников высших степеней судебных, гражданских и военных ведомств, одетых в парадную форму, собрались в Зимнем дворце. Они стали свидетелями церемонии, во время которой Николай II перед «чудотворной» иконой Казанской Богоматери повторил клятву, данную Александром I в 1812 г., — не заключать мира до тех пор, пока с русской земли не будет изгнан последний чужеземный солдат. Во время этого торжественного акта ликующие толпы студентов, горожан и даже рабочих с флагами, хоругвями, иконами и портретами царя собрались на Дворцовой площади, где почти десятью годами раньше, и тоже в воскресенье, правительственные войска расстреляли мирную демонстрацию трудящихся *. Британский специалист по истории дореволюционной России Бернард Пэрз пишет, что, увидев Николая II на балконе дворца, толпа пала на колени и запела «Боже, Царя храни» с невиданным ранее воодушевлением ³.

В то роковое лето 1914 г. лишь немногие русские до конца осознавали, какие последствия может иметь война для их страны. Действительно, в январе 1913 г. Ленин писал Максиму Горькому: «Война Австрии с Россией была бы очень полезной для революции (во всей восточной Европе) штукой, но мало вероятия, чтобы Франц Иозеф и Николаша доставили нам сие удовольствие» ⁴. В феврале 1914 г. министр внутренних дел в отставке консерватор П. Н. Дурново, находившийся в противоположной части политического спектра, предупреждал царя в замечательном по своей пророческой силе меморандуме, что основное бремя войны между Антантой и странами германского блока ляжет на Россию, что в военно-промышленном отношении Россия к такой войне совершенно не готова и что «социальная революция в самых крайних ее проявлениях» и «беспросветная анархия; исход которой не поддается даже предвидению», будут неизбежным результатом проигранного сражения ⁵. Более того, накануне войны талантливый организатор русской промышленности граф Витте также предостерегал царя, что Россия менее готова к войне, чем в 1904 г. ⁶ Однако к началу войны подобный реализм в России стал так же редок, как и в других европейских государствах.

Начало первой мировой войны для России пришлось

* Имеется в виду расстрел мирной демонстрации на Дворцовой площади в Петербурге 9 января 1905 г. — *Ред.*

на чрезвычайно неподходящий этап ее экономического и социального развития. Несмотря на то что к 1914 г. Россия уже стала на путь превращения в развитую промышленную державу, ее экономика не была сориентирована на обеспечение продолжительной войны в современных условиях. Хотя широкомасштабные сельскохозяйственные реформы, начатые премьер-министром Столыпиным в 1906 г., и внесли существенный вклад в решение многовековой аграрной проблемы, эффективной и безотказной системы производства и распределения продовольствия еще не было создано. Более того, начало войны застало страну в процессе коренных перемен. После отмены крепостного права в 1861 г. социальное и экономическое значение помещиков постоянно снижалось, однако буржуазия, которой предстояло стать опорой современного индустриального общества, была еще относительно слаба. Создание класса крепких независимых крестьян, задуманное Столыпиным, еще не завершилось, а быстро растущий численно русский пролетариат еще не добился значительных экономических завоеваний, которые сумели умерить революционный пыл европейского рабочего в конце XIX — начале XX века. В этой связи уместно заметить, что спад забастовочного движения, наблюдавшийся в России после революции 1905 г., был прерван массовым расстрелом рабочих на Ленских золотых приисках весной 1912 г., который дал толчок к росту выступлений пролетариата, продолжавшемуся вплоть до войны. Действительно, за несколько недель до объявления войны всеобщая забастовка, начавшись в Баку, распространилась благодаря большевикам на Петербург. В течение нескольких дней почти все столичные промышленные предприятия и коммерческие фирмы были закрыты, а между бастующими рабочими и правительственными войсками разгорелись настоящие уличные бои. Только 15 июля, за четыре дня до начала войны, в индустриальных районах Петербурга был полностью восстановлен порядок ⁷.

В период первой мировой войны Россия переживала не менее критический момент и в сфере модернизации своей политической системы. Примерно в начале века невыносимые политические, социальные и экономические условия, господствовавшие в стране, способствовали возникновению в среде русской интеллигенции социал-демократического, социалистического революционного и либерального движений. Каждое из них ставило перед со-

бой целью борьбу за проведение революционных перемен. Устремления этих трех направлений по преобразованию России значительно отличались друг от друга, более того, даже внутри этих движений не было полного согласия относительно путей осуществления революции и ее целей. Так, накануне революции 1905 г. в результате разногласий в марксистском социал-демократическом движении произошел раскол между ортодоксальными меньшевиками и идеологически гибкими большевиками, настроенными более радикально *. Аналогичные фракции правого и левого толка также существовали среди либералов и в неопопулистской партии социал-революционеров. Но все эти несхожие группы и течения внутри них были объединены одним — непримиримостью к сохранению автократии.

После губительного по своим последствиям военного конфликта с Японией 1904—1905 гг. русская интеллигенция впервые смогла вместе с крестьянами и рабочими повести общими усилиями наступление на правительство. Однако революция 1905 г. не дала полной победы ни правительству, ни русской общественности. Несмотря на то что в результате пересмотра основных государственных законов в апреле 1906 г. российская политическая система трансформировалась в ограниченную конституционную монархию с избираемым народом законодательным органом (Думой) **, царь продолжал пользоваться огромными властными полномочиями. Он сохранял всю полноту власти в проведении внешней политики, в военных вопросах и в значительной степени в распределении бюджета; он обладал неограниченным правом вето в отношении всех законов и формировал правительство, которое было подотчетно только ему. В первых двух Думах, избранных на основе широкого, но не прямого и не равного голосования, конституционно-демократическая партия (кадеты), ведущая либеральная политическая организация, возглавляемая известным историком Павлом Милюковым, попыталась преодолеть все эти препоны и создать настоящее парламентское правительство по западным канонам. Однако попытки кадетов

* Раскол на большевиков и меньшевиков произошел в 1903 г. на II съезде РСДРП.— *Ред.*

** Российская политическая система так и не завершила эволюцию в конституционную монархию. «Основные законы» сохранили самодержавный принцип, хотя и с известными его ограничениями.— *Ред.*

завершились провалом: в июне 1907 г. Столыпин распустил II Думу и ввел незаконные избирательные ограничения, в результате чего настроения III Думы стали уже более созвучны консервативным идеалам монархии.

Эти конституционные реалии в сочетании с непрекращающимся огромным влиянием ультрареакционных элементов на русское правительство, особенно после убийства Столыпина в 1911 году, ставят под сомнение тезис о том, что события 1905 г. коренным образом изменили русскую политическую жизнь. Однако, несмотря на разочарование русской общественности многими аспектами политической обстановки после событий 1905 г., было бы ошибкой утверждать, что политическая система России не была существенно модернизирована. Действительно, широкие гражданские свободы, данные народу в ходе революции 1905 г., время от времени подвергались ограничениям, но никогда полностью не отменялись. Политические партии впервые получили возможность действовать открыто*; были либерализованы система образования и цензура. Главное же заключалось в том, что в Думе можно было публично высказать любую точку зрения. Кроме того, обладая правом проведения голосования по некоторым статьям бюджета и представления депутатских запросов в адрес министров, Дума могла оказывать скромное, но все же достаточно заметное влияние на политику правительства.

Но не было никаких гарантий, что процесс модернизации мог продолжаться в России мирным путем до бесконечности. Накануне войны царское правительство вновь оказалось перед фактом нарастающего политического и социального кризиса. Впечатляющие успехи большевиков в организации политического забастовочного движения, особенно в Петербурге и Москве, и их победа над более умеренными меньшевиками в привлечении на свою сторону наиболее крупных профсоюзов указывают на рост революционности русских рабочих. В то же время ужасающие проявления глупости, некомпетентности и бессилия правительства, а также усиление влияния реакционных сил довели до предела терпение российской интеллигенции. В избранной в 1912 г. IV Думе большинство депутатов вновь тяготело к конституционной оппозиции.

Для решения необычайно сложных политических и со-

* Политические партии, кроме реакционных и консервативных, не были легализованы и после революции 1905—1907 гг.— *Ред.*

циальных проблем и управления огромной империей на пороге XX века России требовались новаторский дух и неисчерпаемая энергия Петра I или по крайней мере политический реализм и гибкость Александра II. Но вместо этого судьбы России находились в руках упрямого и близорукого монарха, который до последней минуты сохранял непоколебимую веру в самодержавие и был не в состоянии не только решить, но даже осмыслить коренные проблемы своего времени. Трагичность ситуации усугублялась тем, что Николай II имел удивительное пристрастие окружать себя посредственными советниками и, как многие слабовольные люди, был под каблуком своей жены императрицы Александры — решительной, слепой в своих предрассудках, склонной к мистике женщины, которая отличалась крайне реакционными политическими взглядами. Безусловно, отсталость монархического режима накануне первой мировой войны существенно снижала вероятность осуществления радикальных перемен в стране без насильственной социальной революции. Тем не менее такую возможность не следует исключать полностью. Ясно одно: в условиях огромного количества нерешенных коренных проблем война стала суровым испытанием для русского общества. Ее раскаты стали погребальным звоном по мирной реформе и, как мы увидим далее, оказали пагубное влияние на характер предстоящей революции. В этом смысле 17 июля 1914 г., когда Николай II уступил призывам своих военачальников и подписал указ о мобилизации русской армии, является одной из самых роковых дат в истории России.

Отношение оппозиции к войне

26 июля 1914 г. депутаты IV Государственной думы собрались в великолепном Таврическом дворце (он был построен Екатериной II для своего фаворита Потемкина), чтобы с сознанием долга утвердить запрошенные правительством военные кредиты. Из всех представленных в Думе партий только трудовики во главе с Александром Керенским и социал-демократы отказались поддержать российскую корону в этом вопросе. Трудовики, представлявшие собой ассоциацию социалистов популистского толка (эсеры бойкотировали III и IV Думы), призывали своих сторонников к защите Отечества. Но чтобы продемонстрировать свое несогласие с политикой

царского правительства, они отказались проголосовать за поддержку военных кредитов. Социал-демократы осудили правительство и покинули Думу до начала голосования по дополнительным ассигнованиям ⁸.

Основным русским оппозиционным партиям было безусловно нелегко определить свое отношение к участию России в войне. Поддержка правительства народом в момент объявления войны вовсе не означала, что правящий режим перестал быть одним из самых отсталых и некомпетентных в истории империи. Однако разве не обязана была оппозиция оказать полную поддержку пусть и такому правительству? Разве не следовало отложить справедливые требования о политических и социальных преобразованиях до успешного завершения борьбы со странами германского блока? Именно к такому выводу в начале войны пришла конституционно-демократическая партия (кадеты). Объявив мораторий на оппозицию монархии на время войны, кадеты примкнули к консервативным и правым партиям Думы в безоговорочной поддержке короны. Позиция либеральных депутатов была выражена в заявлении Павла Милюкова на заседании Думы 26 июля: «...Мы не ставим условий, мы ничего не требуем. Мы просто кладем на весы войны нашу твердую волю победы» ⁹. Когда в 1915 г. некомпетентность царского правительства в ведении войны против Германии и ее союзников уже не вызывала сомнений, думские либералы попытались оказать давление на корону, предложив сформировать правительство, «которое пользовалось бы доверием народа». Но после того как их требования были отвергнуты, они не стали призывать к революции снизу, справедливо считая, что стихийное восстание масс будет одинаково губельно как для победного завершения войны, так и для дела русского либерализма.

Ведущим российским социалистическим организациям — эсерам, меньшевикам и большевикам — выработать единую политику в отношении войны было несравненно труднее, чем либералам. Начало войны вызвало столкновение социалистов всей Европы, поставив их перед выбором между верностью своему государству и приверженностью принципам социалистического интернационализма. Отрекшись от этих принципов, социал-демократические партии Великобритании, Франции, Германии и Австро-Венгрии не устояли перед нарастающим валом национализма и военной лихорадки и, не теряя времени, вместе с прочими партиями одобрили военные

кредиты, запрошенные своими правительствами. Более того, французские социалистические лидеры Гед и Самба, а также бельгиец Вандервельде даже приняли министерские портфели в кабинетах военного времени. Несмотря на то что блок российских социал-демократов в полном составе отказался участвовать в голосовании по военным кредитам, подобного единодушия в отношении военного вопроса в их рядах не было. Война внесла глубокий раскол в среду русских социалистов различной ориентации, разрушив их традиционные группировки, превратив бывших союзников в заклятых врагов и бывших врагов — в союзников.

В целом можно сказать, что в каждой из основных российских социалистических партий появились «оборонческие» фракции, которые выступали за войну подобно большинству европейских социалистов, и «интернационалистские», подход которых к расширению масштабов борьбы более соответствовал миротворческим принципам, принятым в 1907 г. на конгрессе II Интернационала в Штутгарте. Оборонческие настроения были безусловно сильнее среди эсеров и меньшевиков, чем в рядах большевиков. В конце лета 1914 г., когда противоборствующие армии вели бои на востоке и западе Европейского континента, некоторые находившиеся за границей лидеры эсеров и меньшевиков (многие из них были ветеранами царских тюрем) призвали к прекращению революционной деятельности до тех пор, пока прусский милитаризм не будет сокрушен. Они выступали за участие России в войне не менее решительно, чем либералы. Присущие им в то время поразительная германофобия и непреклонный патриотизм нашли свое отражение в словах патриарха русских марксистов Г. В. Плеханова, которые вскоре после начала войны он якобы произнес в беседе с видным деятелем Итальянской социалистической партии Анжеликой Балабановой: «Что касается меня, если бы я не был стар и болен, то я бы вступил в армию. Мне бы доставило огромное удовольствие проткнуть штыком ваших германских товарищей»¹⁰. Поверив Плеханову на слово, сотни находившихся за границей эсеров и меньшевиков добровольно вступили во французскую армию. Более того, сиюминутные устремления оборонческих фракций эсеров и меньшевиков настолько сблизились, что отдельные представители этих ранее непримиримых группировок сочли возможным сотрудничать в совместных изданиях¹¹.

Интернационалистские фракции российских революционных партий в эмиграции тоже оформились почти сразу же после начала войны. На первых порах они находились в относительной изоляции, однако начали набирать силу после того, как первоначальный военный энтузиазм пошел на убыль. Основными теоретиками интернационалистов в рядах эсеров и меньшевиков были соответственно Виктор Чернов¹² и Юлий Мартов. И тот и другой решительно осуждали вооруженную борьбу в Европе. Они считали победу любой из воюющих сторон в равной степени губительной для дела международного социализма и направляли свои усилия на организацию массового движения за скорейшее заключение мира без победителей и побежденных.

Нет ничего удивительного в том, что наиболее радикальную из всех антивоенных программ русских социалистов выдвинул лидер большевиков В. И. Ленин. В 1903 г. Ленин навсегда расколол единство русского рабочего движения, проявив фанатическое упорство в реализации своей идеи, заключавшейся в том, что только небольшая по численности, профессиональная и высокоцентрализованная революционная организация способна возглавить российский пролетариат в осуществлении социалистической революции. В отличие от него многие русские социал-демократы выступали за создание массовой, более демократичной по структуре марксистской партии, допускающей сосуществование различных взглядов.

На завершающем этапе революции 1905 г. непреклонный радикализм Ленина проявился в том, что он продолжал разогревать народные массы в России и подготавливать новое восстание даже после того, как они давно перестали реагировать на революционные призывы, а более умеренные меньшевики утратили веру в эффективность активных действий против режима.

В период реакции, перед войной усилия Ленина были направлены на то, чтобы сохранить конспиративный характер и революционную воинственность русского рабочего движения, тогда как многие меньшевики сосредоточили свои усилия на создании действительно массовой рабочей партии и осуществлении реальных экономических реформ через парламентскую и профсоюзную деятельность.

В последние дни августа 1914 г., находясь в Берне, Ленин в тезисах «Задачи революционной социал-демократии в европейской войне» осудил лидеров II Интер-

национала за предательство социализма и предложил социал-демократам безотлагательно принять лозунг о подготовке революции во всех странах одновременно. Более того, он решительно отмежевался от всех прочих российских группировок интернационалистского толка, заявив, что поражение России в войне с Германией необходимо в качестве средства ослабления монархии¹³. Резкое осуждение II Интернационала, ставка на гражданскую войну вместо мира и открытая пропаганда поражения России делали программу Ленина крайне экстремистской. С одинаковой беспощадностью она подвергалась критике сторонниками защиты Отечества — меньшевиками и эсерами-интернационалистами. Действительно, даже многие впоследствии видные большевики склонялись не к нетерпимому радикализму Ленина, а к более умеренному интернационализму Мартова. Более того, на международных социалистических конференциях в Циммервальде в августе 1915 г. и Кинтале в апреле 1916 г. ленинские резолюции по войне были отклонены в пользу более умеренных антивоенных вариантов.

Разногласия между лидерами социалистического движения, оставшимися в России, были точно такими же, как и среди их коллег в эмиграции. По мнению специалиста по истории движения эсеров Оливера Редки, руководство этой партии в равной степени симпатизировало и оборончеству, и умеренному и радикальному интернационализму¹⁴. Среди меньшевистской верхушки в России было несколько влиятельных сторонников ограниченного оборончества, однако большинство партийных деятелей, включая фракцию меньшевиков в Думе, проводило политику умеренного интернационализма. Несмотря на свое официальное неприятие войны и нарастающую открытую враждебность царскому режиму, они воздерживались от саботажа военных усилий правительства. Антивоенная позиция петербургских большевиков проявилась даже в решении сохранить наименование «Петербургский комитет», после того как в конце августа 1914 г. названный на немецкий лад Санкт-Петербург был поспешно переименован в Петроград. Начиная с осени 1914 г. часть подпольных комитетов большевиков, руководство которыми в достаточно свободных рамках осуществлялось Лениным через Русское бюро РСДРП, направила свои усилия на создание в народных массах антивоенных и антицарских настроений,

а также на возобновление забастовочной борьбы. Однако в первые месяцы войны единственным результатом этих усилий стали жесткие репрессии со стороны правительства¹⁵. Как и пролетарии всей Европы, русские рабочие, включая рядовых эсеров, меньшевиков и большевиков, поддерживали военную политику своего государства*.

Россия в войне

Начало военных действий в 1914 г. застало русскую армию совершенно не подготовленной к испытанию войной. Казавшиеся неисчерпаемыми людские ресурсы и исключительная отвага русских солдат не могли компенсировать катастрофическую нехватку орудий и боеприпасов, рутинность систем снабжения и здравоохранения, дезорганизованность и крайне недостаточную компетентность высшего командования, а также — и это, вероятно, самое главное — ужасающую неспособность руководства осуществить необходимую модернизацию. Тем не менее первый этап мобилизации в России был проведен намного быстрее, чем предполагал противник или смели надеяться сами русские. Кроме того, безусловно большое значение имело стремительное вторжение русских войск в Восточную Пруссию в середине августа 1914 г., поскольку оно позволило французам одержать первую решительную победу в Марнском сражении, которая спасла Париж. Однако уже в конце августа и начале сентября 1914 г. русские войска потерпели сокрушительные поражения под Танненбергом и в районе Мазурских озер. Проходившее одновременно наступление русских на южном направлении в Галиции было более успешным. Начало зимы 1915 г. застало российскую армию на южных склонах Карпатских гор. Но весной австро-германские войска перешли в наступление, в результате которого осенью 1915 г. весь фронт был отодвинут в среднем на 200 миль**. Более того, хотя на первых порах кампания 1916 г. в Галиции, искусно проведенная генералом Брусиловым, и вселила определенные надежды, огромные потери русской армии (более миллиона человек) не шли ни

* Автор упрощенно излагает вопрос об отношении рабочего класса России к войне: несмотря на шовинистическую волну в начале войны, антивоенные выступления были характерны для сознательной, революционной части русских рабочих.— *Ред.*

** 1 миля равна 1,609 км.— *Ред.*

в какое сравнение со скромными успехами стратегического характера.

Приняв всё это во внимание, нельзя удивляться тому, что к осени 1916 г. патриотический запал русских солдат в значительной степени иссяк и разложение армии пошло полным ходом. Вследствие увеличения поставок русская армия была оснащена лучше, чем прежде, однако невозможно было заменить тысячи офицеров и унтер-офицеров, погибших в начале войны. К этому времени огромная военная машина России состояла главным образом из наспех обученных, недисциплинированных новобранцев, преимущественно крестьян, которых мало интересовало, за что их призвали сражаться¹⁶. Нельзя обойти и тот факт, что уже зимой 1914 г. заметно возросло число отказов участвовать в боевых действиях, дезертирства и массовой сдачи в плен противнику, что отрицательно сказывалось на боеспособности русской армии. А после неудач 1915 г. подобные инциденты достигли огромных масштабов. Результаты ошеломительного наступления Брусилова показали, что подавляющая часть русской армии устала от войны, недовольна командованием, не верит правительству и в целом готова к мятежу. «В армии, в ее солдатском составе растут недовольство и недоверие к офицерству»,— докладывал один из ведущих русских генералов председателю IV Думы М. В. Родзянко в январе 1917 г. «Армия постепенно разлагается, и дисциплине грозит полный упадок... При таких условиях...— сообщал генерал в заключение,— армия в течение зимы может просто покинуть окопы и поле сражения»¹⁷.

Разложение подобного рода имело место и среди частей Петроградского гарнизона. Начиная с 1687 г., когда Петром I был создан Преображенский полк — первая часть придворной гвардии, эти привилегированные, специально подготовленные войска традиционно служили оплотом короне. Будучи еще молодым великим князем, Николай II сам служил в одном из гвардейских полков, а во время революции 1905 г. гвардейцы использовались для подавления восстания не только в столице, но и в Москве, в Прибалтике и на объектах императорского флота¹⁸. Однако на третий год первой мировой войны воинские части, размещенные в столице и ее пригородах, включая гвардейские полки, были полностью укомплектованы новобранцами военного призыва, главным образом крестьянами, которым была чужда военная дисциплина и которые больше всего на

свете хотели вернуться домой. Постоянные контакты с фронтовыми частями и мятежными рабочими способствовали падению их боевого духа. Уже в декабре 1915 г. полиция Кронштадта докладывала, что «войска в настоящее время против рабочих не пойдут и помогут разделиться с правительством»¹⁹. О том, что Петроградский гарнизон перестал быть надежным орудием монархии, как в 1905 году, свидетельствовал случай, произошедший в середине октября 1916 г., когда несколько сот солдат 181-го пехотного запасного полка, расквартированного в рабочем Выборгском районе, помогли бастующим рабочим автомобильного завода «Рено» отразить нападение полиции. Петроградские власти не оставили без внимания тот факт, что связи между солдатами и недовольными рабочими подрывают благонадежность гарнизона, и в конце декабря 181-й пехотный полк был переведен из столицы. Тем не менее взаимодействие между рабочими и остальными частями гарнизона сохранилось²⁰.

Небезынтересно отметить, что после почти трех лет войны катастрофическое падение боевого духа было свойственно не только русской армии. Бессмысленное кровопролитие под Верденом и на Сомме пошатнуло решительность также английских и французских войск. Однако для русских ситуация была более трагичной, потому что деградация морального состояния на фронте сочеталась с политическим бессилием и экономическим распадом в тылу. В России было не суждено появиться своим Ллойд Джорджу или Клемансо, которые, преодолев растущие пораженческие настроения, смогли бы объединить всю нацию для решительных действий. Вспомним, что после начала войны значительная часть русских общественных движений объявила мораторий на политическую оппозицию и изъявила готовность верноподданно оказать поддержку правительству. «Эта вторая война за национальное выживание,— вспоминал А. Ф. Керенский,— предоставила царю уникальную возможность протянуть народу руку дружбы, тем самым обеспечить победу в войне и укрепить монархию на многие годы вперед»²¹.

Если дела обстояли действительно так, то шанс был упущен с самого начала. Рассматривая любое проявление общественной инициативы как подрывную акцию, русское правительство, возглавляемое постепенно впадающим в старческий маразм И. Л. Горемыкиным, сделало все возможное, чтобы в зародыше подавить целый ряд заслуживающих внимания устремлений, включая пред-

ложения Всероссийского земского и Всероссийского городского союзов по повышению боеспособности через мобилизацию промышленности, оказание помощи беженцам и реорганизацию системы здравоохранения. Сама по себе такая политика царского правительства не была бы губительной, если хотя бы некоторые из принимаемых им мер были успешными. Однако когда ужасные провалы на фронте и явные просчеты в управлении тылом стали широко известны, правительство попало под огонь критики не только со стороны старой политической оппозиции, но и консервативных депутатов Думы, которые прежде относились к числу его ярых сторонников.

В книге «История второй русской революции» Павел Милюков писал, что впервые лидеры Думы открыто выразили серьезные сомнения по поводу действий монархии после встречи с членами правительства 25 января 1915 г.²² Критика правительства неизбежно приобрела более широкий размах в связи с массовым отступлением войск в 1915 г. Весной того же года под давлением общественности правительство пошло на некоторые уступки в пользу проведения реформ, согласившись на создание сети частных военно-промышленных комитетов по содействию правительственным оборонным мероприятиям и особым совещаний, в задачу которых входила координация усилий правительства и частного сектора в таких сферах, как национальная борьба, транспорт, поставки топлива и продовольствия. Более того, в июне по требованию общественности были вынуждены уйти в отставку четыре самых реакционных царских министра, которых заменили гораздо более квалифицированные государственные деятели. Однако на посту Председателя Совета министров по-прежнему оставался Горемыкин. Это отчасти послужило причиной создания летом 1915 г. коалиции центристских партий в Думе (так называемый «Прогрессивный блок»), первым требованием которого стало формирование правительства, «пользующегося доверием нации». Безусловно, русская общественность в основном разделяла умеренную программу «Прогрессивного блока», включавшую не только требование о заменах в правительстве, но и призывы о необходимости проведения более терпимой религиозной и национальной политики, амнистии политических заключенных и снятия запрета на деятельность профсоюзов. Эта программа казалась вполне разумной и некоторым наиболее дальновидным членам кабинета министров. Однако Горемыкин упрямо

стоял на своем и в сентябре 1915 г. добился монаршего разрешения распустить Думу на каникулы.

Усиление антиправительственных настроений в обществе было не единственным результатом неудач русской армии в 1915 г. С начала войны пост главнокомандующего на фронте занимал дядя царя великий князь Николай Николаевич. Вряд ли вызывает сомнение тот факт, что он не соответствовал столь высокому посту. Однако несравнимо более тяжелые последствия имело решение, принятое в связи с этим Николаем II. По совету своей жены и беспринципного авантюриста Распутина в конце августа 1915 г. царь покинул столицу и принял командование отступающими войсками. В результате этого вдвойне неудачного решения он не только превратился в мишень для критики за быстро ухудшающееся положение на фронте, но и доверил судьбу правительства реакционной придворной камарилье во главе с императрицей и ее ближайшим советником Распутиным. Скандальные политические махинации, ставшие в Петрограде обычным явлением, не имеют аналогов в современной истории. По воле императрицы и Распутина замены членов кабинета министров производились с умопомрачительной частотой; В. М. Пуришкевич, думский депутат правого толка, метко назвал это явление «министерской чехардой». Первыми вынуждены были уйти в отставку практически все относительно компетентные министры, назначенные только в июне; их сменила целая вереница ничтожеств и авантюристов. В январе 1916 г. наконец-таки был освобожден с поста премьер-министра Горемыкин, однако его преемником стал пресловутый Борис Штюрмер, придворная марионетка, который, по выражению одного из своих близких сотрудников, «по своему умственному развитию, и по возрасту, и, может быть, по состоянию здоровья едва ли мог давать серьезное направление политике»²³.

Трагизм этой нелепой политической ситуации усиливался стремительным падением экономики страны. Для Петрограда, Москвы и других промышленных центров война вылилась в острый дефицит жилья, продовольствия, одежды и топлива, который особенно усилился в последние месяцы 1916 г. До некоторой степени это объяснялось не столько снижением объема производства, сколько недостатками системы распределения. Из-за быстрого обесценения бумажных денег крестьяне не могли приобретать промышленные товары и вследствие этого

отказывались вывозить зерно. В результате истощения рынка увеличивался разрыв между заработной платой и стоимостью жизни. Наиболее тяжелым бременем инфляция легла на плечи рабочих, что тут же проявилось в новом взрыве забастовочного движения в 1915—1917 гг. Инфляция также серьезно отразилась на городской буржуазии. Несмотря на то что в экономическом отношении село пострадало меньше, чем город, подавляющее большинство крестьян, военные потери среди которых были наиболее тяжелыми, выступало за скорейшее прекращение войны. Итак, к зиме 1916 г. к критической черте подошла значительная часть населения России — полностью деморализованный солдат, отчаянно пытающийся добыть средства к существованию рабочий, всеми путями уклоняющийся от призыва в армию крестьянин и даже городская домохозяйка, вынужденная на жестоком морозе выстаивать бесконечные очереди, и зачастую безрезультатно, за хлебом и другими предметами первой необходимости ²⁴.

Правительство было прекрасно осведомлено о росте народного возмущения. Будучи не в силах остановить расширяющийся экономический кризис, оно шло на все, чтобы укрепить свои собственные позиции. Тяжесть ситуации была также очевидна для прогрессивных кругов Думы, однако, опасаясь спровоцировать взрыв народного гнева, они не могли пойти на какие-либо решительные меры. Остро назревшая необходимость политических перемен признавалась всеми, возможность дворцового переворота в открытую обсуждалась и при дворе, и в Думе, и среди военного командования. Таким образом, в 1916 г. в России начались своего рода «скачки», ставки на которых делались на дворцовый переворот или на революцию снизу.

Назначение министром внутренних дел ставленника Распутина А. Д. Протопопова в сентябре 1916 г. было воспринято как еще одно публичное оскорбление Государственной думы. В момент своего назначения член право-либеральной партии октябристов и бывший вице-председатель Думы Протопопов был на грани безумия и даже не мог внятно изъясняться. Презрение к императрице и Распутину приобрело всеобщий характер, а на фоне ухудшающихся известий из районов боевых действий люди все более верили в совершенно безосновательные слухи, что двор якобы продает страну немцам. На заседаниях Думы, проходивших с 1 ноября по 16 декабря 1916 г.,

депутаты подвергли правительство беспрецедентным по своей прямоте нападкам. Так, в день открытия заседаний Павел Милюков в язвительном тоне перечислил все неудачные решения правительства, упомянув по имени императрицу и Штюрмера, причем его каждое обвинение завершалось вопросом: «Это глупость или измена?» Несмотря на то что цензура не допустила публикации этого яркого выступления в газетах, оно было размножено в миллионах экземпляров и стало известно всей России²⁵. В ответ высшая власть все же проявила здравый смысл, сместив Штюрмера с поста Председателя Совета министров, однако назначенный на его место крайний консерватор А. Ф. Трепов также не мог реально улучшить ситуацию. Убийство Распутина представителями дворянства в декабре того же года было встречено с ликованием всеми, кроме императрицы, но и это лишь незначительно снизило невероятно напряженную обстановку в Петрограде. Закончились необычайно морозные рождественские праздники, а правительство, как будто в ослеплении, продолжало свой гибельный курс. «Впечатление,— вспоминал Милюков,— что страна живет на вулкане, было у всех»²⁶.

Падение монархии²⁷

Начало нового, 1917 г. ничем не отличалось от конца 1916-го: трескучие морозы и сумасшедшие цены, забастовки и голодные бунты. Командование Петроградского военного округа с удвоенной энергией приступило к приведению в боевую готовность сил гарнизона и полиции на случай возможных массовых беспорядков. В этих целях были разработаны детальные планы подавления любых крупных волнений. Кроме того, в стратегически важных точках по всему городу были размещены пулеметные гнезда. Ярким проявлением пролетарской солидарности стала забастовка 9 января, в годовщину Кровавого воскресенья, в которой приняли участие более 150 тысяч петроградских рабочих. Некоторые из бастующих заводов прекратили работу впервые с 1905 г. Не менее важным фактом представляется и то, что наблюдавшие за демонстрацией рабочих солдаты, по свидетельству очевидцев, отдавали под козырек и приветствовали проносимые мимо них красные знамена с революционными лозунгами.

В день открытия заседаний Думы, 14 февраля, политическую забастовку объявили уже около 60 петроградских предприятий, а сотни студентов университета, несмотря на угрозы полиции, прошли по Невскому проспекту, распевая революционные песни. 22 февраля на грани отчаяния оказались 30 тысяч рабочих гигантского Путиловского завода, администрация которого объявила локаут на неопределенный период времени. А 23 февраля, в Международный женский день, волнения, начавшиеся среди домохозяек в длинных хлебных очередях, вылились в спонтанные уличные демонстрации с требованиями свержения монархии и окончания войны. Так незапланированно и даже неожиданно для каждой из российских революционных партий начался взрыв народного возмущения.

При изучении революционных событий 1917 г. в Петрограде нельзя забывать, что за более чем 200 лет со времени основания Петром I столица Российской империи, как и Париж, превратилась в город, строго разделенный по социальному и экономическому признакам. Центральные районы города, включая южную часть Васильевского острова и так называемую Петербургскую сторону на правом берегу Невы, а также большую часть левого берега реки вплоть до Обводного канала, были в основном местом проживания высшего и среднего классов, тогда как большинство заводских рабочих жили и работали в промышленных пригородах.

Центр города по праву гордился роскошными дворцами царской семьи и высшей аристократии, величественными зданиями, служившими оплотом имперской бюрократической машины, импозантными Исаакиевским и Казанским соборами, гранитными набережными реки и каналов, которые в ансамбле делали Петроград одной из красивейших европейских столиц. Здесь также располагались центры русской культуры: Императорский Мариинский театр, Императорский Александринский театр, Петербургская консерватория. Кроме того, в центральной части города на левом берегу Невы находились столичные банки, учреждения и наиболее комфортабельные жилые кварталы, которые, если идти от Адмиралтейства — «сердца города», — нисходили по качественному признаку от аристократических дворцов к многоквартирным домам, занимаемым людьми интеллигентного труда и более низкими слоями среднего класса горожан. От здания Адмиралтейства, шпиль

которого горделиво возвышался над столицей, начинался Невский проспект — самый широкий и шикарный проспект Петрограда, а вдоль набережной на другой стороне Невы, в восточной части Васильевского острова выстроились здания Петербургского университета, Российской Академии наук и Академии художеств — трех символов достижений России в образовании, научной и художественной сферах, а также здание Биржи.

Основные промышленные предприятия Петрограда размещались кольцом вокруг центральной части города — в Нарвском, Московском и Александро-Невском районах на левом берегу Невы, а также в глубине Васильевского острова, в Охтинском и Выборгском районах на правом берегу реки. Эти районы получили развитие на первых этапах индустриализации России, когда земли вблизи рек и каналов были еще относительно дешевы и доступны. Здесь, зачастую в грязных и переполненных, построенных наспех многоэтажных кирпичных бараках и деревянных лачугах, втиснутых между черными от сажи фабричными зданиями, проживала основная часть 350-тысячного петроградского пролетариата.

Жители этих двух частей города встречались друг с другом крайне редко. Впервые петроградские рабочие дали выход своей злобе по отношению к привилегированным классам во время революции 1905 г., когда ими были заняты центральные районы российской столицы. И вот 23 и 24 февраля 1917 г., подобно огромной волне, тысячи рабочих с развевающимися красными знаменами, минуя охраняемые мосты, через замерзшую Неву вновь вторглись в центр города, чтобы продемонстрировать свою мощь. К 25 февраля взрыв народного гнева приобрел всеобщий характер. Издание газет прекратилось, общественный транспорт остановился, а студенты бросили учебу и присоединились к уличным демонстрациям.

Ситуация стала по-настоящему угрожающей для правительства, когда казаки, направленные на подавление волнений, вместо этого проявили сочувствие к восставшим рабочим. Получив от находившегося в Ставке Верховного Главнокомандующего в Могилеве царя телеграмму с приказом «завтра же прекратить в столице беспорядки», главнокомандующий Петроградским военным округом генерал С. С. Хабалов отдал распоряжение войскам открывать огонь по толпам, отказывающимся расходиться. В знак протеста против этого приказа на следующий день, 26 февраля, в воскресенье, восстала

одна из рот Павловского полка. Волынский гвардейский полк все же открыл огонь по демонстрантам, но, вернувшись в казармы, солдаты отказались участвовать в последующих действиях против мирного населения. Правительство, явно не осознавая своего полного бессилия в создавшейся обстановке, приняло решение распустить Думу до апреля. Однако на следующее утро депутаты проявили гораздо больше реализма при оценке надвигающегося хаоса и отказались прекратить свою работу. Для восстановления порядка они сформировали Временный комитет, в состав которого вошли представители «Прогрессивного блока» и два депутата более левого толка — трудовик А. Ф. Керенский и лидер меньшевиков Н. С. Чхеидзе.

Почти одновременно с этим 27 февраля некоторые члены рабочей группы Центрального военно-промышленного комитета, которых только что освободили из заключения (11 членов рабочей группы комитета были арестованы 26 января 1917 г. по подозрению в революционной деятельности), несколько думских депутатов-социалистов, а также представителей профсоюзного и кооперативного движения встретились в другом зале Таврического дворца. Начав работу по воссозданию Совета по модели, опробованной во время революции 1905 г., они избрали организационный комитет для созыва Совета рабочих депутатов в Петрограде. Объявление о предполагаемом вечернем заседании Совета было немедленно разослано по всем заводам, и именно на этом заседании 27 февраля официально оформились Петроградский Совет рабочих депутатов и его Исполком. В последующие месяцы аналогичные институты народного самоуправления были учреждены по всей России.

Решающий момент февральских событий наступил в тот же день 27-го после того, как сначала Волынский, а затем части Преображенского и Литовского гвардейских полков присоединились к уже по-настоящему разгоревшейся революции. При встречах с восставшими частями эти полки, формально еще подчинявшиеся правительству, просто-напросто уходили в сторону, и только отдельные группы офицеров и полицейских оказывали им серьезное сопротивление. Коренное отличие февральских событий 1917 г. от революции 1905 г. заключалось именно в массовом дезертирстве частей гарнизона. К вечеру 27 февраля в руках повстанцев был практически весь Петроград, включая Главный арсенал

и Петропавловскую крепость. Несколько тысяч солдат и офицеров, оставшихся под командованием генерала Хабалова, заняли позиции в районе Адмиралтейства и Зимнего дворца в ожидании поддержки из Могилева и от частей Северного фронта. Однако ни те ни другие в столицу не прибыли, и, когда части Хабалова на следующий день мирно разошлись по домам, Февральская революция в Петрограде была почти завершена. 28 февраля стало поворотным моментом революции в Москве и Кронштадте, где матросы свели старые счеты со своими командирами, убив начальника порта и 50 наиболее ненавистных им офицеров²⁸. К этому времени царский режим настолько прогнил, что активное сопротивление с его стороны практически отсутствовало.

Сначала некоторые либеральные депутаты Государственной думы, в том числе лидер кадетов Павел Милюков, надеялись сохранить подобие преемственности с прошлым режимом, объявив конституционную монархию с правительством, назначаемым избранным всем народом парламентом. Но для такого решения вопроса революция зашла уже слишком далеко. Уступив неизбежному, 2 марта Николай II отрекся от престола в пользу своего брата великого князя Михаила. Тот же, может быть, втайне надеясь спасти свою собственную жизнь, а может быть, верно оценивая тщетность попыток сохранить монархию, тоже отказался от престола, по крайней мере до созыва Учредительного собрания. Таким образом, более чем 300-летнему правлению Романовых пришел бесславный конец.

С момента своего образования Исполком Петроградского Совета довольствовался функцией стража революции и не проявлял интереса к соперничеству с Временным комитетом Думы, выступавшим в качестве законного правительства России*. Отчасти это объясняется причинами идеологического характера. Дело в том, что преобладавшие в Исполкоме меньшевики придерживались ортодоксального марксистского утверждения, согласно которому после «буржуазной революции» (в данном случае это, по-видимому,— свержение самодержавия) неизбежно должен был начаться неопределенный по

* Временный комитет Государственной думы был избран 27 февраля 1917 г. на частном совещании членов распущенной царем Думы и формально не был и не мог быть «законным правительством» России. Он по соглашению с Исполкомом Петроградского Совета сформировал первое Временное правительство. Утром 3 марта в газетах были опубликованы его декларация о составе и программа деятельности.— *Ред.*

продолжительности период либерального буржуазного правления. Представители партии эсеров в Исполкоме не имели столь жестких идеологических ограничений относительно взятия власти в свои руки, но, как и многие меньшевики, они большей частью сознавали свою организационную слабость и стремились направить всю высвободившуюся энергию нации на оборону страны и защиту от контрреволюции. В результате 1 марта большинством голосов Исполком Петроградского Совета предоставил Думе полномочия для формирования Временного правительства, ограничив их определенными политическими рамками. В то же время было принято решение о том, что социалисты не должны поступаться своими принципами и подрывать свои позиции в массах получением министерских постов в либеральном правительстве.

На следующий день Временному комитету Думы и Исполкому Совета удалось путем компромисса выработать совместную политическую программу, после чего было сформировано Временное правительство во главе с председателем Всероссийского Земского союза князем Г. Е. Львовым. П. Н. Милюков был назначен министром иностранных дел, лидер партии октябристов А. И. Гучков — военным и морским министром, а неутомимый оратор А. Ф. Керенский — министром юстиции. Приняв министерский портфель, Керенский — член партии трудовиков, тем самым пренебрег решением Исполкома Совета о неучастии социалистов в правительстве.

Согласованная 2 марта и утвержденная новым правительством программа предусматривала целый ряд мероприятий, включая полную амнистию политических заключенных, широкие гражданские права и равенство всех граждан перед законом. Предполагалось немедленно начать подготовку к созыву избираемого всеобщим голосованием Учредительного собрания, которому предстояло определить будущую форму правления в России. Было решено не разоружать все участвовавшие в революционном движении воинские части и не выводить их из Петрограда, причем всем солдатам, не находившимся при исполнении своих обязанностей, гарантировались гражданские права в полном объеме. Декларация с изложением этой программы была опубликована поздно вечером 2 марта. Однако прежде всего из-за разногласий между депутатами Думы и представленными в Совете социалистами программа не затрагивала такие

жизненно важные вопросы, как война и перераспределение земли. Тем не менее намерения нового правительства вскоре прояснились: отложить решение земельного вопроса и другие крупные реформы до созыва Учредительного собрания и одновременно продолжать войну «до победного конца».

Разногласия между Временным правительством и Советом в вопросах земли и войны не стали сюрпризом. Временное правительство состояло главным образом из либералов, ведущих представителей умеренного направления российской оппозиции. Многие из них выдвинулись на первые роли в созданных Александром II земских органах местного самоуправления и в Думе. Будучи страстными патриотами России, они одновременно ощущали близость к западной демократии, надеясь перенять эту политическую систему. Поэтому нет ничего удивительного в том, что огромное значение для них имело соблюдение революционной Россией обязательств перед Антантой. По этой же причине они считали, что новая российская политическая система должна создаваться исключительно на законном основании и с соблюдением всех мер предосторожности, чтобы предотвратить ее уничтожение поднявшейся революционной волной. В Петроградском Совете, а затем и на Всероссийском съезде Советов преобладали умеренные социалисты, эсеры или меньшевики (большевики получили большинство в Петроградском Совете только в конце лета). Несмотря на свою уверенность в необходимости неограниченного по времени периода либерального правления, они тем не менее выступали за скорейшее проведение коренных социальных реформ. Более того, хотя подавляющее большинство эсеров и меньшевиков в конечном счете занимало оборонческие позиции (теперь эта политика именовалась «революционное оборончество»), практически они были более интернационалистами, чем либералы, и продолжали настаивать на немедленном проведении переговоров о мире без победителей и побежденных.

Итак, сформированное 2 марта 1917 г. Временное правительство получило официальную поддержку Совета. А как складывались их взаимоотношения на деле? Более радикально настроенный Исполком Петроградского Совета из-за постоянного давления со стороны своих избирателей часто выступал в качестве сторожевого пса по отношению к Временному правительству, вмешиваясь в его дела, а иногда и узурпируя его полномочия.

Существовавшая структура власти была неустойчивой. Хотя кабинет Львова формально и признавался высшей исполнительной властью, Совет, несмотря на его нежелание брать власть в свои руки, оставался гораздо более мощной силой благодаря поддержке рабочих и политизированных армейских частей. Столь шаткое положение неизбежно должно было вылиться и вылилось в глубокий кризис государственной власти, усиливавшийся многими политическими, социальными и экономическими проблемами, решение которых не могло дожидаться созыва Учредительного собрания, невозможностью продолжать войну без поддержки основной части населения, а также расширяющейся подрывной деятельностью большевиков.

Примечания

¹ Цит. по: *Schmitt B. E. The Coming of the War. 1914: 2 vols. New York: Charles Scribner's Sons, 1930. Vol. 2. P. 245.*

² Новое время. 1914. 19 июля.

³ *Pares Bernard. The Fall of the Russian Monarchy. New York: Vintage Books, 1961. P. 187.*

⁴ Ленинский сборник. Т. 1. М., 1924. С. 131. (См. также: *Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 48. С. 155.— Ред.*)

⁵ *Golder Frank A. Documents of Russian History. 1914—1917. New York: Century, 1927. P. 3—23.*

⁶ *Von Laue Theodore H. Why Lenin? Why Stalin? Philadelphia: Lippincott, 1964. P. 79.*

⁷ *Haimson Leopold. The Problem of Social Stability in Urban Russia. 1905—1917 // Slavic Review. XXIII. № 4 (1964). P. 620—642, и XXIV. № 1 (1965). P. 1—22.* Содержит убедительный анализ революционной ситуации среди российских рабочих накануне первой мировой войны. См. также: *Балабанов М. От 1905 к 1917: массовое рабочее движение. М.; Л., 1927. С. 275—327.*

⁸ *Gankin O. H. and Fisher H. H. The Bolsheviks and the War: The Origins of the Third International. Stanford: Stanford University Press, 1940. P. 134.*

⁹ *Милюков П. Н. Воспоминания. 1859—1917: В 2 т. Нью-Йорк, 1955. Т. 2. С. 191; см. также: Милюков П. Н. Воспоминания. М., 1991. С. 395.— Ред.*

¹⁰ *Baron Samuel H. Plekhanov. The Father of Russian Marxism. Stanford: Stanford University Press, 1963. P. 324.*

¹¹ *Аронсон Г. Россия накануне революции. Нью-Йорк, 1962. С. 182—184.*

¹² Детальный анализ программы эсеров-интернационалистов приводится в работе: *Radkey Oliver H. The Agrarian Foes of Bolshevism. New York: Columbia University Press, 1958. P. 103—113.*

¹³ См.: *Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 26. С. 1—7.— Ред.*

¹⁴ *Radkey O. H. The Agrarian Foes of Bolshevism. P. 90—91.*

¹⁵ Так, в начале ноября 1914 г. полиция разгромила совещание лидеров большевиков, проводившееся в пригороде Петрограда для

обсуждения ленинских тезисов и формирования политики в отношении войны. Ряд его участников, включая пятерых депутатов-большевиков в Думе, были в конечном счете арестованы, осуждены и сосланы в Сибирь. (См.: *Бадаев А.* Большевики в Государственной Думе. М., 1954. С. 369—419.)

¹⁶ В ходе первой мировой войны Россия отправила на фронт порядка 15 миллионов человек. По данным русского Генштаба, на 1 мая 1917 г. общее число потерь русской армии, включая убитых, раненых, взятых в плен и пропавших без вести, составляло 66 154 офицеров и 6 226 005 солдат (см.: *Яковлева Я. А.* Разложение армии в 1917 году. М.; Л., 1925. С. 111).

¹⁷ *Родзянко М. В.* Государственная Дума и февральская 1917 года революция // Архив русской революции. Берлин, 1922. Т. 6. С. 43.

¹⁸ См.: *Ахун М. И., Петров В. А.* Большевики и армия в 1905—1917 гг. Л., 1929. С. 22.

¹⁹ Цит. по: Очерки истории Ленинграда: В 4 т. М.; Л., 1955—1964. Т. 3. С. 979.

²⁰ См.: *Дрезен А. К.* Большевизация Петроградского гарнизона. Сб. материалов и документов. Л., 1932. С. IV; *Ахун М. И., Петров В. А.* Большевики и армия в 1905—1917 гг. С. 174—175.

²¹ *Kerensky A. F.* Russia and History's Turning Point. New York: Duell, Sloan and Pearce, 1965. P. 17.

²² *Милюков П. Н.* История второй русской революции: В 3 т. София, 1921—1924. Т. 1. С. 24.

²³ *Florinsky Michael T.* The Fall of the Russian Empire. New York: Collier Books, 1961. P. 88.

²⁴ Достаточно детально экономические последствия войны для России рассматриваются в работе: *Florinsky M.* The Fall of the Russian Empire.

²⁵ См.: *Милюков П. Н.* История второй русской революции. Т. 1. С. 33—34.

²⁶ См. там же. С. 35.

²⁷ Данное описание Февральской революции основывается на материалах следующих работ: *Авдеев Н.* Революция 1917 года: хроника событий. Т. 1: Январь — апрель. М., 1923; *Заславский Д. О., Канторович В. А.* Хроника Февральской революции. Т. 1. 1917 год. Февраль — май. Пг., 1924; *Шляпников А.* Семнадцатый год: В 4 т. М.; Пг., 1923. Кн. 1; Очерки истории Ленинграда. Т. 3; *Chamberlin W. H.* The Russian Revolution. Vol. 1.

²⁸ Балтийские моряки в подготовке и проведении Великой Октябрьской социалистической революции / Под ред. П. Н. Мордвинова. М.; Л., 1957. С. 21.

II Борьба начинается

Петроградские большевики и Февральская революция

Февральские события стали для большевиков такой же неожиданностью, как и для других российских революционных партий. Даже по мнению некоторых советских историков, в период свержения царизма количество членов партии было незначительным¹. Местные партийные организации были или очень слабы, или вообще еще не сформированы, а большинство политических деятелей, которым предстояло сыграть видную роль в Октябрьской революции, находились в эмиграции, тюрьме или ссылке. Так, В. И. Ленин и его ближайший соратник Г. Е. Зиновьев были в Цюрихе, Н. И. Бухарин и Л. Д. Троцкий — в Нью-Йорке, а И. В. Сталин, Я. М. Свердлов и Л. Б. Каменев — в Сибири. В Петрограде руководство небольшой по численности партийной организацией осуществлялось Русским бюро ЦК РСДРП(б), в состав которого входили А. Г. Шляпников, В. М. Молотов и П. А. Залуцкий. Кроме того, в городе действовал Петербургский комитет большевиков, но и он был почти полностью уничтожен 26 февраля, когда царская полиция арестовала пять его членов в числе ста других подозрительных лиц. В последние дни февраля Петербургский комитет был настолько ослаблен арестами, что был вынужден временно передать свои функции более работоспособному Выборгскому районному комитету².

Сразу после революции петроградская большевистская организация сосредоточила свои усилия на практических вопросах — легализации своей деятельности и организации партийной газеты. 2 марта, в день отречения царя, на заседании Русского бюро ЦК последняя задача была доверена Молотову. В тот же день ряд членов партии собрался на чердачном этаже Центральной биржи труда, где был образован временный Петербургский комитет, которому предстояло действовать

до созыва городской партийной конференции³. Вскоре после этого городской комитет партии переехал в просторный и элегантный особняк любовницы цесаревича балерины М. Ф. Кшесинской, и примерно в то же время образовалось несколько районных партийных организаций. 5 марта вышел первый номер газеты «Правда», которая теоретически являлась совместным органом Русского бюро ЦК и Петербургского комитета. Еще одно значительное событие произошло 10 марта, когда Петербургским комитетом была создана Военная комиссия, ставшая костяком постоянно действующей Военной организации РСДРП(б).

Помимо организационных вопросов после Февральской революции перед петроградскими большевиками стояли и такие неотложные проблемы, как формирование своей позиции в отношении Временного правительства и дальнейшего участия России в войне. Ленин выразил свои взгляды по этим вопросам в «Наброске тезисов», подготовленном совместно с Зиновьевым в Швейцарии 4 марта, а также в «Письмах из далека», написанных с 7 по 12 марта. Ленин считал, что партия ни при каких условиях не должна оказывать поддержку «буржуазному» Временному правительству и снижать активность по прекращению «империалистической» войны. Его взгляды по вопросам о правительстве и о войне в сжатом виде выражены в переписке с членом РСДРП(б) феминисткой Александрой Коллонтай. 3 марта он писал: «Этот «первый этап первой (из порождаемых войной) революции» не будет ни последним, ни только русским. Конечно, мы останемся против защиты отечества...» В письме, датированном следующим числом, он поясняет: «Сейчас на очереди — уширение работы, организация масс... для... подготовки завоевания власти *Советами рабочих депутатов*. Только такая власть *может* дать хлеб, мир и свободу»⁴. Еще в одном послании того периода, на этот раз группе большевиков, отправлявшихся из Стокгольма в Россию, Ленин заявил: «Наша тактика: полное недоверие, никакой поддержки новому правительству; Керенского особенно подозреваем; вооружение пролетариата — единственная гарантия»⁵.

Следует заметить, что прямых связей между находившимся в Цюрихе Лениным и партийными организациями в России практически не существовало, поэтому об эффективной координации партийной политики не могло быть и речи. По вопросу о войне руководство столичных

большевиков в целом соглашалось с Лениным. На заседании Русского бюро ЦК РСДРП(б) 7 марта был сделан вывод, что к войне «отношение не изменилось, так как война империалистическая и осталась таковой». В официально принятой по этому поводу резолюции говорилось, что «основной задачей революционной социал-демократии по-прежнему является борьба за превращение настоящей антинародной империалистической войны в гражданскую войну народов против своих угнетателей — господствующих классов»⁶. Заседавший в тот же день Петербургский комитет занял аналогичную позицию. Однако по вопросу о правительстве среди петроградских большевиков такого единства не было. В самых общих чертах позиция Русского бюро ЦК под руководством Шляпникова почти смыкалась с категоричным отрицанием Временного правительства Лениным, тогда как подход большинства членов Петербургского комитета почти ничем не отличался от занятой ранее позиции социалистического большинства в руководстве Совета. Но вместе с тем Выборгский районный комитет большевиков занимал позицию более левую, чем Ленин и Русское бюро ЦК. По собственной инициативе он начал призывать рабочих к немедленному захвату власти.

Вопрос о правительстве обсуждался Выборгским районным комитетом на его первом легальном заседании 1 марта. Принятая на нем резолюция призывала к немедленному захвату власти рабочими и роспуску Временного комитета Думы. Прежде чем Русскому бюро ЦК удалось положить конец такого рода деятельности, Выборгский комитет успел распечатать и распространить соответствующую прокламацию⁷. По свидетельству Шляпникова, Бюро имело другое мнение только по одному пункту — оно считало, что решительный бой можно дать лишь после соответствующей подготовительной и организационной работы⁸. 2 марта Бюро внесло на рассмотрение Петроградского Совета резолюцию, в которой говорилось, что Временное правительство, «являясь классовым представительством крупной буржуазии и крупного землевладения, не способно осуществить основные революционные требования народа». В заключение резолюция призывала «развернуть борьбу за создание Временного революционного правительства»⁹, очевидно, под контролем социалистов.

Естественно, Совет отверг подобный подход. 3 марта Бюро ЦК вынесло эту же резолюцию на обсуждение

Петербургского комитета, который после ожесточенной дискуссии также проголосовал против и взамен принял «полуменьшевицкую» резолюцию следующего содержания: «Петербургский комитет РСДРП, считаясь с резолюцией о Временном правительстве, принятой Петроградским Советом Рабочих и Солдатских Депутатов, заявляет, что не противодействует власти Временного правительства постольку, поскольку действия его соответствуют интересам... народа, и объявляет о своем решении вести самую беспощадную борьбу против всяких попыток Временного правительства восстановить в какой бы то ни было форме монархический образ правления»¹⁰.

Два дня спустя Бюро ЦК предприняло еще одну попытку завоевать Петербургский комитет на свою сторону в вопросе о правительстве. На заседании Петербургского комитета 5 марта Молотов предложил резолюцию, в которой говорилось: «Находя, что Временное правительство составлено из представителей монархической крупной буржуазии и землевладения, является по существу контрреволюционным, Петербургский комитет не может поддерживать это правительство и ставит своей задачей борьбу за создание Временного революционного правительства». Однако это предложение также было отвергнуто, и Петербургский комитет подтвердил свою позицию, провозглашенную 3 марта¹¹.

В первой половине марта в «Правде» появились материалы, отражающие антивоенную позицию Русского бюро ЦК и Петербургского комитета. Еще одной из ведущих тем «Правды» того периода был призыв Бюро к немедленному созданию нового революционного правительства¹². Однако после того как главные роли в ней захватили вернувшиеся из Сибири Каменев, Сталин и Муранов, положение изменилось. После выхода в свет номеров от 14 марта Центральный Орган большевиков сделал резкий крен вправо. Начиная с этого времени в газете стали печататься статьи Каменева и Сталина с призывами к ограниченной поддержке Временного правительства, к отказу от лозунга «Долой войну!», прекращению дезорганизующих действий на фронте. Пока нет мира, писал Каменев 15 марта, «свободный народ... будет стойко стоять на своем посту, на пули отвечая пулей и на снаряды — снарядом». Лозунг «Долой войну!» рискует «превратиться в бессодержательный и ничего не говорящий пацифизм», — вторил ему на следующий день

Сталин. Каменев выступил с разъяснением такой умеренной позиции новой редакции «Правды» на заседании Петербургского комитета 18 марта, где она была встречена, одобрительно ¹³. Такой подход резко противоречил взглядам Ленина, выраженным в «Письмах из далека», поэтому нет ничего удивительного в том, что «Правда» напечатала только первые из этих писем, причем с многочисленными купюрами. Среди наиболее значимых вымаранных фраз было и следующее ленинское обвинение: «Кто говорит, что рабочие должны *поддерживать* новое правительство в интересах борьбы с реакцией царизма (а это говорят, по-видимому, Потресовы, Гвоздевы, Чхенкели, а также, несмотря на всю *уклончивость*, и Чхеидзе), тот изменник рабочих, изменник делу пролетариата, делу мира и свободы» ¹⁴. Ленин мог бы в равной степени отнести это обвинение на счет Каменева и Сталина.

Возвращение Ленина и «Апрельские тезисы»

Именно такие неоднозначные взгляды преобладали среди лидеров петроградских большевиков, когда 2 апреля стало известно, что после проезда через Германию в plombированном вагоне на следующий вечер в Петроград прибывает Ленин. Узнав об этом, большевики немедленно стали предпринимать меры по организации своему вождю соответствующего приема. Триумфальная встреча позволила бы не только продемонстрировать популярность Ленина в массах и таким образом сгладить неизбежную критику в его адрес по поводу проезда по территории враждебной Германии, но и дать Ленину возможность оценить влияние большевиков в столице. В то время как группа большевистских лидеров выехала навстречу Ленину и сопровождавшим его лицам на небольшую железнодорожную станцию Белоостров, расположенную на границе, партийные функционеры более низкого ранга в спешном порядке приступили к мобилизации рабочих и солдат по всей столице для организации массовой встречи на Финляндском вокзале.

По свидетельству лидера кронштадтских большевиков Ф. Ф. Раскольников, который находился среди встречавших на станции Белоостров, Ленин, с ходу, не выбирая слов, выразил недовольство по поводу консервативной ориентации «Правды». Как только группа прибывших большевиков укрылась в своем купе, Ленин,

обращаясь к Каменеву, выпалил: «Что у вас пишется в «Правде»? Мы видели несколько номеров и здорово вас ругали...»¹⁵

3 апреля на Финляндском вокзале, расположенном в самом центре заводского Выборгского района, примерно в 11 часов вечера Ленина встречала толпа ликующих рабочих и солдат. В императорских комнатах ожидания, ранее используемых только царем, его официально приветствовали от имени Петроградского Совета меньшевики Н. С. Чхеидзе и М. И. Скобелев, причем Чхеидзе, надеясь на успех, пригласил Ленина присоединиться к прочим революционно-демократическим силам для защиты революции от угрозы изнутри и извне. Проигнорировав этот призыв, Ленин заявил собравшейся толпе, что Февральская революция не решила коренных вопросов русского пролетариата, что рабочий класс России не может останавливаться на полпути и что в союзе с солдатскими массами российский пролетариат должен превратить буржуазно-демократическую революцию в пролетарскую, социалистическую¹⁶. Более резкий разрыв с политикой умеренных социалистов Совета даже трудно было себе представить.

В тот же вечер на неофициальном собрании лидеров большевиков, состоявшемся в белоколонной гостиной особняка Кшесинской, Ленин вновь призвал к продолжению революции и подверг резкой критике политику поддержки Временного правительства и военных усилий государства на любых условиях¹⁷. В. С. Войтинский, числившийся большевиком правого толка, однако готовый примкнуть к меньшевикам, присутствовал на этом историческом заседании и в своих мемуарах вспоминает, что в заключение своей речи Ленин обратился к собравшимся с призывом к организованности, сетуя на то, что прежняя партийная дисциплина и единство мысли утеряны¹⁸. Н. Н. Суханов, еще один свидетель этого события, вспоминает, что в ответ на «анархистское неистовство» Ленина Каменев воскликнул: «Подождите, подождите же!»¹⁹

Приезд Ленина совпал с последними заседаниями первого после Февральской революции Всероссийского совещания партийных работников, приуроченного к Всероссийской конференции Советов и проходившего с 29 марта по 3 апреля. До появления Ленина на этих большевистских собраниях²⁰ Сталину удалось добиться единогласного одобрения резолюции, призывавшей к установлению «бдительного контроля» за деятельностью Временного правительства и к оказанию поддержки Петро-

градскому Совету как «зародышу революционной власти»²¹. Этот подход был настолько близок к позиции эсеров и меньшевиков, что большевики смогли поддержать резолюцию по вопросу о Временном правительстве, принятую большинством на конференции Советов²². Умеренные взгляды Сталина и Каменева по военному вопросу были также приняты большевиками, в результате чего было решено приостановить дезорганизующие действия на фронте. Кроме того, собрание большевиков постановило начать предварительные дискуссии в целях объединения с меньшевиками. Только ясное понимание обстановки того времени, характеризовавшееся преобладанием среди большевиков настроений сдержанности и примирения, позволяет сделать недвусмысленный вывод, что предложенный Лениным жесткий курс произвел эффект разорвавшейся бомбы.

Днем 4 апреля Ленин обратился с речью к большевикам — делегатам Всероссийской конференции Советов, которые готовились к проведению совместного заседания с меньшевиками для обсуждения вопроса об объединении. Именно тогда Ленин впервые полностью прочел свои знаменитые «Апрельские тезисы». Резко отличаясь от позиции Каменева — Сталина, тезисы подтверждали прежние призывы Ленина к абсолютному отказу от «революционного оборончества» и провозглашали братание на фронте. Они определяли «текущий момент» не как «буржуазно-либеральный этап» революции в России (так считали меньшевики и большевики каменевского толка), а как переходный период между первой «буржуазно-либеральной стадией», которая якобы уже завершилась, и второй — «социалистической», в ходе которой власть должна перейти в руки пролетариата. В ленинских тезисах полностью отрицались формула «ограниченной поддержки» Временного правительства, которой придерживались Петроградский Совет и Каменев, а также призывы Петербургского комитета «не препятствовать его деятельности», выдвигалось требование полного неприятия нового правительства. Кроме того, возможность объединения с меньшевиками объявлялась в тезисах совершенно абсурдной затеей. И наконец, на первое место в них выдвигались задачи борьбы за передачу всей власти Советам, учреждение республики Советов «снизу доверху», упразднение полиции, армии и бюрократического аппарата, конфискацию земельных владений, а также передачу контроля над производством и распределением товаров в руки Советов²³. (Следует иметь в виду, что

кампания Ленина за передачу власти Советам весной и в начале лета 1917 г. была удобным средством привлечения на свою сторону российских масс, ослабления и, возможно, низвержения Временного правительства и, самое главное, подготовки к захвату власти революционным пролетариатом, то есть большевиками. В долгосрочной перспективе, умеренное социалистическое правительство под эгидой Советов для Ленина было не более привлекательно, чем либеральное правление.)

Неудивительно, что большинство присутствовавших было просто ошеломлено идеями, высказанными Лениным. Справедливости ради отметим, что стремление к решительным действиям и идеологическая гибкость, отраженные в тезисах, были вполне типичны для Ленина в дореволюционный период. Кроме того, многие из положений, содержащихся в тезисах, практически не отличались от ленинской политики прошлых лет²⁴. Так, однозначная позиция по отношению к войне полностью повторяла его подход к этому вопросу, высказанный им в самом начале войны в 1914 г. Аналогичным образом постоянное отрицание либерального правительства было для Ленина аксиомой со времен революции 1905 г. Начиная с 1905 г. Ленин утверждал, что российский пролетариат во временном союзе с крестьянством способен захватить власть и тем самым избежать продолжительной по времени буржуазно-либеральной стадии революции,— истоки этой формулы следует искать в пренебрежительном отношении Ленина к либералам и в его понимании относительной слабости российского пролетариата. В прошлом Ленин продвигал эти тезисы главным образом в долгосрочном теоретическом плане, однако, когда обстоятельства сложились соответствующим образом, он сумел продемонстрировать сдержанность и политический реализм самого высокого качества. Теперь же, когда и среди большевиков, и среди меньшевиков преобладали сдержанность и стремление к примирению, Ленин представил свои идеи как руководство к действию для немедленного осуществления революции.

После провозглашения Лениным тезисов дискуссии не последовало, потому что большевикам надо было торопиться на встречу с меньшевиками²⁵. Тем не менее в своих воспоминаниях Суханов приводит несколько возмущенных высказываний со стороны меньшевиков, имевших место после второго прочтения «Апрельских тезисов» (оно состоялось несколько позже). Довольно типичной была реакция Б. О. Богданова: «Это бред сума-

сшедшего! стыдно аплодировать этой галиматье!» Бывший большевик И. П. Гольденберг взял слово и заявил, что «Ленин ныне выставил свою кандидатуру на один трон в Европе, пустующий вот уже 30 лет: это — трон Бакунина! В новых словах Ленина слышится старина: в них слышатся истины изжитого примитивного анархизма». В тот же день лидер меньшевиков М. И. Скобелев оценил Ленина как совершенно отпетого человека, стоящего вне социал-демократического движения ²⁶.

Поначалу программа Ленина была встречена в большевистских кругах также инертно. На заседании Бюро ЦК РСДРП(б) 6 апреля Каменев высказал предположение, что, если ленинские тезисы будут приняты, партия превратится в группу пропагандистов, и Сталин поддержал его ²⁷. У нас нет данных о голосовании по тезисам на этом заседании, однако через два дня Петербургский комитет отклонил их тринадцатью голосами против двух при одном воздержавшемся ²⁸. По мнению советского историка Э. Н. Бурджалова, реакция многих провинциальных партийных организаций была точно такой же. 8 апреля в «Правде» появилось заявление под заголовком «Наши разногласия», подписанное Каменевым, которое достаточно сдержанно, но все же отражало точки зрения, преобладавшие в широких партийных кругах. Подчеркнув, что «Апрельские тезисы» выражают исключительно «личное мнение» Ленина, автор заявлял: «Мы надеемся отстоять свою точку зрения, как единственно возможную для революционной социал-демократии, поскольку она хочет и должна до конца остаться партией революционных масс пролетариата...» Особо подчеркивалось, что «общая схема т. Ленина... представляется нам неприемлемой, поскольку она исходит от признания буржуазно-демократической революции законченной и рассчитана на немедленное перерождение этой революции в революцию социалистическую».

Несмотря на такое неблагоприятное начало, Ленину удалось завоевать на свою сторону значительную часть членов партии в поразительно короткое время. Этому были свои причины. Ключевую роль, несомненно, сыграло интеллектуальное превосходство Ленина над своими оппонентами. Суханов вспоминает: «В известной сфере идей — немногих, «навязчивых» идей — Ленин проявлял такую изумительную силу, такой сверхчеловеческий натиск, что его колоссальное влияние среди социалистов и революционеров уже обеспечивается его натурой» ²⁹. Кроме того, после своего возвращения Ленин

провел невероятно энергичную кампанию по привлечению сторонников, безусловно смягчив свою позицию, чтобы хотя бы в первом приближении снять опасения у умеренных членов партии³⁰. Еще одним фактором, способствовавшим успеху Ленина, стали значительные перемены, имевшие место среди членов партии низшего звена как раз в тот период. Массовое разочарование революцией, отчасти в результате продолжавшихся экономических трудностей, в Петрограде пока только зарождалось. К тому же со времени Февральской революции почти все требования к членству в партии были устранены и ряды большевиков буквально раздулись от пылких новобранцев, которые почти ничего не знали о марксизме и объединялись не более чем стремлением к немедленному началу революционных действий. Более того, из тюрем, ссылки и эмиграции вернулись многие ветераны партии, которые были настроены более радикально, чем большевики, остававшиеся во время войны в Петрограде.

Эти изменения в составе Петроградской партийной организации четко отражены в протоколах апрельских заседаний Петербургского комитета и в протоколах 1-й Петроградской общегородской партийной конференции большевиков, на которой Ленин одержал свои первые победы над правыми. Она проходила с 14 по 22 апреля. Подавляющим большинством (33 против 6 голосов) была принята ленинская резолюция, осуждавшая Временное правительство и призывавшая к передаче всей власти Советам. Каменев подверг эту резолюцию критике как в теоретическом, так и в практическом плане, заявив, что ее принятие будет означать необходимость немедленного свержения Временного правительства³¹. Подтверждая этот прогноз, некоторые члены Петроградской партийной организации пришли именно к такому заключению во время апрельского кризиса, который начался еще до завершения работы общегородской конференции.

Апрельский кризис и VII Всероссийская конференция РСДРП(б)

Первый серьезный кризис Временного правительства разразился по одному из самых острых вопросов — вопросу о войне. 14 марта Петроградский Совет опубликовал манифест «К народам всего мира», в котором нашли отражение идеалистические надежды социалистов на пре-

кращение войны путем переговоров на принципах установления мира без аннексий и контрибуций. Объективно по своему характеру этот документ был двусмыслен, поскольку его авторы пытались соединить принципы неграбительского мира и формальное подтверждение решимости революционной России защитить свою недавно завоеванную свободу. Однако Совет придавал манифесту большое значение, а тысячи уставших от войны российских рабочих и солдат увидели в нем первый серьезный шаг к прекращению военных действий. Для Павла Милюкова, министра иностранных дел Временного правительства и самозванного хранителя традиционных национальных интересов России, манифест был сродни анафеме. Как и многие другие либералы, Милюков был уверен, что свержение самодержавия вдохнуло в Россию новые силы и укрепило ее боевую мощь. Когда во время интервью, состоявшегося 23 марта, Милюков заявил, что Россия борется за объединение украинских частей Австро-Венгрии с Россией и за захват Константинополя и проливов, Совет незамедлительно выступил с яростным опровержением. Разразился такой сильный скандал, что 27 марта Временное правительство вынуждено было опубликовать заявление с изложением своих военных целей, которое в большей степени согласовывалось с позицией Совета. Позднее оно было направлено союзникам в качестве официального заявления правительства по политическим вопросам³².

Это произошло 18 апреля, тем не менее Милюков попытался свести на нет последствия этого заявления, сопроводив его нотой, в которой подтверждалось, что революция не вызовет ослабления военных усилий страны. Наоборот, подчеркивалось в ноте, Россия как никогда воодушевлена высокими демократическими устремлениями союзников и обязуется соблюдать свои обязательства. Текст милюковской ноты не ускользнул от внимания Исполкома Петроградского Совета и 20 апреля был напечатан в газетах. Большинство представленных в Совете лидеров социалистических движений сочли себя обманутыми, а столичные рабочие и солдаты нашли выход для своей ярости в вооруженных демонстрациях протеста. 20 и 21 апреля такие демонстрации были проведены около резиденции правительства — Мариинского дворца. В них приняли участие тысячи солдат, которые несли лозунги «Долой Милюкова!», «Долой политику аннексий!» и даже «Долой Временное правительство!».

Между демонстрантами, поддерживавшими правительство, и его противниками произошло несколько вооруженных столкновений. Беспорядки прекратились только поздно ночью 21 апреля, когда Совет объявил о двухдневном запрете на проведение демонстраций, а Временное правительство опубликовало разъяснение или, скорее, отречение от ноты Милюкова, подтвердив тем самым свою поддержку позиции Совета. В результате этих событий Милюков ушел в отставку и было образовано первое коалиционное правительство, в состав которого вошло шесть социалистов и девять «капиталистов»³³. (После апрельского кризиса Исполком Петроградского Совета проголосовал за отмену запрета на участие социалистов в правительстве в целях восстановления порядка в стране и укрепления военной мощи.)

Роли, сыгранные ЦК РСДРП (б) и Петроградской партийной организацией в развитии апрельского кризиса, носили пророческий характер. Рядовые члены партии из полков Петроградского гарнизона и с заводов безусловно способствовали развертыванию уличных демонстраций, тогда как Центральный Комитет большевиков подключился к массовому движению только после того, как оно уже набрало силу. Утром 20 апреля на экстренном заседании Центрального Комитета была принята двусмысленно сформулированная резолюция Ленина, в которой осуждалась нота Милюкова и утверждалось, что скорейшее заключение мира возможно только при условии передачи всей власти Совету. При этом в резолюции не содержалось призывов к сторонникам большевиков выйти на улицы³⁴. Вторая резолюция, составленная Лениным и принятая Центральным Комитетом 21 апреля, была более откровенной. Она обязывала большевистских агитаторов немедленно приступить к организации массовых митингов протеста и демонстраций³⁵. Однако когда Исполком Петроградского Совета принял решение о запрете дальнейших демонстраций, представители большевиков не выступили против этой меры³⁶.

Тем временем наиболее импульсивные элементы Петроградской партийной организации и Военная организация большевиков заняли более воинственную позицию. 20 апреля, когда Мариинский дворец был окружен возбужденными толпами, на дневном заседании 1-й Петроградской общегородской партийной конференции большевиков делегаты от некоторых районов обратились с призывом о немедленном свержении Временного

правительства, а представитель Военной организации В. И. Невский высказался за начало мобилизации войск, очевидно, для проведения агитационной работы для последующего захвата власти Советом. Ветеран партии большевиков, член Петербургского комитета Людмила Сталь попыталась остудить горячие головы предостережением: «Не будьте левее самого Ленина». В итоге конференция проголосовала за то, чтобы «призвать рабочих и солдат к организованному выражению своей солидарности с основными положениями резолюции ЦК», то есть за осторожную по форме первую резолюцию, осуждавшую ноту Милюкова и призывавшую к передаче власти Совету ³⁷.

Следует отметить, что на состоявшемся поздно вечером в тот же день заседании Исполнительной комиссии ПК большевиков вопрос о свержении Временного правительства был рассмотрен повторно, и на этот раз это предложение привлекло больше сторонников ³⁸. Судя по официальным советским материалам, единственным лидером этого направления был известный своей искренностью С. Я. Багдатьяев, член Петербургского комитета от Путиловского завода и кандидат в члены ЦК РСДРП (б) на VII партийной конференции. В «заслугу» Багдатьяеву ставят его авторство листовки за подписью Петербургского комитета, которая призывала к немедленному свержению Временного правительства. 21 апреля листовка была широко распространена по городу. Именно она дала непосредственный толчок к появлению среди демонстрантов неожиданного лозунга «Долой Временное правительство!» Советские историки также обвиняют Багдатьяева и его сторонников в том, что они вели агитацию за взятие членов кабинета министров под стражу ³⁹.

На заседании VII конференции РСДРП (б) 24 апреля Ленин выразил протест против этих самовольных действий. Теперь задача по направлению масс на свержение Временного правительства казалась ему гораздо более сложной, чем в первые дни после возвращения в Россию: «Мы не знали, сильно ли масса в этот тревожный момент колебнулась в нашу сторону, и вопрос был бы другой, если бы она колебнулась сильно. Мы дали лозунг мирных демонстраций, а некоторые товарищи из Петербургского комитета дали лозунг иной, который мы аннулировали, но задержать не успели, масса пошла за лозунгом ПК. Мы говорим, что лозунг «долой Временное правительство» — авантюристский, что свергать

сейчас правительство нельзя, поэтому мы дали лозунг мирных демонстраций. Мы желали произвести только мирную разведку сил неприятеля, но не давать сражения, а ПК взял чуточку левее... В момент действия брать «чуточку полее» было неуместно. Мы рассматриваем это как величайшее преступление... Мы не остались бы ни минуты в ЦК, если бы сознательно допустили этот шаг. Произошло это из-за несовершенства организационного аппарата... Были ошибки? Да, были. Не ошибается только тот, кто не действует. А организовать хорошо — это трудное дело»⁴⁰.

На VII (Апрельской) Всероссийской конференции РСДРП (б), которая проходила в Петрограде 24—29 апреля 1917 г., позиция Ленина по вопросу о Временном правительстве получила поддержку большинства, несмотря на то что несанкционированные действия левых большевиков во время апрельского кризиса подтвердили предсказание Каменева, что неумеренное осуждение Временного правительства будет интерпретировано как призыв к его свержению. Небольшая по численности группа правого толка по-прежнему выступала за установление «бдительного контроля» за Временным правительством, однако Сталина среди них уже не было. Подавляющее большинство делегатов было на стороне Ленина и в вопросе о войне. Конференция приняла решение, что, несмотря на учреждение Временного правительства, военные усилия России по существу носят империалистический характер и потому партия пролетариата не может поддерживать их. Конференция осудила политику «революционного оборончества». В резолюции «О войне» утверждалось, что война может закончиться демократическим миром, только если власть, по крайней мере в одной из воюющих стран, будет передана пролетариату. В ней также высказывалось предположение, что завоевание власти пролетариатом в России проложит дорогу аналогичным восстаниям в других странах. И наконец, резолюция поддерживала массовое братание на фронте как средство стимулирования революций в других странах⁴¹.

И все же до Апрельской конференции Ленин полностью не владел ситуацией в партии. Его предложение окончательно порвать со II Интернационалом не получило поддержки. Резолюция конференции «О текущем моменте», хотя и содержала серьезные теоретические уступки фракции Каменева, даже в таком виде была принята с перевесом всего в 24 голоса. Более того, правому крылу партии удалось добиться избрания в новый состав

ЦК четырех своих представителей — Л. Б. Каменева *, В. П. Ногина, В. П. Милютина и Г. Ф. Федорова (кроме них, его членами стали В. И. Ленин, Г. Е. Зиновьев, Я. М. Свердлов, И. В. Сталин и И. Т. Смилга). Тем самым был обеспечен относительный консерватизм этого органа на протяжении всего дооктябрьского периода. В целом же резолюции Апрельской конференции являли собой программу подготовки к социалистической революции и поэтому стали для Ленина огромным личным успехом. Правда, основное внимание уделялось развертыванию кампании за поддержку масс и завоевание большевиками ведущей роли в Советах. В то же время не умалялось значение организации боевых формирований для захвата власти. Поэтому вопросом номер один стал вопрос о привлечении на свою сторону Петроградского гарнизона.

Военная организация большевиков и кампания за завоевание позиций в Петроградском гарнизоне

При царском режиме Петроградский гарнизон представлял собой необычайно мощную группу войск, которая неизбежно играла большую, а иногда и решающую роль в политической истории Российского государства. Так, в ходе революции 1905 г. гарнизон остался верен императору и тем самым обеспечил сохранение монархии. В феврале 1917 г. судьба Николая II была предопределена, когда его части одна за другой стали переходить на сторону восставших. Аналогичным образом гарнизон сыграл решающую роль в поражении большевиков в июле и их последующей победе в октябре 1917 г. Для глубокого понимания характера российской революции совершенно необходимо четко представлять себе всю стратегическую важность Петроградского гарнизона и детально разобраться в таких вопросах, как его численность, социальный состав, а также каким образом он превратился из оплота самодержавия в союзника народного восстания. К сожалению, состав и роль Петроградского гарнизона в 1917 г. изучены довольно слабо. В Советском Союзе — из-за повышенного внимания к роли рабочего класса в революционный период, а на Западе — из-за скудности источников.

* Л. Б. Каменев был избран на VII Всероссийской (Апрельской) конференции по настоятельной рекомендации В. И. Ленина.— *Ред.*

Вспомним, что накануне Февральской революции прежде надежные части гарнизона, понеся громадные потери на раннем этапе войны, были пополнены необученными деревенскими рекрутами, которые, как и большинство населения страны, выражали недовольство социального, экономического и политического характера и совершенно не желали воевать. Костяк гарнизона составляли 16 гвардейских пехотных и 6 резервных пехотных полков, размещавшихся в Петрограде и его пригородах. Главная задача их заключалась в подготовке пополнения для отправки на фронт. Несмотря на общепринятое название «полк», эти формирования по фронтовым меркам представляли собой резервные батальоны. Численный состав гвардейских пехотных полков колебался между 4500 и 7600 человек. Это были Преображенский, Семеновский, Измайловский, Егерский, Московский, Павловский, Финляндский, Литовский, Кексгольмский, Петроградский, Волынский и Гренадерский полки, причем все они были расквартированы в Петрограде. Кроме того, в состав гвардейских пехотных частей входили четыре резервных пехотных батальона (два в Петрограде и два в Царском Селе). Численность шести армейских резервных полков колебалась между 10 000 и 19 000 человек, включая 1-й и 180-й пехотные запасные полки в Петрограде, 3-й пехотный запасный полк в Петергофе, 176-й пехотный запасный полк в Красном Селе, 1-й пулеметный запасный полк в Ораниенбауме (после Февральской революции и практически до июльских дней большая часть 1-го пулеметного полка была фактически размещена в Выборгском районе Петрограда), а также 2-й пулеметный запасный полк в Стрельне. Все упомянутые полки были расквартированы в радиусе 20 миль от столицы. В состав гарнизона входили также 1-й и 4-й Донские казачьи полки, размещенные по городу и в пригородах, несколько резервных частей и различные военные учебные заведения. Опубликованные оценки общей численности войск, находившихся в Петрограде и вокруг него в период Февральской революции, резко отличаются друг от друга и позволяют предположить, что эта цифра колебалась в пределах 215—300 тысяч человек, хотя по данным советского историка В. М. Кочакова, численный состав войск был гораздо выше ⁴².

Политическое значение гарнизона было необычайно велико, поэтому сразу после победы Февральской революции между Временным правительством, Петроградс-

ким Советом и основными политическими партиями разгорелась острая борьба за привлечение его на свою сторону. В первые недели марта Временное правительство попыталось вернуть гарнизон под командование Петроградского военного округа, однако эти попытки были вскоре пресечены Советом, который пользовался большим влиянием. Наиболее значительные шаги, направленные на то, чтобы заручиться поддержкой гарнизона, были предприняты Советом 28 февраля, когда армейским частям было предложено выдвинуть своих представителей в Совет, и 3 марта, когда Совет вынудил Временное правительство включить в свое первое воззвание пункт о том, что воинские части, принимавшие участие в революции, не могут быть разоружены или выведены из Петрограда. Еще более важную роль сыграло издание примерно в это же время Приказа № 1 Петроградского Совета, регламентировавшего статус вооруженных сил. В частности, приказ объявлял о немедленном проведении выборов в солдатские и матросские комитеты, наделенные широкими, но несколько расплывчато сформулированными административными полномочиями во всех воинских частях. Согласно этому приказу, все оружие передавалось в ведение вновь избранных комитетов, приказы Временного правительства подлежали исполнению только в случае их соответствия приказам Совета, а солдаты вне службы наделялись гражданскими правами в полном объеме. Благодаря этим мерам части гарнизона были практически подчинены Петроградскому Совету и максимально разрушались сложившиеся в вооруженных силах порядки. Более того, отношение Петроградского Совета к войне больше отвечало чаяниям солдат о мире, чем патриотические декларации Временного правительства, что, возможно, способствовало росту популярности Совета в первые недели революции. В любом случае подчинение войск Исполкому Петроградского Совета, а не генералу Корнилову, командующему Петроградским военным округом, свидетельствовало о бессилии Временного правительства в отношении гарнизонов во время апрельского кризиса. В результате по всем вопросам, связанным с гарнизоном, Временное правительство было вынуждено согласовывать свои действия с Советом.

Кроме того, за влияние в Петроградском гарнизоне боролись друг с другом кадеты, эсеры, меньшевики и большевики, причем каждая из партий создала для этой

цели специальные военные организации ⁴³. Приоритет принадлежал большевикам. Только они пытались соперничать с Советом, представляя себя истинными защитниками интересов гарнизона, в котором постоянно росло недовольство. Только они поставили перед собой задачу полностью овладеть ситуацией в отдельных полках гарнизона, организовав для этого свои партийные ячейки в батальонах и даже в ротах. По словам лидера Военной организации большевиков В. И. Невского, политика партии преследовала две основные цели. Во-первых, полки гарнизона рассматривались в качестве ударного армейского формирования, которое потребуется для свержения буржуазии, и, во-вторых, распространение большевистских идей среди солдат крестьянского происхождения считалось надежным средством для завоевания позиций в деревне ⁴⁴. О важности борьбы за влияние в армии (прежде всего в Петроградском гарнизоне) для большевиков Невский говорил в июле на 2-й Петроградской общегородской партийной конференции большевиков: «Как бы хорошо ни был вооружен рабочий класс, революция без участия огромных военных масс не победоносна» ⁴⁵. В одной из своих после-революционных работ Невский выразил эту мысль более четко: «Завоевать Петроградский гарнизон — это означало занять первое место в революции» ⁴⁶.

Целенаправленные действия большевиков по привлечению на свою сторону гарнизона начались практически одновременно с появлением легальных партийных организаций РСДРП (б). На первом официальном заседании Петербургского комитета один из членов партии (его фамилия не известна) подтвердил острую необходимость «влияния» и «организации» солдат. Кроме того, как уже упоминалось, 10 марта была образована специальная Военная комиссия, в задачи которой входило создание постоянной Военной организации РСДРП для координации партийной работы в Петроградском гарнизоне. В первый состав комиссии вошли С. Н. Сулимов, С. Я. Багдатов, В. И. Невский и Н. И. Подвойский ⁴⁷, причем последние трое, безусловно, принадлежали к крайне левому крылу большевиков. 22 марта по решению Военной комиссии представители полков Петроградского гарнизона были приглашены на учредительное собрание Военной организации РСДРП, и именно там 31 марта состоялось официальное оформление большевистской Военной организации ⁴⁸.

С самого начала работа Военной организации осу-

ществлялась под руководством Н. И. Подвойского и В. И. Невского. Оба они были большевиками со стажем: Подвойский вступил в партию в 1901-м, а Невский — в 1898 г. В своей «Истории русской революции» Троцкий вспоминает о Подвойском как о «яркой и своеобразной фигуре в рядах большевизма, с чертами русского революционера старого типа... человеку большой, хотя и недисциплинированной энергии, с творческой фантазией; которая, правда, легко переходила в прожектерство»⁴⁹. Кронштадтский большевик Ф. Ф. Раскольников вспоминает, что сразу после февральского переворота Подвойский первым смело заявил, что «революция не кончилась, она еще только начинается»⁵⁰. Невский учился на факультете естественных наук Московского университета, а в 20-е годы проявил себя как историк российского революционного движения. По словам Троцкого, он «привлекал к себе солдат простотой, общительностью и внимательной мягкостью»⁵¹. Можно предположить, что литературный дар Невского, который в 1917 г. он использовал для уничтожающей критики сложившейся ситуации, в значительной степени помог ему завоевать положение среди солдат Петроградского гарнизона. Следует также отметить, что и Невский и Подвойский отличались независимостью духа (советские источники трактуют это как нежелание подчиняться линии Центрального Комитета⁵²), что не могло не влиять на их руководство Военной организацией.

Попытки большевиков утвердиться в Петроградском гарнизоне сначала не принесли им успеха. В марте этому препятствовала нехватка подготовленных агитаторов (да и войска были склонны следовать за Советом), а в начале апреля — критика большевиков, вызванная возвращением Ленина через территорию враждебной Германии, что в значительной степени затрудняло проведение в гарнизоне антивоенной пропаганды. В этом отношении апрельский кризис и начавшаяся вскоре после этого подготовка к возобновлению военных действий на фронте, безусловно, стали чем-то вроде поворотного момента в судьбе Военной организации, что ознаменовалось резким усилением числа сторонников революционной программы большевиков. В подвале особняка Кшесинской Военной организацией был открыт «непартийный» клуб «Правда», ставший организационным центром для наиболее экстремистских военнослужащих гарнизона. Митинги, проводившиеся Военной организацией, привлекали многотысячные толпы. Газета «Солдатская правда»,

издававшаяся ею специально для солдат и ставшая, по-видимому, ее наиболее сильным оружием, быстро достигла 50-тысячного тиража, половина которого распространялась в Петроградском гарнизоне, а другая — отсылалась на фронт⁵³.

Первый номер «Солдатской правды» вышел в середине апреля. При ее создании Военная организация исходила из того, что издававшаяся Центральным Комитетом «Правда» была слишком сложна и неинтересна для среднего солдата, не имевшего достаточного образования. Провозгласив себя истинно солдатским органом, газета сосредоточила внимание на наиболее острых политических вопросах, обсуждавшихся в войсках, на трудностях повседневной армейской службы. Доступным и простым языком, резко отличаясь в этом отношении от «Правды», «Солдатская правда» из номера в номер пропагандировала такие важные аспекты программы большевиков, как устранение Временного правительства, передача всей власти Советам, конфискация земель, немедленное установление мира. Уже первый номер «Солдатской правды» начал кампанию в пользу братания на фронте. С 15 апреля по 5 июля ежедневно в газете публиковались материалы, нередко написанные самими солдатами. В них критиковались попытки правительства восстановить хотя бы малую толику дисциплины в полках Петроградского гарнизона и обеспечить отправку войск на фронт. Редакция печатала нескончаемый поток писем и резолюций, поступавших с фронта, которые рисовали тревожную, хотя и далеко не полную, картину военной жизни.

К середине мая результаты этой пропагандистской работы уже были налицо. Но нужно сказать, что солдатские комитеты в большинстве частей оставались под влиянием умеренных социалистов небольшевистской ориентации, как и в первые дни революции. Некоторые полки все еще не поддавались большевистской агитации. Тем временем численность Военной организации в Петрограде уже перевалила за тысячу⁵⁴. В наиболее боеспособных частях гарнизона были созданы партийные ячейки. Они были представлены в центральном органе Военной организации. Наибольшим влиянием РСДРП (б) пользовалась в 1-м пулеметном, 180-м пехотном запасном, Петроградском и Московском гвардейских полках, в 6-м саперном батальоне⁵⁵, а также среди моряков Кронштадта, где 16 мая местный Совет принял резолюцию о непризна-

нии власти Временного правительства. (24 мая Кронштадтский Совет под давлением Временного правительства и Петроградского Совета формально отменил это решение, однако по практическим соображениям власть Временного правительства здесь так и не была восстановлена.) По признанию лидеров Военной организации большевиков, работа по превращению войск Петроградского гарнизона в регулярные революционные силы значительно отставала от поразительного по темпам роста числа сторонников большевистской программы⁵⁶, а связи между большевиками и фронтовыми частями только начинали завязываться. Тем не менее некоторые воинственно настроенные новоиспеченные последователи Военной организации из числа военнотружущих гарнизона, у которых недовольство и страх перед будущим были доведены до предела, вскоре перестали довольствоваться только словами.

Примечания

¹ См.: *Бурджалов Э. Н.* О тактике большевиков в марте — апреле 1917 года // *Вопросы истории.* 1956. № 4. С. 39.

² См.: *Флеер М. Г.* Петербургский комитет большевиков в годы войны 1914—1917 гг. Б. м. 1927. С. 116; выступление В. В. Шмидта на Всероссийской партийной конференции (Седьмая (Апрельская) Всероссийская конференция РСДРП (большевиков); Петроградская общегородская конференция РСДРП (большевиков). Апрель 1917 года: Протоколы. М., 1958. С. 200—201.

³ См.: *Шляпников А.* Семнадцатый год. Кн. 1. С. 225.

⁴ *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 49. С. 399, 402.— *Ред.*

⁵ Там же. Т. 31. С. 7.— *Ред.*

⁶ См.: *Бурджалов Э. Н.* О тактике большевиков в марте — апреле 1917 года // *Вопросы истории.* 1956. № 4. С. 42.

⁷ См.: *Лацис М. И.* Накануне октябрьских дней // *Известия.* 1918. 6 ноября.

⁸ См.: *Шляпников А.* Семнадцатый год. Кн. 1. С. 256.

⁹ См.: *Бурджалов Э. Н.* О тактике большевиков в марте — апреле 1917 года // *Вопросы истории.* 1956. № 4. С. 41.

¹⁰ Первый легальный Петербургский комитет большевиков в 1917 году. Сб. материалов и протоколов заседаний Петербургского комитета РСДРП (б) и его Исполнительной комиссии за 1917 год / Под ред. П. Ф. Куделли. М.; Л., 1927. С. 19.

¹¹ Там же.

¹² См.: *Правда.* 1917. 5—13 марта.

¹³ См.: Первый легальный Петербургский комитет большевиков в 1917 году. С. 49—52.

¹⁴ *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 31. С. 19.

¹⁵ См.: *Раскольников Ф. Ф.* Кронштадт и Питер в 1917 году. М.; Л., 1925. С. 54 (см. также *Раскольников Ф. Ф.* Кронштадт и Питер в 1917 году. М., 1990. С. 68.— *Ред.*).

¹⁶ См.: *Подвойский Н. И.* Год 1917. М., 1958. С. 23. Несколько по-иному об этой речи вспоминает Н. Н. Суханов (см.: *The Russian Revolution. Vol. 2. P. 273*); см. также: *Шляпников А.* Семнадцатый год. Т. 3. С. 249—259.

¹⁷ Жесткая организационная дисциплина и единомыслие были, безусловно, всегда первостепенными задачами Ленина, однако выполнялись они редко. Леонард Шапиро и Роберт В. Дэниелс в своих интересных работах соответственно: *The Communist Party of the Soviet Union. New York: Random House, 1959. The Conscience of the Revolution. Cambridge: Harvard University Press, 1960*, показывают, до какой степени идеологические конфликты и фракционность превалировали в организации большевиков со времени ее образования.

¹⁸ *Войтинский В. С.* Годы побед и поражений: 1917 год. Николаевский архив. Институт Гувера, Стэнфорд, Калифорния. С. 48. Эти обстоятельные воспоминания о событиях 1917 г., написанные в Берлине в 1922—1923 гг., были задуманы как третий том книги Войтинского «Годы побед и поражений»: В 2 т. Берлин; Пг.; М., 1923—24.

¹⁹ *Sukhanov N. N.* *The Russian Revolution. Vol. 1. P. 285.*

²⁰ Детальное описание этих большевистских совещаний содержится в работе: *Trotsky L.* *The Stalin School of Falsification*, trans. *John G. Wright* (New York: Pioneer Publishers, 1962. P. 231—301 (см. также: *Троцкий Л.* Сталинская школа фальсификаций. М., 1990. Репринтное издание. С. 225—290.— *Ред.*).

²¹ *Schapiro L.* *The Communist Party of the Soviet Union. P. 162.*

²² См.: *Бурджалов Э. Н.* О тактике большевиков в марте — апреле 1917 года // *Вопросы истории.* 1956. № 4. С. 47.

²³ См.: *Троцкий Л.* Сталинская школа фальсификаций. С. 289—290 (см. также: *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 31. С. 149—186.— *Ред.*).

²⁴ *Schapiro L.* *The Communist Party of the Soviet Union. P. 163—164.*

²⁵ См.: *Войтинский В. С.* Годы побед и поражений. С. 50.

²⁶ См.: *Sukhanov N. N.* *The Russian Revolution. Vol. 1. P. 286—287; Shub David.* *Lenin.* New York: Mentor, 1948. P. 109.

²⁷ См.: *Бурджалов Э. Н.* О тактике большевиков в марте — апреле 1917 года // *Вопросы истории.* 1956. № 4. С. 51.

²⁸ Первый легальный Петербургский комитет большевиков в 1917 году. С. 88.

²⁹ *Sukhanov N. N.* *The Russian Revolution. Vol. 1. P. 290.*

³⁰ В своей резолюции на 1-й Петроградской общегородской конференции в середине апреля Ленин указывал на необходимость расширения кампании по сплочению масс перед передачей власти Советам (см.: *Седьмая (Апрельская) Всероссийская конференция РСДРП (большевики): Протоколы.* С. 291.).

³¹ См. там же. С. 34—37. Каменев предложил к ленинской резолюции поправку, которая в принципе признавала классовый характер Временного правительства, но при этом подчеркивала опасность «дезорганизирующих» последствий лозунга «Долой Временное правительство», присущих резолюции Ленина. В поправке утверждалось, что этот лозунг может «затормозить ту длительную работу просвещения и организации масс, которая является основной задачей партии». Поправка была отклонена 20 голосами против 6 при 9 воздержавшихся.

³² См.: *Авдеев Н.* Революция 1917 года: Хроника событий. Т. 1. С. 117.

³³ Там же. Т. 2. С. 47—59.

³⁴ Революционное движение в России в апреле 1917 года: Апрельский кризис / Под ред. Л. С. Гапоненко и др. М., 1958. С. 726.

³⁵ Там же. С. 737.

³⁶ Югов М. С. Советы в первый период революции // Очерки по истории Октябрьской революции / Под ред. М. Н. Покровского. М.; Л., 1927. Т. 2. С. 189.

³⁷ См.: Седьмая (Апрельская) Всероссийская конференция РСДРП (б): Протоколы. С. 42—44.

³⁸ Там же. С. 204; см. также: *Вавилин И.* Ленин и Петербургская организация большевиков в 1917 году до июля // Ленин как руководитель Ленинградской организации большевиков / Под ред. О. А. Лидака. Л., 1934. С. 83—87.

³⁹ Петроградские большевики в Октябрьской революции / Под ред. С. П. Князева. Л., 1957. С. 100.

⁴⁰ Седьмая (Апрельская) Всероссийская конференция РСДРП (б): Протоколы. С. 111.

⁴¹ См. там же. С. 241—243.

⁴² *Кочаков В. М.* Состав Петроградского гарнизона в 1917 году // Ученые записки Ленинградского государственного университета. Вып. 24. № 205. Л., 1956. С. 67—68; см. также: *Миронов Т. Г.* Борьба большевиков за Петроградский гарнизон в период двоевластия 1917 года. Кандидатская диссертация. Ленингр. университет. Л., 1954. С. 70—71.

⁴³ См.: *Рабинович С. Е.* Большевистские военные организации в 1917 году // ПР. 1928. № 6—7 (77—78). С. 181—182.

⁴⁴ См.: *Невский В. И.* Военная организация и Октябрьская революция // Красноармеец. 1919. № 10—15. С. 34.

⁴⁵ Вторая и третья Петроградские общегородские конференции большевиков в июле и октябре 1917 года: Протоколы. М.; Л., 1927. С. 15.

⁴⁶ *Невский В. И.* В буре деяний: Петроград за пять лет советской работы. М.; Л., 1922. С. 7.

⁴⁷ *Ахун М. И., Петров В. А.* Большевики и армия в 1905—1917 гг. С. 217.

⁴⁸ Солдатская правда. 1917. 2 июня.

⁴⁹ *Trotsky L.* The History of the Russian Revolution, trans. Max Eastman. 3 vols. Ann Arbor: University of Michigan Press, 1957. Vol. 2. P. 31.

⁵⁰ *Раскольников Ф. Ф.* Заседания первого легального ПК // ПР. 1922. № 8. С. 50.

⁵¹ *Trotsky L.* History of the Russian Revolution. Vol. 2. P. 31.

⁵² См., напр.: Протоколы Центрального Комитета РСДРП (б): Август 1917 — февраль 1918. М., 1958.

⁵³ *Ахун М. И., Петров В. А.* Большевики и армия в 1905—1917 гг. С. 224.

⁵⁴ Очень приблизительные данные, основанные на оценке численности Военной организации к середине июня 1917 года, сделаны С. Е. Рабиновичем в работе «Всероссийская конференция большевистских военных организаций 1917 года» // КЛ. 1930. № 5 (38). С. 109.

⁵⁵ См., напр.: доклад Подвойского на Петроградской общегородской конференции большевиков // Вторая и третья Петроградские общегородские конференции. С. 1—19.

⁵⁶ Там же. С. 14—12.

III Неудавшаяся демонстрация 10 июня

Предложение Военной организации

Инициатива в организации демонстрации 10 июня, задуманной прежде всего как проявление массового протеста против приготовлений Временного правительства к скорейшему началу наступления на фронте, принадлежала Военной организации. Президиум Военной организации (в его состав входили Н. И. Подвойский, В. И. Невский, К. А. Мехоношин, С. А. Черепанов и П. В. Дашкевич ¹) впервые подал эту идею Центральному Комитету примерно в середине мая, который, однако, отверг ее ². Вероятно, помня о том, что во время апрельского кризиса Петербургский комитет и Военная организация проявили независимость, ЦК РСДРП (б) распорядился не предпринимать каких-либо политических акций без его ведома ³.

В период с середины мая до начала июня отдельные представители Военной организации по нарастающей усиливали свои требования о проведении вооруженной демонстрации протеста, направленной в первую очередь против попыток Керенского восстановить воинскую дисциплину и ускорить отправку войск в районы боевых действий ⁴. На заседании Петроградской Военной организации 23 мая несколько частей, включая Павловский, Измайловский, Гренадерский и 1-й пехотный запасный полки, заявили, что «готовы сами выступить, если не будет принято решение из центра» ⁵. Это заявление эффективно использовалось большевиками гарнизона для воздействия на политику Военной организации в течение всего июньского периода.

На заседании 23 мая против демонстрации не высказался ни один из присутствовавших, а вот идею о ее проведении поддержала значительная часть солдат-большевиков. Руководство Военной организации было также настроено в пользу ее проведения, поскольку массовое

выражение поддержки программы большевиков, особенно по вопросу о войне, совпадало с открытием I Всероссийского съезда Советов рабочих и солдатских депутатов, который проходил с 3 по 24 июня 1917 г. Такое мероприятие, проведенное по инициативе рядовых членов партии, также могло бы послужить росту влияния Военной организации среди все более беспокойных полков гарнизона. На заседании 23 мая лидеры Военной организации Дашкевич и Невский поддержали предложение об организации демонстрации. Но при этом Невский высказал сомнение, что «устраивать демонстрацию, которая не увлечет большинство,— это тактическая ошибка...». Тем не менее его вывод был однозначен: «Если есть уверенность в успехе демонстрации, ее можно проводить». Подытоживая дискуссию, председательствовавший объявил, что маршу быть. В заключение постановили созвать закрытую встречу с представителями Кронштадта, чтобы принять окончательное решение и определить конкретную дату. Встреча состоялась 1 июня, и ее участники проголосовали за проведение массовой демонстрации частей гарнизона ⁶. Военная организация направила в ЦК список полков предположительной численностью 60 тысяч человек, выход которых считался гарантированным ⁷.

Революционное настроение наиболее активных частей Петроградского гарнизона было подвергнуто испытанию 4 июня, на следующий день после открытия I съезда Советов. Несколько сот кронштадтских моряков во главе с большевиками вышли на демонстрацию на Марсовом поле в Петрограде якобы с целью почтить память павших героев Февральской революции. Военная организация явно рассматривала эту акцию как генеральную репетицию своей собственной демонстрации и поэтому, а также для завоевания симпатий Кронштадта в последнюю минуту организовала участие в ней нескольких сот солдат гарнизона. Среди них были подразделения Павловского, Московского, Гренадерского, 1-го пулеметного, 180-го пехотного, Финляндского и 6-го саперного полков, в результате чего 7 июня «Правда» небезосновательно писала о том, что барометр указывает на значительный рост влияния большевиков. На бурлящем эмоциями революционном митинге выступили: Ф. Ф. Раскольников — от имени матросов, Н. В. Крыленко — от Центрального Комитета и представитель Военной организации А. Я. Семашко. Преобладавшие

там настроения особенно ярко проявились в восхвалении Военной организации Кронштадта со стороны Семашко. «Беря с нее пример,— заявил он,— опираясь на нее, мы, действительно, создадим оплот революции»⁸.

Через два дня, 6 июня, Подвойский и Невский подняли вопрос о демонстрации на совместном заседании Центрального Комитета, Военной организации и Исполнительной комиссии Петербургского комитета⁹. Подвойский проинформировал участников этого расширенного заседания о результатах заседания Военной организации 1 июня, потребовав от ЦК незамедлительного принятия решения (иными словами, санкции на проведение демонстрации). Он оправдывал целесообразность ее проведения тем, что она послужит тараном, «который должен пробить брешь на съезде» и позволит расширить «влияние партии в Петрограде». Последовавший за выступлением Подвойского горячий спор отражал противоположные взгляды различных членов Центрального Комитета относительно стратегии и тактики борьбы. В ходе дискуссии образовались по крайней мере две противоборствующие фракции. Одна — во главе с Лениным, твердо выступавшая за проведение демонстрации, и другая — во главе с Каменевым, выступавшая не менее твердо против.

Несмотря на то что опубликованные замечания Ленина по поводу предстоящей демонстрации фрагментарны, они свидетельствуют о его энтузиазме в связи с ее проведением. «Таково мнение солдат и пролетариата,— заявил он.— Их лозунги — наши лозунги. Долой буржуазных министров-соглашателей. Пусть соглашаются с революционным пролетариатом, а не с кадетами. Стоит передать власть Совету, и он немедленно предложит мирные условия». Ленин призвал провести инвентаризацию сил и собраться вновь через два дня для принятия технических решений. Далее Ленин подчеркнул, что со всей серьезностью рассматривает намечаемое наступление на фронте, подготавливаемое Временным правительством, и придает первостепенное значение широкомасштабной антиправительственной, антивоенной демонстрации как средству его саботирования. (В этот момент Ленин, очевидно, был убежден, что передача власти Совету и односторонний отказ России от борьбы против Германии и ее союзников являлись ключевыми факторами для превращения «империалистической» войны во всемирную «классовую войну против эксплуататоров».

По его мнению, удачное наступление послужило бы только интересам «капиталистического» Временного правительства и привело бы к значительной задержке революции ¹⁰.)

Свердлов, Федоров и Сталин поддержали предложение о проведении демонстрации. Свердлов заметил, что «надо дать организованный выход из того настроения, которое есть в массе». Сторонник умеренных действий Федоров предостерег, что демонстрация обязательно должна быть безоружной, на что Невский возразил, если, мол, демонстранты не будут вооружены, шествие будет «кустарным». Представитель Военной организации Черепанов в заключение этой дискуссии заявил: «Солдаты не пойдут без оружия. Вопрос решен».

Ногин, Зиновьев и Каменев со своей стороны резко протестовали против этого, с их точки зрения, опрометчивого и несвоевременного предложения. Признавая, что конфликт назревает, они утверждали, что в масштабах страны реальные силы партии еще недостаточны для осуществления акции, которая, по словам Ногина, приравнивалась к революции. Зиновьев высказал предположение, что поворот (очевидно, в пользу большевиков) только начинается и что, следовательно, мы «ставим на карту голову партии». Как бы то ни было, заявляли представители правого крыла Центрального Комитета, солдатская демонстрация не даст партии ничего, а среди рабочих нет преобладающего стремления дать бой ¹¹. Интересно, что даже жена Ленина Н. К. Крупская, которая редко перечила своему супругу, высказала опасения по поводу предложенной демонстрации: «Она не будет мирной, потому ее, может быть, не надо проводить».

В конце концов стороны согласились провести 9 июня заседание с участием Центрального Комитета, Петербургского комитета, Военной организации, а также представителей полков, профсоюзов и промышленных предприятий для принятия окончательного решения относительно массовой демонстрации солдат и рабочих.

После окончания заседания Центрального Комитета (речь идет все еще о событиях 6 июня) вопрос о демонстрации обсуждался Петербургским комитетом РСДРП (б) ¹². В. И. Невский, бывший представителем не только Военной организации, но и Петроградского района в Петербургском комитете, вновь проанализировал имевшиеся расхождения и представил собравшимся детальную аргументацию в пользу проведения шествия. Он заявил, что

в гарнизоне бушуют страсти, которым нужен выход, и что, хочет того партия или нет, демонстрация состоится. Неясными оставались два вопроса — встанут ли во главе движения большевики и поддержат ли солдат рабочие. Невский допускал, что демонстрация может обернуться для партии серьезной неудачей, но, по его мнению, это лучше, чем отказываться от лидерства. Признавая, что Исполком Совета против вооруженных демонстраций, он советовал предотвратить его вмешательство сокрытием факта намеченного шествия.

Обсуждение этого предложения В. И. Невского (довольно подробный протокол этого заседания опубликован) было не менее интересным и откровенным, чем дебаты на совещании в Центральном Комитете. Важно, что подавляющее большинство членов Петербургского комитета с энтузиазмом восприняли идею о проведении демонстрации и переходе в конечном итоге в наступление против «контрреволюционного» Временного правительства. Некоторые члены комитета выражали довольно серьезные сомнения по поводу массовой поддержки среди рабочих; другие напрочь отметали возможность привлечения к демонстрации рабочих и выступали за участие в шествии исключительно частей гарнизона. Несомненно одно — среди членов Петербургского комитета не было таких, которые, подобно Каменеву, Зиновьеву и Ногину, были категорически против проведения вооруженной массовой демонстрации против Временного правительства.

Наиболее страстно за демонстрацию высказались В. Володарский, А. Дыллэ, В. А. Иванов, П. А. Залуцкий и М. И. Лацис. Недавно вернувшийся из Америки Володарский выразил опасения большинства присутствовавших, заявив, что «если мы не поддержим солдат в их конкретных требованиях, они отвернутся от нас». Как и некоторые другие, он настаивал на необходимости участия рабочих в любой массовой демонстрации. Выражая оптимизм по поводу возможности получения широкой поддержки населения при проведении марша протеста, Володарский утверждал, что настроение масс неуклонно изменяется в пользу большевиков и что «в каждый ближайший час может произойти событие, которое толкнет массу к выступлению». Представитель Василеостровского района Иванов выступил примерно в таком же ключе, заявив, что подавляющее большинство рабочих и солдат безусловно за мирную демонстрацию и такая

акция просто необходима для того, чтобы защититься от противников. Залуцкий подчеркнул, что война работает на большевизм, а демонстрация позволит укрепить позиции большевиков среди масс. Лацис, который поддерживал тесные связи с 1-м пулеметным полком и играл особую роль, поскольку возглавлял влиятельную партийную организацию Выборгского района¹³, согласился с Невским, что военная демонстрация состоится независимо от того, примут большевики в ней участие или нет. По поводу рабочих Лацис сказал, что, судя по тому, как проходили выборы в думу Выборгского района, рабочие готовы выйти на улицы в любой момент¹⁴. Таким образом, по мнению Лациса, имелись все основания полагать, что демонстрация будет внушительной.

Несмотря на то что за проведение совместной демонстрации рабочих и солдат высказалось вслед за Володарским большинство членов Петербургского комитета, А. И. Плотников и М. И. Калинин считали, что участвовать в ней должны только военные. «У солдат есть повод для недовольства,— говорил, например, Калинин,— у рабочих такого факта нет. Революционное настроение среди рабочих есть, но оно выражается в длительной работе сознания». Он предположил, что проведение демонстрации исключительно силами солдат позволит партии четко определить, на что она может рассчитывать.

Судя по протоколам, лишь один представитель Невского района — В. Б. Винокуров энергично возражал против демонстрации в любом ее виде. Винокуров утверждал, что в его районе большевики еще слабы, что солдаты не послушают партийцев, но выйдут на демонстрацию по призыву Военной организации. «Можем ли мы, при такой степени влиятельности, брать демонстрацию под свое руководство? — задавал он здравый вопрос.— Куда может вылиться такая демонстрация?»

Стоит отметить, что в дискуссии принимал участие И. В. Сталин, хотя обычно он крайне редко появлялся на заседаниях Петербургского комитета. Выступая за проведение демонстрации, Сталин наглядно показал, как далеко влево ушли его взгляды со времени возвращения в столицу в марте того года. По его словам, уже принятые Временным правительством контрреволюционные меры свидетельствовали о том, что если не бросить ему вызов, то оно вскоре приговорит партию к смерти. Признав, что рабочие не разделяют недовольство

солдат, он заявил: «Мы должны звать массы на борьбу не только тогда, когда настроение кипит, но, раз мы организация, пользующаяся влиянием, наша обязанность будировать настроение массы». В то время когда Временное правительство готовится к наступлению, «мы обязаны дать ему отпор... Наша обязанность организовать эту демонстрацию — смотр нашим силам. При виде вооруженных солдат буржуазия попрячется», — закончил Сталин на высокой ноте.

Гораздо больше осторожности проявил М. П. Томский, член Исполнительной комиссии Петербургского комитета. Его выступление сочетало интерес к демонстрации с изрядной долей реализма и предвидения. По его мнению, главный вопрос заключался не в том, будет ли демонстрация мирной или вооруженной, внушительной или не очень, а в ее последствиях: «Надо ожидать, что Исполнительный Комитет Петроградского Совета Рабочих и Солдатских Депутатов приложит все усилия к тому, чтобы смазать эту демонстрацию, и, прежде всего, постарается повлиять на солдат; и не кончилось бы это аплодисментами по адресу министров. Настроение классового антагонизма так высоко — понаблюдайте в трамваях, — что нельзя предполагать, что демонстрация протечет мирно. Представьте себе, что же может выйти из столкновения сотен тысяч людей, может выйти больше, чем демонстрация. Надо быть сугубо осторожным к этому шагу. Оперирование с настроениями широкой массы есть оперирование с несколькими неизвестными».

Высказав такие опасения, М. Томский настаивал, чтобы Петербургский комитет отложил объявление какого бы то ни было решения до встречи с рядовыми членами партии (то есть до намеченного на 9 июня расширенного заседания). Очевидно, остальные члены Петербургского комитета разделяли его точку зрения, поэтому после завершения дискуссии заседание было прервано без окончательного решения относительно демонстрации.

Петроградская федерация анархистов-коммунистов

До проведения 9 июня заседания большевиков, на котором предполагалось продолжить изучение вопроса о демонстрации, произошел инцидент, подтолкнувший, по прогнозу Володарского, массы к действию. Сам по себе инцидент представлялся незначительным: угроза вы-

дворения анархистов-коммунистов из их штаб-квартиры, находившейся на даче Дурново. Однако он вызвал серьезные беспорядки во взрывоопасном заводском Выборгском районе. Прежде чем приступить к анализу этой кризисной ситуации, хотелось бы сказать несколько слов об анархистах-коммунистах в целом.

Петроградская федерация анархистов-коммунистов была менее рафинированной, более радикальной в тактическом плане и, следовательно, более влиятельной из двух основных анархистских организаций, действовавших в Петрограде летом 1917 г. Другой группой были анархо-синдикалисты¹⁵. Об организации анархистов-коммунистов и ее лидерах известно, по существу, очень немного. Ее вожди выдвинулись на первый план в начале лета 1917 г. Наиболее известные среди них: И. Блейхман — главный представитель анархистов-коммунистов в Петроградском и в Кронштадтском Советах, Аснин — популярный в Кронштадте и 1-м пулеметном полку (убит 19 июня 1917 г.)¹⁶, А. Федоров — член Петроградского Совета, а также П. Павлов и П. Колобушкин, которые сыграли важную роль в организации июльского восстания среди солдат 1-го пулеметного полка.

Программа анархистов-коммунистов была крайне расплывчатой и незамысловатой¹⁷. В брошюре, распространенной ими в начале лета 1917 г., провозглашались немедленный роспуск или отставка всех самодержавных и парламентских правительств, ликвидация капиталистической системы, армии, полиции, всех государственных границ, а также прекращение войны. Здесь же содержался призыв к созданию «совершенно свободного» общества общинного типа без правительства и законов, в котором личная свобода возводится в абсолют, крестьяне владеют землей, а фабрики принадлежат рабочим¹⁸.

Между идеальными обществами анархистов-коммунистов и большевиков существует множество параллелей. Кроме того, их позиции совпадали и по таким насущным вопросам, как продолжение войны, восстановление дисциплины в армии, введение рабочего контроля в промышленности и оппозиция Временному правительству. Случаи взаимной поддержки этих двух партий не были редкостью. Так, В. Н. Залежский, в 1917 г. член Петербургского комитета и Гельсингфорсской партийной организации, вспоминает, что анархисты-коммунисты пользовались огромным влиянием в Кронштадте, однако «фактически анархисты шли не только рука об руку

с большевиками, но скорее за большевиками... Общей платформой, позволившей большевикам работать вместе с анархистами-коммунистами, явилась борьба против Временного правительства и его политики, направленной на укрепление основ буржуазно-капиталистического строя, на сохранение привилегий помещиков и доведение империалистической войны «до победного конца». И большевики, и анархисты боролись за подготовку Октября, т. е. за социалистическую революцию»¹⁹.

Рядовые большевики и анархисты, особенно действовавшие в Петроградском гарнизоне и в Кронштадте, практически ничем не отличались друг от друга²⁰. И все же следует помнить, что между ними существовали не только идеологические различия, но и разногласия практического свойства. Анархисты-коммунисты ставили во главу угла немедленное уничтожение правительства и общества и поэтому придавали мало значения организации и планированию. Большевики же, наоборот, были непосредственно заинтересованы в захвате власти с целью установления диктатуры пролетариата. В отличие от анархистов большевистское руководство (быть может, за некоторым исключением) вполне реалистично думало о будущем, о самосохранении партии и ее роли не только в захвате, но и в удержании власти. На деле это означало, что лидеры большевиков часто были не способны, да и не желали следовать почти полностью безрассудному курсу анархистов-коммунистов.

Современные советские историки, по существу, игнорируют роль анархистов в 1917 г. Возможно, они правы в том, что анархисты были преходящим явлением и не имели будущего (во многом благодаря большевикам после того, как они пришли к власти). Однако было бы несправедливо утверждать, как это делают советские историки, что анархисты вообще не сыграли никакой роли в период существования Временного правительства. Анархисты-коммунисты и большевики соперничали в получении поддержки среди одних и тех же необразованных, угнетенных и недовольных слоев населения. Безусловно, в той крайне нестабильной ситуации в Петрограде летом 1917 г. анархисты-коммунисты, пользующиеся поддержкой на нескольких стратегически важных предприятиях и в полках, были способны влиять на ход событий. На некоторых заводах и в нескольких воинских частях анархисты были настолько популярны, что определяли действия самих большевиков. Так, например, советский ис-

торик П. М. Стулов, описывая несанкционированные действия членов Военной организации в 1-м пулеметном полку накануне июльских событий, вполне справедливо заявляет, что «левизна в агитации будет еще более понятна, если мы примем во внимание, что значительным влиянием пользовались в полку анархисты... И. Блейхман, Асин (так в тексте.— А. Р.), многие другие анархисты-рабочие явились такими же завсегдатаями полка, как и большевики. Они создавали, таким образом, постоянную политическую конкуренцию большевикам своими безответственными речами против государственной власти вообще, проповедью немедленной экспроприации капитала, банков и т. д.— масса солдат в своей классовой ненависти хваталась за эти лозунги и слушать что-либо более умеренное просто не желала. Руководители же [большевистские], не желая отставать от массы, делали не совсем правильные тактические шаги»²¹.

Первая кризисная ситуация вокруг дачи Дурново²²

Штаб-квартирой Петроградской федерации анархистов-коммунистов служила дача Дурново, расположенная в Выборгском районе. Бывшая летняя резиденция генерала П. Н. Дурново, одного из сановников при Николае II, была захвачена революционными войсками после падения монархии. Вскоре после Февральской революции анархисты стали проводить на даче свои ежедневные заседания и лекции, наладили также постоянный выпуск зажигательных листовок и газет²³. Летом, помимо анархистов, на даче разместились районный профсоюз булочников, одна из групп эсеров-максималистов и находившаяся под влиянием большевиков и анархистов организация, называвшая себя Советом петроградской рабочей милиции. Территория вокруг дачи использовалась окрестными жителями как парк и игровая площадка.

Впервые анархисты-коммунисты всерьез заявили о себе в начале июня, когда они неожиданно попытались при помощи силы обзавестись первоклассным печатным станком. 5 июня 80 анархистов-коммунистов (вполне вероятно, во главе с Асинным), вооруженные винтовками, бомбами и пулеметом, захватили печатный станок правой газеты «Русская воля». На следующий день две роты заставили их расстаться со своей добычей, однако на

этом история не закончилась. 7 июня министр юстиции П. Н. Перверзев решил раз и навсегда устранить угрозу общественному порядку, исходившую из анархистского гнезда на даче Дурново. Он издал приказ анархистам-коммунистам освободить дачу в 24 часа. Однако те отказались его выполнять и обратились за помощью к солдатам и рабочим Выборгского района. На следующий день забастовали тысячи рабочих, встали 28 заводов²⁴, а по заводским районам прошло несколько небольших вооруженных демонстраций. Параллельно анархисты-коммунисты, усиленные пятьюдесятью прибывшими из Кронштадта вооруженными матросами²⁵, приготовились к защите своего штаба.

Казавшееся неизбежным столкновение было предотвращено вмешательством Бюро Исполкома Петроградского Совета. По его решению от 8 июня Л. Д. Соколову было дано задание просить министра юстиции на время отменить ультиматум²⁶. Кроме того, заслушав протесты нескольких делегаций выборгских рабочих, Бюро поручило Л. Д. Соколову и И. П. Гольденбергу составить проект возвания к рабочим вернуться к станкам. Это воззвание также подтверждало неприятие Советом самовольного захвата общественной и частной собственности и непозволительность проведения вооруженных демонстраций без его (Совета) ведома. Соответствующая резолюция была напечатана в «Известиях» 9 июня.

Всероссийский съезд Советов разбирал кризис в Выборгском районе на вечернем заседании 8 июня. Были заслушаны отчет о сложившейся ситуации Исполкома Петроградского Совета и дополнительный доклад А. Р. Гоца и В. А. Анисимова, которые только что вернулись после переговоров с руководством анархистов-коммунистов. Гоц, один из видных эсеров, доложил, что, кроме сохранения за собой штаб-квартиры, анархисты-коммунисты требуют освобождения всех арестованных после Февральской революции социалистов и анархистов независимо от совершенных ими преступлений, а также конфискации и передачи анархистам и социалистам трех самых мощных печатных станков, принадлежавших газетам «Новое время», «Русская воля» и «Речь»²⁷. В конце своего выступления меньшевик Е. П. Гегечкори предложил принять резолюцию, созвучную с принятой уже резолюцией Бюро Исполкома Петроградского Совета, призывавшую рабочих вернуться на свои места и подтверждавшую неприемлемость вооруженных демонстраций

без специальной санкции Петроградского Совета. Она была принята значительным большинством, несмотря на возражения Каменева (от большевиков) и Луначарского, представителя Межрайонного комитета — социал-демократической организации, возглавляемой Троцким, которая слилась с партией большевиков на VI съезде РСДРП(б). Было также принято предложение Луначарского отложить выселение анархистов до проведения расследования съездом правомочности такого шага.

В мемуарах лидера меньшевиков И. Г. Церетели беспорядкам в рабочих кварталах и особенно неспособности съезда и правительства предпринять эффективные шаги против неожиданной активности анархистов-коммунистов уделяется много внимания. «Нерешительность, проявленная съездом и правительством в деле анархистов,— пишет он,— ободрила большевистский Центральный Комитет, а волнения на Выборгской стороне увеличили напряжение в столице»²⁸.

Петроградские большевики готовятся к демонстрации

Для большевистской партийной организации, которая, как мы уже увидели, всерьез изучала возможность проведения массового марша протеста против политики Временного правительства, неожиданная вспышка спровоцированных анархистами беспорядков была только на руку. Действительно, ситуация внезапно стала настолько благоприятной, что совместное заседание ЦК, ПК и Военной организации с представителями полков, профсоюзов и заводов, ранее намеченное на 9 июня, было поспешно перенесено на вечер 8-го. На нем единодушно приняли решение о необходимости использовать преобладающие среди масс настроения для организации понастоящему внушительной демонстрации с участием рабочих и солдат²⁹. Официального протокола этой важной встречи опубликовано не было, однако ее содержание (причем достоверность подтверждается рядом других источников) хорошо передается в увидевшем свет варианте интересных дневников лидера большевиков Выборгского района М. И. Лациса³⁰.

Заседание 8 июня началось отчетами представителей заводов и гарнизона о настроении масс применительно к возможности проведения многочисленной демонстра-

ции³¹. Представители Военной организации заверили присутствовавших в полной поддержке со стороны нескольких частей гарнизона, хотя даже в тот момент существовали разногласия по поводу перспективы привлечения большого числа рабочих³². По свидетельству Лациса, на голосование было поставлено три вопроса: 1 — настроены ли массы, чтобы выйти на улицы; 2 — выйдут ли массы на улицы, увидев оппозицию со стороны Совета; 3 — следует ли проводить демонстрацию вообще? Лацис сообщает, что первое и второе предложения были приняты соответственно 58 — за, 37 — против, 52 — воздержались и 47 — 42 — 80. По третьему вопросу «за» было подавляющее большинство — 131 — 6 — 22. Таким образом, получилось, что значительное число большевиков поддерживало проведение демонстрации, несмотря на сомнительную готовность масс «выйти на улицы» и неопределенность по поводу стремления рабочих выйти на демонстрацию против воли Совета.

Вскоре после этого расширенного заседания (в его работе участвовали три представителя Исполнительной комиссии Петербургского комитета) ЦК РСДРП(б) принял официальное решение приступить к организации массовой демонстрации рабочих и солдат, которая была намечена на 14. 00 в субботу 10 июня³³. На подготовку и координацию действий оставалось очень мало времени — всего полтора дня. Эти задачи возлагались совместно на Исполнительную комиссию и Военную организацию³⁴. Предложения по лозунгам были сделаны на заседаниях 6 и 8 июня. Кроме того, было необходимо разработать меры безопасности, выбрать пункты сбора и маршруты, составить соответствующие воззвания и передать их партийным функционерам в районах и воинских частях, изготовить и раздать плакаты и знамена. Эта работа началась поздним вечером 8 июня и была продолжена на следующий день. По общему согласию все мероприятия осуществлялись по возможности скрытно, поэтому о запланированной демонстрации не появилось ни единого намека в вышедших 9 июня газетах «Правда», «Солдатская правда» и «Голос правды».

В соответствии с планом, разработанным Исполнительной комиссией и Военной организацией, первые объявления о демонстрации должны были появиться в большевистской печати только утром в день ее проведения. В «Правде» должно было быть напечатано общее воззвание о необходимости принять участие в марше протеста от имени Центрального Комитета, Военной организации и Петербургского комитета. Более детальные инструкции

для промышленных предприятий и полков предполагалось напечатать в «Солдатской правде». Именно поэтому ее номер от 10 июня представляет особый интерес как с точки зрения характера призывов большевиков, так и в части конкретных планов и подготовки к демонстрации.

Этот номер «Солдатской правды» почти целиком заполнен разъяснениями и инструкциями относительно запланированного марша. В объявлении на первой странице аршинными буквами сообщалось: «В 2 часа дня назначена мирная демонстрация протеста против явно усиливающихся контрреволюционных попыток Миллюкова, Родзянко и Керенского. В демонстрации примет участие сознательная и организованная часть войск и рабочих». Далее следовал призыв поддержать демонстрацию всеми силами: «Товарищи! Кто за братство народов, кто за ясную и честную демократическую политику для окончания войны, кто против капиталистов, устраивающих стачки и заставляющих голодать население,— все, кто против урезывания прав солдат и матросов, кто против буржуазной травли,— все идите выразить свой протест».

Это обращение на первой странице, а также передовая статья, написанная от имени Военной организации, свидетельствуют о характере большевистских призывов. Они вобрали в себя все причины массового недовольства в столице, сведя их в одну броскую фразу и взвалив вину за все трудности на «алчных капиталистов и землевладельцев», которые якобы полностью контролировали коалиционное Временное правительство. В передовице содержался также намек на то, что активизировавшаяся переброска войск гарнизона (вызванная, по крайней мере отчасти, необходимостью усилить запланированное наступление) представляет собой не что иное, как попытку ослабить или даже свести на нет революционный порыв солдат ³⁵, а «капиталисты и землевладельцы» уже замышляют отобрать у рабочих «все завоевания социализма». Передовая статья одновременно требовала и приглашала: «Страна устала ждать, рабочие и солдаты требуют ответа на коренные вопросы своей бедственной жизни.

И так как ответов не будет дотоле, доколе нами управляют капиталисты и землевладельцы, мы требуем, чтобы вся власть была в наших Советах рабочих и солдатских депутатов, чтобы скорей была окончена война, чтобы были отменены каторжные приказы, декларации бесправия и чтобы капиталисты ушли со своих министерских кресел.

Мы протестуем против переформирования полков и приглашаем всех товарищей присоединиться к нашему протесту, призываем к мирной демонстрации в субботу в два часа дня всех солдат и рабочих».

Передовая заканчивалась лозунгом «Война до победоносного конца против капиталистов!».

В этом же номере «Солдатской правды» содержались подробные инструкции по поводу маршрутов и порядка прохождения для всех участников демонстрации. Директивы эти представляют интерес для историка, так как они показывают, насколько тщательно была спланирована вся акция и какое значение придавалось соображениям безопасности. Все группы гражданских лиц должны были находиться под защитой вооруженных частей гарнизона. Так, например, порядок прохождения с Марсового поля, одного из трех пунктов сбора, был следующим: (1) броневой автомобильный дивизион, (2) 1-й пулеметный полк, (3) Павловский полк, (4) Исполнительная комиссия, Петербургский комитет и Выборгский район, (5) Московский полк, (6) Петроградский район, (7) Гренадерский полк, (8) Пороховский район, (9) Литейный район, (10) 1-й пехотный запасный полк.

Весь день 9 июня петроградские большевики проводили агитационные и организационные собрания. Несмотря на то что некоторые воинские части и предприятия отвергли предложенные большевиками резолюции о демонстрации³⁶, по-видимому, в целом призыв большевиков нашел отклик в сердцах людей, поскольку многие тысячи рабочих и солдат были готовы принять в ней участие. Главным лозунгом демонстрации была передача власти эсеро-меньшевицким Советам, а не партии большевиков, поэтому в движение оказались вовлеченными даже представители умеренных социалистических партий.

Среди наиболее важных организационных мероприятий 9 июня можно отметить проведенную в конце дня встречу Выборгского районного комитета с представителями 28 выборгских заводов и четырех размещенных в этом районе воинских частей, а также заседание Военной организации по месту расквартирования Измайловского полка, которое состоялось примерно в то же время. На обеих встречах была выражена единодушная поддержка демонстрации. Интересно отметить, что, судя по отчетам об этих мероприятиях, Выборгский районный комитет и некоторые группировки Военной организации надеялись, что демонстрация перерастет в решительное

сражение, и вели приготовления с учетом такой возможности. На собрании в Выборгском районе представители 1-го пулеметного, Московского и 1-го пехотного запасного полков дружно заявили, что не выйдут на демонстрацию без оружия, невзирая на пожелания партийного руководства. Даже заводские представители объявили о намерении рабочих захватить с собой имеющееся у них оружие (которого, вероятно, было достаточно, чтобы вооружить небольшую армию!), то есть целиком и полностью встали на позицию М. И. Лациса ³⁷. Такие же настроения преобладали и в Кронштадте. И. П. Флеровский вспоминал, что в ночь с 9 на 10 июня на военноморской базе практически никто не спал; матросы «чистили оружие, спокойно беседовали друг с другом и ждали утра» ³⁸.

Хотя большевики и предвидели, что лидеры Совета будут выступать против демонстрации, можно было ожидать поддержки со стороны Межрайонного комитета и анархистов-коммунистов. Поэтому вызывает некоторое удивление тот факт, что Межрайонный комитет был проинформирован о планах большевиков, когда приготовления уже были в разгаре. Большевики заручились содействием со стороны организации Троцкого только на собрании, состоявшемся днем 9 июня. Тогда же делегация Межрайонной организации на съезде Советов по настоянию Троцкого и несмотря на возражения Луначарского проголосовала за участие в демонстрации ³⁹.

Анархисты-коммунисты, безусловно, были готовы принять участие в любых действиях, направленных против Временного правительства. По некоторым данным, днем и вечером 9 июня на даче Дурново было проведено заседание с участием 123 представителей рабочих и солдат ⁴⁰. На нем анархистами-коммунистами был образован орган, названный «Временный революционный комитет». Этот комитет, несомненно, имел отношение к планам следующего дня, хотя его истинную роль в организации и проведении демонстрации определить трудно. Имеются свидетельства, что на сходках на даче Дурново присутствовали некоторые большевики, однако связь между этими собраниями и действиями Петербургского комитета и Военной организации далеко не ясна ⁴¹. Некоторые указания относительно демонстрации, увидевшие свет 9 июня, были разработаны в штаб-квартире коммунистов-анархистов. Так, призыв к кронштадтцам присоединиться к демонстрации был подписан М. Н.

Гавриловым, который якобы являлся руководителем Временного революционного комитета анархистов-коммунистов. В обращении Гаврилова говорилось: «Конференция от представителей революционных рабочих и солдат. Шлем горячий братский привет... тов[арищам] кронштадтцам, и извещаем их, что завтра, 10 июня, в 2 часа дня революционный Петроград выйдет на улицу, чтоб вместе с тов[арищами] кронштадтцами предъявить свои требования Временному правительству и буржуазии»⁴². Со своей стороны официальная организация большевиков направила параллельные уведомления непосредственно в партийные комитеты, почти все — за подписью секретаря Петербургского комитета Г. И. Бокия⁴³.

Днем 9 июня большевистские листовки, призывавшие к массовой демонстрации (текст их был составлен Сталиным), стали появляться в казармах и рабочих кварталах города⁴⁴. Завершались они призывом: «Товарищи! Молча терпеть дольше такие порядки нельзя! Молчать после всего этого преступно!.. Рабочие! Присоединяйтесь к солдатам и поддержите их справедливые требования... Все на улицы, товарищи!»

Среди лозунгов, предлагаемых демонстрантам, были следующие: «Долой царскую Думу!»⁴⁵, «Долой 10 министров-капиталистов!», «Вся власть Советам рабочих, солдатских и крестьянских депутатов!», «Пересмотреть декларацию прав солдата!», «Отменить приказы против солдат и матросов!», «Долой войну!»⁴⁶

Съезд Советов выступает против демонстрации 10 июня⁴⁷

Тревожные слухи о быстро нарастающем уличном движении начали поступать в штаб-квартиру Исполкома Петроградского Совета примерно в три часа дня 9 июня. В течение часа эта информация нашла свое подтверждение и зловещие новости были доложены Временному правительству и Президиуму Всероссийского съезда Советов. Временное правительство незамедлительно обратилось к населению с призывом к порядку и предупредило, что «любое насилие встретит противодействие всех сил, находящихся в распоряжении правительства»⁴⁸. К вечеру по всему городу были расставлены военные патрули.

У членов Исполкома и Президиума съезда неожидан-

ная перспектива проведения массового вооруженного марша протеста под предводительством большевиков и анархистов против Временного правительства вызывала не меньшее беспокойство, чем у самого правительства. Буквально накануне Всероссийский съезд Советов подавляющим большинством проголосовал в поддержку правительства Львова. Теперь же большевики и анархисты открыто призывали рабочих и солдат столицы аннулировать это решение ⁴⁹. Съезд однозначно запретил проведение вооруженных демонстраций в любом виде без санкции Петроградского Совета. А в ответ большевики в союзе с анархистами открыто и дерзко бросали вызов полномочиям Совета издавать такие распоряжения.

Хотя многие лидеры Совета, по воспоминаниям Церетели, считали, что, даже если при существующем соотношении сил попытка большевистского переворота не имеет шансов на успех, нельзя не принимать во внимание еще одно не менее важное соображение: «Мы знали, что, если бы на улицах Петрограда появились многочисленные толпы вооруженных солдат и рабочих с требованием перехода власти к Советам, это неминуемо должно было вызвать кровавые столкновения. Прямым последствием этого выступления были бы трупы на улицах Петрограда, дискредитация демократии, не сумевшей предохранить революционную столицу от таких потрясений, и усиление контрреволюционных течений в стране. Надо было во что бы то ни стало предотвратить готовившееся выступление» ⁵⁰. Отчасти о том же самом говорили на заседании Петербургского комитета 6 июня Томский и Винокуров.

В силу этих обстоятельств Исполком, не мешкая, принял решение сделать все возможное, чтобы демонстрация не состоялась. Была создана комиссия из семи человек, которая совместно с Президиумом съезда должна была разработать методы нейтрализации возникшего движения ⁵¹. Примерно в это же время Чхеидзе, Гоц, Дан и Церетели от Президиума съезда занялись подготовкой обращения к народу в целях восстановления порядка и предложения о введении чрезвычайного положения для рассмотрения на вечернем заседании съезда ⁵².

Тем временем в особняке Кшесинской полным ходом велись приготовления к предстоящему выступлению. Сообщения из районов вселяли оптимизм. Подготовка к демонстрации шла успешно не только в Петрограде, но и в близлежащих окрестностях. Правда, были и не столь приятные известия. Постепенно становилось ясно, что

большевики могут оказаться не в состоянии помешать рабочим и солдатам выйти на улицы вооруженными до зубов и предотвратить открытую конфронтацию. Кроме того, стала известна бескомпромиссная позиция Советов и резко отрицательная реакция даже со стороны большевистской делегации на съезде, которая не была посвящена в планы своего собственного Центрального Комитета⁵³. И наконец, появились явно необоснованные слухи, что якобы по приказу Керенского для подавления демонстрации в столицу идут войска⁵⁴.

В 8. 30 вечера Зиновьев, Ногин и Каменев, которые с самого начала выступали против демонстрации, вернулись с заседания съезда в штаб большевиков и потребовали немедленного проведения совместной встречи ЦК, Исполнительной комиссии ПК и Военной организации, чтобы пересмотреть вопрос о демонстрации в связи с негативной реакцией со стороны Совета. Тем временем остальные лидеры делегации большевиков на съезде и представлявший Межрайонный комитет Луначарский делали все, чтобы не позволить съезду предпринять какие-либо действия против демонстрации, надеясь, что ЦК сам отменит ее. Вскоре после этого в штаб-квартире Петербургского комитета встретились шесть членов Центрального Комитета (Ленин, Ногин, Каменев, Смилга, Зиновьев, а также Свердлов или Сталин), шесть членов Петербургского комитета (в том числе Лацис, Томский, Слуцкий, Бокий и Володарский) и два члена Военной организации (скорее всего, Невский и Подвойский). После обсуждения сложившейся ситуации вопрос об отмене демонстрации был поставлен на голосование. В результате четырнадцать из шестнадцати собравшихся, включая Зиновьева, высказались за проведение демонстрации⁵⁵.

По всей видимости, даже на этом заседании необычайно важный вопрос об оружии достаточно серьезно не был рассмотрен. По словам Лациса, его, как и прежде, «замяли», хотя Смилга и требовал, чтобы «партия не отвергала возможности захвата почтамта, телеграфа и арсенала в случае вооруженных столкновений». Судя по дневникам Лациса, он не считал эту идею неприемлемой. Он пишет, что «не мог примириться с мнением большинства», очевидно, в отношении окончательных целей демонстрации и вместе с Семашко, фактическим командиром мощного 1-го пулеметного полка, и Рахьей, одним из наиболее радикальных членов Петербургского комитета,

пришел к выводу, что демонстрация обязательно должна быть вооруженной с участием 1-го пулеметного полка, причем, в случае необходимости, надо быть готовым к захвату железнодорожных вокзалов, арсеналов, банков, почтамта и телеграфа ⁵⁶. Следует отметить, что свидетельства о санкционировании этих планов Центральным Комитетом, Исполнительной комиссией или даже Военной организацией отсутствуют. В «Истории русской революции», полемизируя с Сухановым ⁵⁷, Троцкий утверждает, что лишь «отдельные большевики, которые, используя ленинскую терминологию, ушли «чутьючку левее», рассматривали запланированную демонстрацию как средство захвата власти» ⁵⁸. Из-за отсутствия надежных данных противоположного содержания историк вынужден принять имеющуюся интерпретацию. Обсуждение вопроса о демонстрации полным составом съезда Советов началось на вечернем заседании 9 июня. К этому времени Президиум уже утвердил обращение к населению, а делегаты съезда были направлены в рабочие кварталы и казармы, чтобы прояснить ситуацию и попытаться поставить заслон большевистской пропаганде. На заседании съезда Гегечкори, зачитав полный текст составленной Сталиным листовки, призывавшей рабочих и солдат выйти на улицы, предложил принять обращение к массам, которое, в частности, гласило:

«Товарищи солдаты и рабочие!

Партия большевиков зовет вас на улицу.

Без ведома Совета рабочих и солдатских депутатов, без ведома Всероссийского съезда, без ведома Совета крестьянских депутатов и всех социалистических партий делается этот призыв. Он раздался как раз в тот тревожный момент, когда Всероссийский съезд призвал товарищей — рабочих Выборгского района помнить, что демонстрации в эти дни могут повредить делу революции...

Не делайте того, к чему вас зовут!

В этот тревожный момент вас зовут на улицу для предъявления требования низвержения Временного правительства, поддержку которого Всероссийский съезд только что признал необходимой.

И те, кто вас зовут, не могут не знать, что из вашей мирной демонстрации могут возникнуть кровавые беспорядки...

Товарищи!

От имени всех Советов рабочих и солдатских депутатов, от имени Совета крестьянских депутатов,

действующих армий и социалистических партий мы говорим вам:

Ни одной роты, ни одного полка, ни одной группы рабочих не должно быть на улице!

Ни одной демонстрации сегодня!..»

Большевики и межрайонцы отказались голосовать по данному обращению, остальными оно было принято единогласно. После непродолжительных прений съезд принял также предложенную Чхеидзе резолюцию о запрещении всех демонстраций сроком на три дня и создании совместного комитета Петроградского Совета и Всероссийского съезда (бюро по противодействию демонстрации) для пресечения любых попыток большевиков и анархистов продолжать свои приготовления. Приняв эти меры, съезд прервал свою работу, и делегаты перешли из здания Кадетского корпуса в Таврический дворец, который был оборудован более совершенными средствами связи ⁵⁹.

Центральный Комитет отменяет демонстрацию

Вскоре после этого ЦК РСДРП(б) дал обратный ход и решил отменить демонстрацию. Историческая литература 20-х годов и периода после смерти Сталина позволяет достаточно достоверно реконструировать ту любопытную и поистине критическую с исторической точки зрения ситуацию, в которой было принято решение об изменении тактики большевиков (и Церетели, и Ленин считали его шагом назад) ⁶⁰.

Как уже отмечалось, против демонстрации выступила на съезде группа большевиков, которая не была посвящена в планы своей собственной партии либо по соображениям конспирации, либо в силу почти невероятной оплошности. Как только известия о демонстрации стали общим достоянием, эта группа собралась на экстренное совещание, которое вылилось в бурную дискуссию относительно дальнейших действий. Ногин и, вероятно, Каменев выдвинули резолюцию, предлагавшую оказать давление на Центральный Комитет в пользу отмены демонстрации ⁶¹. Большинство делегатов было возмущено тем, что ЦК не поставил их в известность ⁶². Они также понимали, что в сложившейся обстановке демонстрация могла привести не более чем к выводу партии из состава Совета и, следовательно, к ее полной полити-

ческой изоляции, а такую перспективу никак нельзя было считать привлекательной. В результате предложение было беспрепятственно принято, а Ногин и Каменев, как уже говорилось выше, вооруженные мандатом, предприняли безуспешную попытку заставить руководство партии пересмотреть свою позицию.

Около двух часов ночи 10 июня, вскоре после объявления перерыва в работе съезда, Ленин, Зиновьев и Свердлов встретились с большевистской фракцией в Совете и еще раз выслушали доводы Ногина и Каменева против проведения демонстрации. Вопрос об отмене демонстрации снова был поставлен на голосование, однако на этот раз в нем участвовали только пять членов Центрального Комитета, тогда как представители Петербургского комитета и Военной организации отсутствовали. В результате за отмену демонстрации были поданы три голоса (Зиновьев на этот раз встал на сторону Каменева и Ногина), а Ленин и Свердлов воздержались⁶³. Поступок Ленина, хотя с процедурной точки зрения он только воздержался, следует интерпретировать как сознательное отступление, что он лично и признал на состоявшемся на следующий день заседании Петербургского комитета⁶⁴. Безусловно, стоило ему только пожелать, и это заключительное и некорректно проведенное голосование во время ночной встречи с делегацией в Совете не состоялось бы вообще. Подойдя к последней черте, Ленин заколебался и отступил⁶⁵.

Известие об отмене демонстрации быстро дошло до членов Петербургского комитета, Военной организации и прочих низовых гражданских и гарнизонных организаций большевиков. Оно было направлено также собравшимся на даче Дурново анархистам-коммунистам⁶⁶. Петроградские большевики, многие из которых подвергли Центральный Комитет резкой критике за изменение решения спустя всего 11 часов после его принятия, теперь принялись тушить пожар, который ранее помогали раздувать. Ранним утром 10 июня большевики присоединились к делегатам Совета и съезда, рассеявшимся по заводам и воинским частям, для разъяснения позиции съезда по вопросу о демонстрации и предотвращения возможных вспышек любого рода в назначенный час.

Примерно в три часа утра в редакции «Правды» и «Советской правды» по телефону поступил приказ остановить подготовку и распространение «призывных» материалов. В «Правде» намечавшийся для опубликования призыв

к выходу на демонстрацию был немедленно заменен на объявление об отмене демонстрации, и на улицы не попал ни один из первоначальных вариантов газеты. Не совсем ясно, что произошло в редакции «Солдатской правды», которая уже выпустила в свет несколько тысяч экземпляров до замены первого выпуска газеты одностраничным листком, объявившим об отмене манифестаций. Не вызывает сомнения тот факт, что между телефонным распоряжением об отмене демонстрации и исполнением его редакцией газеты прошло не менее двух часов; и это позволяет предположить, что редакция сначала или не поверила в его достоверность, или отказалась его исполнять⁶⁷. Наутро, когда второй одностраничный номер «Солдатской правды» был наконец роздан в войсках гарнизона, читатели увидели, что Военная организация намеренно освобождается от ответственности за принятое решение:

«Ко всем трудящимся, ко всем рабочим и солдатам Петрограда.

Ввиду того что съезд Советов рабочих и солдатских депутатов, к которому присоединился Исполнительный комитет Совета крестьянских депутатов, запретил всякие, даже мирные, демонстрации на три дня, *Центральный Комитет РСДРП(б)* постановляет: отменить назначенную им на 2 ч. дня в субботу демонстрацию. Центральный Комитет призывает всех членов партии и всех сочувствующих ей провести это постановление в жизнь» (курсив мой.— А. Р.).

Существуют разные оценки реакции петроградских масс на отмену демонстрации⁶⁸. Тем не менее очевидно, что, несмотря на согласие большинства заводов и полков отказаться от намеченных планов, очень многие не понимали или не разделяли позиции съезда. «Целую ночь напролет большинство съезда,— сообщается корреспондентом-меньшевиком в газете «Известия» Московского Совета,— свыше 500 членов его не смыкали глаз, разбившись на десятки, расходились по фабрикам и заводам и воинским частям Петрограда, призывая к воздержанию от демонстрации... Съезд в значительной части фабрик и заводов, а также некоторой части гарнизона авторитетом не пользуется... Членов съезда встречали очень часто далеко не дружелюбно, порой враждебно и нередко провожали злобно»⁶⁹. На некоторых заводах и в полках были приняты резолюции, в которых подчеркивалось, что рабочие и солдаты готовы выполнять волю партии

большевиков, а не съезда или Временного правительства⁷⁰, а на некоторых митингах объектом презрения стало уже и большевистское руководство. Как отмечается в дневнике М. И. Лациса и как он доложил Петербургскому комитету, в некоторых случаях рядовые большевики с негодованием рвали свои партийные билеты⁷¹.

По-видимому, реакция на отмену демонстрации была наиболее враждебной в тех радикально настроенных полках, которые были зачинателями уличного движения, а также в Кронштадте, где разочарование Временным правительством и Советом было особенно глубоким. Так, сообщалось, что контролировавший 1-й пулеметный полк Семашко выступил с публичными нападками на членов одной из делегаций Совета, назвав их «лжецами, которые пришли мучить солдат», а солдаты тем временем утверждали, что они в любом случае «через несколько дней выйдут на улицы, чтобы сокрушить буржуазию»⁷². Известный кронштадтский большевик И. П. Флеровский также вспоминает, что известие об отмене демонстрации было встречено в Кронштадте с недоверием и яростью, а часы, пережитые им сразу после его получения, были «наиболее трагичными во всей жизни»⁷³. На VI съезде РСДРП(б) он же заявил, что только «нечеловеческими усилиями» ему удалось удержать матросов от выезда в Петроград и от реализации призывов анархистов-коммунистов (а также некоторых недисциплинированных большевиков)⁷⁴. Вероятно, Флеровскому удалось успокоить нетерпеливых матросов только предложением отправить в Петроград делегацию в составе 200 человек «для выяснения обстановки».

Недовольство, преобладавшее среди кронштадтцев в то время, нашло отражение в материалах газет, вышедших 11 июня.

«В настоящий момент,— писали «Известия Кронштадтского Совета»,— Кронштадтский Совет посылает делегацию для осведомления положения дел в Петрограде... Кронштадтский Совет рабочих и солдатских депутатов призывает все воинские части и всех кронштадтских рабочих не делать неорганизованных вооруженных выступлений без ведома Совета. Без подписей Президиума и печати Исполнительного комитета Совета рабочих и солдатских депутатов и справки в Исполнительном комитете требование о выступлении не исполнять».

Одновременно Исполком Кронштадтского Совета отдал приказ об инвентаризации всего имеющегося

в крепости огнестрельного оружия и его передаче недостаточно вооруженным частям, причем остаток должен был поступить в распоряжение партийной организации на случай непредвиденных обстоятельств. В «Голосе правды» от 11 июня объявлялось о проведении в тот же день обязательного для всех большевиков собрания (для заслушивания представителя ЦК Смилги с разъяснениями по поводу отмены демонстрации). В газете также говорилось:

«Кронштадтский комитет РСДРП(б) призывает товарищей к сохранению полного спокойствия и выдержке. Только тогда возможна победа, когда мы будем выступать организовано, вместе со всей революционной демократией. Всякие выступления в одиночку на руку контрреволюции.

Не поддавайтесь на провокацию буржуазии, в интересах которой вызвать преждевременное выступление и залить его потоками крови. Не слушайте отдельных лиц. Слушайте только призывы революционных организаций. Победа только за теми, кто сохраняет выдержку и революционную дисциплину»⁷⁵.

Съезд Советов и проблема большевиков

После того как угроза демонстрации против коалиционного правительства исчезла, перед съездом Советов остро встал вопрос о дальнейшей политике в отношении большевиков. События 10 июня показали, что цели большевиков и большинства съезда разделяет огромная пропасть и что существующая на тот момент нестабильная обстановка чревата опасностью слева. Тем не менее по такому сверхважному вопросу, как устранение большевистско-анархистской угрозы, среди социалистических лидеров не было единого мнения. Как вспоминает И. Г. Церетели, это был первый случай, когда дискуссии внутри эсеро-меньшевистского руководства Совета переросли в серьезные политические разногласия⁷⁶. Попросту говоря, верхушка съезда разделилась на тех, кто рассматривал события 10 июня как поворотный момент революции и выступал за принятие решительных действий против большевиков, пока не слишком поздно, и на тех, кто склонялся к принижению большевистской угрозы или по крайней мере не желал предпринимать поспешных акций против Ленина и его последователей.

Эти две точки зрения впервые проявились 11 июня на заседании специальной комиссии меньшевиков и эсеров, которая должна была разработать методы устранения

угроз, подобных только что пережитой⁷⁷. Среди членов комиссии разгорелся ожесточенный спор по поводу утверждения Церетели, что сорванная демонстрация 10 июня была поворотной точкой большевистской стратегии, что борьба перешла из области пропаганды в открытую вооруженную борьбу за власть и, следовательно, единственно правильной мерой будет разоружение полков и воинских частей Красной гвардии, находящихся под влиянием большевиков. «Мы уже не можем удовлетвориться одной идейной борьбой с большевизмом и словесным запрещением вооруженных выступлений,— заявлял Церетели,— но должны вместе с тем принять практическую меру, лишаящую их возможности вооруженных нападений на демократический строй». Церетели поддержали А. Р. Гоц, М. И. Либер и К. М. Ермолаев; резко против выступили Ф. И. Дан, Б. О. Богданов и Л. М. Хинчук, которые считали, что такие решительные меры противоречат настроениям «революционной демократии» и будут большевикам только на руку. Они настаивали на том, чтобы публично осудить планы большевиков о проведении демонстрации, а на будущее запретить стихийные вооруженные демонстрации вообще. Такие ограниченные меры были поддержаны большинством членов комиссии, но Церетели не сдавался.

Разногласия вспыхнули с новой силой на специальном закрытом заседании представителей всех фракций съезда, состоявшемся около 17 часов 11 июня с той же целью — выработать линию в отношении большевиков. Сразу после его открытия была оглашена резолюция Дана, предлагавшая утвердить уже одобренное решение комиссии, то есть осудить большевиков и запретить вооруженные демонстрации в будущем. В ней подчеркивалось, что партии, не желающие подчиняться этому решению, поставят себя вне демократии и им не будет позволено оставаться в Совете⁷⁸. Вскоре после выступления Дана для разъяснения позиции большевиков был вызван Каменев (ввиду отсутствия Ленина). На вопрос о подоплеке демонстрации он ответил, что в начале предыдущей недели признаки массового недовольства были настолько очевидны, что руководство большевиков приняло решение о проведении демонстрации. «О чем шум? — спрашивал Каменев.— Была намечена мирная демонстрация, лозунгов о захвате власти не было. Единственным практическим лозунгом был «Вся власть Советам!», а демонстрация была отменена сразу, как только об этом

попросил Съезд» ⁷⁹. О том, что произошло потом, читаем в «Правде» за 13 июня:

«Церетели предоставляется слово вне очереди. С первых же слов чувствуется, что Церетели скажет нечто необычное. Он бледен, как полотно, сильно волнуется. В зале воцаряется напряженное молчание.

— Резолюция Дана негодна. Теперь не такие резолюции нужны,— говорит Церетели, пренебрежительно отмахиваясь рукой,— то, что произошло, является не чем иным, как заговором, заговором для низвержения правительства и захвата власти большевиками, которые знают, что другим путем эта власть им никогда не достанется. Заговор был обезврежен в момент, когда мы его раскрыли. Но завтра он может повториться... Оружие критики сменяется критикой с помощью оружия. Пусть же извинят нас большевики,— теперь мы перейдем к другим мерам борьбы. У тех революционеров, которые не умеют достойно держать в своих руках оружие, нужно это оружие отнять. Большевиков надо обезоружить. Нельзя оставить в их руках те слишком большие технические средства, которые они до сих пор имели. Нельзя оставить в их руках пулеметов и оружия. Заговоров мы не допустим...

Волнение в зале все больше и больше увеличивается. С одним из присутствующих офицеров делается истерический припадок.

— Господин министр, если вы не бросаете слов на ветер, вы не имеете права ограничиваться речью, арестуйте меня и судите за заговор против революции,— заявляет Каменев. Большевики покидают собрание. Напряжение достигает высшей точки» ⁸⁰.

После ухода большевиков разгорелись жаркие дебаты по выступлению Церетели ⁸¹. Член левой группы меньшевиков-интернационалистов Н. Н. Суханов, член Межрайонного комитета А. В. Луначарский, эсер С. Саакьян, трудовик П. В. Бронзов, меньшевик Л. Г. Шапиро и лидер меньшевиков-интернационалистов Ю. О. Мартов выступили против предложений Церетели. Суханов критиковал Церетели, исходя из того, что неопровержимые доказательства антиправительственного заговора отсутствуют. Луначарский защищал большевиков, утверждая, что планировалась не более чем мирная демонстрация. «Большевики,— говорил он,— всегда были против бланкистских заговоров». Как и другие, Луначарский соглашался, что попытка разоружить большевиков приведет

только к отчуждению масс, которые будут рассматривать этот шаг как контрреволюционный. Саакьян и Бронзов предполагали, что в ряды демонстрации затесались представители «черной сотни» и поэтому она выглядела более неприглядной, чем была на самом деле. Саакьян требовал, чтобы съезд проявил инициативу в достижении с большевиками мирного соглашения.

Мартов осудил план Церетели, сказав, что он разрушит саму основу российской свободной демократической системы. «Здесь много говорят об авантюризме большевиков,— заметил он.— Но не забывайте, что вы имеете дело не с кучкой большевиков, а с громадной массой рабочих, которые стоят за ними. Вместо того чтобы стремиться оторвать эту массу от влияния большевиков, вы хотите прибегнуть к мерам, которые вырвут пропасть между вами и наиболее активной частью пролетариата... Вместо применения силы не следует ли сказать рабочим, что их недовольство законно и что съезд ускорит проведение в жизнь назревших реформ контроля и организации промышленности?»

Представители правых социалистов — А. Ф. Керенский, Н. Д. Авксентьев, С. Ф. Знаменский и М. И. Либер поддержали Церетели. На его стороне был и делегат от 5-й армии А. А. Виленкин. Он аргументировал это тем, что фронт остро нуждается в пулеметах, которыми большевики сейчас угрожают правительству. Ни солдаты, ни фронтовые демократические организации не могут мириться с такой ситуацией, утверждал он. Меньшевик Либер горячо призвал разоружить большевиков, утверждая, что «нельзя отдавать судьбу революции преторианским войскам, набранным большевистской партией... Отсутствие решимости с нашей стороны в этом вопросе лишь укрепит престиж большевиков в глазах их последователей. Демократия должна показать этим массам, что она не допустит решения политических вопросов путем вывода пулеметов на улицу».

В защиту большевиков, с критикой в адрес умеренных социалистов за их участие в коалиционном правительстве выступил Троцкий. В завершение дискуссии после выступлений Церетели и Дана с необходимыми разъяснениями был объявлен перерыв, чтобы еще до голосования обсудить все спорные вопросы внутри делегаций. Эсеры и меньшевики собрались вместе и очень небольшим большинством проголосовали за резолюцию Дана. Утратив надежду получить поддержку съезда, Церетели и Либер

изъявили готовность принять умеренную резолюцию Дана, которая и была утверждена 12 июня на вечернем заседании съезда Советов.

Петербургский комитет против Центрального Комитета

События 10 июня не только привели к первому серьезному расколу в обладавшем большинством блоке социалистов в Совете, но и вызвали аналогичные процессы в партийной организации большевиков. В конце июля на VI съезде РСДРП(б) бывший член Межрайонного комитета Д. З. Мануильский вступил в полемику с Ю. К. Милоновым, делегатом от самарской организации, который заявил, что на местах все выглядело так, будто демонстрация 10 июня была организована Центральным Комитетом конспиративными методами, что он ориентируется исключительно на Петроград, тогда как такую акцию следовало бы проводить во всероссийском масштабе. Мануильский ответил, что организованная ЦК демонстрация не носила конспиративного характера. «Пусть простят мне мое выражение,— сказал он,— она имела скорее несколько истерический характер... Нельзя в 10 часов вечера принимать решение, а в 12 часов отменять его. Такие истерические решения только компрометируют наш Центральный Орган»⁸².

Этот спор подтверждает, что после событий 10 июня в партии в целом преобладало критическое отношение к своему Центральному Комитету *. Вспомним, что Каменев, Ногин и Зиновьев выступали против самой идеи вооруженного марша протеста, а фракция большевиков на съезде Советов оказала отчаянное сопротивление, неожиданно узнав о планах партии. С другой стороны, как и следовало ожидать, наиболее ярые сторонники проведения демонстрации из числа членов ЦК (особенно Сталин и Смилга), с которыми никто и не советовался по поводу ее отмены, были крайне недовольны, когда партия в последнюю минуту изменила свое решение⁸³. Флеровский вспоминает, что Смилга отзывался об отмене демонстрации как «о большой и необоснованной ошибке» и считал, что Ленин, согласившийся на это, «был недостаточно информирован о настроениях на заводах и в воинских

* Это утверждение является излишне категоричным и не подтверждается документами местных партийных организаций.— *Ред.*

частях». Более того, объясняя кронштадтским матросам необходимость отказа от демонстрации 10 июня, вместо разумного обоснования этого решения Смилга делал упор на необходимости бросить вызов силам контрреволюции. «Этот вопрос,— говорил он,— стоит перед каждым рабочим и солдатом, он требует не только слов, но и дел... Каждому кронштадтцу горько и печально, что демонстрация отменена, однако, сознавая свою силу и сам факт соблюдения требований революционной дисциплины, мы должны гордиться, что Кронштадт не вышел на демонстрацию в одиночку»⁸⁴. Выразив свое недовольство, Сталин и Смилга подали в отставку из ЦК партии, которая в конечном итоге не была принята⁸⁵.

Следует отметить, что наиболее серьезная критика исходила из рядов Петербургского комитета. Действительно, разногласия между Петербургским и Центральным комитетами по поводу отмены демонстрации были наиболее глубокими за весь период с февраля по октябрь 1917 г. Эти разногласия впервые проявились на чрезвычайном заседании Петербургского комитета 11 июня, созванном специально, чтобы заслушать разъяснения ЦК⁸⁶. Опубликованные детальные протоколы этого заседания содержат, по существу, первую реакцию большевиков на речь Церетели на съезде Советов, они отражают непримиримость, независимый дух Петербургского комитета, а также свидетельствуют об абсолютной несовместимости позиций ПК и ЦК в вопросе о демонстрации 10 июня. О значении заседания 11 июня говорит и личное участие в нем Ленина, который защищал действия ЦК. Его выступление было первым.

Ленин начал с признания, что неудовлетворенность многих членов Петербургского комитета отменой демонстрации вполне обоснованна. При этом он пояснил, что ЦК не мог поступить иначе из-за официального запрета демонстрации Советом. Кроме того, из достоверных источников стало известно о планах контрреволюции воспользоваться этой демонстрацией. «Даже в простой войне,— заявил Ленин,— случается, что назначенные наступления приходится отменять по стратегическим причинам, тем более это может быть в классовой борьбе... Надо уметь учитывать момент и быть смелым в решениях»*.

Судя по ленинским выступлениям, для него, как и для Церетели, события 10 июня являли собой поворотный

* Здесь и далее цит. по: Первый легальный Петербургский комитет большевиков в 1917 году. М., 1927.— А. Р.

момент в борьбе за власть. «Сегодня Церетели произнес свою историческую и истерическую речь,— сказал Ленин.— Сегодня революция вступила в новую фазу своего развития... Церетели, показавший себя в своей речи явным контрреволюционером, заявил, что с большевиками надо бороться не словами, не резолюциями, а надо их лишить всех имеющихся в их руках технических средств... Рабочие должны трезво учесть, что о мирной демонстрации теперь речи быть не может. Положение гораздо серьезнее, чем мы предполагали. Мы шли на мирную демонстрацию, чтобы оказать максимум давления на решения съезда — это наше право,— а нас обвиняют, что мы устроили заговор, чтобы арестовать правительство».

На будущее Ленин призвал к «максимуму спокойствия, осторожности, выдержки, организованности», помня о том, что мирные манифестации — это дело прошлого. «Мы не должны давать повода к нападению, пусть нападают они, и рабочие поймут, что они делают покушение на самое существование пролетариата. Но жизнь за нас, и еще неизвестно, как удастся им нападение: на фронте стоят войска, дух недовольства у них очень силен, в тылу дороговизна, разруха и пр. ЦК не хочет оказывать давление на ваше решение. Ваше право — право протестовать против действий ЦК законно, и ваше решение должно быть свободным».

Вслед за Лениным выступил Зиновьев. Следует сказать, что он был объектом особой критики, так как изменение именно его мнения повлекло за собой формальную отмену демонстрации. Зиновьев попытался обосновать свои действия:

«Около 8 часов вечера в пятницу (9 июня) собрались сюда несколько членов ЦК, Петербургского комитета и Военной организации. Мы уже тогда знали, что съезд протестует против нашей демонстрации. Я голосовал тогда за демонстрацию. Вернувшись во фракцию, мы застали там уже вполне определившуюся картину. Вся наша фракция была единогласно против демонстрации. Я сдался последним. Нам дали один час для решения. Мы бросились сюда, думая, что здесь перманентное дежурство членов Петербургского комитета, но ошиблись и должны были решить вопрос самостоятельно. Нас было пять человек. Из них трое высказались за отмену, двое воздержались от голосования. Если бы даже не случилось того, что было вчера,— утверждал Зиновьев,— то и тогда мы не проиграли тем, что отменили нашу

демонстрацию... Можно быть уверенным, что наша организация будет расти».

Вслед за Мартовым и Лениным Зиновьев оценил предложение Церетели распустить и разоружить полки как потенциальное благо. По его мнению, непринятие его означало бы «попасть из огня в полымя, рассеивать революционный огонь по всей России». Зиновьев продолжал: «Сегодня мы стоим перед совершенно новой обстановкой. Когда в четверг мы, в количестве 150 человек, обсудили вопрос о «мирной демонстрации», мы не думали, что наша демонстрация будет так чревата событиями. Если вы думали, что демонстрацию не надо было отменять, то вы убедитесь в этом разыгравшимися событиями. Вчера мы [шли] ошупью, сегодня положение ясно, сегодня всякий поймет, из-за чего идет борьба».

Как и Ленин, он признал право Петербургского комитета оценивать действия ЦК, но при этом добавил: «Если бы вы были с нами там, на съезде, то вы бы голосовали вместе с ЦК».

Выступления Ленина и Зиновьева не удовлетворили Петербургский комитет. Видимо, их объяснения только усилили мнение, что руководство партии в лучшем случае действовало безответственно и некомпетентно, и самым серьезным образом заблуждалось в своей оценке ситуации. Это подтверждают и вопросы, заданные Зиновьеву после его выступления. Г. Ф. Коломин намеренно спросил, предвидел ли ЦК опасность контрреволюционной демонстрации. Зиновьев оставил этот вопрос без внимания. И. В. Косиор спросил, были ли достигнуты какие-либо договоренности относительно демонстрации с Межрайонным комитетом. Зиновьев ответил, что заранее никаких договоренностей не было, однако это ошибка как ЦК, так и ПК. Невский обратил внимание на один из наиболее очевидных грубых промахов, спросив, была ли фракция большевиков на съезде заранее уведомлена о намечавшемся марше протеста. Зиновьев ответил, что не была, и всю вину за это возложил на Петроградскую организацию. Последний и, по мнению членов Петербургского комитета, самый веский вопрос задал А. И. Слуцкий: «Какие доводы, кроме слухов, заставили ЦК отменить демонстрацию?» Зиновьев ответил, что слухи не играли никакой роли, вопрос уже был передан в Президиум съезда.

Теперь пришла очередь выступать представителям руководства Петербургского комитета. Этой возможностью

воспользовались среди прочих Володарский, Томский, Слуцкий, Бокий, Калинин и Лацис. Наиболее значительной была речь Володарского. Ему было поручено выступить от имени Исполкома в целом. Он начал с анализа ситуации, предшествовавшей принятию решения о проведении демонстрации: «Центральный Комитет на заседании Петербургского комитета 6 июня спросил, что может сказать ПК о настроении рабочих масс. Мы не преувеличили настроения, мы сказали: да, перелом в нашу пользу имеется, но желания во что бы то ни стало выйти на улицу нет... В среду (6 (19) июня) пр [авительств]во решило выселить анархистов с дачи Дурново; вспыхнули стачки на заводах Выборгской стороны, едва удалось удержать Путиловский завод и др. Это событие доказало, что в рабочей массе накопилось достаточно горячего материала. Назначенное на пятницу собрание перенесли на четверг. На этом собрании партийные работники П [етроградской] о [рганиза]ции подтвердили, что очень розовых надежд на петроградский пролетариат возлагать нельзя, представители воинских частей дали более оптимистические заявления. ЦК с тремя представителями Исп[олнительной] ком[иссии] Петербургского комитета вынес решение, что демонстрация должна состояться. Мы знали, что Совет примет все меры, чтобы запретить и не допустить нашей демонстрации... Подчеркиваю, что задачей нашей демонстрации был протест против нарастающей контрреволюции... Весь день пятницы мы готовились к демонстрации. В 8¹/₂ часов вечера к нам приехали члены Центрального Комитета со съезда Советов и просили устроить экстренное заседание Исполнительной комиссии Петербургского комитета, Военной организации и Центрального Комитета, ввиду того, что съезд поставил в порядок дня запрет нашей демонстрации. На этом заседании все учли настолько ясно, что распланировали нашу демонстрацию так, что слабые части демонстрации были прикрыты сильными воинскими частями. Мы знали, что контрреволюция может поднять голову, и мы сказали — против двух, что отступления быть не может, что назначенную демонстрацию надо провести в жизнь».

Затем от имени Исполнительной комиссии Володарский подверг ЦК прямой критике:

«В 2 часа ночи ЦК постановляет отменить демонстрацию. Должен прибавить, что это решение было принято тремя голосами, из которых 2 голоса были противниками

демонстрации с самого начала, и тем, что они перетянули на свою сторону одного товарища, они решили вопрос так, как думали правильным решить его с самого начала. Что изменилось в промежуток времени между двумя решениями ЦК? Ровно ничего. Повторяю, мы все учитывали, обсуждая свое последнее решение. Такое положение вещей в нашей партии надо считать величайшей опасностью. Центральный Комитет поступил явно опрометчиво и легкомысленно, но вопрос — когда? Тогда ли, когда решил выйти на демонстрацию, или тогда, когда он ее отменил? Что же нам делать? Исполнительная комиссия не предлагает никакого конкретного выхода из положения, она хочет выслушать доклады с мест. Надо решить три вопроса: 1) необходимо ли было отменять нашу демонстрацию, 2) допустимо ли у нас в партии такое положение, когда колебание одного человека может изменить все решение, 3) каковы наши дальнейшие шаги».

М. П. Томский, также член Исполнительной комиссии, который 6 июня призывал к тщательному изучению вопроса о демонстрации до принятия окончательного решения, был совершенно не удовлетворен критикой Володарского. В своем выступлении он, как и Володарский, проследил всю цепочку принятия решения о проведении демонстрации и высмеял заявление Ленина о том, что в последнюю минуту решение было отменено под воздействием ранее не известных факторов:

«Мы не закрывали глаза на то, чем может кончиться демонстрация, на которую солдаты отказались выйти [не] вооруженными. Мы знали, что все меньшевики и социал-революционеры выступят против нас, мы учитывали то, что Петроградский Совет и съезд [Советов] примут против нас самые решительные меры. Мы были уверены, что буржуазия сделает попытки спровоцировать нас. Т[оварищ] Ленин говорил: «Нам нужно использовать революционное настроение масс, наше дело призывать на мирную демонстрацию, чтобы оказать давление»... Когда же к нам приходят члены ЦК и говорят о контрреволюции, то я считаю это неосновательным... Мы учили все, стрельбу... не казаков, а пулеметов. Опыт московского восстания показал, что казаки — вздор. Думать, что демонстрация будет мирная, было младенчеством».

Томский вспомнил и о заседании 9 июня и подверг нападкам процедуру принятия решения об отмене демонстрации:

«По инициативе Каменева, Ногина и Зиновьева было предложено перерешить наше постановление о демонстрации. Какие же были мотивы? Съезд против нас; это мы учитывали, когда принимали наше решение... Нам грозит опасность,— но когда же нам не грозила опасность? Мы относились к вопросу очень серьезно. Мы говорили: мы выйдем и посмотрим. Если Совету удастся разбить демонстрацию, мы будем разбиты. Но лучше быть разбитыми, чем отказываться от борьбы... Опасность быть разбитыми всегда есть в революции... Все — против двух из Центрального Комитета — решили, что демонстрация должна состояться. Что же нового случилось после этого совещания: резолюция Дана, речь Церетели, но к речам и резолюциям мы приспособляться не можем... Как бы ни прикрывали свое отступление словами, что мы мудрецы, что мы поступили мудро, факт отступления остается фактом. На настроение ЦК влияла наша фракция съезда Советов, которую мы по своей вине не информировали о нашей грандиозной демонстрации. Допустимо ли, чтобы на ЦК партии производила давление фракция?»

В заключение Томский подытожил свои соображения по поводу поведения ЦК, сделав упор на нанесенном ему моральном ущербе. «Никто не станет отрицать,— заявил он,— что ЦК допустил не только политическую ошибку, он проявил недопустимое колебание. Неважно, что в широких кругах появилось недоверие к Центральному Комитету. Важно, что у нас, ответственных работников, подорвана вера в руководство».

Следующим выступал А. И. Слуцкий (член Исполнительной комиссии), который закончил свою речь примерно в том же духе: «Я согласен с товарищами Лениным и Зиновьевым, когда они зовут нас к тщательной организации, но они сделали все, чтобы подорвать нашу организацию тем, что отменили демонстрацию 10 июня». Секретарь Петербургского комитета Г. И. Бокий продолжил почти непрерывный поток критики в адрес ЦК, заострив внимание на роли делегации большевиков в принятии решения об отмене демонстрации. «Принципально,— сказал он,— влияние парламентских фракций на руководящие органы партии недопустимо». Сосредоточившись на главном — ухудшении отношений между Петербургским комитетом и ЦК, Бокий заявил, что эта проблема вовсе не нова. «Мы все сознаем,— отметил он,— ненормальные взаимоотношения между Петер-

бургским комитетом и ЦК, но Петербургский комитет виноват в том, что, имея вопрос о взаимоотношениях между Петербургским комитетом и ЦК в порядке дня нескольких заседаний⁸⁷, он ни разу не дошел до его обсуждения из-за того, что наши заседания открываются с большим запозданием». Бокий настаивал на немедленном разрешении этого вопроса.

Судя по протоколам, только три члена Петербургского комитета поддержали позицию ЦК по вопросу о демонстрации — В. И. Невский, И. К. Наумов и М. И. Калинин. Невский согласился, что отмена демонстрации была достаточно благоразумным шагом, потому что организовать эффективное проведение ее ранее не представлялось возможным. Однако он обвинил ЦК в неоправданной затяжке времени с ответом на призывы Военной организации к проведению марша протеста. Секретарь фракции большевиков в Петроградском Совете Наумов подверг ЦК критике за плохую организаторскую работу, увидел в отмене демонстрации свои положительные стороны. По его словам, подрыв доверия к руководству партии не так уж и плох: «Дай бог, чтобы совсем подорвалось: надо верить только в себя и в массы».

Вполне здраво взглянул на ситуацию Калинин. Он заявил, что Петербургский комитет «судит действия ЦК с узкой петербургской точки зрения, тогда как это акт общегосударственной важности». Калинин выступил в защиту влияния партийной фракции на съезде. «Съездовская фракция имеет у нас значение, и она объявила: Ваше выступление заставит нас выйти из Совета, то есть переведет партию на нелегальное положение. Если бы мы были уверены в том,— говорил он,— что наша демонстрация пройдет как по нотам, мы не должны были бы ее отменять. Но такой уверенности мы не имели. Мы не были уверены и в том, что враги замолкнут перед нашими силами, мы знали, что многие наши товарищи брали с собой оружие и даже бомбы. Такая демонстрация могла окончиться очень печально. При таком положении надо обладать большой смелостью и считать себя безответственными перед массами, чтобы звать их на демонстрацию. В этой демонстрации все оказались против нас, мы были изолированы».

Одно из наиболее показательных выступлений на заседании 11 июня произнес радикал М. И. Лацис. В нем давалась более четкая картина того, насколько подход к демонстрации многих членов партии из Выборгского

района разнился с предложенной ЦК концепцией «мирного марша». Обращаясь, очевидно, к Калинин, Лацис задал вопрос: «Если правильна была отмена, то когда же мы поступили неправильно, когда мы допустили ошибку?..»

Ошибка была тогда, когда мы решили вопрос: мирная или вооруженная будет демонстрация... Для нас (большевиков Выборгского района.— *А. Р.*) было ясно, что солдаты без оружия не выйдут. Рабочие не смотрели на эту демонстрацию как на мирную... Рабочие Выборгской стороны требовали, чтобы слабые части демонстрации были защищены воинскими частями. Предусматривали даже необходимость (здесь Лацис частично ссылается на свои собственные действия.— *А. Р.*) захвата почт, арсенала и телеграфа. Каждый активный работник дал себе отчет, что делать. Каждый ожидал плохого исхода. *Надо было предвидеть, что демонстрация может вылиться в восстание* (курсив мой.— *А. Р.*), если мы к нему не готовы, то надо было отнестись к решению вопроса о демонстрации отрицательно с самого начала».

Судя по протоколам, последним перед объявлением перерыва выступил И. Н. Стуков. Подвергнув предыдущих ораторов резкой критике, он предложил создать в ближайшее время городскую партийную конференцию для обсуждения накопившихся внутрипартийных проблем. Это предложение поддержал Томский, который заявил, что Исполнительная комиссия также выступает за проведение такой конференции. Очевидно, это предложение повлияло на то, что официальной резолюции по вопросу об отмене демонстрации на заседании принято не было ⁸⁸.

Ленин и демонстрация 10 июня

В своих мемуарах Церетели утверждает, что приготовления большевиков к демонстрации 10 июня не оставляют ни малейшего сомнения, что ее целью было вооруженное восстание, результатом которого стало бы свержение Временного правительства ⁸⁹. Действительно, как мы уже отмечали, это было основным аргументом, использованным Церетели в его призыве к съезду Советов принять решительные меры против большевиков. Исходя из данных, как будто бы полученных им уже после Октябрьской революции, Н. Н. Суханов несколько двусмысленно на-

мекает, что Ленин в тот момент не ставил перед собой задачу непосредственного захвата власти, однако был готов сделать это при благоприятных обстоятельствах и вел дело к их созданию. По словам Суханова, перед демонстрацией 10 июня были разработаны достаточно детальные планы переворота, которые предусматривали даже такие подробности, как конкретная роль отдельных полков в свержении правительства и арест Временного правительства⁹⁰. Основываясь почти исключительно на данных Суханова, прочие мемуаристы и историки интерпретируют сорванную демонстрацию точно таким же образом.

Все еще не заполненные пробелы в опубликованных материалах пока не позволяют дать какой-либо определенный ответ на вопрос о всей глубине ленинского замысла в отношении демонстрации. Причем необходимо заметить, что в большинстве доступных документов и мемуарах имеется крайне мало подтверждений сухановским заявлениям. Вполне вероятно, что Ленин оставлял открытым вопрос, во что может вылиться готовящаяся демонстрация. Более того, в то время позиция Ленина относительно целей демонстрации могла быть до конца не известной рядовым партийным функционерам, особенно в Военной организации. Судя по имеющимся публикациям, на уровне ЦК возможность государственного переворота всерьез не рассматривалась, в общем плане предполагалось использовать демонстрацию для проверки «состояния духа рабочих и солдат» (выражение Э. Карра.— *А. Р.*)⁹¹, а также как средство давления на съезд Советов, чтобы побудить его взять власть в свои руки. В любом случае, если верить протоколам Петербургского комитета, не вызывает сомнения, что если Ленин в тот момент и имел более амбициозные планы, то они не были известны большинству тех, от кого зависел успех их осуществления.

Даже если принять во внимание предположения Суханова, с точки зрения логики имеется достаточно причин, побуждающих с осторожностью относиться к гипотезе о том, что Ленин всерьез рассматривал уличное движение 10 июня как средство захвата власти. Самое же главное: хотя и трудно оценить реальную силу и поддержку большевиков в начале июня 1917 г., но, по-видимому, они были далеко не достаточны, чтобы удержать власть, даже если Временное правительство и было бы смещено на некоторое время. В самый канун запланированной на 10

июня демонстрации заколебалось большое число не только поддерживающих партию большевиков рабочих, но и самих петроградских большевиков, а в гарнизоне верных им частей было намного меньше, чем предполагается в своем запоздалом анализе Суханов. Более того, выборы в местные Советы, армейские комитеты и на Всероссийский съезд Советов обнажили слабость большевиков как в провинции, так и на фронте.

Как будет показано более подробно в следующей главе, Ленин и другие члены ЦК четко представляли себе эти моменты и осознавали потенциальные опасности преждевременного восстания в столице. Однако, как уже говорилось выше, некоторые представители Петербургского комитета и Военной организации были куда менее осторожны, что наглядно проявилось в ходе подготовки к демонстрации 10 июня и еще более — в период усиления напряжения перед июльскими событиями.

Примечания

¹ См.: *Невский В. И.* Военная организация и Октябрьская революция // Красноармеец. 1919. № 10—15. С. 35.

² Первый легальный Петербургский комитет большевиков в 1917 году. С. 136—137, 159; см. также: *Подвойский Н. И.* Военная организация РСДРП(б) и Военно-революционный комитет в 1917 г. // КЛ. 1923. № 6. С. 74.

³ *Петров И. Ф.* Стратегия и тактика партии большевиков в период подготовки и победы социалистической революции: март — октябрь 1917 г. Докторская диссертация. Академия общественных наук при ЦК КПСС. М., 1961. С. 415. Опубликованная версия этой работы: *Петров И. Ф.* Стратегия и тактика партии большевиков в подготовке победы Октябрьской революции: март — октябрь 1917 г. 2-е изд. М., 1964. На одном из заседаний Петербургского комитета в начале июня Невский сослался на выдвинутое ЦК условие, что Военная организация не может принимать окончательных решений по поводу демонстраций без санкции ЦК (см.: Первый легальный Петербургский комитет большевиков в 1917 году. С. 136).

⁴ Там же. С. 136—137; Солдатская правда. 1917. 13 июня. Особое ожесточение в гарнизоне вызвала «Декларация прав солдата» Керенского, обнародованная 11 мая. «Правда» назвала ее «Декларацией бесправия».

⁵ Революционное движение в России в мае — июне 1917 г.: июньская демонстрация / Под ред. Д. А. Чугаева и др. М.; 1959. С. 483—485. Фрагменты протокола этого заседания, опубликованные в данной работе впервые, — единственный документ, который я смог разыскать и который свидетельствует о дискуссиях по поводу демонстрации внутри самой Военной организации. Документ интересен тем, что отражает попытки представителей отдельных подразделений Военной организации оказать влияние на ее политику. Он подтверждает вывод о том, что руководство Военной организации на раннем этапе проявляло интерес к поощрению и подготовке демонстрации.

⁶ *Петров И. Ф.* Стратегия и тактика партии большевиков в подготовке победы Октябрьской революции. С. 235.

⁷ *Совокин А. М.* К истории июньской демонстрации 1917 г. // Вопросы истории КПСС. 1966. № 5. С. 46.

⁸ Солдатская правда. 1917. 6 июня; см. также: Новая жизнь. 1917. 7 июня. Подробная советская интерпретация демонстрации 4 июня представлена в работе *М. С. Ильина* «Демонстрация и митинг на Марсовом поле в Петрограде 4 июня 1917 г.» // Вопросы истории. 1957. № 6. С. 126—130.

⁹ Революционное движение в России в мае — июне 1917 г.: июньская демонстрация. С. 485—487. Крайне фрагментарный протокол этого важного заседания был опубликован здесь впервые. См. также: *Петров И. Ф.* Стратегия и тактика партии большевиков в подготовке победы Октябрьской революции. С. 235; *Вавилин И.* Ленин и Петербургская организация большевиков в 1917 году до июля // Ленин как руководитель Ленинградской организации большевиков. С. 9; *Свердлова К. Т.* Яков Михайлович Свердлов. М., 1960. С. 259; о защите Подвойским Военной организации на VI съезде РСДРП(б) см.: Шестой съезд РСДРП(б). Август 1917 года: Протоколы. М., 1958. С. 62.

¹⁰ Взгляды Ленина относительно наступления на фронте отражены полностью в его сочинениях (см.: *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 32. С. 261—291.— *Ред.*).

¹¹ Каменев изложил все эти соображения в записке, позже представленной им руководству партии (см.: *Петров И. Ф.* Стратегия и тактика партии большевиков в подготовке победы Октябрьской революции. С. 235).

¹² Протокол этого заседания приведен в работе: Первый легальный Петербургский комитет большевиков в 1917 году. С. 136—145.

¹³ На конец мая 1917 г. партийная организация Выборгского района была крупнейшей в Петрограде — 5 тысяч человек (см.: Очерки истории Ленинградской организации КПСС: В 2 ч. Ч. 1: 1883— октябрь 1917 г. Л., 1962. С. 502).

¹⁴ В Думе Выборгского района большевики обладали значительным большинством. Козловский и Молотов (оба — большевики) были соответственно ее председателем и секретарем. — *ов.* Выборгская районная дума 1917 года // Ленинградская правда. 1927. 4 ноября.

¹⁵ *Горев В. И.* Анархизм в России. М., 1930. С. 105. *А. Ш.* [Шапиро]. Анархизм-коммунизм и анархо-синдикализм // Голос труда. 1918. 27 янв.

¹⁶ См. настоящее издание. С. 119.

¹⁷ Автор «Голоса труда» анархо-синдикалистской ориентации, безусловно, имел все основания назвать программу анархистов-коммунистов «набором пустых фраз» (см.: Голос труда. 1918. 27 января). Следует отметить, что эти две анархистские группировки большую часть революционного периода противостояли друг другу (см.: *Горев В. И.* Анархизм в России. С. 105).

¹⁸ Государственный музей Великой Октябрьской социалистической революции. Фонд листовок. Ф. 2. № 11641.

¹⁹ *Залежский В. Н.* Из воспоминаний подпольщика. М., 1931. С. 180—181.

²⁰ См. настоящее издание. С. 138—139.— комментарии М. М. Лашевича относительно общих подходов большевиков и анархистов применительно к событиям в 1-м пулеметном полку.

²¹ *Стулов П. М.* Первый пулеметный полк в июльские дни 1917 г. // КЛ. 1930. № 3 (36). С. 73.

²² Частично исследование базируется на материалах газет «Речь» и «Известия» от 6—10 июня 1917 г.

²³ В мае анархисты-коммунисты начали издавать газету «Коммуна». После ее закрытия Временным правительством название было изменено на «Свободная коммуна». В СССР я не получил доступа ни к одной из них, а также не обнаружил ни единого номера в западных библиотеках.

²⁴ Не вызывает сомнения тот факт, что Выборгские рабочие по крайней мере отчасти вышли на забастовку, полагая, что приказ Переверзева об освобождении дачи Дурново распространялся и на все находившиеся там организации, включая союз булочников и рабочую милицию. Кроме того, их беспокоило возможное закрытие общественного парка вокруг дачи. На состоявшемся 8 июня вечернем заседании съезда Советов Переверзев однозначно заявил, что его приказ относится только к анархистам (см.: Первый Всероссийский съезд Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. М.; Л., 1930. Т. 1. С. 267).

²⁵ Милоков П. Н. История второй русской революции. Т. 1. С. 214.

²⁶ Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов: Протоколы заседаний Исполнительного комитета и Бюро Исполнительного комитета. М., 1925 С. 274.

²⁷ См.: Церетели И. Г. Воспоминания о февральской революции. Париж, 1963. Т. 2. С. 197—201. После своего возвращения из Сибири в Петроград в середине марта 1917 г. грузинский меньшевик Церетели был наиболее влиятельной фигурой Совета. Его воспоминания представляются необычайно ценными для понимания роли Советов, и особенно политической ситуации внутри Петроградского Совета, Всероссийского съезда Советов, ВЦИК. При отсутствии адекватных архивных материалов они становятся единственным детальным источником, доступным для изучения этого важного вопроса. См. также: Первый Всероссийский съезд Советов. С. 262—264; Sukhanov N. N. The Russian Revolution. Vol. 2. P. 387—388; Милоков П. Н. История второй русской революции. Т. 1. С. 214.

²⁸ Церетели И. Г. Воспоминания... Т. 2. С. 202.

²⁹ Первый легальный Петербургский комитет. С. 157; Лацис М. И. Июльские дни в Петрограде: из дневника агитатора // ПР. 1923. № 5 (17). С. 103; см. также: письмо Е. Д. Стасовой от 9 июня, в котором Московская партийная организация информируется о планах ЦК // Переписка секретариата ЦК РСДРП(б) с местными партийными организациями. Сб. документов. Т. 1. Март — октябрь 1917 г. М., 1957. С. 13.

³⁰ Лацис М. И. Июльские дни в Петрограде // ПР. 1923. № 5 (17). С. 103—104. После Февральской революции Лацис вел подробные записи о своей агитаторской деятельности. Опубликована была, безусловно, лишь небольшая их часть.

³¹ Революция 1917 года: Хроника событий / Сост. В. Владимиров. М., 1923. Т. 3. Июнь — июль. С. 42.

³² В «Правде» от 11 июня говорилось, что, судя по заседанию 8 июня, демонстрации пользовались широкой поддержкой рабочих и солдат, и это стало официальной советской интерпретацией событий. Одновременно в своем дневнике Лацис записывал, что некоторые рабочие представители восприняли шествие с энтузиазмом, тогда как другие проявляли нерешительность. В выступлении на VI съезде РСДРП(б) Сталин заявил, что, хотя солдаты и рвались на улицы, рабочие еще не разделяли их настроений // Шестой съезд РСДРП(б): Протоколы. С. 15.

³³ Первый легальный Петербургский комитет большевиков в 1917 году. С. 158.

³⁴ Солдатская правда. 1917. 10 июня.

³⁵ В дальнейшем это заявление приобрело особую значимость

в качестве одного из аргументов против правомерности отправки войск на фронт, что стало основной причиной беспорядков в конце июня и начале июля.

³⁶ См.: *Лацис М. И.* Июльские дни в Петрограде // ПР. 1923. № 5 (17). С. 103.

³⁷ См. там же. С. 104.

³⁸ *Флеровский И. П.* Июльский политический урок // ПР. 1926. № 7 (54). С. 62.

³⁹ См.: *Trotsky L.* History of the Russian Revolution. Vol. 1. P. 443; *Юренев И.* Очередная ложь // Вперед. 1917. 17 июня; см. также: Первый легальный Петербургский комитет большевиков в 1917 году. С. 156; *Deutscher I.* The Prophet Armed. New York: Oxford University Press, 1954. P. 267.

⁴⁰ *Миллюков П. Н.* История второй русской революции. Т. 1. С. 216; *Sukhanov N. N.* The Russian Revolution. Vol. 2. P. 390.

⁴¹ Основываясь на имеющихся в настоящее время материалах, нельзя полностью исключить возможность правоты Миллюкова, который утверждал, что Временный революционный комитет представлял собой совместный анархо-большевистский и административный центр руководства демонстрацией (см.: *Миллюков П. Н.* История второй русской революции. Т. 1. С. 216). Сразу после завершения этой неудавшейся демонстрации Луначарский и Либер сделали аналогичные заявления применительно к роли специального комитета, организованного на даче Дурново (см.: Первый Всероссийский съезд Советов. Т. 1. С. 444; Известия. 1917. 11 и 15 июня).

⁴² Балтийские моряки в подготовке и проведении Великой Октябрьской социалистической революции. С. 88—89.

⁴³ Объявление от 9 июня, подписанное Бокием и присланное Гельсингфорскому партийному комитету, содержится в том же источнике на с. 88.

⁴⁴ *Быков Г. Д.* Революционная деятельность большевиков Выборгской стороны города Петрограда в период подготовки и проведения Октябрьской социалистической революции // Кандидатская диссертация. ЛГУ, 1951. С. 112.

⁴⁵ Троцкий называет этот лозунг наиболее примитивным призывом к ликвидации Временного правительства (см.: *Trotsky L.* History of the Russian Revolution. Vol. 1. P. 443).

⁴⁶ Текст листовки, расклеенной 9 июня, был напечатан «Солдатской правдой» на следующий день (см.: Революционное движение в России в мае — июне 1917 г.: июньская демонстрация. С. 494—495).

⁴⁷ При подготовке этого раздела особую ценность представили материалы «Известий» от 10—16 июня 1917 г.

⁴⁸ Революционное движение в России в мае — июне 1917 г.: июньская демонстрация. С. 495.

⁴⁹ Текст резолюции съезда в поддержку Временного правительства опубликован в «Известиях» 9 июня 1917 г.

⁵⁰ *Церетели И. Г.* Воспоминания... Т. 2. С. 205.

⁵¹ Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов: Протоколы заседаний Исполкома и Бюро Исполкома. С. 186—187.

⁵² *Церетели И. Г.* Воспоминания... Т. 2. С. 205—206.

⁵³ Первый легальный Петербургский комитет большевиков в 1917 году. С. 156; *Игнатов Е.* I Всероссийский съезд Советов рабочих и солдатских депутатов // ПР. 1927. № 6 (65). С. 104.

⁵⁴ На вечернем заседании съезда 9 июня Керенский решительно опроверг эти слухи: к Петрограду не движется никаких казачьих полков, это невозможно, потому что наша задача заключается в том,

чтобы посылать войска на фронт, а не в тыл (см.: Первый Всероссийский съезд Советов. Т. 1. С. 382).

⁵⁵ См.: Первый легальный Петербургский комитет большевиков в 1917 году. С. 158—166; *Лацис М. И.* Июльские дни в Петрограде // ПР. 1923. № 5 (17). С. 104.

⁵⁶ Там же. С. 104—105; Первый легальный Петербургский комитет большевиков в 1917 году С. 164; см. также: *Chamberlin W. N.* The Russian Revolution. Vol. 1. P. 161.

⁵⁷ См. настоящее издание. С. 100—102.

⁵⁸ *Trotsky L.* History of the Russian Revolution. Vol. 1. P. 443; см. также: *Кривошеина Е. П.* Две демонстрации. М., 1931. С. 29.

⁵⁹ *Церетели И. Г.* Воспоминания... Т. 2. С. 205—211; Первый Всероссийский съезд Советов. С. 375—378; см. также: *Владимирова В.* Революция 1917 года: Хроника событий. Т. 3. С. 48.

⁶⁰ Основными источниками данного исследования являются: Первый легальный Петербургский комитет большевиков в 1917 году. С. 152—166; *Свердлова К. Т.* Яков Михайлович Свердлов. М., 1960. С. 259; *Совокин А. М.* К истории июньской демонстрации 1917 г. // Вопросы истории КПСС. 1966. № 5. С. 49.

⁶¹ См.: *Игнатов Е. I* Всероссийский съезд Советов... // ПР. 1927. № 6 (65). С. 115; *Шумяцкий Б.* Первый съезд Советов // В дни великой пролетарской революции. М., 1937. С. 59; *Церетели И. Г.* Воспоминания... Т. 2. С. 206—209; Первый Всероссийский съезд Советов. Т. 1. С. 382.

⁶² См.: Первый легальный Петербургский комитет большевиков в 1917 году. С. 156. На заседании съезда Советов 9 июня один из членов большевистской делегации, Кузьмин, от своего имени выразил горькое сожаление по поводу происшедшего: «Товарищи, как ни прискорбно, но я должен заявить, что большинство из нас, представителей трех миллионов рабочих и солдат, как оказалось, даже не подозревало о подготовке всего этого. Будучи одним из представителей, я только сейчас узнал о подготовке такой демонстрации» (см.: Первый Всероссийский съезд Советов. Т. 1. С. 382).

⁶³ См.: *Свердлова К. Т.* Яков Михайлович Свердлов. С. 259; Первый легальный Петербургский комитет большевиков в 1917 году. С. 158; *Совокин А. М.* К истории июньской демонстрации 1917 г. // Вопросы истории КПСС. 1966. № 5. С. 49.

⁶⁴ См. настоящее издание. С. 93—94.

⁶⁵ Официальное объяснение большевиков о подготовке и отмене демонстрации приведено в «Правде» 11 июня 1917 г.

⁶⁶ На неофициальном заседании I съезда Советов 10 июня некий не назвавшийся большевик заявил, что рано утром фракция его партии поручила ему сделать сообщение о решении ЦК, собравшегося на даче Дурново. По его словам, узнав об отмене демонстрации, большевики и эсеры-максималисты немедленно покинули заседание Временного революционного комитета, после чего там остались только анархисты // Первый Всероссийский съезд Советов. Т. 1. С. 445; Известия. 1917. 11 июня; см. также: *Игнатов Е. I* Всероссийский съезд Советов... // ПР. 1927. № 6 (65). С. 115.

⁶⁷ См.: Биржевые ведомости. 1917. 10 июня; Правда. 1917. 11 июня; Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов: Протоколы. С. 192.

⁶⁸ Некоторые мемуаристы, например Церетели, склонны делать акцент на миролюбивом настроении масс и их принципиальной верности Совету и Временному правительству, тогда как более радикально настроенные авторы (Троцкий и Суханов) используют примерно те же

факты для того, чтобы подчеркнуть, что отмена демонстрации вскрыла недовольство масс. Последующие события (например, демонстрация 18 июня и июльское восстание) показывают, что Троцкий, Суханов и Миллюков более достоверно отображают ситуацию, в их оценках прослеживается наличие скрытых радикальных тенденций (см.: *Церетели И. Г. Воспоминания... Т. 2. С. 219—225; Trotsky L. History of the Russian Revolution. Vol. 1. P. 446; Суханов Н. Н. Записки о революции. Т. 4. С. 300—301; Миллюков П. Н. История второй русской революции. Т. 1. С. 217—219).*

⁶⁹ См.: *Trotsky L. History of the Russian Revolution. Vol. 1. P. 445—446.*

⁷⁰ См.: Известия. 1917. 11 июня; Революционное движение в России в мае — июне 1917 г.: июньская демонстрация. С. 499—503.

⁷¹ См.: *Лацис М. И. Июльские дни в Петрограде: Из дневника агитатора // ПР. 1923. № 5 (17). С. 102—116.*

⁷² Рабочая газета. 1917. 13 июня.

⁷³ См.: *Флеровский И. П. Июльский политический урок // ПР. 1926. № 7 (54). С. 63.*

⁷⁴ Шестой съезд РСДРП(б): Протоколы. С. 77—78. В своих воспоминаниях Флеровский отмечает, что колоритный лидер анархистов-коммунистов Аснин призывал моряков к немедленным действиям (см.: ПР. 1926. № 7 (54). С. 66). В критическом отзыве на книгу Ф. Ф. Раскольников «Кронштадтцы: из воспоминаний большевика» шесть старых большевиков, бывших кронштадтцев описывают радикальные настроения, преобладавшие в тот момент в их большевистской организации: «Кронштадтскому комитету пришлось бороться с левацкими тенденциями внутри своей собственной организации и корректировать подходы многих видных партийных деятелей по вопросу о вооруженном восстании... Весь Кронштадт так быстро привык к власти Советов, что такая система казалась единственно верной для всей России. Большое число бойцов, огромные запасы оружия и снаряжения способствовали формированию стойких и опасных настроений в пользу немедленного выступления в Петроград в полном составе для свержения Временного правительства... Наконец, в июне месяце к штаб-квартире партийной организации Кронштадта пришли тысячи матросов и солдат с требованием к большевикам возглавить флот и кронштадтских моряков в походе на Петроград для свержения Временного правительства. Во главе толпы находился Кирилл Орлов (один из лидеров большевиков), который привел толпу к зданию комитета с Якорной площади. Кто-то подал сигнал общегарнизонной тревоги. Все дело чуть не закончилось трагично. Были мобилизованы все силы, и это позволило ликвидировать головокружение» (см.: *Смирнов П., Кондаков Д., Любович А., Герцбург А., Поздеева М., Эммин С. Отзыв на книгу Ф. Ф. Раскольников «Кронштадтцы: из воспоминаний большевика» // КЛ. 1933. № 5—6 (56—57). С. 214—215).*

⁷⁵ Цит. по: *Флеровский И. П. Июльский политический урок // ПР. 1926. № 7 (54): С. 67.*

⁷⁶ *Церетели И. Г. Воспоминания... Т. 2. С. 228.*

⁷⁷ См. там же. С. 226—228. Книга Церетели является единственным опубликованным свидетельством, содержащим отчет об этом заседании; см. также: *Владимирова В. Революция 1917 года: Хроника событий. Т. 3. С. 56.*

⁷⁸ Правда. 1917. 13 июня; см. также: *Суханов Н. Н. Записки о революции. Т. 4. С. 303.* Это совещание было закрытым, сообщение в «Правде» — единственный газетный отчет о нем.

⁷⁹ См.: *Суханов Н. Н. Записки о революции. Т. 4. С. 305; Правда.*

1917. 13 июня; *Владимирова В.* Революция 1917 года: Хроника событий. Т. 3. С. 56.

⁸⁰ См.: *Суханов Н. Н.* Записки о революции. Т. 4. С. 306; *Trotsky L.* History of the Russian Revolution. Vol. 1. P. 447—451.

⁸¹ Цит. по: *Церетели И. Г.* Воспоминания... Т. 2. С. 231—238.

⁸² См.: Шестой съезд РСДРП(б): Протоколы. С. 21, 23.

⁸³ *Флеровский И. П.* Июльский политический урок // ПР. 1926. № 7 (54). С. 67; см. также: *Суханов Н. Н.* Записки о революции. Т. 4. С. 322.

⁸⁴ Голос правды. 1917. 14 июня.

⁸⁵ *Совокин А. М.* К истории июньской демонстрации 1917 г. // Вопрос истории КПСС. 1966. № 5. С. 52.

⁸⁶ Первый легальный Петербургский комитет большевиков в 1917 году. С. XV.

⁸⁷ Предположительно Бокий имел в виду постоянные трения между ЦК и Петербургским комитетом по вопросу о руководстве деятельностью партии в городе. Взаимодействие этих двух организаций стояло на повестке дня совещания 30 мая, однако обсуждение этого вопроса не состоялось из-за затянувшихся дебатов по поводу издания Петербургским комитетом своей собственной газеты.

⁸⁸ Общегородская конференция открылась 1 июля.

⁸⁹ *Церетели И. Г.* Воспоминания... Т. 2. С. 203.

⁹⁰ *Sukhanov N. N.* The Russian Revolution. Vol. 2. P. 402—406. Как утверждает Б. И. Николаевский, источником информации Суханова был Невский: И. Г. Церетели и его воспоминания о 1917 годе // Социалистический вестник. 1962. № 9—10. С. 135. В беседе с автором этой книги Николаевский утверждал, что Суханов лично сообщил ему об этом.

⁹¹ См.: *Carr E. H.* The Bolshevik Revolution. 1917—1923. 3 vols. New York; Macmillan, 1951—1953. Vol. 1. P. 90.

IV Напряжение усиливается

Демонстрация съезда Советов

Вечером 12 июня, на том же заседании, где большевики были осуждены за подготовку демонстрации 10 июня, съезд Советов проголосовал за проведение своего собственного марша в воскресенье 18 июня. Авторами этого плохо продуманного предложения были меньшевики Дан, Богданов и Хинчук *, которые намеревались подобным образом примириться с озлобившимися большевиками и переориентировать проявившееся 10 июня массовое недовольство на поддержку съезда ¹. Этой мирной манифестацией, как заявлялось в «Известиях» накануне этого события, «революционная демократия хочет показать, что она требует всеобщего мира, без аннексий и контрибуций, с признанием права народов на самоопределение, сохранение единства революционного движения рабочих, крестьян и армии» ².

«Больше всего,— писали «Известия» 18 июня,— пусть покажет этот день, что тщетны расчеты врагов революции на междоусобицу в среде революционной демократии... Этот факт (объединенная демонстрация) лучше всяких слов покажет, что, ведя идейную борьбу, ни одна фракция или группа революционной демократии никогда и ни при каких условиях не попытается навязать силой свою точку зрения большинству; разногласия никогда не превратятся в братоубийственную войну».

Для подготовки этого грандиозного марша и участия в нем были приглашены все заводы, рабочие и профессиональные организации, а также политические партии, поскольку успех этой акции зависел прежде всего от того, сколько людей выйдет на улицы. Всем воинским частям было приказано не иметь при себе оружия. Даже Советы на местах получили указание провести в тот же день аналогичные демонстрации, по существу, во всех крупных городах России.

* Резолюция об устройстве 18 июня демонстрации была внесена от имени Президиума съезда.— *Ред.*

Петроградские большевики и подготовка демонстрации 18 июня

Имевшие большинство в Совете меньшевики и эсеры согласились принять участие в демонстрации, тогда как ЦК партии кадетов рекомендовал своим членам воздержаться. ЦК РСДРП(б), который все еще находился под огнем критики со стороны своих собственных членов (как слева, так и справа), рассмотрел этот вопрос на заседании 13 июня и одобрил участие большевиков в демонстрации. Как говорилось в резолюции ЦК, большевики всеми средствами будут пытаться «превратить демонстрацию против воли Совета за то, чтобы власть перешла к Совету»³.

На чрезвычайном заседании Петербургского комитета, состоявшемся позже в тот же день, Зиновьев разъяснил позицию ЦК. Предлагаемая демонстрация, говорил он, представляет собой «политическое средство давления на правительство». И задача большевиков в этой ситуации — «устроить демонстрацию в демонстрации». Под лозунгами 10 июня и некоторыми новыми должны выйти не только члены партии, но и профсоюзы, группы от предприятий и воинских частей. Зиновьев призвал наводнить Петроград листовками, ибо, по его мнению, «переход власти к Советам созрел»⁴.

Первая реакция Петербургского комитета на это предложение была неоднозначна, причем некоторые его члены отнеслись к нему с изрядной долей скепсиса. Томский, например, выразил сомнение, располагает ли партия техническими средствами, чтобы привлечь демонстрацию на свою сторону. Если бы демонстрация 10 июня не была отменена, считал он, то теперь большевики доминировали бы в Петрограде и не были бы вынуждены идти вслед за Советом. Другие ораторы также не проявили особого энтузиазма. Стуков, например, утверждал, что наилучшим способом показать свое неприятие политики Совета — это не участвовать в демонстрации вообще. И. А. Рахья предложил выразить порицание члену ЦК, одному из лидеров фракции большевиков в Совете, Г. Ф. Федорову, за то, что он позволил поставить партию в такое неприглядное положение, но позже он согласился с большинством, что «необходимо воспроизвести точную копию... не состоявшегося 10 июня шествия».

ПК принял решение немедленно приступить к изгото-

влению плакатов, к подготовке массовых митингов и печатанию листовок от имени «ЦК РСДРП(б), районных комитетов, Центрального бюро профсоюзов, общегородского центра фабрично-заводских комитетов, от отдельных фабрик и заводов, от беспартийных организаций и отдельных воинских частей». Была также исправлена прежняя ошибка: на этот раз решили выделить двух человек для координации планов проведения демонстрации с фракцией большевиков на съезде Советов. После этих резолюций была принята и поправка Томского. В соответствии с нею все члены партии обязывались идти под лозунгами большевиков, даже если лозунги их заводов были другими. Эти намерения большевиков были обнародованы в «Правде» на следующий день. В передовой статье объявлялось, что революционный пролетариат пойдет своим путем, что примет участие в шествии 18 июня для продолжения борьбы за цели, намеченные еще на 10 июня.

14 июня после провозглашения большевиками намерения использовать организуемую съездом демонстрацию в своих целях в Петроградский Совет было внесено предложение разрешить только лозунги, согласованные организаторами марша в Совете. Г. Ф. Федоров от имени большевиков и И. С. Блейхман — от анархистов-коммунистов высмеяли это предложение, заявив, что их организации выйдут только под своими знаменами (Федоров даже подчеркнул, что первым и самым главным будет лозунг «Вся власть Советам») ⁵. Право большевиков и анархистов на подобные действия более не оспаривалось. На том же заседании была предпринята робкая попытка отменить демонстрацию. Однако большинство делегатов от меньшевиков и эсеров все еще недооценивали силу левых и нестабильность ситуации, поэтому предложение об отмене было отклонено ⁶.

Большевики против анархистов

Тем временем анархисты-коммунисты строили собственные планы. По-видимому, почти сразу после вынужденного отказа от проведения демонстраций 10 июня анархисты-коммунисты через свой Временный революционный комитет приступили к подготовке независимой демонстрации, намеченной на 14 июня ⁷. Листовки анархистов-коммунистов приглашали коллективы заводов

и воинских частей направить своих представителей на экстренные организационные собрания 11, 12 и 13 июня. И хотя точных данных об участниках у нас нет, очевидно, что эти приглашения были с готовностью приняты. В этих встречах участвовали также многие рядовые большевики, недовольные медлительностью своей собственной партии ⁸.

Большевики, стремившиеся мобилизовать как можно больше левых сил для демонстрации 18 июня, с озабоченностью взирали на деятельность анархистов-коммунистов. Больше всего их беспокоило, что номинально большевистские ряды в результате этого редеют. 14 июня в «Правде» выступил со статьей Сталин, который осудил действия анархистов-коммунистов как «пагубные для дела рабочей революции». «Теперь наша задача — добиться того, чтобы демонстрация в Петрограде 18 июня прошла под нашими революционными лозунгами,— писал он.— И именно поэтому мы должны в корне пресечь всякие анархические выступления для того, чтобы тем энергичнее подготовиться к демонстрации 18 июня».

Вопрос о действиях против анархистов-коммунистов был одним из главных на заседании Петербургского комитета 13 июня ⁹. Рахья открыл прения докладом от имени Исполнительной комиссии. Он объявил, что в комиссию поступило много запросов от заводских коллективов с просьбой объяснить, какой линии поведения придерживаться по отношению к приглашениям анархистов-коммунистов. Исполнительная комиссия рекомендовала игнорировать их. Несмотря на это, явствовало из доклада Рахьи, на анархистском митинге 12 июня присутствовали представители 150 заводов и воинских частей, а на 7 часов вечера того же дня было запланировано еще одно обсуждение предстоящей демонстрации. Рахья заявил, что для нейтрализации деятельности Временного революционного комитета на этот митинг решено направить двух своих людей. Он настаивал на одобрении этих предварительных мер, а также требовал, чтобы Петербургский комитет выработал пути подавления анархистов и не допустил участия большевиков и их сторонников в качестве делегатов на анархистских сходках.

Серьезность и тщательность обсуждения проблемы на этом и аналогичных заседаниях подтверждают факт, что в сложившейся на тот момент в Петрограде обстановке на анархистов-коммунистов нельзя было смотреть сквозь пальцы. «Анархисты опасны тем,— говорил тот же Ра-

хья,— что могут вызвать массу в 2—3 тысячи на улицу и вызвать столкновение, которое подорвет в корне революцию и вызовет контрреволюцию». Он заявил: «Если 2—3 завода выйдут и прольется их кровь, то всколыхнется весь Петроград». С ним согласился Данилевский, который обратил внимание на то, что среди военных страсти достигли предела и что Павловский полк, как и некоторые другие, направил во Временный революционный комитет своих представителей и выйдет на демонстрацию по его просьбе.

Представитель Выборгского районного комитета Лацис, председательствовавший на заседании, сообщил, что Выборгский комитет уже пытался отозвать своих людей с анархистских собраний. Они отказались это сделать, согласившись лишь не участвовать в голосовании. В. В. Сахаров, один из лидеров Военной организации, работавший в 1-м пехотном запасном полку, подчеркнул, что солдаты не в состоянии отличить социалистов от других партий. «Многие из солдат-большевиков,— сказал он,— ходят к анархистам и удивляются, почему большевики не поддерживают анархистов, тогда как анархисты всегда стоят на стороне большевиков».

Несмотря на свою озабоченность анархистской угрозой, Томский предупреждал о недопустимости полного разрыва: «Отгородившись от анархистов, мы можем отгородить себя от масс». Сахаров был того же мнения и поддержал предложение о целесообразности повлиять на анархистов «изнутри». В итоге Петербургский комитет решил противодействовать анархистам всеми силами, чтобы предотвратить проведение любых демонстраций до 18 июня. Для этого предполагалось просить все районные комитеты большевиков отозвать своих людей из Временного революционного комитета и направить делегатов на дачу Дурново, «чтобы собравшиеся там рабочие узнали о позиции большевиков». Присутствовать на собраниях анархистов поручили И. Ф. Кодатскому (от Выборгского района) и В. В. Сахарову.

Во исполнение этих решений 14 июня «Правда» напечатала призыв, который заканчивался словами: «ПК считает необходимым решительно заявить, что всякие разрозненные действия отдельных частей солдат и рабочих могут нанести глубочайший вред делу революции, а потому какие бы то ни было выступления без призыва ЦК, ПК и ВО считать безусловно недопустимыми...»¹⁰ Трудно сказать, что возымело большее действие — призыв

в «Правде» или попытки большевиков влиять на анархистов «изнутри». Как бы то ни было, анархистская демонстрация в назначенный день не состоялась.

Демонстрация 18 июня ¹¹

Было бы ошибкой предположить, что только большевики придавали такое большое значение демонстрации, намечаемой съездом Советов. Безусловно, ни одна другая партия не пыталась копировать «тактический блицкриг» большевиков, а многие умеренные лидеры Совета даже сомневались в целесообразности и, особенно, в своевременности этой демонстрации ¹². Однако после того как марш был назначен, съезд в целом, а также меньшевики и эсеры сделали все, чтобы он проходил организованно и под лозунгами съезда. Для решения организационных и административных вопросов был создан специальный комитет по проведению демонстрации, в который вошли представители всех партий. Возглавил его Богданов ¹³. Комитет разработал порядок прохождения колонн, маршруты, детальный церемониал и 15—18 июня опубликовал в «Известиях» массу подробнейших инструкций. В этот период большое внимание демонстрации уделяли меньшевистская «Рабочая газета», эсеровская газета «Дело народа», а также «Правда». Орган Межрайонного комитета «Вперед» поддерживал многие из большевистских лозунгов, а группа Плеханова «Единство» призывала своих сторонников выйти на демонстрацию от лица «сильного демократического движения» и «поддержать Временное правительство». Крайне правая «Маленькая газета» звала своих читателей на демонстрацию, чтобы выразить свою волю «соответствующими лозунгами». И только либеральная газета «Речь» по-прежнему настаивала на бойкотировании предстоящего шествия.

Как ни странно, 17 июня большая часть первой страницы «Правды» была занята текстом слегка переработанной листовки Сталина к демонстрации 10 июня, которая вызвала бурную реакцию, после того как Гегечкори зачитал ее 9 июня перед съездом. На этот раз среди призывов были все лозунги 10 июня, в том числе с требованием отставки «10 министров-капиталистов» и передачи власти Советам. К ним были своевременно добавлены лозунги: «Пересмотреть Декларацию прав солдата», «Долой

разоружение революционных рабочих», «Против политики наступления», так как они представляли особый интерес для игравших ключевую роль частей гарнизона. «Готовьтесь к воскресной демонстрации», — призывала «Правда» в другой передовой статье накануне марша. «Демонстрация должна стать не просто прогулкой, а политическим смотром сил, — продолжала газета большевиков. — Демонстрация должна стать орудием давления со стороны революционного пролетариата и революционных солдат для практического проведения в жизнь их требований. За работу! Время не ждет!»

Перед демонстрацией 18 июня большевики искусно провели широкую политическую кампанию, несмотря на то что подобные действия ранее в России не практиковались. Большевики не были запятнаны сотрудничеством с Временным правительством и поэтому могли свободно критиковать его и обещать массам все, что угодно. Их призывы базировались в основном на эмоциях. Солдатам гарнизона большевики говорили: если вы не хотите погибать на фронте, если вы не хотите возврата к царской дисциплине, если вы хотите улучшить свои жилищные условия и добиться перераспределения земли — идите за нами. Для привлечения на свою сторону рабочих они среди прочего требовали повышения заработной платы, 8-часового рабочего дня, установления на предприятиях рабочего контроля и обуздания инфляции. На передний план большевистские агитаторы выдвигали омерзительный лик контрреволюции. Основные идеи их выступлений совпадали с постоянно проповедовавшимися в «Правде» и «Солдатской правде» после возвращения Ленина в Петроград в апреле 1917 г. Но на этот раз они (идеи) лавиной обрушивались на население в течение пяти дней. При помощи почти ста прибывших в столицу опытных пропагандистов (делегатов Всероссийской конференции фронтовых и тыловых военных организаций РСДРП(б), открывшейся в Петрограде 16 июня), которые действовали через ячейки, созданные практически на всех предприятиях и в воинских частях, большевики смогли эффективно распространить свое влияние по всему городу.

Лишь немногие рабочие и солдаты, изначально отдавшие свои голоса меньшевикам и эсерам, ясно представляли себе программы этих двух партий. Поэтому нет ничего удивительного в том, что накануне демонстрации, 17 июня, даже на тех заводах, где социалистические партии чувствовали себя наиболее уверенно, были приняты

резолюции, одобрявшие лозунги большевиков. При случае эти рабочие снова проголосовали бы за меньшевиков и эсеров, однако в тот момент они или проявляли полную апатию, или встали на сторону большевиков¹⁴. «Идет усиленная подготовка к демонстрации,— записал в своем дневнике Лацис 15 июня.— Сегодня состоялось совещание заводских представителей. Принимается решение выступить с теми же лозунгами, которые были заготовлены к отмененной демонстрации». В записи, датированной следующим днем, можно прочесть: «Заводы справляются своими силами... Как выросли наши рабочие!» И накануне: «Подготовка проходит удачно. По всем заводам на общих собраниях принимаются наши лозунги, то же в войсковых частях»¹⁵.

Этот сдвиг влево не прошел незамеченным. В своем пророческом докладе Керенскому, датированном 17 июня, командующий Петроградским военным округом генерал П. А. Половцев отмечал, что в настроении масс наблюдается постоянное изменение. «Недовольство растет как на почве еще неясно осознанной потребности к более определенной организации, так и на почве неудовлетворительной организации продовольствия, растущей дороговизны, тесноты размещения в казармах, все еще не решенного вопроса об увеличении пайка семьям и т. д. Отсюда нарастание недовольства Временным правительством и увеличивающееся течение в пользу лозунга «Вся власть Советам рабочих и солдатских депутатов!». При этих условиях, несмотря на все принимаемые меры, нельзя быть уверенным, что предстоящая 18 июня грандиозная манифестация не выльется в нежелательные формы»¹⁶.

В воскресенье 18 июня было ясно и ветренно — идеальная погода для парадов¹⁷. Было тепло уже рано утром, когда толпы солдат и рабочих начали собираться в назначенных пунктах по всему городу; а в 9.00 под звуки «Марсельезы» первые группы демонстрантов начали движение вниз по Невскому проспекту. Во главе шли Исполком Петроградского Совета и Президиум съезда, в том числе Чхеидзе, Гоц, Дан, Гегечкори и Богданов. У могилы жертв Февральской революции на Марсовом поле лидеры Совета и делегаты съезда, которые шли вслед за ними, покинули ряды демонстрантов, чтобы иметь возможность наблюдать за прохождением колонн с возвышенных точек. Мимо них в торжественном молчании проходили ряды солдат и рабочих, опускавших свои знамена в честь павших героев.

Грандиозная демонстрация (она продолжалась практически весь день) однозначно подтвердила привлекательность программы большевиков и эффективность их методов. Район за районом, завод за заводом проходили участники манифестации, общая численность которой составила более 400 тысяч человек *, причем все опубликованные источники свидетельствуют, что в море большевистских лозунгов и плакатов лишь изредка мелькали лозунги съезда. Многие районы, большинство заводов и все главные воинские части гарнизона, включая 1-й пулеметный, Павловский, Гренадерский, Московский, Финляндский, Измайловский, Егерский, 171-й запасный, 1-й запасный и 6-й саперный полки, шли без оружия, преимущественно под большевистскими лозунгами. «Кое-где,— вспоминал Н. Н. Суханов,— цепь большевистских знамен и колонн прерывалась специфическими эсеровскими и официальными советскими лозунгами. Но они тонули в массе; они казались исключением, нарочито подтверждающим достоверность правила. И снова, и снова, как непреложный зов самых недр революционной столицы, как сама судьба, как роковой Бирнамский лес ** — двигалось на нас: «Вся власть Советам!», «Долой 10 министров-капиталистов!»¹⁸ Другой мемуарист, которого ни в коем случае нельзя обвинить в симпатиях к левым силам, отмечает то же самое. Павел Милюков писал, что демонстрация 18 июня «показала еще раз, что в Петрограде, безусловно, преобладают большевистские лозунги и настроения и что даже в дружественной правительству манифестации — говорить о поддержке коалиционного правительства было просто невозможно»¹⁹.

Среди представителей промышленных предприятий и воинских частей Петроградской стороны были моряки Кронштадта²⁰, члены ЦК большевиков, а также многие делегаты Всероссийской конференции фронтовых и тыловых военных организаций РСДРП(б). Наиболее многочисленные колонны — от Выборгского района — прошли перед трибунами примерно в полдень. Их возглавляли члены преимущественно большевистского Выборгского районного Совета; а в составе верных им заводов и воинских частей уверенно шли анархисты-коммунисты. Из всех демонстрантов только они шли по Марсову полю при оружии, распевая песни, произнося короткие речи и размахивая черными знаменами с надписями: «Долой

* По другим, тоже ориентировочным данным, в демонстрации 18 июня приняло участие около 500 тысяч человек.— *Ред.*

** *Шекспир У. Макбет.*

правительство и капитал!» и «За создание коммуны!» Оттуда анархисты вернулись в Выборгский район и устроили там единственный серьезный инцидент, происшедший в этой на редкость мирной демонстрации.

Бегство Ф. П. Хаустова и разгром дачи Дурново Временным правительством ²¹

Планируя демонстрацию 18 июня, Временный революционный комитет анархистов решил превзойти большевиков. 9 июня Временным правительством по обвинению в измене за статьи, направленные против предстоящего наступления на фронте, был арестован Ф. П. Хаустов, редактор «Окопной правды» — фронтовой газеты Военной организации РСДРП(б). Подобно большинству членов Военной организации, этот офицер 7-й армии примкнул к большевикам только после Февральской революции. Как вспоминает в своих мемуарах Ф. Ф. Раскольников, «в нем преобладало инстинктивное, тяготеющее к анархизму бунтарство» ²². 17 июня Всероссийская конференция военных организаций РСДРП(б) приняла резолюцию о его освобождении из тюрьмы ²³, а 18-го во время демонстрации несколько делегатов конференции подошли на трибуне к Чхеидзе и потребовали освобождения Хаустова до наступления ночи. Чхеидзе согласился рассмотреть этот вопрос, и делегация вернулась в колонну ²⁴. Тем временем в 3 часа дня, когда демонстрация была в полном разгаре, толпа анархистов-коммунистов и вооруженных солдат (примерно 1500—2000 человек) явилась в «Кресты», где содержался Хаустов, и силой оружия освободила его. Выйдя на волю, Хаустов потребовал освобождения еще нескольких политических заключенных, и через непродолжительное время они также оказались на свободе. После этого анархисты покинули тюрьму вместе с обретшими свободу революционерами и, по-видимому, вернулись на дачу Дурново.

Весть о незаконном освобождении Хаустова достигла Временного правительства, которое немедленно созвало экстренное заседание для заслушивания по этому вопросу министра юстиции П. Н. Переверзева. После его доклада правительство предоставило министру полномочия, вплоть до применения силы, для ареста беглецов и тех, кто организовал их побег.

Ранним утром следующего дня этот приказ был выполнен. Согласно официальному правительственному докла-

ду, в 3 часа утра 19 июня подразделения Преображенского и Семеновского полков, полк казаков и несколько броневиков под командованием генерала Половцева и в присутствии министра Переверзева и прокурора Н. С. Каринского окружили дачу Дурново. После того как требование Временного правительства о выдаче беглецов и обыске помещений было отвергнуто, генерал Половцев отдал приказ занять штаб анархистов. Анархисты-коммунисты оказали сопротивление. В наступавших было брошено несколько бомб, однако они не взорвались, и воинские части быстро захватили дачу. Все 60 рабочих, солдат и матросов, находившихся в тот момент на даче, были арестованы и отправлены в тюрьму. Среди них было и несколько «беглецов», хотя сам Хаустов отсутствовал. Единственной жертвой в этой неравной битве стал один из лидеров анархистов-коммунистов — Аснин. По материалам официального расследования, он был случайно застрелен при попытке вырвать винтовку у одного из нападавших солдат.

Июньское наступление

Разгром дачи Дурново Временным правительством ускорил еще один всплеск волнений среди рабочих и солдат Выборгского района. События, связанные с началом июньского наступления, имели схожие последствия, и теперь мы должны обратиться именно к этому вопросу. Данное исследование не ставит перед собой целью тщательный анализ общей ситуации на фронте и планирования июньского наступления, его связи с согласованными военными усилиями союзников, а также возникших затруднений в результате почти полного развала дисциплины после Февральской революции. Будет вполне достаточным сказать, что среди инициаторов наступления были военный министр А. Ф. Керенский и Генеральный штаб, которые рассматривали его как средство восстановления боеспособности дезорганизованных и деморализованных войск на фронте и в тылу, восстановления пошатнувшегося международного авторитета страны и объединения разобщенного российского общества под знаменем Временного правительства. Несмотря на очевидную рискованность этого предприятия, такую линию действия с различной долей энтузиазма поддерживали союзники, все правоцентристские элементы российского общества, а также кадеты, меньшевики и эсеры.

В военном отношении наступление было задумано так, чтобы вынудить Германию перебросить свои войска с Западного фронта и тем самым способствовать сохранению установившегося там равновесия до прибытия крупных свежих сил США. 12 июня, несмотря на некоторую оппозицию (главным образом со стороны большевиков), Керенскому удалось добиться молчаливого согласия съезда Советов на возобновление военных действий²⁵, после чего он незамедлительно отбыл в Тернополь, главный удерживаемый русскими войсками город Галиции, чтобы лично отдать приказ о начале наступления. Устроив большую шумиху, 16 июня Керенский объявил войскам о наступлении, а соответствующее официальное заявление было сделано в столице 19 июня. Накануне, 18 июня, части 7-й и 11-й русских армий перешли в наступление на Юго-Западном фронте в направлении занятого австрийцами Лемберга (Львова).

С самого начала отношение к наступлению в стране и на фронте было неоднозначно. В Петрограде это известие было встречено грандиозным взрывом патриотизма со стороны среднего и высшего слоев буржуазии. Временное правительство, съезд Советов, все ведущие партии, за исключением большевиков, а также все основные газеты (кроме «Правды») превозносили возобновление активных военных действий с энтузиазмом, который граничил с безумием. «В этот решающий час,— говорилось в официальном заявлении съезда,— Всероссийский съезд рабочих и солдатских депутатов и Исполнительный комитет Всероссийского Совета крестьянских депутатов призывают страну напрячь все силы на помощь армии. Крестьяне — дайте армии хлеб. Рабочие — пусть армия не терпит недостатка в снарядах. Солдаты и офицеры тыла — маршевыми ротами и целыми полками по первому призыву идите на фронт. Граждане — помните все о вашем долге. Никто не смеет в эти дни уклоняться от выполнения долга перед родиной»²⁶. Несмотря на эти призывы, во многих частях гарнизона и среди заводских рабочих, где движение за окончание войны и влияние большевиков были наиболее сильны, преобладало либо безразличие, либо открытое неповиновение. Некоторые полки и заводы незамедлительно приняли резолюции (часть из них была опубликована в «Правде» и «Солдатской правде»), напрямую осуждавшие наступление и требовавшие передачи власти Советам²⁷.

Обстановка на фронте была точно такой же, как в Петроградском гарнизоне. Сначала наступление русских войск (в результате огромного численного пере-

веса, тщательной артиллерийской подготовки и низкого боевого духа противостоящих австрийских сил) было поразительно успешным, однако одновременно от командующих дивизиями поступали зловещие по смыслу секретные донесения, в которых говорилось об общем нежелании сражаться, массовом дезертирстве и коллективном невыполнении приказов²⁸. В шифровке Временному правительству от 24 июня подавленный Керенский сообщал:

«Громадным напряжением нравственного воздействия удалось двинуть армию в наступление и создать на первые дни настроение порыва и воодушевления. Но во многих случаях порыв оказался неустойчивым и после первых дней, а иногда даже часов боя сменился упадком духа. Вместо того чтобы развивать первоначальный успех, части, участвовавшие в боях, стали составлять резолюции с требованием немедленного ухода в тыл, на отдых, так что с трудом удалось уговорить их оставаться на месте и не было возможности двинуть в наступление»²⁹.

Такая мрачная картина большей частью скрывалась от русской общественности — всю последнюю неделю июня ежедневные официальные военные сводки продолжали рисовать обстановку в розовых тонах. Однако уже к началу июля, за несколько дней до массированного контрнаступления германских войск, даже в официальных сообщениях появились намеки, что первоначальное наступление русских остановлено. 3 июля в вечернем выпуске «Биржевых ведомостей», то есть примерно в одно время с началом июльского восстания, появилось тревожное известие о том, что русские силы повсеместно атакованы и несут тяжелые потери. Но об этом рассказ еще впереди. А прежде мы должны рассмотреть, как развивались события на Всероссийской конференции фронтовых и тыловых военных организаций РСДРП(б), которая, как уже говорилось, открылась 16 июня в особняке Кшесинской.

Всероссийская конференция военных организаций большевиков и нарастание волнений

Произошедшим на этой конференции событиям, как, впрочем, и многим другим важным вопросам, история партии большевиков уделяет мало внимания, в то время как эти уникальные по своей сути заседания заслуживают самого пристального изучения³⁰. Именно здесь впервые

встретились представители фронтовых и тыловых частей Военной организации большевиков, чтобы определиться в руководстве, разработать структуру и программу Всероссийской военной организации, оценить обстановку внутри вооруженных сил ³¹. В предварительном обращении к делегатам говорилось, что конференция призвана «выработать единообразный план действий, договориться о самых важных вопросах текущего момента и выковать единую волю, чтобы можно было действовать всюду и везде на всю армию и подготовить эту армию к дальнейшему расширению и углублению революции» ³².

В работе конференции участвовало 107 делегатов от Петроградского и провинциальных гарнизонов, а также от воинских частей Северного, Западного и Юго-Западного фронтов. Потом на VI съезде РСДРП(б) Подвойский доложил, что эти делегаты представляли 26 тысяч членов РСДРП(б) 43 фронтовых и 17 тыловых частей. Другой участник конференции называет цифру 30 тысяч членов Военной организации ³³. В основном делегаты были рядовыми солдатами, хотя небольшое количество офицеров и гражданских лиц участвовали в конференции. За редкими исключениями, все они вступили в РСДРП(б) в 1917 г. ³⁴

Нельзя забывать о том, что конференция проходила в напряженный период непосредственно до и после демонстрации, разгрома дачи Дурново и начала наступления на фронте — с 16 по 23 июня. Участники конференции сыграли ключевую роль в демонстрации съезда ³⁵ и испытывали чувство победы в тот самый момент, когда началось ненавистное им наступление. Многие солдаты-делегаты приходили на заседания прямо из бурлящих казарм, с винтовками за спиной и готовые действовать ³⁶. Немало рядовых членов Военной организации Петроградского гарнизона видели в конференции не что иное, как орган и средство для захвата власти ³⁷. «Половину всего времени мы были вынуждены успокаивать массы», — объяснял на VI съезде РСДРП(б) Подвойский ³⁸. Только вмешательство Ленина утром 20 июня позволило на время остановить тенденцию к немедленному началу восстания. Вот почему изучение конференции просто необходимо, ведь проявленные там нетерпимость, анархия и воинственность в некотором смысле дали толчок июльскому восстанию.

Практическая работа конференции началась 16 июня

с заслушивания на вечернем заседании отчетов местных отделений Военной организации. В отчетах и прениях поднимались такие вопросы, как братание, отношения между военными организациями частей и полковыми комитетами, сильные и слабые стороны большевистской пропаганды и организационных мероприятий на фронте, наступление, трудности, вызванные антибольшевистскими репрессиями. Это продолжалось весь вечер. На следующий день (17 июня) делал доклад обычно сдержанный Зиновьев, который, очевидно, воодушевленный общим настроением, сказал: «Перед нами выбор — смерть в окопах во имя чуждых нам интересов или на баррикадах — за наше дело»³⁹. К этому времени акцент в работе конференции начал смещаться к подготовке предстоявшей на следующий день демонстрации, причем многие рассматривали складывавшуюся ситуацию как начало решающей схватки с Временным правительством. Приведенные ниже отрывки из статьи А. Я. Аросева⁴⁰, опубликованной 17 июня в Бюллетене конференции, отражают общее настроение ее участников:

«Наша... военная конференция собирается в тот момент, когда вся российская политическая жизнь делает поворот. Поэтому среди конференентов непрерывно ведутся споры и разговоры о предстоящей демонстрации 18 июня, о переходе власти из рук Временного правительства в руки Совета рабочих и солдатских депутатов. Из частных бесед видно, что товарищи конферененты думают, что лучшие силы агитаторов, какие есть на конференции, надо немедленно пустить в ход, на агитацию в казармы. Почти все съехавшиеся товарищи солдаты сообщают, что свои местные организации они покинули в момент сильного возбуждения, в момент яркого и ясно выраженного протеста против захватной политики правительства, против приказов Керенского. Отовсюду слышатся голоса товарищей солдат, что настало время решительной схватки за власть, что репрессии со стороны Временного правительства вызывают явное возмущение целых воинских частей, и смешно говорить о том, что репрессиями, расформированиями, каторгой и смертной казнью можно было вдохнуть в солдат волю для захватнического наступления. Тот рост социал-демократических организаций, который наблюдался за последнее время, и та волна возмущения, которая подымается все выше и выше,— вливают силу и бодрость в сердца съехавшихся товарищей, вливая

жажду и сильную волю к последнему напряжению великой борьбы».

Опубликованные в Бюллетене эта и аналогичные ей статьи ценны тем, что они отражают широкий интерес членов Военной организации к немедленному началу решающих действий.

Для того чтобы делегаты съезда смогли принять участие в подготовке демонстрации, днем и вечером 17 июня заседаний не было. Таким образом, очередное заседание состоялось только вечером 18 июня, вскоре после завершения демонстрации. По свидетельству очевидцев, к этому моменту на конференции безраздельно властвовал дух победы и бунтарства. Это стало особенно заметно после подтверждения слухов о начале наступления ⁴¹. Всеобщее возбуждение еще более усилилось, когда стало известно, что первым выступающим на вечернем заседании будет только что освобожденный анархистами из тюрьмы Ф. П. Хаустов. И в Бюллетене конференции, и в «Окопной правде» было опубликовано сообщение о его выступлении, однако ни один из этих органов не привел содержание его речи ⁴².

После выступления Хаустова начались доклады местных организаций. Как вспоминает М. С. Кедров, «доклады с мест казались устаревшими, так как с фронта ползла уже зловещая весть, что революционные армии, повинувшись приказу «социалиста» Керенского, идут умирать во славу английских, французских и прочих империалистов... Все делегаты находились под впечатлением грандиозной демонстрации, и доклады слушались вяло» ⁴³. В мемуарах Н. И. Подвойского читаем, что на этом этапе конференции «время от времени на трибуну стали подниматься делегаты от Петроградского гарнизона с требованием прекратить обсуждение стоящих перед конференцией вопросов и превратить ее в оперативный штаб вооруженного восстания» ⁴⁴.

К сожалению, опубликовано очень мало документальных материалов, которые могли бы свидетельствовать о реакции лидеров ЦК и Военной организации на эти требования. Кое-какая информация на этот счет содержится в воспоминаниях Подвойского. В них, в частности, говорится, что на состоявшемся через два часа после демонстрации неофициальном заседании ЦК он спросил Ленина, что делать дальше. Он якобы сказал Ленину: «Мы имеем перед собою ход событий, который, несомненно, заставит нас сделать решительные шаги: вслед за

демонстрацией воли массы потребуют демонстрации силы». Подвойский пишет, что в ответ Ленин настаивал на необходимости проявления чрезвычайной осторожности со стороны Военной организации:

«Тов. Ленин указал, что демонстрацией пролетариат ничего не добился. Он (пролетариат) должен с нею вместе похоронить иллюзию на мирную возможность передачи власти Советам. Власть не передают: ее берут с оружием в руках. Ход событий будет таков: буржуазия, поняв силу нашей организации, учтя колоссальную скорость овладения массами, не даст нам возможности окончательно овладеть ими и употребит все усилия, чтобы спровоцировать эти массы в такое выступление, которое, вызвав репрессии, разобьет и разделит их. Поэтому мы должны самым интенсивным образом заниматься организацией, поставив ее под определенным знаком — знаком невозможности добиться власти мирными способами. Необходимо дать пролетариату указания, что вся организация его силы в конечном счете имеет восстание если не через дни, не в ближайшие недели, то, во всяком случае, в ближайшем будущем»⁴⁵.

Подвойский указывает далее, что под этим же углом зрения вопрос о подготовке пролетариата был поставлен на открывшейся вскоре конференции военных организаций. Таким образом, если верить Подвойскому, делегаты были проинструктированы не играть на руку правительству, устраивая плохо организованное преждевременное восстание, а готовиться к решающему сражению «если не через дни, не в ближайшие недели, то, во всяком случае, в ближайшем будущем».

На следующее утро (19 июня), несмотря на волнения в Выборгском районе после разгрома правительством дачи Дурново, конференции удалось решить несколько формальных вопросов. Подвойский произнес ранее запланированную речь о целях Всероссийской военной организации. Среди прочего он заявил, что одна из главных ее задач — «разрушить постоянную армию и вооружить весь народ». Он также остановился на задачах Военной организации по распространению революционных идей среди крестьянства. «Наша цель,— сказал он,— зарядить идеями как можно больше голов, чтобы они, вернувшись в деревню, способствовали быстрому разрастанию организационного начала, при помощи которого мы можем завоевать влияние на селе»⁴⁶.

Такие важные моменты, как улучшение организацион-

ного уровня и укрепление партийной дисциплины, были затронуты в выступлении В. И. Невского. «В настоящий момент,— признал он,— Петербургская организация не может похвалиться своей организацией... Есть полки, в которых мы имеем большое влияние, но там нет формальных организаций»⁴⁷. Возможно, под давлением ЦК Невский указал на необходимость координации усилий Военной организации и Центрального Комитета. Он отметил, что хотя «Военная организация имеет особый характер (то есть представляет собой мощную боевую единицу.— *А. Р.*) и что хотя солдаты находятся в особых условиях (вероятно, он подразумевал наступление и призыв новобранцев в части гарнизона и, следовательно, срочный характер требований военных.— *А. Р.*), она должна стать составной частью постоянно действующей партийной организации»⁴⁸.

Ввиду того что Невский выступил непосредственно после демонстрации, которая в глазах большинства солдат-большевиков была недвусмысленным проявлением силы и организованности, вероятно, его речь не была воспринята всерьез. Тем не менее заявление его было своевременным. На следующий день (20 июня), когда наиболее ответственные большевики призывали к терпению, порядку и партийной дисциплине, представители 1-го пулеметного полка, в составе которого было много номинальных большевиков, уже начали зондировать обстановку в других полках на предмет немедленного восстания против Временного правительства независимо от мнения партийного центра. Вследствие этого нам представляется необходимым до проведения окончательного анализа завершающей фазы конференции военных организаций обратить внимание на возрастание в столице волнений.

Обстановка в Выборгском районе обостряется

Разгром Временным правительством дачи Дурново, арест анархистов и, особенно, смерть Аснина дали толчок новой волне беспорядков, подобно аналогичным событиям 7 июня. Как и тогда, порядок и единство нации имели необычайно важное значение для успешного проведения военных действий. Утром 19 июня рабочие заводов «Розенкранц», «Феникс», «Старый Парвийнен» и «Промет», а также Металлического, расположенных в непо-

средственной близости от дачи Дурново, начали забастовку⁴⁹. Толпы Выборгских рабочих вместе со своими семьями собрались на даче, где во дворе перед входом было выставлено обложенное льдом тело Аснина. Как сообщали 20 июня «Известия», весь день мимо тела покойного проходила вереница старух с покрытыми головами, которые крестились и делали пожертвования в стоявшую рядом коробку.

Представители заводов Выборгского района были направлены в Исполком Петроградского Совета, чтобы заявить протест против разгрома анархистского штаба, «убийства» Аснина и массовых арестов. В ответ на эти требования Исполком незамедлительно назначил комиссию по расследованию, отдал приказ об освобождении всех заключенных, против которых не было предъявлено обвинений в конкретных преступлениях, и призвал рабочих сохранять спокойствие и вернуться на рабочие места⁵⁰. Примерно в это же время анархисты-коммунисты завода «Розенкранц» послали своих представителей в размещенные в Выборгском районе 1-й пулеметный и Московский полки с предложением провести демонстрацию против Временного правительства. Сначала эти предложения были отвергнуты⁵¹, однако угроза демонстрации приобрела более серьезный характер на следующий день (20 июня), когда в развитие событий вмешалось новое обстоятельство, представлявшее для Петроградского гарнизона непосредственный интерес.

Суть его заключалась в том, что в некоторые полки Петроградского гарнизона поступили приказы о выделении оружия и солдат в связи с наступлением на фронте. 1-му пулеметному полку, например, было дано семь дней, чтобы предоставить из своего арсенала 500 пулеметов, а 21 июня им был предъявлен «план о реорганизации», в соответствии с которым две трети личного состава должны были быть отправлены на фронт⁵². 20 июня полковой комитет согласился выполнить требование относительно оружия, однако на состоявшемся позже в тот же день массовом митинге личного состава это решение было признано неправомочным⁵³. В качестве аргумента приводилось обещание правительства не разоружать и не выводить из Петрограда части, принимавшие участие в Февральской революции. Независимо от наступления солдаты явно не горели желанием расставаться с пулеметами или умирать за Временное правительство. Очевидно, в знак протеста против его действий

солдаты проголосовали за немедленное проведение демонстрации, причем существенную роль в принятии именно такого решения сыграли анархисты и большевики ⁵⁴.

Ни одна из речей, произнесенных на митинге 20 июня, не была опубликована, однако советский историк П. М. Стулов приводит в своей работе взятое из архивов следующее заявление как типичное для массы пропагандистских выступлений, звучавших в то время в полку: «Правительство — буржуазное, а министры-социалисты обуржуазились. Оно хочет войной уничтожить пролетариат... Оно ничего не сделало до сих пор, даже не увеличило пайка вашим семьям. Сами вы ходите, как оборванцы, а офицеры получают громадное жалованье. Дороговизна жизни растет по часам, а все потому, что буржуи набивают себе карманы. Надо передать всю власть в руки Совета рабочих и солдатских депутатов, а этот последний переизбрать, чтобы были там все большевики. Тогда сразу будет заключен мир. Фабрики и заводы отберем от буржуев и всех их уничтожим. Тогда сразу появятся и хлеб и мясо... Если солдаты хотят выбрать сами себе начальника, буржуи и офицеры кричат: «анархия», а когда Керенский дает право офицерам расстреливать солдат — это не анархия. Товарищи пулеметчики! Вы для буржуев — огонь! Они вас не переваривают — выступайте с оружием. Заставим Совет рабочих и солдатских депутатов взять всю власть в свои руки. Не верьте офицерам, отговаривающим вас, — с вами весь гарнизон и Кронштадт. Вам стоит только выступить, и нет буржуев-министров» ⁵⁵.

В тот же день, 20 июня, представители 1-го пулеметного полка были направлены в другие части гарнизона, чтобы заручиться поддержкой в вопросе о проведении массовой вооруженной демонстрации. По сообщению газеты «Новая жизнь», два пулеметчика появились на спешно организованном митинге в Гренадерском полку в 5 часов дня и получили полную поддержку ⁵⁶. Представители 1-го пулеметного полка были направлены также в Московский, Преображенский, Петроградский и другие полки ⁵⁷.

О деятельности 1-го пулеметного полка было вскоре доложено Исполкому Петроградского Совета, который немедленно разослал по всем частям гарнизона телеграмму следующего содержания: «По сведениям, имеющимся в Исп. Комитете, 1-й пулеметный полк разослал делегатов во все полки с предложением выступить против Вр. правительства. Военный отдел Исп. Комитета решительно осуждает призыв пулеметчиков, действующих вразрез

с Всероссийским съездом и Петроградским Советом, наносящих удар в спину армии, героически и самоотверженно борющихся на фронте за торжество революции, сеющей всеобщий мир и благо всего народа... Военный отдел призывает полки сохранять спокойствие, не слушать никаких призывов отдельных групп или полков и быть готовыми выступить по первому требованию Вр. правительства, действовать в согласии с Советом на защиту свободы от грозящей анархии»⁵⁸.

Очевидно, давление со стороны Петроградского Совета, а также усилия лидеров петроградских большевиков, направленные на удержание пулеметчиков, привели к тому, что 1-й пулеметный полк пересмотрел свое решение о демонстрации⁵⁹. 21 июня полк решил прекратить свою деятельность и ограничиться резолюцией, которая заранее отвергала предстоящую отправку сил в действующую армию. В ней, в частности, говорилось:

«(1) ...В дальнейшем мы будем посылать команды на фронт только тогда, когда война будет носить революционный характер, который возможен только при устранении от власти капиталистов и перехода ее в руки демократии в лице Всероссийского Совета р., с. и кр. д.

(2) Если Совет рабочих и солдатских депутатов будет угрожать этому или другим революционным полкам насильственным роспуском, в ответ мы не остановимся перед применением вооруженной силы для разгрома Временного правительства и других поддерживающих его организаций»⁶⁰.

В этой связи следует отметить, что разгром дачи Дурново вызвал волнение не только в Петрограде. Среди арестованных были матросы, поэтому волна негодования охватила и Кронштадт (отчасти это произошло в результате пропаганды анархистов). На многочисленных митингах, проведенных 20, 22 и 23 июня, было принято решение, что, если арестованные моряки не будут освобождены, кронштадтские части освободят их силой. Этот ультиматум вручили министру юстиции 25 июня⁶¹. Моряки также угрожали взять в качестве заложников членов комиссии Временного правительства, которая занималась расследованием фактов задержания бывших царских морских офицеров. (Эта комиссия заседала большую часть мая, июнь и июль и освободила многих заключенных, к жестокому разочарованию большинства матросов, которые намеревались рассчитаться с офицерами за страдания и несправедливость еще царского времени⁶².)

Ленин, Конференция военных организаций и вопрос о немедленном восстании

Вспомним, что первый кризис с дачей Дурново привествовался подавляющим большинством членов ЦК РСДРП(б). Однако совершенно иным было отношение ЦК к требованиям левых большевиков на Конференции военных организаций, к спровоцированным анархистами беспорядкам в Выборгском районе, к деятельности 1-го пулеметного полка в период начиная с 20 июня, а также к зловещей угрозе со стороны Кронштадта. Теперь Ленин и большинство ЦК остро ощущали нарастающую опасность преждевременного восстания. 19 июня, когда в Выборгском районе вот-вот могли вспыхнуть антиправительственные демонстрации, Временное правительство, Совет и большинство столичных газет победоносно славили наступление, а толпы их сторонников отводили душу на Невском проспекте, размахивая патриотическими знаменами. Создавалось впечатление, что массы вполне способны отшатнуться от большевиков, и это только разжигало нетерпение левых. Как бы то ни было, партия еще до конца не осмыслила эти факторы и скорректировала свою тактику в соответствии с ними. Все это наводит на мысль, было ли совершенно случайным принятое в тот момент решение ЦК созвать VI съезд РСДРП(б).

Главные задачи съезда состояли в том, чтобы оценить силы партии и общую ситуацию в стране, проанализировать «текущий момент», пересмотреть программу партии, подготовиться к созыву Учредительного собрания, а также избрать новый ЦК⁶³. Он представлялся крайне важным событием с точки зрения выработки стратегии и тактики партии большевиков, поскольку давал возможность организовать дискуссию между более консервативными провинциями и революционной столицей, между делегацией большевиков в Совете и самой партией, между правыми членами ЦК Каменевым, Зиновьевым и Ногиним, центристским большинством Ленина и левыми в лице Сталина, Смилги, Военной организации и Петербургского комитета. Как было объявлено 20 июня в «Правде», съезд должен был начать работу в период между 1 и 5 июля, то есть через десять дней после его объявления. Времени на подготовку было явно недостаточно, поэтому во втором объявлении, появившемся в «Правде» 24 июня, дата открытия съезда была перенесена на 20 июля. Кроме того, 20 июня Петербургский

комитет назначил на 1 июля открытие 2-й Общегородской конференции РСДРП (б) ⁶⁴. Теперь, проводя подготовку к этим мероприятиям, ЦК делал все, чтобы предотвратить преждевременный взрыв в столице, где обстановка была крайне нестабильной. Такой в общих чертах была ситуация в городе, когда 20 июня Ленин выступил с речью перед делегатами Всероссийской конференции военных организаций РСДРП(б).

М. Л. Сулимова, участница конференции и убежденный боец партии с 1905 г., вспоминает, что «внешне Владимир Ильич держался спокойно. Но нам, часто встречавшимся с Ильичем, было видно, что он волнуется» ⁶⁵. М. С. Кедров, в свою очередь, пишет, что, когда дело дошло до демонстрации настроений, господствовавших в некоторых партийных кругах и сводившихся к тому, «что нечего дальше ждать, пора большевикам захватить власть в свои руки», Владимир Ильич горячо и резко выступил против подобных взглядов. Его точку зрения вполне разделяли немногие делегаты. У большей же части его взгляд вызвал разочарование и даже недовольство. Делегаты этой группы ожидали, что Ленин, вне сомнения, одобрит их «революционность» и «левизну» ⁶⁶. Сулимова добавляет, что для «разгоряченных голов» речь Ленина «сыграла роль ливня».

В своем выступлении Ленин был предельно краток относительно подготовки к вооруженному восстанию и сосредоточился на умиротворении своих нетерпеливых последователей. Его речь была направлена на сдерживание нарастающей тенденции к немедленному восстанию. «Мы,— говорил он,— должны быть особенно внимательны и осторожны, чтобы не поддаться провокации... Один неверный шаг с нашей стороны может погубить все дело... Если и удалось бы сейчас власть взять, то наивно думать, что, взявши ее, мы сможем удержать».

Мы не раз говорили, что единственно возможной формой революционного правительства являются Советы рабочих, солдатских, крестьянских и т. д. депутатов.

Каков же удельный вес нашей фракции в Советах? Даже в Советах обеих столиц, не говоря уже о других, мы в ничтожном меньшинстве. А что показывает этот факт? Нельзя от него отмахнуться. Он показывает, что массы в большинстве своем колеблются и еще верят эсерам и меньшевикам.

Это — основной факт, и он определяет поведение нашей партии. Как можно толкнуть мелкую буржуазию

к власти, если эта мелкая буржуазия теперь уже может, но не хочет взять ее.

Нет, чтобы серьезно, не по-бланкистски идти к власти, пролетарская партия должна бороться за влияние внутри Советов, терпеливо, неуклонно, изо дня в день разъяснять ошибку масс, их мелкобуржуазные иллюзии.

Сорвать эту нашу линию хотят контрреволюционеры, они всяческими средствами пытаются спровоцировать нас на преждевременное, сепаратное выступление, но мы на эту удочку не пойдем, нет, мы не доставим им такого удовольствия.

А когда массы увидят, что соглашательское правительство их обманывает, так как находится всецело в руках российской и союзнической буржуазии и пляшет под ее дудку, а события последних дней (наступление) как нельзя лучше разоблачают этот обман, то массы придут к единственно оставшейся неskomпрометированной партии, к большевикам.

Не нужно предупреждать событий. Время работает на нас» ⁶⁷.

Реакция на это выступление не нашла никакого отражения в Бюллетене конференции. С первого взгляда может показаться, что Ленину удалось привлечь делегатов на свою сторону, поскольку конференция приняла относительно умеренную резолюцию по вопросу о «текущем моменте», которая полностью соответствовала его точке зрения. Пункт третий ее призывал к решительной борьбе против анархии и против попыток организовать разрозненные, децентрализованные революционные выступления, которые только сыграли бы на руку буржуазии в случае их неверного планирования по времени ⁶⁸. Однако было бы ошибкой предполагать, что вопрос о восстании таким образом был закрыт.

На следующий день после выступления Ленина, то есть когда были основания полагать, что наступление на фронте развивается благоприятно, на Конференции военных организаций обсуждался вопрос о политике партии в этой области. В ходе прений вновь столкнулись умеренный и радикальный подходы. В самых общих чертах ситуация складывалась следующим образом: умеренные выступали против изолированных отказов от участия в боевых действиях как со стороны отдельных военнослужащих, так и частей, полагая, что это не принесет пользы делу и только спровоцирует карательные меры. Такая позиция полностью совпадала с точкой зрения ЦК. Ради-

калы же стояли за общее восстание на фронте, и для них достижение этой цели находилось в неразрывной связи с немедленным восстанием в столице. Поэтому ленинская оценка «текущего момента» и особенно его позиция по вопросу о немедленном восстании вновь стали предметом обсуждения во время дебатов по поводу наступления. Чрезвычайно интересный отрывок этой дискуссии был опубликован в Бюллетене конференции 24 июня. Л. М. Каганович и Н. В. Крыленко⁶⁹ отстаивали более умеренный подход Ленина в споре с радикалами А. Васильевым и Шемаевым⁷⁰. Дискуссию, по всей видимости, завязал Каганович.

«Доклад т. Ленина,— сказал он,— неуязвим, с какой бы стороны к нему ни подходили. Глубокую ошибку совершают те, кто не делает различия между положением, существующим до революции и теперь. Царская власть вооружила против себя почти все классы населения, и нам оставалось только сообразовать нашу тактику с создавшимся положением. Теперь мы наблюдаем не то. Большинство населения идет пока за с.-р. и меньшевиками. А если так, то и наши методы борьбы должны быть теперь отличными от тогдашних. Пропаганда — вот наш метод борьбы; всем, кому только может привиться наша классовая точка зрения, мы должны прививать ее. Этим только мы можем достичь того, что тот класс (класс пролетариата, который по своему положению должен идти за нами, но который сейчас в большей своей части идет за мелкобуржуазными партиями), станет целиком на нашу точку зрения. Но пока этого нет, захват нами власти может привести только к губительной для пролетариата авантюры. Последствием его может явиться гражданская война, не классовая, а именно гражданская, т. е. когда не классы пойдут друг против друга, а одна часть населения против другой».

В этот момент, чтобы выразить мнение противоположной стороны, поднялся Васильев. «Что волнует сейчас делегатов с фронта? — спросил он.— Безусловно, события последних дней: волнения в полках, среди рабочей массы и т. д. Нам кажется, что т. Ленин недостаточно осветил положение масс, находящихся на фронте. Он не указал конкретно выхода из создавшегося положения. Нужно посмотреть правде в глаза,— подчеркнул Васильев.— Армия на фронте отдана в распоряжение контрреволюционных начальников. Наступление на фронте одобрено властью. Армия не может

отнестись к этим фактам безучастно. И разумеется, она ждет от нас активных шагов. Нам кажется, что ЦК действует слишком медлительно. По-видимому, он недостаточно осведомлен о настроении масс на фронте.

Что скажем мы армии, вернувшись к ней отсюда? Какова должна быть наша линия поведения в вопросе о наступлении? Для меня, рабочего, ясно одно: «лучше рабочим умирать здесь на баррикаде, чем там на фронте,— за цели, пролетариату совершенно чуждые». Эти слова Зиновьева — лучший ответ на поставленный мной вопрос.

Мы не должны быть пассивными. На наших глазах совершается ряд действий правительства, направленных на разъединение солдат и рабочих, армии и тыла... Мы должны реагировать на это определенным образом. Пора вспомнить, что мы представляем собою представителей не только социализма, а нужно добавить, еще революционного социализма. И это определяет собою нашу тактику.

Я скажу определенно. Наша солдатская масса пассивна, она привыкла к капральской палке. Сейчас эта палка — в руках буржуазии. Нам надо вырвать эту палку из ее рук и взять ее в свои собственные руки. Поверьте, фронт нас поддержит. На фронте — настроение не большевистское, нет, там настроение антимилитаристское. И этим сказано все».

После этих слов, завершивших выступление Васильева, вновь поднялся Каганович. «Мы подошли к вопросу о захвате власти,— сказал он,— но захват власти в Петрограде еще не означает захвата власти в России. Да, наконец, и в самом Петрограде по вопросу о власти единогласия не наблюдается. Совет рабочих и солдатских депутатов не стоит на нашей точке зрения. А до тех пор — все наши попытки будут неудачны. Наша задача — оказать давление на Совет, добиваться перевыборов».

Н. В. Крыленко, который во время конференции все время пытался принизить влияние большевиков ⁷¹, закончил дискуссию, считая, что положение может быть спасено только массовым отказом воинских частей участвовать в наступлении. «Единичные выступления могут привести лишь к отрицательным последствиям. Но чтобы создались эти массовые выступления,— сказал он,— нам нужно заняться усиленной агитацией своих идей. И лишь когда идеями большевизма будут объаты широкие войсковые массы, следует перейти от слов к делу» ⁷². Можно

сказать одно: вопрос о немедленном восстании был далек от своего решения и после завершения конференции 23 июня. Здесь Военная организация была не одинока.

Петербургский комитет РСДРП(б) и вопрос о немедленном восстании

20 июня, в то время когда попытки анархистов организовать вооруженную демонстрацию, казалось, приносили плоды (правда, деятельность 1-го пулеметного полка в то время еще не была известна), Петербургский комитет РСДРП(б) собрался на экстренное заседание, чтобы выработать оценку сложившегося положения и определить свою политику⁷³. В докладах многих районных лидеров звучала мысль, что недовольство Временным правительством после начала наступления и разгрома дачи Дурново достигло нового пика и привело в движение многие заводы и воинские подразделения, ранее безучастные к большевистской пропаганде. Кроме того, рост недовольства объяснялся и чисто экономическими причинами. Например, С. М. Гессен считал, что на резкий рост числа сторонников большевиков повлияли нерешенные профсоюзные проблемы на гигантском Путиловском заводе. На этом же заседании, хотя и не так единодушно, отмечалось возрождение патриотического духа среди некоторых слоев населения в результате успешного наступления на фронте. Как всегда, внутри комитета наблюдались существенные противоречия относительно дальнейших действий. (В какой-то момент обсуждение зашло настолько далеко, что один из участников был направлен на поиски кого-нибудь из представителей ЦК, чтобы пригласить их на заседание.)

Дискуссия обнаружила наличие в ПК умеренного меньшинства, которое, как и Ленин, выступало против преждевременных действий, но за планомерную кампанию по завоеванию масс. Эту группу представлял Калинин. Он обвинил более радикальных членов Петербургского комитета в преувеличении силы партии. «Мы должны помнить,— сказал он,— что большинство на улицах принадлежит все-таки меньшевикам». По его мнению, в создавшейся ситуации задача партии состояла в том, чтобы бороться за большинство в Совете.

Была на заседании и довольно влиятельная промежуточная группировка, которая, хотя и не соглашалась

с оценкой Калинина и не настаивала на обязательном завоевании лидирующего положения в Совете, все же признавала несвоевременность восстания. Принадлежащие к этой фракции Томский и Володарский заявили, что решительные действия следует предпринять после неизбежного провала наступления или какого-то другого стимулирующего события, но не после спровоцированных анархистами беспорядков (по мнению Володарского, более приемлемым вариантом была организация еще одной забастовки на Путиловском заводе). Эту точку зрения, безусловно, разделял Лацис, хотя в большей степени, чем Томский и Володарский, сомневался в возможности удержать массы.

Как свидетельствуют протоколы заседания, этим двум группам противостояли гораздо более радикальные петроградские большевики, увлеченные преобладавшим в массах нетерпением. Так, И. К. Наумов подверг партию резкой критике за отсутствие руководства и потребовал предъявить Совету ультиматум: или берите власть в свои руки, или большевики будут вынуждены возглавить зарождающееся движение. «Мы распишемся в полной политической несостоятельности, если окажемся сейчас не у дел... Выжидательная политика ЦК,— заявил Наумов,— не выдерживает критики».

Другие, например, И. Н. Стуков, А. Дыллэ и П. А. Залуцкий, рассматривали наступление как поворотный момент всей революции. Стуков заявил, что с началом контрреволюционного наступления революция и контрреволюция дошли до той точки, когда столкновение неизбежно. Он сказал, что революции брошен вызов и она должна ответить на него. Поскольку провинция явно не разделяла революционных устремлений столицы, Стуков дал понять, что нельзя «обойти вопрос о том, не возможно ли у нас повторение истории Парижской коммуны 1871 г.». Дыллэ не согласился с оценкой Калинина и потребовал, чтобы партия «организовалась и встала во главе развивающегося движения». «Мы должны действовать помимо съезда, иначе масса будет действовать без нас... В революционное время,— объяснил он,— нельзя действовать парламентарно». Залуцкий заявил, что, может быть, и назревает время революционных действий, однако решать этот вопрос именно на данном заседании нельзя. И если солдаты рвутся в бой, необходимо убедить их идти в пока колеблющиеся другие полки для завоевания поддержки.

После окончания дискуссии Петербургский комитет 19 голосами против двух принял резолюцию Володарского и Томского, обязывавшую Исполнительную комиссию вместе с Военной организацией и ЦК составить воззвание с призывом к пролетариату не участвовать в изолированных революционных акциях, а направить все свои силы на распространение своего влияния среди других слоев населения. Эта мера соответствовала позиции ЦК, выступавшего против развивающегося движения. Лацис предложил поправку, которая хотя и противоречила мнению ЦК, однако была принята 12 голосами против 9. Она предусматривала следующее: «...если выступление массы не удастся удержать, то брать руководство этим движением в свои руки, направляя его к воздействию на Совет и съезд Советов». По-видимому, эта поправка была нужна для того, чтобы резолюция Володарского — Томского не могла помешать Петербургскому комитету и особенно Выборгскому комитету взять уличное движение под свой контроль, если не удастся его нейтрализовать. Но на деле она стала оправданием и вдохновляющей силой для более радикальных лидеров типа Лациса, Наумова и Стукова, а также многих и многих рядовых большевиков, состоявших на учете в районных организациях и воинских частях, которые уже пришли к мысли, что восстание в ближайшем будущем не только неизбежно, но и желанно.

Петроградская военная организация и вопрос о восстании

Как уже отмечалось, функционеры Петроградской военной организации на уровне частей выступали в основном за немедленные действия против Временного правительства. Кроме того, решения Петербургского комитета от 20 июня и Всероссийской конференции военных организаций от 21 июня по этому вопросу были по меньшей мере неопределенными. 22 июня проблемы гарнизона в связи с новыми обстоятельствами оказались в центре внимания неофициальной встречи представителей ЦК, Петербургского комитета и Военной организации. По имеющимся сведениям, эта встреча была организована по инициативе Военной организации для обсуждения возможности проведения вооруженной демонстрации против Временного правительства ⁷⁴. Из-за отсутствия мно-

гих членов ЦК и Петербургского комитета провести официальное заседание было нельзя, однако посланцы «большевистских» полков явились. (Среди них были солдаты 1-го пулеметного, 6-го саперного, 180-го пехотного запасного, 1-го и 3-го пехотных запасных, Егерского и Гренадерского полков ⁷⁵.) Поэтому, несмотря на неофициальный характер, эта встреча представляет определенный интерес.

Единственным вопросом повестки дня был «текущий момент». В этой связи прежде всего была затронута тема о недавно прошедшей отправке войск на фронт. Два из наиболее влиятельных полковых функционеров, Семашко (1-й пулеметный полк) и Сахаров (1-й пехотный запасный полк) выразили явно господствующее мнение, заявив, что истребование личного состава для пополнения является не чем иным, как плохо замаскированной попыткой обескровить наиболее революционные полки. Как бы то ни было, оба оратора подчеркнули, что гарантии Временного правительства полкам — участникам Февральской революции делают этот приказ незаконным и его ни в коем случае не следует выполнять. Такая категоричная позиция была поддержана представителем Всероссийского бюро Военной организации Беляковым и целым рядом других выступавших ⁷⁶.

Заявления полковых организаторов Петроградской военной организации по поводу отправки частей гарнизона на фронт представляют особый интерес, поскольку они вскрывают коренные разногласия между ними и ЦК в оценке «текущего момента», прежде всего в части слабости партии и необходимости проявлять сдержанность. Кроме одного, все представители полков сходились во мнении, что в распоряжении партии находится огромная сила. Семашко, под командованием которого де-факто находилось свыше 15 тысяч пулеметчиков, безусловно, выражал мнение большинства, сказав, что Петербургский и Центральный комитеты не могли правильно оценить истинную силу партии. Он заявил: «Почти весь гарнизон с нами». «Вообще,— поддержал его Сахаров,— все выступления солдат сводятся к тому, что они не призывают к активным действиям и все против только исключительно резолюции, говорят, что эти бумажки ни к чему не ведут». Из всех полковых представителей Военной организации только М. М. Лашевич — большевик со стажем, унтер-офицер 1-го пулеметного полка и член Петроградского Совета — выступил в поддержку ЦК. «Вообще

мы теперь должны быть особенно осторожны и сдержанны в своей тактике,— возражал он,— а в выступлениях последних дней как раз этого нет. Зачастую,— заметил он далее не без сарказма,— невозможно разобраться, где кончается большевик и начинается анархист».

Такие заявления были непопулярны в Военной организации. Беляков назвал позицию Лашевича «удивительной». С его точки зрения, беспорядки в полках и деятельность солдат-большевиков не давали повода для беспокойства: «Я думаю, что политический кризис ликвидируется в нашу пользу. Я утверждаю, что в полках только бродит сознание перелома момента». Следует отметить, что этот подход пропагандировался целым рядом членов Петербургского комитета, которые не чувствовали себя связанными его решениями двухдневной давности. Стуков, например, резко выступил за активные действия, полагая, что успешное наступление на фронте послужит усилению позиций Временного правительства. Он считал, что «политика удерживания недостаточна. Момент серьезный, чрезвычайно серьезный». М. М. Харитонов, также член Петербургского комитета, разъяснил, что понять, где кончается большевик и начинается анархист, трудно, оттого что среди последователей партии много таких, кто не разделяет теории большевиков. По словам Харитонова, сдерживание — это верно, но уступки немыслимы. Разжигая страсти, он заявил: «Быть готовым принять бой, когда мы его не хотим, мы должны».

Опубликованные протоколы этого заседания довольно неожиданно обрываются. Однако имеющиеся материалы не содержат какого-либо свидетельства о принятии на нем резолюции «О текущем моменте». По-видимому, можно сделать вывод, что на этой неофициальной встрече не предпринималось попыток достичь формального согласия. По словам Невского, это заседание тем не менее имело достаточно большое значение. Впоследствии в статье, посвященной пятой годовщине Октябрьской революции, он писал, что «22 июня нам удалось созвать конференцию, на которой выяснилось, что организовано до 30 тысяч солдат. Организация все росла, но вместе с тем мы видели, что сдержать солдат от выступления мы не сможем. И мы взяли на себя выработку плана вооруженного выступления: пусть это будет,— решились мы,— первая попытка восстания» ⁷⁷.

Разногласия между «Правдой» и «Солдатской правдой»

Разногласия между ЦК и Военной организацией в оценках революционной ситуации и силы партии нашли отражение в их печатных изданиях — «Правде» и «Солдатской правде». В то время «Правда» находилась под контролем Ленина. По практическим соображениям возглавляемая Подвойским, Невским и А. Ф. Ильиным-Женевским «Солдатская правда» была практически автономна. Хотя различия между этими двумя газетами заключались порой лишь в акцентах (часто молчание играло не менее важную роль, чем публикации). И все же различия были, и довольно существенные. Так, детальный анализ показывает, что относительно осторожный подход «Правды» к освещению начала наступления на фронте резко контрастирует с несдержанным тоном «Солдатской правды».

Отношение Ленина к «текущему моменту» непосредственно после успешного июньского наступления, когда Совет упорно отказывался взять власть, было выражено в статье «Революция, наступление и наша партия»⁷⁸, опубликованной в «Правде» 21 июня. В ней Ленин повторил некоторые из своих аргументов, которые он накануне в частном порядке высказывал на утреннем заседании Конференции военных организаций. «...Доверие большинства мелкобуржуазной, зависимой от капиталистов политике меньшевиков и эсеров — определяет позицию и поведение нашей партии». По мнению Ленина, Россия в тот момент проходила этап революции, когда народ еще находился в плену «мелкобуржуазных иллюзий», распространяемых «Церетели и Черновыми». С его точки зрения, это состояние можно было преодолеть только постепенно, возможно, посредством методичного разоблачения политики правительства. В этой статье Ленин предостерегает от пагубности «нелепой» веры в нескоординированные, дезорганизованные революционные выступления. Хотя он и не дает четкого ответа, когда должен закончиться этот период, в передовице «Куда привели революцию эсеры и меньшевики?»⁷⁹, появившейся в «Правде» на следующий день, он дает понять, что этот период не продлится долго. На основании этого утверждения можно сделать упрощенный вывод об отсутствии у Ленина интереса к немедленному захвату власти. По существу же, его беспокоила только проблема

правильного выбора момента выступления, и именно по этой причине его ближайшая цель заключалась в том, чтобы сохранить статус-кво.

Вплоть до июльских событий линия «Правды» в целом соответствовала позиции Ленина⁸⁰. Материалы подрывного характера большей частью сглаживались и печатались в минимальном количестве, а основное внимание уделялось подготовке к VI съезду партии, выборам в Учредительное собрание и необходимости организации массового движения для завоевания большинства в Петроградском Совете. Это продолжалось и в конце июня, когда Ленин выехал из столицы на несколько дней отдохнуть на даче В. Д. Бонч-Бруевича в Финляндии. Например, 30 июня и 1 июля передовицы «Правды» (первая из них написана Зиновьевым) призывали к организации нового, массового движения «в народ» петроградских рабочих и солдат для завоевания большевиками популярности среди крестьян накануне приближавшихся выборов в Учредительное собрание. Это вовсе не означает, что давление на Временное правительство и умеренные социалистические партии, особенно в связи с наступлением, было прекращено, однако, по крайней мере внешне, упор делался на мирные формы борьбы.

Любопытно отметить, что в «Правде» того периода имеются материалы, подтверждающие, что на том этапе тактика Ленина напоминала линию правого крыла РСДРП(б). Действительно, нападки Каменева на левое крыло в статье «Не так просто, товарищи» в «Правде» от 22 июня вполне могли исходить и от самого Ленина. Каменев пишет о «новых для нашей партии» слоях рабочих и солдат, которые выступают с требованием «о немедленном воплощении в жизнь лозунгов, сложность которых им не всегда понятна. И им мы говорим: дело обстоит не так просто, товарищи, чтобы одного вашего сочувствия нашей партии было достаточно для ее немедленной победы. Задача, стоящая перед пролетариатом России, во много раз труднее, чем это может показаться». Как и Ленин, Каменев делал упор на слабости партии в сложившейся обстановке. Он писал, что «большинство русской демократии не доверяется мировому пролетариату и перспективам мировой пролетарской революции, доверилось дипломатам, генеральным штабам и «социалистическим» агентам империалистических правительств и на них возложило свои надежды». Каменев отмечает, что никто не может сказать, сколько времени это будет

продолжаться, однако, как и Ленин, предупреждает о пагубности преждевременных революционных выступлений. Он считает, что разрозненные демонстрации отдельных полков и рот, пытающиеся преодолеть неизбежный мелкобуржуазный этап средствами саботажа, глупы и нецелесообразны. «Не путем анархических выступлений и дезорганизованных, частичных попыток, а усиленной работой организации и сплочения подготовит пролетариат новый этап русской революции», — заключает Каменев.

В тревожный период, последовавший за разгромом дачи Дурново и началом наступления, «Солдатская правда» также выступала против «разрозненных демонстраций». Например, 21 июня на первой странице была опубликована прокламация, призывавшая рабочих и солдат игнорировать все призывы о выходе на улицы, которые не утверждены Военной организацией. При этом оставлялась лазейка для проведения демонстрации во главе с большевиками — «в случае необходимости Военная организация может вызвать демонстрации по согласованию с Центральным и Петербургским комитетами». Более того, ни 21, ни 22 июня, ни в последующих номерах вплоть до июльских событий в газете не появлялось материалов, акцентировавшихся, подобно «Правде», на слабости большевиков, необходимости преодоления фазы «мелкобуржуазных иллюзий» для перехода к следующему этапу революции. Наиболее полно эти идеи были выражены в статье «Организация прежде всего» («Солдатская правда» от 23 июня), но даже здесь основное внимание уделялось нецелесообразности разрозненных революционных выступлений и необходимости подтверждения призывов, исходящих от Военной организации.

Между 23 июня и началом июльских событий в газете не появилось ни одной статьи в поддержку осторожной политики ЦК. Наоборот, «Солдатская правда» продолжала разжигать недовольство, сконцентрировав теперь свою антиправительственную пропаганду на фактах проявления несправедливости, связанных с наступлением на фронте. 26 июня, когда дезертиры из находившегося на передовой Гренадерского полка (одной из нескольких частей, отказавшихся атаковать немецкие позиции в самые первые дни наступления ⁸¹⁾ прибыли в столицу за помощью и начали требовать передачи власти Советам, «Солдатская правда» оказала им полную поддержку ⁸²⁾. Но гораздо важнее было то, что предлагаемое «Солдатской правдой» решение многих проблем, связанных с вой-

ной, предусматривало непосредственное действие. Так, в самый канун июльских событий (уже после начала организации движения), когда «Правда» сосредоточилась на кампании Зиновьева по пропаганде среди низших слоев населения и на борьбе за большинство в Петроградском Совете, «Солдатская правда» опубликовала на первой странице зажигательную статью Л. Чубунова, которая завершалась следующими словами:

«Товарищи! Довольно нам жертвовать собой на благо буржуазии. Время настало не спать, а дело делать!.. Товарищи! Гоните буржуев от власти и всех их на фронт, проклятых, раз они кричат «война до полной победы!». Все мы намучены ужасной войной, которая унесла миллионы жизней, сделала миллионы калеками, принесла с собой неслыханные бедствия, разорение и голод...

Проснитесь, если кто еще спит, ведь вас эсеры и меньшевики хотят одурачить... Я прошу вас, будьте готовы ежеминутно дать отпор контрреволюции. Она шагает по Невскому во главе с Плехановым и Родзянко. Скоро выйдут черносотенцы, но вы, товарищи, всеми силами защищайте завоеванную свободу. Вся власть должна перейти в руки рабочих, солдат и крестьян. Долой от власти буржуазию и всех ее сторонников.

Да здравствует вся власть Советам рабочих, солдатских и крестьянских депутатов!»⁸³

Примечания

¹ См.: *Церетели И. Г.* Воспоминания... Т. 2. С. 246.

² Известия. 1917. 17 июня.

³ Цит. по: *Петров И. Ф.* Стратегия и тактика партии большевиков в период подготовки и победы социалистической революции: март — октябрь 1917 г. Докторская диссертация. С. 429.

⁴ Протокол этого заседания см. в сб. Первый легальный Петербургский комитет большевиков в 1917 году. С. 168—184.

⁵ *Владимирова В.* Революция 1917 года: Хроника событий. Т. 3. С. 66.

⁶ См: Революционное движение в России в мае — июне 1917 г.: июньская демонстрация. С. 518; Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов: Протоколы. С. 278—279; *Церетели И. Г.* Воспоминания... Т. 2. С. 250—251.

⁷ См.: *Милуков П. Н.* История второй русской революции. Т. 1. С. 222; Речь. 1917. 13 июня.

⁸ Первый легальный Петербургский комитет большевиков в 1917 году. С. 173.

⁹ См. там же. С. 173—178.

¹⁰ Газета «Новая жизнь» (15 июня 1917 г.), издаваемая Горьким, приветствовала этот призыв как долгожданный признак того, что в будущем большевики могут отойти от анархистов.

¹¹ Детальная советская интерпретация демонстрации 18 июня дается в книге *Кривошеина Е. П.* «Две демонстрации» (М.; Л., 1931).

¹² См.: *Woytinsky W. S.* Stormy Passage. New York: Vanguard Press, 1961. P. 293; *Церетели И. Г.* Воспоминания... Т. 2. С. 247.

¹³ См.: *Владимирова В.* Революция 1917 года: Хроника событий. Т. 3. С. 69.

¹⁴ В этой связи накануне июльских событий М. И. Лацис высказал чрезвычайно уместные критические соображения по поводу организационной работы Военной организации: «В вопросах выступления на улице нельзя сомневаться, что большинство полков пойдут за нами, но в обычных случаях — выборы в Совет и т. д. — вожди находятся не в наших руках» (см.: *Елов Б.* Петроградская организация РСДРП(б) накануне июльских событий // 3—5 июля 1917 года. Пг., 1922. С. 60).

¹⁵ *Лацис М. И.* Июльские дни в Петрограде: Из дневника агитатора // ПР. 1923. № 5 (17). С. 108.

¹⁶ Революционное движение в России в мае — июне 1917 г.: июньская демонстрация. С. 525.

¹⁷ Для анализа демонстрации 18 июня автор использовал сообщения в газетах «Правда», «Известия», «Новая жизнь», «Рабочая газета», «Воля народа» и «Речь».

¹⁸ *Sukhanov N. N.* The Russian Revolution. Vol. 2. P. 416—417.

¹⁹ *Милюков П. Н.* Россия на переломе: В 3 т. Париж, 1927. Т. 1. С. 73.

²⁰ Кронштадтские моряки были также приглашены участвовать в демонстрации, организованной съездом, и 16 июня Кронштадтский Совет проголосовал за принятие этого предложения (см.: Известия Кронштадтского Совета. 1917. 18 июня). При этом, как вспоминает Флеровский, матросы были все еще обижены на ЦК РСДРП(б) за отмену демонстрации 10 июня и на съезд Советов за организацию собственного шествия. Поэтому они проголосовали за ограниченное участие (см.: ПР. 1926. № 7 (54). С. 68). А. Ф. Ильин-Женевский, издававший в то время «Голос правды», считает, что матросы не проявляли интереса к проведению вооруженной демонстрации (см.: *Ильин-Женевский А. Ф.* На рубеже русской революции // Красный Петроград. 1919. С. 36).

²¹ В работе над разделом «Бегство Хаустова и разгром дачи Дурново...» использовались официальные сообщения и собственные корреспонденции газет «Правда», «Маленькая газета», «Известия», «Новая жизнь», «Рабочая газета», «Воля народа», «Речь».

²² *Раскольников Ф.* Кронштадт и Питер в 1917 году. С. 188. Как вспоминает Раскольников, «в нем [Хаустове] преобладало инстинктивное, тяготеющее к анархизму бунтарство. В его выступлениях почти не чувствовалось влияния марксизма».

²³ Бюллетень Всероссийской конференции фронтовых и тыловых военных организаций РСДРП(б). 1917. № 3. 18 июня. С. 2.

²⁴ *Залесская Ф.* Июньская демонстрация 1917 г. // ПР. 1927. № 6 (65). С. 159.

²⁵ В соответствующей резолюции съезда говорилось, что «до тех пор, пока войне международными усилиями демократии не будет положен конец, российская революционная демократия обязана всемерно содействовать усилению боевой мощи нашей армии и способности ее к оборонительным и наступательным действиям... Вопрос о наступлении должен быть решаем исключительно с точки зрения чисто военных и стратегических соображений» (цит. по: *Golder F. A.* Documents of Russian History. P. 371).

²⁶ Известия. 1917. 20 июня.

²⁷ См., напр., подписанную председателем собрания прапорщиком Сахаровым резолюцию 1-го пехотного запасного полка в «Солдатской правде» от 25 июня 1917 г. Противодайствие наступлению было особенно велико в Кронштадте, где местный Совет принял две резолюции (большевистскую и эсеровскую) с осуждением этой акции (195 голосов «за», 1 «против», 65 воздержались) // Голос правды. 1917. 21 июня.

²⁸ Несколько подобных документов приведены в работе «Революционное движение в России в мае—июне 1917 г.: июньская демонстрация». С. 366—368, 377—381.

²⁹ Там же. С. 373.

³⁰ Наиболее ценные материалы, отражающие ход конференции и преобладавшие на ней настроения, приводятся в «Бюллетене Всероссийской конференции фронтовых и тыловых военных организаций РСДРП(б)». 1917. № 1—5. 16, 17, 18, 21 и 24 июня, изданных во время конференции в качестве специального приложения к газете «Солдатская правда». Некоторые достаточно интересные наблюдения очевидцев публиковались в провинциальных печатных органах большевиков. Самый ценный материал такого рода — воспоминания М. Кедрова — «Всероссийская конференция военных организаций РСДРП(б)» // ПР. 1927. № 6 (65). С. 216—231, перепечатанные в книге «Великая Октябрьская социалистическая революция: сборник воспоминаний». М., 1957. С. 71—82. К весьма содержательным источникам вторичного характера можно отнести работу С. Е. Рабиновича «Всероссийская военная конференция большевиков 1917 года». М., 1931. Резолюции конференции приводятся в многотомном издании «КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК». (Изд. 9-е. М., 1983. Т. 2. С. 154—165.— *Ред.*)

³¹ Цели конференции были определены в листовке, впервые распространенной еще в мае. (Музей Революции СССР. Фонд листовок, А49134).

³² Политический момент и задачи Всероссийской конференции ВО // Бюллетень Всероссийской конференции фронтовых и тыловых военных организаций РСДРП(б). 1917. № 1. 16 июня. С. 1.

³³ См.: Шестой съезд РСДРП(б): Протоколы. С. 62; Антонов-Овсеенко В. А. Строительство Красной Армии в революции. М., 1923. С. 10.

³⁴ Рабинович С. Е. Всероссийская военная конференция большевиков // КЛ. 1930. № 5. С. 110.

³⁵ Решение об использовании делегатов в качестве агитаторов в полках было принято на предварительном заседании 15 июня (см.: Бюллетень... 1917. № 1. 16 июня. С. 1).

³⁶ Кедров М. Всероссийская конференция военных организаций РСДРП(б) // Великая Октябрьская социалистическая революция: Сб. воспоминаний. С. 74; Сулимова М. Это будет последний и решительный бой // Летопись Великого Октября. М., 1958. С. 104.

³⁷ Ильин-Женевский А. Ф. Военная организация РСДРП(б) и «Солдатская правда» // КЛ. 1926. № 1 (16). С. 70; Петров И. Ф. Стратегия и тактика партии большевиков в период подготовки и победы социалистической революции. Докторская диссертация. С. 447.

³⁸ Шестой съезд РСДРП(б): Протоколы. С. 63.

³⁹ Бюллетень Всероссийской конференции фронтовых и тыловых военных организаций РСДРП(б). 1917. № 3. 18 июня. С. 1—2; см. также: Рабинович С. Е. Всероссийская конференция большевистских военных организаций 1917 г. // КЛ. 1930. № 5(38). С. 113—116.

⁴⁰ Большевик с большим стажем А. Я. Аросев, член редколлегии «Бюллетеня» (всего в редколлегии было пять человек), в конце конференции был избран во Всероссийское бюро Военной организации.

⁴¹ Если верить сообщению в «Биржевых ведомостях» от 19 июня 1917 г., слухи о наступлении впервые появились примерно в два часа дня.

⁴² Окопная правда. 1917. 9 июля; Бюллетень Всероссийской конференции фронтовых и тыловых военных организаций РСДРП(б). 1917. № 4. 21 июня. С. 2.

⁴³ См.: *Кедров М.* Всероссийская конференция военных организаций РСДРП(б) // Великая Октябрьская социалистическая революция: Сб. воспоминаний. С. 75—76.

⁴⁴ См.: *Подвойский Н. И.* Год 1917. М., 1958. С. 59; *Петров И. Ф.* Стратегия и тактика большевиков. С. 447. Судя по опубликованному отчету заседания (Бюллетень. 1917. № 4. 21 июня), предложение об изменении программы было сделано и отклонено перед последним выступлением того вечера.

⁴⁵ См.: *Подвойский Н. И.* Военная организация ЦК РСДРП(б)... // КЛ. 1923. № 6. С. 76. Позднее в целом аналогичное изложение этой беседы приводится в статье Н. И. Подвойского «Июльские дни: три момента» (Правда. 1925. 18 июля). В последнем издании его мемуаров «Год 1917» эта беседа отсутствует.

⁴⁶ Бюллетень Всероссийской конференции фронтовых и тыловых военных организаций РСДРП(б). 1917. № 4. 21 июня; Окопная правда. 1917. 9 июля. На одном из последних заседаний конференции для достижения этой цели было принято решение начать издание специальной солдатско-крестьянской газеты («Деревенской бедноты») под эгидой Всероссийского бюро Военной организации (см.: КПСС в резолюциях... Т. 1. С. 354—365). В связи с последовавшими после июльских дней событиями первый номер ее вышел только 12 октября 1917 г.

⁴⁷ Хотя Невский и признавал необходимость проведения оптимальной организационной подготовки, он не относился к тем, кто полагал, что организационное несовершенство может помешать захвату власти (см. настоящее издание. С. 139, 152—153).

⁴⁸ Бюллетень Всероссийской конференции фронтовых и тыловых военных организаций РСДРП(б). 1917. № 4. 21 июня; Волна. 1917. 4 июля. Невский требовал также, чтобы Военной организации было предоставлено право голоса в Центральном Комитете. Требование было отвергнуто, и в соответствии с принятым на конференции регламентом Военной организации было дано право лишь совещательного голоса (см.: КПСС в резолюциях... Т. 1. С. 367). Наиболее откровенный и детальный анализ сепаратистских тенденций во Всероссийской Военной организации до и после июльских событий содержится в работах С. Е. Рабиновича: Большевистские военные организации в 1917 г. // ПР. 1928. № 6—7 (77—78). С. 187—188; Работа большевиков в армии в 1917 году // Война и революция. 1927. № 6. С. 96—108.

⁴⁹ *Лацис М. И.* Июльские дни в Петрограде // ПР. 1923. № 5 (17). С. 109; *Гаврилов И.* Очерки по истории Выборгской парторганизации города Ленинграда. Л., 1953. С. 109. Состоявшаяся в тот же день крупная забастовка на Путиловском заводе не имеет никакого отношения к волнениям в Выборгском районе. Путиловцы требовали повышения заработной платы, хотя их движение и имело явную политическую окраску (см.: Дело народа. 1917. 20 июня).

⁵⁰ Новая жизнь. 1917. 20 июня.

⁵¹ Первый легальный Петербургский комитет большевиков в 1917 году. С. 185—186; *Быков Г. Д.* Революционная деятельность большевиков Выборгской стороны. С. 125. Текст резолюции 1-го пулеметного полка, отвергшей предложение анархистов-коммунистов, был опубликован в «Солдатской правде» 22 июня 1917 г.

⁵² См.: *Миронов Т. Г.* Борьба большевиков за Петроградский гарнизон. С. 211; *Константинов А. П.* Большевики Петрограда в 1917 году: хроника событий. Л., 1957. С. 292. В письме военной секции Петроградского Совета полковому комитету 1-го пулеметного полка подчеркивалась срочность данного требования и абсолютная необходимость его выполнения; *Быков Г. Д.* Революционная деятельность большевиков Выборгской стороны. С. 135.

⁵³ См.: *Миронов Т. Г.* Борьба большевиков за Петроградский гарнизон. С. 211; *Стулов П. М.* Первый пулеметный полк в июльские дни 1917 г. // КЛ. 1930. № 3 (36). С. 87.

⁵⁴ Основываясь на тщательном анализе архивных материалов, П. М. Стулов в отношении тенденций в пользу восстания пишет, что «полковые большевики в эти дни были увлечены общим потоком и уже не пытались как-либо ограничивать движение, тем более что оно оформлялось фактически в большевистских лозунгах» (см.: *Стулов П. М.* Первый пулеметный полк в июльские дни 1917 г. // КЛ. 1930. № 3 (36). С. 93).

⁵⁵ Там же.

⁵⁶ Новая жизнь. 1917. 21 июня; Дело народа. 1917. 22 июня.

⁵⁷ Протокол митинга Петроградского полка от 20 июня показывает, что 1-й пулеметный полк был представлен на нем Я. М. Головиным, членом Военной организации большевиков. Он призвал присутствующих поддержать решение об организации демонстрации и заявил, что согласие нескольких воинских частей и заводов уже получено. Митинг единогласно поддержал предложение Головина и выбрал двух представителей полка для проведения совместного планирования с 1-м пулеметным полком (см.: Революционное движение в России в мае — июне 1917 г.: июньская демонстрация. С. 567—568).

⁵⁸ Новая жизнь. 1917. 21 июня; Дело народа. 1917. 22 июня.

⁵⁹ *Стулов П. М.* Первый пулеметный полк в июльские дни 1917 г. // КЛ. 1930. № 3 (36). С. 88; *Шляпников А.* Июльские дни в Петрограде // ПР. 1926. № 4 (51). С. 60. Факт попытки представителей большевиков удержать 1-й пулеметный полк от выхода на улицы подтверждается протоколом заседания солдатского комитета Петроградского полка от 21 июня (см.: Революционное движение в России в мае — июне 1917 г.: июньская демонстрация. С. 569).

⁶⁰ Там же. С. 576.

⁶¹ См.: Голос правды. 1917. 21, 25 июня; Новая жизнь. 1917. 24 июня; Рабочая газета. 1917. 25 июня; см. также: *Флеровский И. П.* Июльский политический урок // ПР. 1926. № 7 (54). С. 71—72.

⁶² См. там же. С. 71; *Владимирова В.* Июльские дни 1917 года // ПР. 1923. № 5 (17). С. 7.

⁶³ Предложенная повестка дня была впервые опубликована в «Правде». 1917. 20 июня.

⁶⁴ Первый легальный Петербургский комитет большевиков в 1917 году. С. 181.

⁶⁵ *Сулимова М.* Это будет последний и решительный бой // Летопись Великого Октября. С. 105.

⁶⁶ См.: *Кедров М.* Всероссийская конференция военных организаций РСДРП(б) // Великая Октябрьская социалистическая революция. С. 78. В других воспоминаниях Кедров отождествляет себя с «горячими головами». Он пишет, что захват власти казался Военной организации простым делом, и, исходя из содержания бесед с Лениным до демонстрации 10 июня, он полагал, что тот придерживается того же мнения. В этом, вспоминал Кедров, «я глубоко ошибался» (см.: Из красной тетради об Ильиче // ПР. 1927. № 1 (60). С. 38—40).

⁶⁷ Кедров М. Всероссийская конференция военных организаций РСДРП(б) // Великая Октябрьская социалистическая революция. С. 78—79. Эта речь не включена ни в одно из собраний сочинений Ленина. Сокращенное изложение ее появилось в «Новой жизни» 21 июня 1917 г.; вариант Кедрова гораздо полнее. Оба были перепечатаны в «Записках Института Ленина». Т. 2. 1927. С. 48—49. Вывод Института Ленина гласит, что это единственные сохранившиеся отчеты о его выступлении. Интересно отметить, что Бюллетень конференции, газеты «Волна» и «Окопная правда» полностью проигнорировали его. Очень короткие сообщения появились 1 июля в «Звезде» и 27 июня в «Бакинском рабочем».

⁶⁸ См.: КПСС в резолюциях... Т. 1. С. 356.

⁶⁹ В конце конференции Каганович и Крыленко были избраны членами Всероссийского бюро Военной организации. Для осуществления руководства Военной организацией бюро оставалось в Петрограде. Кроме Кагановича и Крыленко, в состав этого органа входили В. И. Невский, Н. И. Подвойский, Е. Ф. Розмирович, К. А. Мехоношин, А. Я. Аросев, Ф. П. Хаустов, И. Л. Дзевалтовский (см.: Рабинович С. Е. Всероссийская конференция большевистских военных организаций 1917 г. // КЛ. 1930. № 5 (38). С. 124). В состав бюро были включены некоторые наиболее радикальные большевики. Складывается впечатление, что они имели в нем перевес.

⁷⁰ А. Васильев, сменивший Ф. Хаустова на посту редактора «Окопной правды», был одним из трех делегатов, представлявших фронтовые части в президиуме конференции. Он вместе с Шемаевым, делегатом от воинских частей Оренбурга, на протяжении всей конференции всячески рекламировал силу большевиков (см., напр., Бюллетень Всероссийской конференции фронтовых и тыловых военных организаций РСДРП(б). 1917. № 3. 18 июня. С. 1).

⁷¹ Там же.

⁷² По вопросу о наступлении была принята умеренная резолюция, предложенная Крыленко (32 голоса «за» при 21 воздержавшемся) см.: КПСС в резолюциях... Т. 1. С. 356—357). По всей видимости, из-за того, что во время голосования большинство делегатов конференций явно отсутствовало, а также по практическим соображениям Военная организация так и не приступила к выполнению этой резолюции.

⁷³ См.: Первый легальный Петербургский комитет большевиков в 1917 году. С. 185—199. Этот протокол также приводится в работе «Революционное движение: июньская демонстрация». С. 556—565.

⁷⁴ См.: Невский В. И. Народные массы в Октябрьской революции // Работник просвещения. 1922. № 8. С. 20—21.

⁷⁵ Полный перечень участников содержится в работе «Революционное движение: июньская демонстрация». С. 614.

⁷⁶ См.: Первый легальный Петербургский комитет большевиков в 1917 году. С. 200—205; Революционное движение: июньская демонстрация. С. 570—574.

⁷⁷ Невский В. И. Народные массы в Октябрьской революции // Работник просвещения. 1922. № 8. С. 21.

⁷⁸ В понедельник 19 июня «Правда» не выходила, а в номере от 20 июня о наступлении не упоминается вообще (см.: Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 32. С. 365—367.— *Ред.*).

⁷⁹ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 32. С. 370—372.— *Ред.*

⁸⁰ 22 и 23 июня в газете кронштадтских большевиков «Голос правды» появились крупные передовые статьи, в которых повторялись идеи Ленина об отказе от немедленного выступления и о необходимости налаживания целенаправленной организаторской и пропагандист-

кой работы. В обеих статьях решительно отвергались призывы к немедленному свержению Временного правительства. 2 июля (накануне июльских событий) главной темой «Голоса правды» были предстоящие выборы в Кронштадтскую думу.

⁸¹ См.: *Владимирова В.* Революция 1917 года: Хроника событий. Т. 3. С. 293—294.

⁸² Кроме поддержки позиции гренадеров-дезертиров в «Солдатской правде», лидеры Военной организации вели агитацию в частях Петроградского гарнизона от имени мятежных солдат. Их роль в разжигании волнений особенно очевидна в случае с Гренадерским резервным полком, в котором пропагандистские усилия членов Всероссийского бюро Военной организации 1 июля способствовали принятию резолюции, содержавшей призыв ко всем воинским частям и промышленным предприятиям Петрограда поддержать позицию гренадеров (см.: *Июльские дни в Петрограде.* Под ред. Тоболина А. М. // *КА.* 1927. № 5 (24). С. 26; *Мионов Т. Г.* Борьба большевиков за Петроградский гарнизон. С. 193).

⁸³ «Солдатская правда». 1917. 2 июля. Рядовой член Военной организации В. Яблонский также вспоминает о появлении в то время (то есть до 3 июля) листовок Военной организации с призывом к скорейшему восстанию против Временного правительства (см.: *Яблонский В.* 3—5 июля // *КЛ.* 1922. № 2—3. С. 160).

V

Начало июльского восстания

1-й пулеметный полк, анархисты-коммунисты и Военная организация накануне июльских событий

Июльское восстание началось в 1-м пулеметном полку. Точно определить время, когда зародились его планы в самом полку, довольно трудно. Но, по-видимому, можно однозначно сказать, что это произошло задолго до правительственного кризиса 3 июля¹, который часто приводится западными и советскими историками в качестве одного из основных факторов, ускоривших начало восстания². Как уже отмечалось в предыдущей главе, начатое по инициативе Керенского наступление грозило многим частям Петроградского гарнизона немедленной отправкой на фронт, и солдатское восстание в самые первые его дни было предотвращено только благодаря вмешательству со стороны Петроградского Совета и руководства РСДРП(б). Тогда солдаты 1-го пулеметного полка прекратили подготовку к немедленному восстанию, удовлетворившись отказом выполнять распоряжения своего полкового комитета и Временного правительства, связанные с отправкой войск на фронт³.

23 июня Всероссийский съезд Советов разразился призывом ко всем частям гарнизона немедленно выполнить эти приказы⁴, и в последующие несколько дней командованию Петроградского военного округа, несмотря на огромные трудности⁵, удалось организовать отправку минимального контингента и оружия из 1-го пулеметного полка. Тем не менее в течение всего описываемого периода эта находившаяся под сильным влиянием анархистов-коммунистов и большевиков часть относилась к любым крупным перемещениям войск с крайней подозрительностью, в результате чего обстановка внутри полка оставалась взрывоопасной. По заявлению одного из свидетелей, сделанного в ходе последующих слушаний Временного правительства по поводу июльского восстания,

общее настроение было такое, что «казалось, выход с оружием в руках произойдет, если не сегодня, то завтра, и все это знали». «Каждый день,— вспоминал поручик Попов,— в канцелярии сообщали, что полк собирается завтра выступить с оружием...» ⁶.

В конце июня в 1-й пулеметный полк вновь поступили приказы об особенно многочисленной отправке личного состава и пулеметов (ходили даже слухи, что вслед за этим последует полный роспуск части), и приблизительно в это же время (30 июня) для обсуждения предстоящих перемещений полк посетил представитель военной секции Петроградского Совета Г. Б. Скалов ⁷. По свидетельству советского историка П. М. Стулова, Скалов и эсеро-меньшевицкий полковой комитет 1-го пулеметного полка решили перенести всю дискуссию в Таврический дворец. Имевшиеся в части большевики и анархисты встретили это решение с огромным неудовольствием и немедленно пришли к выводу, что их продают на корню. На состоявшемся в тот же день массовом полковом митинге один из руководителей неудавшегося 20—21 июня восстания, Я. М. Головин, утверждал, что полковой комитет совершает ошибку, не вынося дискуссию со Скаловым на общее обсуждение всего личного состава полка. Стулов придает этой стороне действий полкового комитета большое значение, говоря, что этот инцидент был чреват серьезными последствиями. Слухи о массовой переброске быстро разошлись среди предчувствовавших недоброе пулеметчиков, и уже 1 июля среди активистов-солдат ходили упорные разговоры о необходимости помешать новой попытке разоружения полка выходом на улицу с оружием ⁸.

Факт появления планов восстания уже 1 июля подтверждается рядом других источников. В своих воспоминаниях В. И. Невский пишет, что именно в этот день Всероссийское бюро Военной организации впервые услышало о готовившейся пулеметчиками демонстрации ⁹, а на VI съезде партии Подвойский признал, что руководство Военной организации 2 июля знало о запланированном на следующий день восстании ¹⁰.

2 июля Военная организация обратилась к ЦК партии (Ленина, Ногина и Милютина в городе не было) за указаниями ¹¹. Руководитель Военной организации А. Ф. Ильин-Женевский вспоминает, что во время многочисленных дискуссий представители 1-го пулеметного полка открыто заявляли, что наличие в полку большого

количества пулеметов позволит им легко свергнуть Временное правительство своими силами ¹². В. И. Невский добавляет, что А. Я. Семашко даже тогда утверждал, что остановить движение уже нельзя, причем, если верить Невскому, этот факт был очевиден ¹³. Можно предположить, что 2 июля обо всем было доложено ЦК. В ответ ЦК в категоричной форме приказал Военной организации (а может быть, и Петербургскому комитету) не участвовать в движении и сделать все возможное, чтобы предотвратить взрыв ¹⁴.

Несмотря на то что этот приказ, несомненно, поставил Военную организацию в чрезвычайно трудное положение, он, по всей видимости, выполнялся чисто формально. Например, на заседании Петербургского комитета 27 августа 1917 г. Калинин предположил вслух, что в июле большевистские агитаторы лишь внешне пытались сдерживать массы, а на самом деле подталкивали их к выступлению ¹⁵. Невский через два года после победы Октябрьской революции вспоминал об аналогичном высказывании Семашко 2 июля, из которого явствует, что руководители Военной организации, направленные в тот период в полки, не только не пытались успокоить солдат, но всячески утверждали их в мысли о необходимости переходить к действиям ¹⁶. Более того, в одних из своих последних мемуаров о революционном периоде, опубликованных в независимо настроенном историческом журнале «Каторга и ссылка» в 1932 г., он описывает этот эпизод еще более откровенно:

«Некоторые товарищи в настоящее время задаются вопросом о том, кто был инициатором июльских событий — ЦК или Военная организация или движение вспыхнуло стихийно. В некоторых отношениях этот вопрос ничемный и доктринерский. Конечно, движение созревало в глубине самых широких масс, недовольных политикой буржуазного правительства и жаждавших мира... Однако теперь уже нечего скрывать, что все ответственные руководители В. О., то есть главным образом Н. И. Подвойский, пишущий эти строки, К. А. Мехоношин, Н. К. Беляков и другие активные работники, своей агитацией, пропагандой и огромным влиянием и авторитетом в военных частях способствовали тому настроению, которое вызывало выступление. Если память мне изменила и я неверно (хотя и невольно) назвал упомянутых выше товарищей, то о себе могу сказать следующее: хотя я и рядовой коммунист и играл небольшую роль в рево-

люции, но товарищи не станут отрицать, что в солдатской среде массы знали меня и считались с моими словами, как с указаниями В. О. И вот когда В. О., узнав о выступлении пулеметного полка, послала меня, как наиболее популярного оратора военки, уговорить массы не выступать, я уговаривал их, но уговаривал так, что только дурак мог бы сделать вывод из моей речи о том, что выступать не следует»¹⁷.

Не совсем ясно, оказывалось ли аналогичное воздействие на другие воинские части гарнизона. В своем выступлении на 2-й Общегородской конференции 16 июля Подвойский вспоминал о заседаниях коллектива Военной организации, состоявшихся 2 июля¹⁸. Можно только предполагать, что именно было сказано лидерами Военной организации на этих заседаниях. Однако утверждение Подвойского, что вопрос о возможном восстании даже не поднимался, не выдерживает никакой критики. Вполне вероятно, собравшимся было рекомендовано поддерживать тесный контакт с Военной организацией, проявлять осторожность и выжидать до тех пор, пока не прояснится ситуация в 1-м пулеметном полку и позиция ЦК.

По мере того как обстановка в 1-м пулеметном полку накалялась, участие анархистов-коммунистов становилось все более неизбежным и они действительно сыграли важную роль на первом этапе июльского восстания. Судя по неопубликованным воспоминаниям А. Федорова, члена Петроградского Совета и одного из ведущих деятелей анархистов-коммунистов, днем 2 июля состоялось тайное заседание руководства анархистов-коммунистов. Кроме Федорова, среди четырнадцати его участников были И. Блейхман, П. Колобушкин, Д. Назимов и П. Павлов. В своих мемуарах Федоров сообщает, что тогда было принято решение немедленно мобилизовать всю анархистскую организацию и на следующее утро (3 июля) призвать рабочих и солдат к вооруженному восстанию. Ключевая роль в предполагаемом восстании отводилась 1-му пулеметному полку, поэтому Блейхману, Колобушкину и Павлову было поручено обеспечить участие пулеметчиков¹⁹.

Днем того же числа (2 июля) воинственное настроение 1-го пулеметного полка было продемонстрировано публично. Поводом послужил проведенный в воскресенье днем концерт-митинг в честь отправки «последнего» контингента на фронт. Само по себе это событие не представляло ничего особенного, поскольку в революционный

период такого рода патриотические проводы были традицией. Единственное отличие заключалось в том, что этот концерт-митинг был организован большевиками 1-го пулеметного полка для сбора средств на покупку «литературы», которую предполагалось отослать на фронт с отбывающими войсками.

На первой странице «Правды» 2 июля было помещено объявление, что среди выступающих будут Зиновьев, Каменев, Троцкий, Луначарский, Дашкевич, Лашевич и Жилин; кроме того, в развлекательной части были обещаны струнный оркестр 1-го пулеметного полка, певцы и поэты из солдат. Несмотря на напряженную обстановку в части, мероприятие началось в установленное время, на нем присутствовало примерно 5 тысяч солдат и рабочих²⁰. Однако Зиновьев и Каменев — и это может говорить о многом — так и не пришли. По имеющимся сведениям, митинг превратился в яростную антиправительственную манифестацию. По-видимому, ни Троцкий, ни Луначарский и не пытались успокоить собравшихся, которых местные ораторы и дезертир из мятежного Гренадерского полка²¹ Рутковский довели до лихорадочного состояния. «Настроение митинга было таким,— вспоминает Раскольников,— что чем резче была формулировка оратора, тем больше аплодисментов она вызывала»²². «Настроение было очень приподнятое,— запомнил тот день Троцкий.— Клеймили Керенского, клялись в верности революции, но никаких практических предложений на ближайшее время никто не делал»²³. Под конец митинга была принята сформулированная в резких выражениях резолюция с нападками на Временное правительство и Керенского за его обращение в поддержку наступления²⁴.

После окончания этого митинга пулеметчики с удвоенной энергией продолжили подготовку к намеченной на следующий день операции. По свидетельству Стулова, «спать никто и не думал, всю ночь шли разговоры о невозможности терпеть дальше»²⁵. Детальное обсуждение планов восстания, вероятно, велось только в анархистских и большевистских организациях воинских частей — среди активистов-солдат, как называет их Стулов, хотя некоторые представители полка, скорее всего анархисты, уже наладили связи со своими соратниками из других полков гарнизона и на заводах Выборгского района. По воспоминаниям Милюкова, эти представители обладали мандатами и призывали поддержать пулеметчиков в их

решении о вооруженном выступлении на следующий день, 3 июля, «для свержения Временного правительства и восстановления власти Совета»²⁶.

Военная организация также проявляла активность. Ее руководство встретилось с несколькими членами Петербургского комитета и «обсудило план действий на случай выступления»²⁷. Сейчас уже не представляется возможным наверняка определить, в какой степени этот план соответствовал плану восстания, составленному, по утверждению Невского, Военной организацией после 22 июня²⁸. Он вспоминает, что поздно вечером 2 июля все ячейки Военной организации Петроградского гарнизона были приведены в состояние боевой готовности, между всеми частями и особняком Кшесинской была установлена военная связь, кроме того, была предпринята попытка проведения разведки боем²⁹. А в это время во Временном правительстве шло обсуждение вопросов, которые были довольно далеки от дел в гарнизоне, но все же сыграли существенную роль в развитии июльских событий.

Правительственный кризис по украинскому вопросу³⁰

Одной из многих неотложных проблем, с которыми столкнулось Временное правительство после Февральской революции, было определение курса в отношении национальных областей бывшей царской империи. В первые дни своего существования молодое революционное правительство провозгласило отмену всех законов, ограничивавших права национальных меньшинств при царском режиме, провозгласило полное равенство всех граждан независимо от религии, расовой принадлежности и национального происхождения, а также ввело основы местного самоуправления, передав управление окраинными районами в руки местных деятелей. Более того, отдельными декретами были обещаны независимость Польше и уступки (хотя и неприемлемые) финской автономии. Другим же меньшинствам, проявлявшим национальные амбиции, осторожное правительство князя Львова, которое уделяло первостепенное внимание сохранению единства и порядка, рекомендовало проявить терпение. Коренные перемены должны были произойти только после созыва Учредительного собрания. «Такой подход,— комментирует Ричард Пайпс,— вполне здрав

с конституционной и моральной точек зрения, однако он оказался фатален в плоскости политической практики». Февральская революция привела в движение силы, которые не могли ждать, что наиболее ярко проявилось на Украине.

Рассмотрение стремительного и неоднозначного движения за предоставление автономии Украине, которое в начале июля привело к правительственному кризису, не входит в рамки данного исследования. Достаточно сказать, что в первые недели лета ряд украинских националистических группировок сплотился вокруг образованной в Киеве Центральной Рады, которая бросила вызов Временному правительству, объявив себя законным национальным правительством Украины. Временное правительство резко отвергло это требование. Но вскоре, несмотря на это, во время проходившей на площади Св. Софии церемонии Центральная Рада обнародовала так называемый Первый Универсал — манифест, обращенный ко всему украинскому народу, в котором объявлялось, что с этого момента Украина будет сама решать свою судьбу, принимать все необходимые меры для поддержания порядка и распределять землю в пределах своих границ. Для реализации декрета был создан Генеральный секретариат с функциями кабинета министров, причем в Петрограде ходили слухи, что украинцы зашли настолько далеко, что назначили своего собственного министра иностранных дел³¹. Хотя эти слухи были неверны, сам факт провозглашения автономии Украинской республики стал открытым вызовом власти Временного правительства.

Внутри правительства мнения по вопросу об Украине разделились. В самых общих чертах, министры-социалисты (большинство из них в принципе не возражало против украинской автономии) боялись потерять тридцать миллионов украинцев, если не пойти на уступки Раде. Еще одним их мотивом была угроза политического кризиса в тылу Юго-Западного фронта в самый разгар наступления. Министры-кадеты, наоборот, отказывались признавать законность украинских притязаний. В целом они рассматривали действия Рады как заговор против Временного правительства и твердо стояли за то, чтобы отложить решение таких коренных политических вопросов до созыва Учредительного собрания. Тем не менее кадеты не возражали против сделанного на заседании кабинета министров 26 июня предложения немедленно

направить в Киев высокопоставленную делегацию, но с условием, что она не должна иметь полномочий принимать окончательных решений, обязывающих правительство.

Для поездки в Киев были назначены министры А. Ф. Керенский, И. Г. Церетели и М. И. Терещенко, которые 28 июня начали переговоры с украинскими лидерами. Дискуссии продолжались три дня, после чего было принято компромиссное соглашение, являвшее собой значительную победу Рады. Прежде всего косвенно признавалось все, что было принято Радой до переговоров, поскольку она как институт была уполномочена говорить от имени украинского народа ³². Соглашение также узаконивало Генеральный секретариат в качестве регионального административного органа, назначаемого Временным правительством по согласованию с Центральной Радой, а также наделяло Раду полномочиями для подготовки своих собственных предложений по вопросу о земле, подлежащих рассмотрению в Учредительном собрании. Со своей стороны Рада заявила о своей лояльности по отношению к революционной России, отказалась от требований создания отдельной украинской армии и обещала не предпринимать дальнейших независимых шагов по расширению автономии до созыва Учредительного собрания. Заручившись такой договоренностью, Керенский, Церетели и Терещенко возвратились 2 июля в столицу, чтобы получить одобрение от остальных членов коалиционного кабинета.

В тот вечер на квартире князя Львова было проведено заседание кабинета министров. По свидетельству Церетели, министры-кадеты с самого начала заявили о неизменности своей позиции. Они основывали свои возражения на том, что соглашение прекращает действие полномочий Временного правительства на территории Украины, что оно не признает созданную сомнительным путем Центральную Раду в качестве правительства Украины, которая даже не имеет четко определенных границ, и что оно (соглашение) предопределяет будущую форму правления Украины еще до созыва Учредительного собрания. Терещенко, Церетели и Керенский (по выражению Милюкова, «триумvirат») принялись защищать результаты своих переговоров, убеждая кабинет, что только одобрение соглашения без каких-либо изменений может связать Раду обязательствами по отношению к Временному правительству. Ожесточенные

дебаты продолжались несколько часов, после чего вопрос был поставлен на голосование: кадеты А. И. Шингарев (министр финансов), А. А. Мануйлов (министр просвещения), В. А. Степанов (исполнявший обязанности министра торговли и промышленности), и Д. И. Шаховской (министр государственного призрения) отказались одобрить соглашение и, поставив в известность свой ЦК, вышли из состава правительства. Последний министр-кадет Н. В. Некрасов высказался за компромисс с Радой, но, оставшись в правительстве, покинул партию кадетов.

На встрече с представителями прессы 3 июля князь Львов подчеркнул, что основополагающая причина кризиса заключается не в украинском вопросе, а в коренных противоречиях между социалистами и буржуазией. Действительно, относительно консервативные кадеты все чаще и чаще расходились во мнениях с большинством членов правительства. По личному заявлению Милюкова, разногласия по поводу соглашения с Радой не были главной причиной отставки кадетов; они стали последним звеном в цепи противоречий в вопросах политики коалиционного правительства, в котором кадеты оказались в меньшинстве, после чего дальнейшее сотрудничество с министрами-социалистами было уже невозможным³³. Как бы там ни было, после внезапного ухода кадетов Временное правительство, состоявшее теперь из шести представителей умеренных социалистических партий и только пятерых «капиталистов», было дезорганизовано и оказалось в крайне уязвимом положении накануне, возможно, самого опасного для него противостояния.

Восстание 1-го пулеметного полка

В Петрограде в понедельник 3 июля было тепло и солнечно, однако начался этот день зловеще. Рано утром почтовые служащие города неожиданно объявили забастовку с требованием о повышении заработной платы, а многие тысячи солдат «старше 40 лет» вышли на демонстрацию протеста на Невский проспект³⁴. Оба инцидента свидетельствовали о нестабильности ситуации, хотя ни один из них не был напрямую связан с планами 1-го пулеметного полка.

К середине утра все было готово к осуществлению заговора. По воспоминаниям одного пулеметчика-ветерана, «еще накануне 3 июля пулеметчики... чистили пуле-

метные стволы, проверяли части, смазывали и заряжали пулеметы»³⁵. К счастью для историка, опубликованные документы следствия Временного правительства по делу о подготовке восстания, а также большое количество мемуаров и вторичных источников позволяют довольно детально реконструировать эту фазу июльских событий. Примерно в 11 часов утра полковой комитет 1-го пулеметного полка собрался в своей штаб-квартире в «Солдатском доме». Поскольку переговоры между полковым комитетом и военной секцией Петроградского Совета об отправке войск на фронт было намечено возобновить в тот же день, вполне вероятно, что полковой комитет намеревался предварительно обсудить и этот чрезвычайно деликатный вопрос. Приблизительно в то же время несколько пулеметчиков (вероятно, «солдат-активистов») во главе с уже известным нам Я. М. Головиным расположились в другой части того же здания. Они выбрали Головина своим председателем и приступили к обсуждению деятельности полкового комитета и предстоящих переговоров с Советом. Число участников второго собрания быстро росло. Многие солдаты откликнулись на приглашение, сделанное от имени Военной организации большевиков³⁶, в результате чего к полудню общее количество присутствовавших достигло нескольких тысяч³⁷.

Председательствовавший Головин задавал тон митингу, подвергнув насмешкам позицию полкового комитета на переговорах со Скаловым. Он решительно выступил против отправки на фронт личного состава и пулеметов, поскольку, по его словам, «наступление было начато против воли народа и посылка помощи армии будет только способствовать продолжению войны»³⁸.

Затем слово взял Блейхман, который действовал в соответствии с планом, принятым накануне на собрании анархистов-коммунистов. Поэтому у него не было необходимости ходить вокруг да около — его фанатичный призыв был прям и прост: «Немедленно свергнуть Временное правительство, и не для того, чтобы отдать власть «буржуазному» Совету, а чтобы взять ее в свои руки!»³⁹ Троцкий, которому, должно быть, часто приходилось слушать Блейхмана, так нарисовал его портрет:

«На собрании появился анархист Блейхман, небольшая, но колоритная фигура на фоне 1917 года. С очень скромным багажом идей, но с известным чутьем массы, искренний в своей всегда воспламененной ограниченности, с расстегнутой на груди рубахой и разметанными во все

стороны курчавыми волосами, Блейхман находил на митингах немало полуиронических симпатий... Солдаты весело улыбались его речам, подталкивая друг друга локтями и подзадоривая оратора ядреными словечками: они явно благоволили к его эксцентричному виду, его нерассуждающей решительности и его едкому, как уксус, еврейско-американскому акценту. В конце июня Блейхман чувствовал себя на импровизированных митингах, как рыба в воде. Его решение всегда было при нем: надо выходить с оружием в руках. Организация? «Нас организует улица». Задача? «Свергнуть Временное правительство, как это сделали с царем, хотя ни одна партия и тогда не призывала к этому!»⁴⁰

Речь Блейхмана произвела необходимый эффект. После этого выступления Головин сумел свести дискуссию к одному вопросу о немедленном выходе полка на улицу с целью свержения Временного правительства⁴¹.

По признанию нескольких свидетелей, кроме Блейхмана в пользу немедленного государственного переворота выступили П. Колобушкин и П. Павлов (оба — анархисты-коммунисты), а также солдаты Я. Головин, И. Казаков, К. Романов и И. Ильинский (все — члены Военной организации РСДРП (б). Как член Военной организации, Ильинский взял на себя обязательство поднять остальные части гарнизона. Расследование этих событий Временным правительством установило, что ораторы расходились только в вопросе о времени проведения этой акции — некоторые предлагали отложить ее на следующий день, чтобы лучше подготовиться⁴².

Однако воинственно настроенные пулеметчики не могли ждать и дня. Предложенная Головиным резолюция о проведении демонстрации была принята единогласно, причем операция должна была начаться в пять часов того же дня. Вторая часть этой резолюции предусматривала создание специального Временного революционного комитета и назначение эмиссаров для немедленной отправки за поддержкой в другие полки, на заводы и в Кронштадт. По рекомендации Ильинского председателем Временного революционного комитета был избран А. Семашко. В его состав вошли также И. Блейхман и члены Военной организации И. Ильинский, К. Романов, Г. Маслов, А. Поляков, А. Жилин и Я. Головин⁴³. С наступлением дня выборы комитета и эмиссаров были завершены. Затем под руководством Семашко⁴⁴ Временный революционный комитет приступил к мобилизации

всех рот полка, выставил патрули и охрану, отдал приказ о немедленной конфискации и вооружении гражданских и военных автомобилей и занялся разработкой оперативных планов.

Пулеметчики, снабженные мандатами за подписью Головина, а во многих случаях — представителей Военной организации части, рассеялись по городу и его окрестностям⁴⁵. Судя по имеющимся свидетельствам, делегации были направлены среди прочих в следующие части — Московский, Гренадерский, 1-й пехотный, 180-й пехотный, Павловский, Измайловский, Финляндский и Петроградский резервные полки, в 6-й саперный батальон и броневой автомобильный дивизион; на предприятия Выборгского района — «Новый Парвийнен», «Новый Лесснер», «Русский Рено», «Эриксон» и завод Барановского, а также на Путиловский завод в Нарвском районе. Кроме того, представители 1-го пулеметного полка отправились на военные объекты в Кронштадт, Ораниенбаум, Стрельну и Петергоф. Как правило, полковые делегаты прибывали в означенные пункты между тремя и пятью часами дня на оснащенных пулеметами грузовиках и своими силами или через полковые и заводские комитеты в спешном порядке организовывали митинги. Один из представителей 1-го пехотного запасного полка оставил типичное описание приезда делегации пулеметчиков в часть:

«3 июля с. г. около 5 часов дня ко мне, как к председателю полкового комитета, пришли солдаты, назвавшиеся делегацией от 1-го пулеметного полка... Делегация заявила, что послана пулеметным полком к нам с требованием немедленного выступления с оружием в руках на улицы Петрограда для свержения министров-капиталистов и передачи всей власти в руки Советов С.Р. и К. депутатов. Солдаты пулеметного полка и пришедшие с ними рабочие заявили, что весь Петроградский гарнизон и все рабочие гор. Петрограда постановили к 5 часам выйти с оружием на улицы для выражения протеста, а потому требовали и от нас того же»⁴⁶.

Вскоре был организован митинг 1-го пехотного запасного полка, а затем при оружии и почти в полном составе полк участвовал в восстании.

В некоторых полках призывы пулеметчиков не прошли дальше местных комитетов и были напрочь отвергнуты. Это прежде всего Литовский, Волынский и Преображенский полки, которые сыграли решающую роль

в Февральской революции. Некоторые части в ответ объявили о своем нейтралитете. Так, например, было в Петроградском полку, где полковой комитет принял решение «не препятствовать манифестации при условии, что она будет иметь мирный характер»⁴⁷. И все же, несмотря на это, предложения пулеметчиков получили значительную поддержку во многих частях гарнизона и на многих заводах. Можно вполне обоснованно полагать, что вечером к восставшим присоединились Московский, 180-й пехотный запасный, Финляндский, Гренадерский и Павловский полки, а также 6-й саперный батальон⁴⁸. Как только появились грузовики с пулеметчиками, остановились заводы Выборгской стороны⁴⁹, и рабочие на многих из них почти сразу взялись за оружие. Вскоре их примеру последовали примерно 10 тысяч вооруженных матросов в Кронштадте и 30 тысяч рабочих Путиловского завода, так что уже 3 июля восстание приобрело угрожающие масштабы. Несмотря на то что мы не обладаем всеми необходимыми материалами для анализа, все же можно сделать несколько предварительных наблюдений, по крайней мере в отношении некоторых важных аспектов этих стремительно развивавшихся событий.

Во-первых, следует отметить, что изучение соответствующих газет, опубликованных воспоминаний и документов позволяет в несколько новом свете взглянуть на повсеместно признанные причины июльского восстания. Так, напрашивается вывод, что отставка министров-кадетов имела второстепенное значение. 3 июля в утренних газетах не было ни слова о правительственном кризисе⁵⁰, и хотя слухи о нем к полудню, вероятно, уже гуляли по городу вовсю, они совершенно не упоминались в призывах 1-го пулеметного полка. Как указывается в некоторых мемуарах, многие демонстранты узнали об этом только поздно вечером уже у Таврического дворца. Когда это известие получило более широкое распространение, оно, безусловно, способствовало падению и без того шаткого престижа Временного правительства. Замедление и последующий крах наступления на фронте, по-видимому, не играли важной роли на ранних этапах восстания, за исключением, пожалуй, того, что явное отсутствие заметных побед окончательно убило патристический дух уставших от войны городских масс, который ненадолго возродился в первые дни многообещающего наступления⁵¹.

Какие же тогда факторы способствовали росту масш-

табов восстания? Представляется важным, что наряду с уже указанными в предыдущих главах общими источниками нестабильности масс большинство основных действующих сил восстания имели особые причины для недовольства, которые носили порой даже сиюминутный характер. Как видно из документов Временного правительства и мемуаров, например, для 1-го пехотного запасного полка (как и для 1-го пулеметного полка), главный повод заключался в необходимости предотвратить отправку войск на фронт⁵². Мгновенная готовность к бунту среди кронштадтцев объясняется, по всей вероятности, их уверенностью в том, что налет Временного правительства на дачу Дурново, наступление на фронте и освобождение из тюрьмы бывших царских морских офицеров предвещали не что иное, как возврат к невыносимым по своей несправедливости условиям матросской жизни на императорском флоте. Отношение Генерального штаба к гренадерам на фронте было единственной серьезной причиной недовольства Гренадерского полка Петроградского гарнизона⁵³, а в 180-м пехотном запасном полку важнейшим фактором стало всеобщее возмущение по поводу изданного командованием округа запрета на все отпуска.

На Путиловском заводе, где забастовочное движение способствовало началу революции 1905 г. и Февральской революции, главным источником напряженности было растущее убеждение в том, что давно обещанное увеличение минимальной заработной платы не произойдет, если власть будет оставаться в руках «находящегося под контролем капиталистов» Временного правительства. Еще одним взрывоопасным фактором стало неприятие путиловцами предстоящей отправки на фронт оставленной работать на заводе части Тарутинского полка, основную массу которого после Февральской революции уже постигла эта участь⁵⁴. Среди выборгских рабочих своеобразным барометром преобладающей в районе анархии стал тривиальный с виду инцидент. 2 июля в главной продовольственной лавке района разразился скандал в связи с подозрениями на спекуляцию мясом: рабочие избили хозяина тухлым мясом, продававшимся в ней, после чего протащили его по улицам⁵⁵. В дневнике Лациса есть запись, датированная 2 июля: «Провел весь день на конференции (2-я Общегородская конференция РСДРП(б)). В Выборгском районе тревога: изловили мясника-спекулянта и хотели кончить самосудом. Мертвая зыбь выходит наружу. Начинается...»⁵⁶

Что касается нарастания волнений 3 июля, то важно отметить один момент — анализ соответствующих материалов не подтверждает пропагандируемый большинством советских источников факт, что в ответ на директивы ЦК партийные кадры предпринимали серьезные усилия для сдерживания масс. Если отбросить в сторону вопрос о причастности Военной организации к разжиганию беспорядков, то на деле получается, что, как признает К. Шелавин, «практически повсеместно рядовые большевики не проявили стойкости и быстро примкнули к движению»⁵⁷. Один из видных деятелей Петербургского комитета, М. И. Калинин, сделал аналогичное заявление в 1920 г. в статье, посвященной июльским событиям. «Надо признаться,— писал он,— что огромное большинство коммунистов в районах взяли на себя активную роль (в восстании), хотя в центре еще не было твердого решения»⁵⁸. В своей статье Шелавин пытается объяснить это тем, что в период с февраля по июль Петербургская организация пополнилась более чем 30 тысячами новых членов, и их поглощение оказалось нелегким делом.

Но это, безусловно, было далеко не все. Еще один фактор заключался в том, что роль «пожарного» (как саркастически называли позицию ЦК в конце июля) в целом отвергалась рядовыми большевиками. «Снова нам быть пожарной кишкой,— писал тогда Лацис.— Докуда же это так продлится?»⁵⁹ Уже в 1934 г., выступая с речью об июльских днях, Крупская также выделила этот фактор. «Знаете,— сказала она,— когда надо агитировать за то, чтобы выступать — это легко... А когда люди хотят выступать, а надо говорить: «Нет, товарищи, баррикады надо разрушить... С выступлением придется немного подождать»,— это трудно. И большевикам было очень трудно это сделать»⁶⁰.

До некоторой степени трудности на местном уровне, вероятно, также объясняются двусмысленной позицией Петербургского комитета, занятой им 20 июня,— партия не должна отказываться от ведущей роли, если не удастся сдержать массы. Как бы то ни было, днем и вечером 3 июля ситуация была настолько запутанной, что большевики, выполнявшие директивы ЦК и агитировавшие за отсрочку восстания, вступили в конфликт с членами партии, ратовавшими за его поддержку. Именно такая ситуация возникла в ходе бурного митинга на Путиловском заводе. Секретарь Путиловского заводского комитета большевик Сергей Багдатыев призвал к немедленному выступлению; после чего большевики Антон Васильев и Се-

рго Орджоникидзе стали настаивать на проявлении сдержанности. В воспоминаниях одного рабочего, участника митинга, описывается поведение Багдатьяева после эмоционального выступления солдата:

«Вслед за ним выступает товарищ Багдатьяев, призывающий также выйти на улицы (не зная, каково отношение к выступлению со стороны партийной организации, он в данном случае действовал на свой собственный риск и страх).

Его призыв: «Долой Временное правительство! На улицы! Выступаем!» — дружно подхватывался многотысячной толпой» ⁶¹.

Аналогичная ситуация возникла на почти 10-тысячном митинге кронштадтских матросов и рабочих после прибытия пулеметчиков ⁶². Лидер анархистов-коммунистов Ярчук потом напишет, что «странно вели себя тогда большевики. В то время как большевик Рошаль говорил на митинге о вооруженной демонстрации под лозунгом «Вся власть Советам в центре и на местах», другие члены партии вместе с Раскольниковым дежурили у прямого провода, ожидая решения ЦК партии, заседавшего в Питере. На вопрос Расколькова, заданный Рошалю: «А что, если партия решит не выступать?» — последний ответил: «Ничего, мы их отсюда заставим» ⁶³. В одной из ранних советских интерпретаций этого случая высказывалось предположение, что «Раскольников уже получил сведения из Петрограда. Ему сообщил Каменев, что 1-й пулеметный полк вышел по своей собственной инициативе, без санкции партии и что нужно сдерживать порывы Кронштадта. А как сдерживать их? Кто сдержит катящуюся с вершин Альп лавину? Выступал Рошаль. Но вскоре этот стихийный человек сам поддался настроению масс и вместо «назад» закричал «вперед» ⁶⁴. В документах Временного правительства приводятся слова другого кронштадтского большевика, Ф. В. Громова, который якобы призвал к немедленному отплытию в Петроград с оружием «на всех наличных судах, иначе матросы Кронштадта будут признаны предателями и навсегда вычеркнуты из рядов революционных частей». Вскоре после этого Громов и Рошаль поставили вопрос об участии в демонстрации на голосование; выкрики присутствовавших решили его положительно ⁶⁵. Пока матросы готовились к сражению, избранный Исполкомом Кронштадтского Совета комитет отбыл в столицу для оценки ситуации.

Советские историки представляют июльские «демонстрации» как мирное движение протеста, как последнее

событие «мирного периода» за передачу власти Советам. При этом важно отметить, что имеющиеся источники о массовых митингах 3 июля недвусмысленно указывают на то, что целью июльского движения (по формулировке анархистов-коммунистов и лидеров 1-го пулеметного полка) было свержение Временного правительства вооруженной силой. Остается неясным, каким образом заговорщики намеревались достичь своей цели и кому предполагалось передать власть — Совету, большевикам или какой-либо специально созданной организации. Впрочем, при изучении истоков июльского восстания возникает ощущение, что заварившие кашу анархисты и полуанархисты, особенно из числа личного состава гарнизона, сами не имели четких ответов на эти вопросы. Более того, они, по-видимому, рассматривали революцию как относительно несложное дело, не требующее большой организаторской работы или планирования. Вероятно, наилучшим образом подобные настроения выражены в призыве Блейхмана: «Улица организует нас!» Такой настрой был популярен в Военной организации и среди матросов Кронштадта. В. И. Невский вспоминает, как на одной из июньских встреч Ленин попросил точные данные о численности членов партии в гарнизоне. «Тогда,— пишет Невский,— мне казалось это неважным, мелочным... Начинай демонстрацию и баста» ⁶⁶. Это же, по существу, подтверждает И. П. Флеровский: «При всех своих революционных достоинствах... кронштадтцы обладали одним серьезным недостатком: они наивно думали, убежденные в том, что достаточно напора их энтузиазма, чтобы власть Советов осуществилась на всей земле Российской» ⁶⁷. По всей видимости, эти настроения основывались на таких факторах, как относительная легкость, с какой был свергнут Николай II, явное отсутствие прочной государственной власти и наличие огромных запасов оружия и боеприпасов в руках рабочих, солдат и матросов. Появление таких настроений, а также хаос в рядах большевиков в некоторой степени помогает объяснить смятение и видимый недостаток руководства в ходе июльских событий.

Исполком Советов и начало июльского восстания

Политический кризис, возникший по поводу компромисса с Украиной, поставил лидеров социалистического большинства Совета перед очень трудной дилеммой.

Ведь совсем недавно на Всероссийском съезде Советов оппозиция большевиков была отвергнута. Это должно было способствовать усилению позиций Временного правительства в связи с подготовкой к возобновлению активных военных действий против стран германского блока. Однако организованная съездом демонстрация 18 июня показала, насколько непопулярно это решение в столице. Теперь неожиданный выход кадетов из правительства свел на нет надежды на создание единого либерально-социалистического фронта и неизбежно вновь поставил на повестку дня вопрос о том, следует ли Совету брать власть в свои руки. Можно с уверенностью сказать, что любое новое заседание делегатов съезда Советов со всех концов изможденной войной страны скорее всего поддержало бы попытку формирования коалиционного правительства до созыва Учредительного собрания. Но как быть с готовыми к мятежу рабочими и солдатами Петрограда, которые, как никогда прежде, были восприимчивы к влиянию анархистов и большевиков? И, кроме того, что будет с захлебывающимся наступлением на фронте?

Именно в такой удручающей атмосфере 3 июля в Таврическом дворце состоялось совместное заседание членов бюро Всероссийского ЦИК и Исполкома Совета крестьянских депутатов. Церетели, выглядевший измученным и усталым, открыл дебаты предложением о продлении полномочий правительства (без министров-кадетов) до созыва пленума ЦИК (предполагавшего присутствие представителей местных Советов) ⁶⁸, на котором мог бы быть определен состав будущего правительства. Это была экстренная мера, предварительно единогласно одобренная эсеро-меньшевистским руководством Совета ⁶⁹, направленная на то, чтобы вся Россия, а не только бушующий Петроград могла принять участие в решении вопроса о правительстве.

Не успел Церетели занять свое место, как обсуждение его предложения было прервано первыми сообщениями о приготовлениях городских рабочих и солдат к походу против Временного правительства в знак поддержки 1-го пулеметного полка. Это случилось ровно в 4 часа дня. Дебаты по правительственному кризису пришлось прервать, чтобы принять необходимые меры безопасности ⁷⁰. В то время как возглавляемый Войтинским комитет судорожно пытался организовать защиту Таврического дворца на случай нападения, во все части гарнизона и в Кронштадт были направлены телеграммы,

подтверждающие запрет на какие-либо демонстрации ⁷¹. Кроме того, была подготовлена прокламация (уже в 7 вечера ее распространили среди рабочих и солдат), в которой расширяющееся движение осуждалось как «предательское» и подчеркивалось, что для борьбы с ним будут применены «все наличные средства» ⁷². Затем ЦИК прервал заседание до позднего вечера, чтобы представители Совета смогли отправиться в наиболее «горячие точки» в надежде на подавление восстания в зародыше ⁷³.

2-я Общегородская конференция ⁷⁴, Центральный Комитет и уличные шествия

Примерно в то же время, когда эсеро-меньшевистское руководство Советов в Таврическом дворце впервые осознало надвигающуюся опасность вооруженного восстания, делегаты 2-й Петроградской общегородской конференции РСДРП(б), открывшейся 1 июля в особняке Кшесинской, обсуждали очень деликатный вопрос: следует ли Петербургскому комитету, отмахнувшись от ленинского мнения, издавать свою собственную газету. Этот вопрос возник, потому что большинство членов ПК считало, что «Правда» не отвечает агитационным и организационным потребностям городской партийной организации. Кроме того, многие из его состава рассматривали создание независимого печатного органа как средство усиления влияния и возможность маневра для ПК в связи с консервативностью Центрального Комитета. С конца мая, когда эта проблема впервые встала на повестке дня, Ленин яростно выступил против учреждения городской партийной газеты именно потому, что он видел в этом отражение имеющихся в Петербургском комитете тенденций к сепаратизму ⁷⁵. Дискуссия, безусловно, была острой и продолжительной. После ее завершения 51 делегат, что составило внушительное большинство, проголосовал за создание петроградской газеты. 19 человек было против и 16 воздержалось ⁷⁶. Вне всякого сомнения, это решение было выражением духа независимости Петербургского комитета, однако оно было немедленно отодвинуто на второй план неожиданным появлением двух членов Военной организации 1-го пулеметного полка. Один из них, И. Н. Ильинский, сразу взял слово и объявил, что во избежание своей ликвидации полк решил провести марш протеста против Временного правительства и уже зару-

чился полной поддержкой других воинских частей и заводов ⁷⁷.

Это выступление произвело среди делегатов эффект разорвавшейся бомбы. По имеющимся свидетельствам, Володарский заявил прибывшим, что партия против такой демонстрации и ее члены обязаны выполнять это решение ⁷⁸. Пулеметчиков такая реакция явно не испугала. Они покинули заседание в приподнятом настроении, бросив напоследок, что «лучше выйдут из партии, но не пойдут против постановления полка» ⁷⁹. В опубликованных протоколах общегородской конференции этот эпизод упоминается лишь вскользь и уместается всего в одной строке, в которой, в частности, говорится о незапланированном выступлении представителя 1-го пулеметного полка по поводу роста напряженности в частях гарнизона ⁸⁰. Там нет ни слова о реакции делегатов конференции. Однако сноска отсылает читателя к воспоминаниям секретаря Выборгской районной партийной организации Е. Н. Егоровой и В. И. Егорова, которые впервые были опубликованы в одном номере «Ленинградской правды» в 1926 г. Судя по немногословным воспоминаниям Егорова, конференция в тот момент фактически подтвердила курс, намеченный 20 июня, то есть она проголосовала абсолютным большинством за то, чтобы «в случае необходимости возложить на ПК руководство выступлением гарнизона и рабочих города Петрограда» ⁸¹. Вслед за этим был объявлен перерыв. У Егоровой читаем, что после завершения заседания она и ее коллеги бросились по домам, но когда она добралась до места (и это подтверждается в ряде других источников), демонстрация была в полном разгаре и сдерживать массы было уже слишком поздно ⁸².

Известия о кризисе Временного правительства и действиях 1-го пулеметного полка застали многих членов ЦК РСДРП(б) в Таврическом дворце, где они готовились к вечернему заседанию рабочей секции Петроградского Совета ⁸³. Каменев немедленно позвонил в Кронштадт Раскольникову и предостерег его от участия в событиях, а приблизительно в 4 часа дня руководство большевиков собралось для определения официальной позиции партии в создавшейся ситуации. К сожалению, протоколы того чрезвычайно важного заседания опубликованы не были. На VI съезде РСДРП(б) Сталин упомянул о принятой на том заседании линии партии, заявив, что в первую очередь ЦК стремился избежать решительного сражения до

полного краха наступления на фронте, чтобы впоследствии вину за это нельзя было свалить на большевиков. А после неизбежного разгрома, утверждал Сталин, перспективы новой революции были бы, вероятно, гораздо более радужны ⁸⁴.

Очень сомнительно, чтобы столь осторожная стратегия нашла единогласную поддержку. Думается, что в данных обстоятельствах Смилга, например, наверняка выступил бы против ⁸⁵. Как бы то ни было, второй раз за два дня ЦК проголосовал против участия в демонстрации, причем Троцкий от Межрайонного комитета, очевидно, поддержал эту позицию. Во исполнение этого решения Каменев и Зиновьев подготовили текст обращения, направленного на сдерживание масс, которое планировалось опубликовать в «Правде» на следующий день ⁸⁶. Аналогичные директивы были направлены в президиум 2-й Общегородской конференции, а члены партии из состава Петроградского Совета были делегированы в 1-й пулеметный полк, чтобы попытаться удержать его от задуманного ⁸⁷. Необходимые разъяснения были также переданы по телефону находившемуся в то время в Москве Ногину ⁸⁸. Затем члены ЦК явились на совместное заседание Исполкома Совета, где Сталин выступил с заявлением об официальной позиции партии, которое было внесено в протокол ⁸⁹. Неудивительно, что лидеры большинства в Совете встретили слова Сталина с изрядной долей скептицизма. А на 2-й Общегородской конференции, где выступить с заявлением об официальной позиции ЦК Президиум поручил Томскому, это было сделано крайне формально.

Интересно отметить, что речь Томского представляет собой своего рода временный компромисс (безусловно, заранее выработанный внутри Президиума) между стремлением к действию радикалов Петербургского комитета типа Лациса, с одной стороны, и активной политикой сдерживания, проводившейся ЦК,— с другой. Выступление Томского, на наш взгляд, настолько значительно, что хотелось бы привести его полностью:

«т. Томский, по поручению президиума [конференции], доводит до сведения собрания, что... 4 кадета выходят из министерства, не соглашаясь на политику министерства по отношению к Украине. Бюро ЦИК Совета Рабочих и Солдатских Депутатов решило выпустить призыв воздержаться от выступления на улицу... К Таврическому дворцу вызваны броневики, хотят арестовать глава-

рей движения. Председатель крестьянского съезда заявил, что «необходимо расстрелять всех изменников»... Есть известие, что в окрестностях артиллерия открыла огонь по выступившей части. Исполнительные комитеты ищут компромисса с кадетами и, по всей вероятности, найдут его... Наш ЦК приглашает членов и сочувствующих удержать массу от дальнейших выступлений, сказать ей, что ЦК и ПК, найдя необходимым выступить на улицу 10 [(23)] июня, не решили вопроса о выступлении самостоятельно, а созвали представителей фабрик и полков, что выступившие полки поступили не по-товарищески, не пригласив на обсуждение вопроса о выступлении комитеты нашей партии, и что поэтому партия не может брать на себя ответственности за это выступление. ЦК предлагает конференции: 1) выпустить воззвание, чтобы удержать массу; 2) выработать обращение к ЦИК взять власть в свои руки. Говорить сейчас о выступлении без желания новой революции нельзя. Всех «если» настоящего положения мы учесть не можем. Брать почин в свои руки рискованно. Как выльется движение, мы увидим, мы должны подчиниться решению ЦК, но не нужно бросаться по заводам и тушить пожар, так как пожар зажжен не нами и за всеми тушить мы не можем. Мы должны выразить наше отношение к событиям и ждать их развития»⁹⁰.

После Томского выступали Е. Н. Егорова, В. М. Молотов, Г. Д. Вейнберг и другие, которые только что вернулись из рабочих районов. Они констатировали, что начатое пулеметчиками движение нарастало как снежный ком, хотя некоторые заводы и полки еще ждали официального распоряжения партии на этот счет. Старый большевик М. А. Савельев заметил, что на Путиловском заводе крайне напряженная ситуация, а В. И. Невский обратил внимание, что на Петроградской стороне чувствуется недовольство действиями ЦК. Представитель Московского района Г. Ф. Коломин потребовал, чтобы в связи с последними событиями партия немедленно взяла руководство движением в свои руки. Видимо, поддержала его В. К. Слуцкая, которая заявила, что ЦК был не в курсе последних событий, когда принимал решение о неприятии уличных демонстраций. Она задала вопрос об отношении конференции к факту демонстрации, однако свидетельства о каком-либо официальном ответе отсутствуют.

Как нетерпеливо высказался Рахья, конференция

напоминала ему Парижскую коммуну, которая продолжала говорить, даже будучи окруженной вражескими войсками. Он предложил Петербургскому комитету выполнить директивы ЦК, но при этом срочно организовать встречу заводских и военных представителей с Центральным Комитетом, чтобы, вероятно, полнее оценить обстановку и оказать на ЦК давление. Это предложение было принято с условием, что среди прочих на встречу будут приглашены и представители Межрайонного комитета и меньшевиков-интернационалистов. К концу конференции проект резолюции о поддержке мятежных полков, выдвинутый Кактынем, Огретсой и Салной, был отвергнут. Взамен принимается решение направить делегацию в ЦИК с ультиматумом: либо немедленно берите власть, либо ждите вооруженного восстания. После этого в работе конференции был вновь объявлен перерыв ⁹².

1-й пулеметный полк встает во главе движения

Чуть позже семи часов вечера Петроград был похож на поле брани. Пулеметчики уже заняли Финляндский вокзал, пулеметы были расставлены на путях у близлежащих станций. Солдаты с пулеметами заняли подходы к ведущим к центру города Троицкому и Литейному мостам, а по Невскому проспекту по приказу Революционного комитета проносились ощерившиеся пулеметами грузовики ⁹³. Примерно в 7.45 один из таких грузовиков появился на Балтийском вокзале, а прибывшие на нем солдаты объявили, что пришли арестовывать Керенского. Узнав, что двумя часами раньше Керенский отбыл на фронт, они уехали ⁹⁴.

В это же время в Выборгском районе 1, 2 и 4-й батальоны 1-го пулеметного полка в полном боевом снаряжении начали собираться на Сампсониевском проспекте, который уже был до отказа заполнен гражданскими демонстрантами. Ровно в 8.00, когда приготовления были завершены, а Семашко, Блейхман, Головин и другие члены Временного революционного комитета сели на грузовики, был отдан приказ к началу марша ⁹⁵. Один из большевиков Выборгского района потом с гордостью вспоминал, что тогда «под красными знаменами шли только рабочие и солдаты; не было видно ни кокард служащих, ни блестящих пуговиц студентов, ни шляпок «сочувствующих дам». Все это принадлежало событиям четырехмесячной давности, Февралю» ⁹⁶.

По плану батальоны 1-го пулеметного полка должны были во главе заводских колонн по отдельным маршрутам пройти по Выборгскому району, подбирая по дороге другие восставшие полки и рабочих. Так, 4-й батальон прошествовал по Сампсониевскому проспекту и вскоре появился у казарм Московского полка, где Семашко не без успеха помог его солдатам преодолеть последние остатки нерешительности. Тем временем 1-й батальон промаршировал по Нюстадтской улице и сделал запланированную остановку у Михайловского артиллерийского училища. Там вездесущий Семашко потребовал несколько артиллерийских орудий, и, когда ему в этом отказали, четыре орудия со снарядами были захвачены силой⁹⁷. Вскоре вооруженные пушками 1-й батальон и Московский полк переправились по Литейному мосту через Неву, соединились с 6-м саперным батальоном и направились к Таврическому дворцу. Стулов описывает это следующим образом:

«Вид демонстрации был несомненно внушительный: артиллерия, оркестр москвичей, плакаты с лозунгами «Долой 10 министров-капиталистов», «Вся власть Совету рабочих, солдатских и крестьянских депутатов», «Помни, капитализм, пулемет и булат сокрушат тебя», «Долой Керенского и с ним наступление» и, наконец, сопровождавшие шествие грузовики с пулеметами — все это производило значительный эффект на перепуганного обывателя и буржуазию»⁹⁸.

А тем временем в Петроградском районе 2-й, а затем и 4-й батальоны 1-го пулеметного полка соединились с Гренадерским полком и направились к штаб-квартире большевиков, располагавшейся совсем рядом, в особняке балерины Кшесинской.

В особняке Кшесинской

Судя по мемуарным источникам, в штаб-квартире большевиков царили хаос и неразбериха, даже когда колонны вооруженных рабочих и солдат были на ближних подступах к ней. Наверху, в бывшей спальне огромных размеров члены Всероссийского бюро Военной организации и Исполнительной комиссии Петербургского комитета (представлявшие ЦК Сталин и Свердлов, по видимому, также присутствовали там) обсуждали быстро тающие варианты возможных действий партии⁹⁹, а в со-

седних коридорах возбужденные партийные работники из полков и заводских предприятий ждали указаний. Из спальни часто выходил только Подвойский, который получал от вновь прибывших последние донесения и опять исчезал за закрытыми дверями. Отрывок из воспоминаний А. Тарасова-Родионова, члена Военной организации Офицерской пехотной школы в Ораниенбауме, дает представление о преобладавшей в тот момент атмосфере:

«Военка шумит, но никто ничего толком не знает. Какой-то пожилой солдатик в рваной шинели, потев и размахивая руками, старается всех убедить, что все равно дальше удержать нельзя... «Не надо мешать! — горячится он. — Пусть выступают и докажут, что мы еще живы!»

Быстро начинают прибегать все новые и новые люди, держащие связь гарнизона и заводов с Военкой и ПК. Их лица устали и загорелы. Они качают головами и упрямо твердят:

«На Выборгской на остановишь! И слушать не хотят!»

«Путиловцы уже строятся... Пришлось с ними согласиться и их одобрить».

«Без санкции ЦК?!»

«Да, без санкции ЦК... Массы сдержать больше нельзя, да и незачем, пожалуй!»¹⁰⁰

Расположившееся в спальне партийное руководство Петрограда стояло перед свершившимся фактом: несколько полков уже вышли на улицы, и повсеместно большевики принимали в демонстрации активное участие. В своих ранних воспоминаниях Калинин подчеркивал, что тогда вопрос был не в том, следует ли большевикам подключаться к движению, а в том, должны ли они встать во главе демонстрации и придать ей определенную направленность или оставаться пассивными участниками. Он пишет, что подавляющее большинство присутствовавших партийных лидеров выступали за «самое энергичное участие»¹⁰¹.

Заседание, очевидно, еще продолжалось, когда два батальона 1-го пулеметного полка, к которым вскоре примкнули Гренадерский полк, оркестр и тысячи рабочих, заполнили улицу под балконом особняка Кшесинской в ожидании решения партии. По более поздним свидетельствам Подвойского и Сталина, по очереди на балкон посылались Подвойский, Свердлов, Лашевич, Невский и другие, чтобы уговорить солдат и рабочих вернуться в Выборгский район¹⁰². Можно только догадываться об искренности этих призывов. Как бы то ни было, после того как толпа громогласно отвергла их, было

объявлено, что Военная организация готова поддержать и возглавить движение ¹⁰³. Этим было дано благословение на немедленный поход к Таврическому дворцу для передачи требований демонстрантов. Одновременно (по свидетельству Подвойского) члены Военной организации покинули особняк Кшесинской для организации переговоров с Советом ¹⁰⁴.

На первой сессии 2-й Общегородской партийной конференции после июльских событий Сталин объяснял принятое в последнюю минуту решение об активном участии в демонстрации тем, что большевики не имели права умыть руки, так как, если пролетарская демонстрация уже началась, партия пролетариата была обязана вмешаться, чтобы придать движению мирный и организованный характер ¹⁰⁵. Со всей откровенностью следует сказать, что лидерам петроградских большевиков было чрезвычайно трудно оставить без руководства демонстрантов и недавно завоеванных членов партии. В конце концов уличные шествия возникли в результате большевистской пропаганды и были реальным свидетельством усиливавшейся «большевизации» масс. Тем не менее, оценивая неофициальное решение членов бюро Военной организации и Исполнительной комиссии Петербургского комитета, необходимо также учитывать и тот факт, что и прежде политика немедленного начала активных действий пользовалась широкой поддержкой в руководстве этих организаций.

Как бы то ни было, после того как лидеры петроградских большевиков решили возглавить уличное движение, перед ними неожиданно встал главный вопрос: что представляет собой это движение и каково его будущее. Или, как говорил Калинин, «что это: демонстрация или нечто большее? Может быть, начало пролетарской революции, начало захвата власти?» ¹⁰⁶ Нам неизвестно, был ли дан этому ответ на совместном заседании Военной организации и Исполнительной комиссии. Вполне вероятно, собравшиеся даже не пытались этого сделать, поскольку ответственность за крупные политические решения лежала прежде всего на ЦК, многие члены которого в тот момент находились в Таврическом дворце.

Тем не менее представляется немаловажным, что попытка охарактеризовать уличные волнения была предпринята на встрече делегатов 2-й Общегородской конференции с представителями гарнизона и промышленных предприятий, которая состоялась в 10 часов вечера в особняке Кшесинской. Ильин-Женевский описывает

этот эпизод в своих ранних мемуарах: «3 июля мельком побывал на общегородской конференции... Большинство районных делегатов находились в крайне возбужденном состоянии... Часть настаивала на необходимости вооруженного восстания. «Какая тут может быть мирная демонстрация?» — кричал, сильно жестикулируя, какой-то высокого роста делегат: «На улицах стрельба. Это новая революция!»¹⁰⁷

Это совещание закончилось после 11 часов вечера. На ней была принята рекомендация о продолжении демонстраций на следующий день под эгидой большевиков¹⁰⁸. Направленность массового протеста предполагалось перенести с незаконной отправки на фронт частей гарнизона на банкротство правительства, которое выразилось в отставке кадетов. О вооруженном восстании не говорилось ни слова. Сомнительно, что такой вариант был официально поставлен на голосование. По свидетельствам одного анонимного источника, руководящий орган конференции «подчеркнул, что демонстранты никаких самочинных выступлений к захвату правительственных учреждений не должны предпринимать»¹⁰⁹. Таким образом, создается впечатление, что вопрос о конкретных действиях был оставлен открытым (это подтверждается и другими источниками). В исторической литературе об июльских событиях часто упоминается широко бытовавшее мнение, что демонстрации и планировались вооруженными, хотя официально об этом не говорилось. В этой связи в дневнике Лациса сообщается следующее: «На Невском трещат пулеметы, а здесь (на конференции) разговаривают о мирной демонстрации. Я высказываюсь за вооруженную демонстрацию. Но в конце концов решили не говорить ни про мирную, ни про вооруженную, а сказать просто: «демонстрация». Может быть, для внешнего употребления это и нужно, но для членов партии эта неопределенность вредна»¹¹⁰.

Принятая на конференции официальная резолюция гласила:

«Создавшийся кризис власти не будет разрешен в интересах народа, если революционный пролетариат и гарнизон твердо, определенно и немедленно не заявят о том, что они за переход власти к С.Р.С. и Кр. депутатов.

С этой целью рекомендуется: немедленное выступление рабочих и солдат на улицы, для того чтобы продемонстрировать выявление своей воли»¹¹¹.

Военная организация РСДРП(б) принимает командование

Несмотря на то что ЦК РСДРП(б) полностью изменил свою официальную позицию по отношению к уличным демонстрациям только рано утром 4 июля, в практическом смысле решение Исполнительной комиссии Петербургского комитета и Всероссийского бюро Военной организации, а также резолюция совещания делегатов 2-й Общегородской конференции с представителями гарнизона и предприятий являют собой крупный поворотный момент в июльском движении. В результате Временный революционный комитет 1-го пулеметного полка, по-видимому, прекратил свое существование, и его функции полностью перешли к специальному оперативному штабу, созданному Военной организацией и возглавленному Н. И. Подвойским, В. И. Невским и К. А. Мехоношиным.

Одновременно с появлением первого позитивного заявления партии этот оперативный штаб взял на себя руководство демонстрацией и приступил к мобилизации максимально возможного военного подкрепления, в том числе полков, размещенных в окрестностях Петрограда. Так, член Военной организации Е. И. Спец позвонил из особняка Кшесинской в Ораниенбаум и приказал расквартированному там 3-му батальону 1-го пулеметного полка приготовиться к отправке в Петроград к 8.00 на следующее утро «со всеми пулеметами и винтовками и максимально возможным количеством боеприпасов»¹¹². А представитель Офицерской пехотной школы Тарасов-Родионов отправился из особняка Кшесинской в Ораниенбаум на автомобиле Церетели. Прибыв туда поздно вечером, он распорядился подготовить местный гарнизон к отбытию в Петроград на следующее утро при полном вооружении, а затем принял участие в непродолжительном по времени захвате власти в Ораниенбауме¹¹³.

Представители ячеек Военной организации, ожидавшие указаний в особняке Кшесинской, получили устный приказ спешно присоединиться к уже вышедшим на улицы полкам, а членам партии во всех частях гарнизона были направлены следующие административные распоряжения от имени Военной организации:

1. Организовать руководящий комитет для командования батальоном из членов нашей организации.
2. В каждой роте должны быть руководители.

3. Устроить ротные собрания и на них прочесть наше обращение.

4. Установить связь с Военной организацией, назначив для этого немедленно двух товарищей к нам.

5. Поддерживать связь с соседними частями.

6. Проверять, кто и куда отправляет команды из частей; командам давать наши инструкции.

7. Быть наготове и не выходить из казарм без призыва Военной организации» ¹¹⁴.

С началом активных действий по приказу Военной организации броневики Запасного броневого автомобильного дивизиона направились на боевое дежурство к особняку Кшесинской, Николаевскому вокзалу, ключевым мостам и на Литейный проспект. 16-я рота 1-го пулеметного полка должна была обеспечивать безопасность в районе особняка Кшесинской и занять историческую Петропавловскую крепость ¹¹⁵. Одновременно решение большевиков было доведено до таких важных объектов, как Петропавловская крепость и арсенал. Датированное 3 июля сообщение было направлено в Петропавловскую крепость, скорее всего до прибытия туда роты 1-го пулеметного полка. Оно гласило:

«3 июля № 215

Военная организация РСДРП(б)
при Центральном Комитете

Гарнизону Петропавловской крепости

Военная организация доводит до сведения гарнизона Петропавловской крепости, что сегодняшнее выступление произошло стихийно, без призыва нашей организации, но, желая предупредить возможность разгрома выступивших товарищей со стороны контрреволюционных сил, мы, уже после выяснившейся невозможности задержать выступление, предложили всем товарищам солдатам и рабочим поддержать революционные части войск, вышедшие на улицу.

В данный момент мы призываем гарнизон Петропавловской крепости без призыва В. О. никуда не выступать и осведомлять нас о всех распоряжениях, поступающих от соответствующих властей.

За Председателя Военной организации
В. Невский
Секретарь *Мехоношин*» ¹¹⁶.

Теперь нам нужно вернуться немного назад и обратить наши взоры на Таврический дворец, которому было суждено оказаться в самом центре событий на протяжении всех июльских дней. Поздно вечером 3 июля и весь день 4 июля заседавший там ЦИК предпринимал титанические усилия, чтобы разрешить правительственный кризис и стабилизировать ситуацию на улицах города. А между тем сюда направлялись завод за заводом, полк за полком, чтобы предъявить свои требования. Даже ЦК РСДРП(б) перевел свой командный пункт в расположенную в Таврическом дворце штаб-квартиру фракции большевиков в Петроградском Совете ¹¹⁷.

В конце дня в одном из залов Таврического дворца началось экстренное заседание рабочей секции Петроградского Совета (один из важнейших подкомитетов Совета наряду с солдатской секцией), в ходе которого большевикам впервые удалось получить большинство. На нем была принята резолюция в поддержку уличных демонстраций, в которой также содержалось требование о передаче всей власти Советам. Была даже создана специальная комиссия, призванная решить две задачи — обеспечить мирный характер демонстрации и заставить Совет взять власть в свои руки. В этой связи возникает вопрос, имеет ли победа большевиков в рабочей секции какое-либо непосредственное отношение к уличным шествиям. Ответ на него следует искать в анализе самого заседания и обстановки вокруг него.

Вспомним, что одной из основных задач большевиков, сформулированных Лениным после отмены демонстрации 10 июня, было завоевание командных позиций в Совете, и прежде всего в органах Петроградского Совета (включая рабочую секцию). На заводском уровне эта кампания проводилась большевиками с присущей им тщательностью. Выборы в рабочую секцию могли быть назначены по усмотрению коллективов каждого из заводов. Во второй половине июня на ряде предприятий большевикам удалось воспользоваться недовольством условиями труда и началом наступления на фронте и сперва добиться принятия антиправительственных резолюций, а в конечном итоге — замены своими людьми депутатов от эсеров и меньшевиков, которые, естественно, не желали выполнять этих резолюций ¹¹⁸. По-видимому, кампания шла так успешно, что к концу июня большевики

созрели для того, чтобы проверить свои силы в рабочей секции.

В «Правде» от 23 июня сообщалось, что фракция большевиков в Петроградском Совете предпринимает попытки оказать давление на Исполком Петроградского Совета в целях созыва чрезвычайного заседания рабочей секции для рассмотрения методов борьбы с контрреволюцией. В этой информации помещался и проект резолюции из десяти пунктов, которая предлагалась большевиками для принятия на этом заседании. Среди прочего резолюция призывала к соблюдению соглашения между Советом и Временным правительством о сохранении революционного ядра в Петроградском гарнизоне, полной свободе агитации в воинских частях гарнизона и на фронте, немедленном расследовании всех организаций, ведущих тайную и открытую контрреволюционную агитацию, а также о разделении запасов бумаги, помещений, печатных станков и т. д., с тем чтобы потребности рабочих, солдатских и крестьянских газет удовлетворялись в первую очередь.

30 июня «Правда» объявила, что заседание рабочей секции намечено на вечер 1 июля и что присутствие на нем всех задействованных в работе членов партии строго обязательно. Затем Исполком Петроградского Совета перенес это заседание на 3 июля, а «Правда» 2 июля повторила свой призыв от 30 июня. Более того, перед завершением утреннего заседания 2-й Общегородской конференции 3 июля делегатам напомнили об исключительной важности присутствия на «решительной схватке», намеченной на вечер в Петроградском Совете¹¹⁹. Из этого можно сделать вывод, что акция в рабочей секции, первоначально запланированная на 1 июля, непосредственно не связана с уличными шествиями 3 июля. Наоборот, как и кампания за завоевание мест в Учредительном собрании, она была одной из альтернатив активным действиям, выдвигаемой в то время Лениным и большинством ЦК РСДРП(б).

Заседание рабочей секции началось 3 июля в 7 часов вечера с острых дебатов по повестке дня. Победу в них одержали большевики. В отношении самой повестки интересно отметить, что она полностью соответствовала планам, изложенным в «Правде» 23 июня, и, таким образом, не содержала ни единого упоминания ни правительства, ни 1-го пулеметного полка¹²⁰. Судя по последовавшим затем событиям, можно предположить, что к мо-

менту начала заседания Каменев, Зиновьев и Троцкий, которые определяли на нем тактику левых и являлись также лидерами умеренного крыла большевиков и межрайонцев, выступали резко против вооруженной демонстрации, так как еще не были убеждены, что начатый пулеметчиками марш нельзя остановить ¹²¹.

Итак, первая половина заседания 3 июля прошла в обсуждении предложения большевиков по борьбе с контрреволюцией. Оно было прервано после 9 часов вечера, когда стало известно, что демонстрацию не остановить и к Таврическому дворцу вот-вот подойдут подразделения 1-го пулеметного и Московского полков. К этому времени до Каменева и Зиновьева уже дошло решение, принятое в их отсутствие в особняке Кшесинской ¹²². Зная об этом, при поддержке Троцкого большевики теперь стремились склонить рабочую секцию к проведению аналогичной политики. И теперь уже, когда Чхеидзе предложил немедленно прервать заседание, чтобы его участники могли попытаться сдержать пока еще пассивные заводы и полки, Каменев немедленно выступил против, заявив, что, коль скоро массы уже на улицах, необходимо создать специальную комиссию (при участии меньшевиков и эсеров) для обеспечения мирного характера демонстрации. После ожесточенных дебатов меньшевики и эсеры покинули зал, а через некоторое время была утверждена следующая резолюция:

«В связи с правительственным кризисом рабочая секция считает необходимым настаивать, чтобы Всероссийский съезд Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов взял власть в свои руки. Рабочая секция обязуется приложить все силы для достижения этой цели и надеется получить поддержку своим действиям со стороны солдатской секции. Рабочая секция избирает комиссию, которой поручается действовать от имени рабочей секции во взаимодействии с исполкомами Петроградского и Всероссийского Советов. Все прочие участники этого заседания направляются в районы, чтобы сообщить это решение рабочим и солдатам, и, постоянно взаимодействуя с этой комиссией, будут пытаться придать движению мирный и организованный характер ¹²³.

Важно отметить, что созданная в соответствии с резолюцией комиссия, по всей видимости, в дальнейшем практически не играла никакой роли (кроме того, что июльское движение не выглядело чисто большевистским), возможно, в какой-то степени, из-за действий Военной

организации, которая уже до этого полностью взяла руководство уличными демонстрациями в свои руки. Но тем не менее предложение Каменева вполне могло представлять собой искреннюю попытку умеренных большевиков вынести ответственность за руководство шествиями за рамки исключительно партийных органов.

Поход на Таврический дворец

Невский проспект — главная улица и коммерческий центр Петрограда, был в такой же степени цитаделью ненавистной буржуазии, как Выборгский район — пристанищем рабочего класса. Днем 3 июля напряженное спокойствие этого района было нарушено — сначала грузовиками 1-го пулеметного полка, на каждом из которых было установлено от трех до шести пулеметов, а затем колоннами вышедших на демонстрацию рабочих и солдат. Как и следовало ожидать, именно здесь в первую ночь июльских событий наиболее часто возникали стычки между легковозбудимыми и вооруженными до зубов демонстрантами, многие из которых, безусловно, пришли стрелять буржуа, и отдельными лицами, намеревавшимися спровоцировать беспорядки или сорвать процессии. В то время вопрос о том, кто стрелял первым, казался жизненно важным. Спустя 50 лет изучение всей массы взаимоисключающих друг друга газетных сообщений, документов и мемуаров наводит на мысль, что, вероятнее всего, в этом в равной степени повинны все — воинственно настроенные демонстранты, провокаторы, правые элементы, а подчас и просто паника и неразбериха¹²⁴.

Вечером 3 июля одно из наиболее серьезных столкновений произошло в тот момент, когда 180-й пехотный запасный и Гренадерский полки, курсируя между особняком Кшесинской и Таврическим дворцом, проходили мимо Гостиного двора и Публичной библиотеки. «Примерно в 11.00,— вспоминает один из участников событий,— мы дошли до Гостиного двора... Нам перекрыли дорогу, было темно... Внезапно перед нами раздался взрыв: кто-то бросил ручную гранату; казалось, что это был сигнал к нападению. Сразу застрочили несколько пулеметов. На мгновение толпа замерла, затем все быстрее и быстрее стала отступать во внутренний двор Армянской церкви и под арки Гостиного двора. Некоторые солдаты легли

на мостовую... и открыли ответный огонь, остальные отходили вместе с толпой... Пулеметы били несколько минут, в течение которых стоны раненых заглушались свистом пуль и винтовочными выстрелами»¹²⁵.

Несмотря на такие задержки, к полуночи подразделения большинства «большевистских» полков (1-го пулеметного, Московского, Финляндского, 1-го пехотного, Павловского, Гренадерского и 180-го пехотного), а также 6-й саперный батальон, четыре орудия и тысячи рабочих из Выборгского района заполнили улицы вокруг Таврического дворца¹²⁶. Около двух часов ночи к ним присоединились 30 тысяч путиловцев — многие с женами и детьми. Всего к этому времени число демонстрантов составляло, по-видимому, 60—70 тысяч человек. По сравнению с ними силы защитников Таврического дворца были ничтожны. «Что же касается до защиты дворца,— вспоминал В. С. Войтинский,— то лучший конец — это обещание прислать во дворец наряд, если будут наряды... Положение скверное. Кучка вооруженных людей, человек 200, могла без труда овладеть Таврическим дворцом, разогнать Центральный Исполнительный Комитет и арестовать его членов»¹²⁷.

К счастью для лидеров социалистического большинства, 1-й пулеметный полк и анархисты-коммунисты уже не контролировали рабочих и солдат, а большевики еще не решили до конца, демонстрация это или революция. Со своей стороны путиловцы поклялись оставаться у Таврического дворца до тех пор, пока ЦИК не объявит о готовности взять власть и арестовать «десять министров-капиталистов». Внушительная толпа предъявляла свои требования и размахивала красными знаменами с лозунгом «Вся власть Советам». Она кляла почем зря Временное правительство и с явным недоверием внимала речам Войтинского и Чхеидзе, которые умоляли солдат и рабочих разойтись по домам и обещали, что их пожелания будут учтены. Толпа с энтузиазмом реагировала на выступления Троцкого и Зиновьева, согласившихся, что Советам пора брать власть¹²⁸. Однако пушки, пулеметы и винтовки молчали, а демонстранты просто стояли или бесцельно бродили вокруг, вероятно, удивляясь упрямству социалистического большинства и нерешительности собственных лидеров. К рассвету разочарованные, усталые и голодные солдаты и рабочие разошлись по своим кварталам, имея при этом в виду, что днем они вновь вернутся назад.

Тем временем в великолепном Белом зале Таврического дворца близилось к завершению совместное заседание ЦИК Советов рабочих и солдатских депутатов и Исполкома Совета крестьянских депутатов. Оно началось в полночь принятием двусмысленного по характеру предложения, предусматривавшего, что поддержанные большинством резолюции являются обязательными для всех участников заседания. Это было косвенным приглашением большевикам покинуть зал (большевиков, безусловно, там и не было, но члены Межрайонного комитета в знак протеста ушли) и прелюдией к многочасовому осуждению демонстраций и большевиков. Возмущение большинства собравшихся выразил И. Г. Церетели, который охарактеризовал шествия как контрреволюционное явление и заявил, что «решения революционной демократии не могут диктоваться штыками». Лидер меньшевиков Р. А. Абрамович подверг большевиков яростной критике и потребовал, чтобы «они вышли и напрямую сказали: это, мол, наша работа». Заседание закончилось в 5 часов утра (чтобы делегаты смогли посетить заводы и полки для разъяснения позиции социалистического большинства) принятием следующего заявления:

«Товарищи рабочие и солдаты!

...Вчера некоторые воинские части вышли на улицы с оружием в руках, стараясь овладеть городом, захватывая автомобили, арестовывая по своему произволу отдельных лиц, действуя угрозами и насилием. Явившись к Таврическому дворцу, они с оружием в руках потребовали от Исп. Ком. взять всю власть в свои руки... Всероссийские исполнительные органы Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов с негодованием отвергают всякую попытку давить на их волю. Недостойно вооруженными демонстрациями пытаться волю отдельных частей гарнизона одного города навязывать всей России...

Всероссийские органы Советов рабочих и крестьянских депутатов протестуют против этих зловещих признаков разложения, подкапывающихся под всякую народную власть... Всероссийские исполнительные органы Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов требуют раз и навсегда прекращения подобных позорящих революционный Петроград выступлений. Всех тех, которые стоят на страже революции и ее завоеваний. Исп. Ком. Всер. С.Р.С. и Кр. Д. призывает ждать решения полномочного органа демократии по поводу кризиса

власти. Перед этим решением, в котором скажется голос всей революционной России, должны склониться все, кому дорого дело свободы»¹²⁹.

ЦК посылает за Лениным

Через некоторое время после совместного заседания ЦИК (около часа ночи) впервые за несколько часов ЦК РСДРП(б) собрался в Таврическом дворце на встречу с представителями Петербургского комитета и Военной организации. Вскоре к ним присоединились Троцкий и другие члены Межрайонного комитета, которые в знак протеста только что покинули совместное заседание ЦИК. Судя по имеющимся воспоминаниям, из всех важных совещаний большевиков, протоколы которых не опубликованы, это, безусловно, одно из самых интересных. Главной темой, конечно, были рекомендации общегородской конференции о продолжении уличных демонстраций. По всей видимости, даже тогда Зиновьев и Каменев тщетно пытались спасти партию от серьезного поражения, которое, с их точки зрения, должно было неминуемо последовать за массовой вооруженной конфронтацией с Советом. Выступая против большинства участников совещания, которые считали, что в отношении демонстраций отступать уже некуда, Каменев упорно предлагал попытаться организовать взамен митинги по районам¹³⁰. Троцкий утверждал, что он поддерживал позицию Каменева, пока не убедился в абсолютной безнадежности попыток помешать массам выйти на улицы на следующий день¹³¹. Как подтверждает Зиновьев, окончательное решение о том, что ЦК санкционирует и возглавит на следующий день «мирную, но вооруженную демонстрацию» рабочих и солдат, было принято только после прибытия к Таврическому дворцу 30 тысяч путиловцев и телефонного звонка из Кронштадта от Раскольниковова, который категорически заявил, что никто и ничто не могут помешать матросам выступить утром в Петроград¹³². И тогда, учитывая, что партия оказалась в критической ситуации, ЦК принял решение немедленно послать за Лениным¹³³.

В ранние утренние часы с 3 на 4 июля, когда связной спешил в Финляндию к Ленину, составленный ранее Каменевым и Зиновьевым призыв к сдерживанию масс был снят с матриц очередного номера «Правды». По-

видимому, было решено не задерживать номер, пока не будет готова другая прокламация, и 4 июля нерешительность партии выразилась в большом пустом месте на первой странице газеты. К 4 часам утра на улицах раздавали листовку сталинского сочинения, подписанную и ЦК, и Петербургским комитетом, и Военной организацией. В ней, в частности, говорилось:

«Товарищи рабочие и солдаты Петрограда!

...Коалиционное правительство потерпело крах: оно распалось, не будучи в состоянии выполнить тех задач, ради которых оно было создано. Грандиозные, труднейшие задачи стоят перед революцией. Нужна новая власть, которая в единении с революционным пролетариатом, революционной армией и революционным крестьянством решительно взялась бы за укрепление и расширение завоеваний народа. Такой властью может быть только власть Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов.

Вчера революционный гарнизон Петрограда и рабочие выступили, чтобы провозгласить лозунг: «Вся власть Совету». Это движение, вспыхнувшее в полках и на заводах, мы зовем превратить в мирное, организованное явление воли всего рабочего, солдатского и крестьянского Петрограда»¹³⁴.

Таким образом, ЦК, несмотря на проявленный несколькими его членами здравый смысл, был теперь накануне решительной схватки с Советом и Временным правительством. В своих ранних мемуарах В. И. Невский писал, что, если бы буржуазию можно было бы победить в июле, ни единый большевик не отказался бы от предоставленной демонстрациями возможности¹³⁵. Ф. Ф. Раскольников вторил ему в напечатанных в «Правде» воспоминаниях об июльских днях под названием «Вооруженное восстание или вооруженная демонстрация?»: «Зарекались ли мы тогда от восстания? Конечно нет. В голове каждого из нас была мысль о захвате власти. Только нужно было для этого избрать подходящий момент»¹³⁶.

Суждено ли было этому стать просто уличной демонстрацией или захватом власти? Иными словами, должна ли была партия рисковать всем в надежде на немедленное свержение Временного правительства или ограничить свои притязания в надежде сохранить «по меньшей мере половину сил» на будущее?¹³⁷ Именно такой трудный выбор стоял перед Лениным на следующий день после возвращения из Финляндии.

Примечания

¹ См. настоящее издание. С. 155—158.

² Советские историки обычно трактуют июльское восстание как стихийное массовое движение протеста, возникшее в результате выхода кадетов из коалиционного правительства и неудач на фронте. Наиболее существенным исключением из общего ряда являются работы П. М. Стулова (см.: *Стулов П. М. Первый пулеметный полк в июльские дни* // КЛ. 1930. № 3 (36). С. 64—125. В статье приводятся убедительные документы, свидетельствующие о зарождении восстания внутри 1-го пулеметного полка до 3 июля.)

³ См. настоящее издание. С. 127—129.

⁴ Известия. 1917. 23 июня.

⁵ Генерал П. А. Половцев повествует об этих трудностях в книге «Дни затмения». Париж. Возрождение. Б. г. С. 116—119.

⁶ Цитируется П. М. Стуловым по архивным материалам расследования Временным правительством июльского восстания (см.: КЛ. 1930. № 3 (36). С. 92). Стулов подчеркивает, что материалы следственной комиссии Временного правительства относительно деятельности 1-го пулеметного полка, опубликованные в 1927 г. (см.: *Июльские дни в Петрограде* // КА. 1927. № 4 (23). С. 1—63; № 5 (24). С. 3—70), крайне фрагментарны — отсутствуют самые важные документы.

⁷ *Стулов П. М. Первый пулеметный полк в июльские дни* // КЛ. 1930. № 3 (36). С. 94.

⁸ Там же. С. 95.

⁹ *Невский В. И. Организация масс* // Красная газета. 1922. 16 июля.

¹⁰ См.: Шестой съезд РСДРП(б): Протоколы. С. 64. Давая разъяснения на 2-й Общегородской конференции несколькими днями ранее, Подвойский отрицал свою осведомленность о планах пулеметчиков до 3 июля (*Елов Б. После июльских событий* // КЛ. 1923. № 7. С. 100). В издании 1927 г. протоколов VI съезда партии имеется примечание, в котором это расхождение объясняется необходимостью защитить Военную организацию. В нем также говорится, что по согласованию со Свердловым и другими членами ЦК в разъяснениях Подвойского на VI съезде имелись и другие неточности (см.: Протоколы съездов и конференций Всесоюзной Коммунистической партии (б). Шестой съезд. Август 1917 г. М., 1927. С. 329).

¹¹ *Невский В. И. Военная организация и Октябрьская революция* // Красноармеец. 1919. № 10—15. С. 39.

¹² *Ильин-Женевский А. Ф. От февраля к захвату власти*. Л., 1927. С. 68.

¹³ *Невский В. И. Военная организация и Октябрьская революция* // Красноармеец. 1919. № 10—15. С. 39.

¹⁴ Там же.

¹⁵ Первый легальный Петербургский комитет большевиков в 1917 году. С. 244—245.

¹⁶ *Невский В. И. Военная организация и Октябрьская революция* // Красноармеец. 1919. № 10—15. С. 39.

¹⁷ *Невский В. И. В Октябре: беглые заметки памяти* // Каторга и ссылка. 1932. № 11—12 (96—97). С. 29—30.

¹⁸ *Елов Б. После июльских событий* // КЛ. 1923. № 7. С. 100.

¹⁹ Цитируется Знаменским (*Июльский кризис 1917 года*. С. 46) по неопубликованным мемуарам А. Федорова из ленинградских партийных архивов. Знаменский называет воспоминания Федорова единственным источником, содержащим планы анархистов накануне июльских дней. По воспоминаниям большевика И. Лебедева, анархисты также

провели на даче Дурново длившееся всю ночь заседание с участием делегатов от рабочих и солдат, на котором обсуждались планы предполагаемого восстания. Лебедев заявляет, что был среди его участников (см.: Правда. 1937. 16 июля).

²⁰ Правда. 1917. 4 июля.

²¹ См. настоящее издание. С. 142.

²² Раскольников Ф. Ф. Кронштадт в июльские дни // Правда. 1927. 16 июля.

²³ Trotsky L. History of the Russian Revolution. Vol. 2. P. 12.

²⁴ См.: Правда. 1917. 4 июля.

²⁵ Стулов П. М. Первый пулеметный полк в июльские дни // КЛ. 1930. № 3 (36). С. 96.

²⁶ Милуков П. Н. История второй русской революции. Т. 1. С. 238.

²⁷ См.: Невский В. И. Замечания к сообщению Б. Елова и статье Ф. Раскольникова // КЛ. 1923. № 7. С. 128—130.

²⁸ См. настоящее издание. С. 139.

²⁹ См.: Невский В. И. Военная организация и Октябрьская революция // Красноармеец. 1919. № 10—15. С. 39.

³⁰ В исследовании украинского кризиса наиболее ценными источниками были: Pipes Richard. The Formation of the Soviet Union. 1st ed. rev. Cambridge: Harvard University Press. 1964. P. 50—61; Церетели И. Г. Воспоминания. Т. 2. С. 133—161. Соответствующие документы приводятся в работе: Browder R. P. and Kerensky A. (eds.). The Russian Provisional Government. 1917. Stanford: Stanford University Press. 1961. Vol. 1.

³¹ Буржуазия и помещики в 1917 году: Частные совещания членов Государственной думы / Под ред. А. К. Дрезена. М.; Л., 1932. С. 157.

³² Pipes R. The Formation of the Soviet Union. P. 61.

³³ См.: Милуков П. Н. История второй русской революции. Т. 1. С. 235—236.

³⁴ См.: Биржевые ведомости. 1917. 3 июля. Вечерний выпуск. С. 1. Имеются в виду солдаты старше 40 лет, которые сначала были назначены на сельскохозяйственные работы, а затем при подготовке наступления вновь призваны. Многие из них протестовали против такого решения выходом на демонстрацию.

³⁵ Розанов А. Первый пулеметный полк // Петроградская правда. 1922. 16 июля.

³⁶ По утверждению пяти свидетелей, член Военной организации Поляков от ее имени призывал свою роту (4-ю) участвовать в митинге и присоединиться к прочим частям гарнизона и к Военной организации в целях свержения Временного правительства (см.: Июльские дни в Петрограде. Под ред. И. Тоболина // КА. 1927. № 4 (23). С. 20).

³⁷ См. там же. С. 13—14; Стулов П. М. Первый пулеметный полк в июльские дни 1917 г. // КЛ. 1930. № 3 (36). С. 96.

³⁸ Июльские дни в Петрограде // КА. 1927. № 4 (23). С. 14.

³⁹ Там же; Стулов П. М. Первый пулеметный полк в июльские дни 1917 г. // КЛ. 1930. № 3 (36). С. 97.

⁴⁰ Цит. по: Trotsky L. History of the Russian Revolution. Vol. 2. P. 13—14.

⁴¹ Июльские дни в Петрограде // КА. 1927. № 4 (23). С. 14.

⁴² Интересно, что на 2-й Общегородской конференции и затем на VI съезде партии Подвойский заявил, что между 10 и 17 часами 3 июля Военная организация направила 23 товарища для сдерживания 1-го пулеметного полка. Стулов категорически опровергает это, утверждая, что в то время в полку не было ни единого агитатора от Военной организации (см.: Стулов П. М. Первый пулеметный полк в июльские дни 1917 г. // КЛ. 1930. № 3 (36). С. 100).

⁴³ См. там же. С. 99—101.

⁴⁴ Характерно, что после 1923 г., когда Семашко бежал из Советского Союза, советские историки немедленно перестали оправдывать его деятельность по разжиганию июльского восстания. Так, Ильин-Женевский пишет, что «он (Семашко) пользовался в полку большим влиянием и, несомненно, мог бы, если бы хотел, удержать полк от выступления... Теперь, конечно, такое поведение прапорщика Семашко не должно нас удивить» // *Ильин-Женевский А. Ф.* От февраля к захвату власти. С. 68.

⁴⁵ *Стулов П. М.* Первый пулеметный полк в июльские дни 1917 г. // КЛ. 1930. № 3 (36). С. 99—104. В книге *В. И. Старцева* «Очерки по истории петроградской Красной гвардии и рабочей милиции» говорится, что рабочая милиция — скромный предшественник Красной гвардии, возглавляемой большевиками и анархистами, — также сыграла важную роль в развитии движения. Если его оценка роли рабочей милиции в событиях 3 июля верна, трудно объяснить отсутствие какого-либо упоминания о ее деятельности в более ранней литературе по организации и развитию июльского восстания (см.: *Старцев В. И.* Очерки по истории петроградской Красной гвардии и рабочей милиции. М.: Л., 1965).

⁴⁶ Июльские дни в Петрограде // КА. 1927. № 4 (23). С. 58.

⁴⁷ *Знаменский О. Н.* Июльский кризис 1917 года. С. 57—58.

⁴⁸ См. рапорт Половцева от 3 июля А. Ф. Керенскому // Революционное движение в России в июле 1917 г.: Июльский кризис / Под ред. Д. А. Чугаева. М., 1959. С. 15.

⁴⁹ Биржевые ведомости. 1917. 4 июля. Утренний выпуск.

⁵⁰ По всей видимости, это сообщение впервые появилось 3 июля в вечернем выпуске «Биржевых ведомостей».

⁵¹ *Войтинский В. С.* Годы побед и поражений. 1917. С. 183.

⁵² *Ахун М. И., Петров В. А.* Большевики и армия в 1905—1917 гг. С. 225.

⁵³ Июльские дни в Петрограде // КА. 1927. № 5 (24). С. 26.

⁵⁴ *Попов Н. Г.* Путиловцы в июльские дни // Борьба классов. 1932. № 11—12. С. 280.

⁵⁵ Биржевые ведомости. 1917. 4 июля. Утренний выпуск.

⁵⁶ *Лацис М. И.* Июльские дни в Петрограде: из дневника агитатора // ПР. 1923. № 5 (17). С. 111.

⁵⁷ *Шелавин К.* К вопросу о подготовке июльских дней // Звезда. 1925. № 3 (9). С. 149; см. также: *Лидак О. А.* 1917 год: Очерк истории Октябрьской революции. М., 1932. С. 49.

⁵⁸ *Калинин М. И.* Владимир Ильич о движении // Красная газета. 1920. 16 июля. В мемуарах приводится много тому примеров. Так, по свидетельству одного большевика с завода «Новый Лесснер», сразу после того, как представитель 1-го пулеметного полка А. И. Жилин (член Военной организации, время от времени печатавшийся в «Солдатской правде») закончил свой призыв к поддержке пулеметчиков, «рядовые члены партии по своей инициативе решили присоединиться к ним».

⁵⁹ *Лацис М. И.* Июльские дни в Петрограде // ПР. 1923. № 5 (17). С. 112.

⁶⁰ *Крупская Н. К.* Ленин и партия. М., 1963. С. 118—119.

⁶¹ *С. М.* На Путиловском заводе в июльские дни // Петроградская правда. 1922. 18 июля. Это тот самый Багдательев, который был исключен из Петербургского комитета (однако ему было позволено остаться членом партии большевиков) в апреле за призывы к свержению Временного правительства от имени Петербургского комитета (см. настоящее издание. С. 53). Согласно Л. М. Михайлову-Политикусу

и П. Ф. Куделли, накануне июльских дней Багдатыев составил листовку за подписью Петербургского комитета, призывавшую к демонстрации 3 июля. Листовка была распространена по всем районам города; *Граф Т.* В июльские дни 1917 года // КЛ. 1928. № 6.

⁶² И. Казаков и Е. Кошелев, оба члены Военной организации, были направлены в Кронштадт 1-м пулеметным полком (см.: Июльские дни в Петрограде // КА. 1927. № 4 (23). С. 19—20).

⁶³ *Ярчук Х.* Кронштадт в русской революции. Нью-Йорк, 1923. С. 11.

⁶⁴ *Д'ор О. Л.* Красный часовой Кронштадт. М., 1920. С. 40.

⁶⁵ См.: *Лурье М. Л.* Кронштадтские моряки в июльском выступлении 1917 года // КЛ. 1932. № 3 (48). С. 93—94. Прочие документы следственной комиссии были напечатаны Тоболиным // КА. 1927. № 5 (24). С. 40—48, и в книге «Балтийские моряки...». С. 162—174.

⁶⁶ *Невский В. И.* Две встречи // КЛ. 1922. № 4. С. 144.

⁶⁷ *Флеровский И. П.* Июльский политический урок // ПР. 1926. № 7 (54). С. 58.

⁶⁸ В этой связи представляется важным утверждение Войтинского, что делегаты провинций были самыми яркими сторонниками коалиционного правительства и Всероссийского съезда Советов (см.: *Войтинский В. С.* Годы побед и поражений. С. 186—187).

⁶⁹ *Церетели И. Г.* Воспоминания... Т. 2. С. 261.

⁷⁰ Там же. С. 266.

⁷¹ См.: Июльские дни в Петрограде // КА. 1927. № 4 (23). С. 14.

⁷² Известия. 1917. 4 июля.

⁷³ Новая жизнь. 1917. 4 июля.

⁷⁴ В изучении данной конференции основным источником стала работа «Вторая и третья Петроградские общегородские конференции большевиков в июле и октябре 1917 года: Протоколы» (М.; Л., 1927). Эти протоколы не переиздавались. Дополнительно можно использовать книгу *Б. Елова* «3—5 июля 1917 года». С. 53—74.

⁷⁵ Более детально эти противоречия рассмотрены в книге: Первый легальный Петербургский комитет большевиков в 1917 году. С. 106, 114—122, 127—132.

⁷⁶ См.: Вторая и третья Петроградские общегородские конференции большевиков в июле и октябре 1917 года. С. 43.

⁷⁷ Там же. С. 53; *Егорова Е. Н.* Юнкерам плевали в лицо // Ленинградская правда. 1926. 18 июля; *Егоров В. И.* Июльские дни 1917 года // Там же.

⁷⁸ Шестой съезд РСДРП(б): Протоколы. С. 17.

⁷⁹ *Елов Б.* После июльских событий // КЛ. 1923. № 7. С. 96.

⁸⁰ См.: Вторая и третья Петроградские общегородские конференции большевиков в июле и октябре 1917 года. С. 47.

⁸¹ *Егоров В. И.* Июльские дни 1917 года // Ленинградская правда. 1926. 18 июля.

⁸² *Егорова Е. Н.* Юнкерам плевали в лицо // Ленинградская правда. 1926. 18 июля.

⁸³ См. настоящее издание. С. 179—182.

⁸⁴ Шестой съезд РСДРП (б): Протоколы. С. 17; см. также: *Елов Б.* После июльских событий // КЛ. 1923. № 7. С. 96.

⁸⁵ *Миронов Т. Г.* Борьба большевиков за Петроградский гарнизон в период двоевластия 1917 года. С. 234. В сталинское время советские источники часто ставили Смилгу в ряд с теми, кто вместе с Лацисом поддерживал идею захвата власти в Петрограде силами 1-го пулеметного полка.

⁸⁶ *Лидак О. А.* 1917 год // Очерки по истории Октябрьской революции. М.; Л., 1932. С. 49.

⁸⁷ *Флеровский И. П.* Июльский политический урок // ПР. 1926. № 7 (54). С. 72.

⁸⁸ Ногин сообщил Московскому комитету партии о правительственном кризисе на заседании 3 июля, подчеркнув, что ЦК «решил держаться выжидательной политики и призвал товарищей к дисциплине» (см.: *Леви Е.* Московская организация большевиков в июле 1917 года // ПР. 1929. № 2—3 (85—86). С. 127).

⁸⁹ Шестой съезд РСДРП(б): Протоколы. С. 17; *Церетели И. Г.* Воспоминания... Т. 2. С. 266—267.

⁹⁰ Вторая и третья Петроградские общегородские конференции. С. 50. В 30-е годы, когда Томский и Лацис попали в опалу, в официальных изданиях по истории партии было заявлено об их оппозиции линии ЦК в июльские дни. Эти источники рассматривали Лациса и Томского как исключение из правила, игнорируя тот факт, что Лацис был официальным представителем Выборгского района и выборным председателем 2-й Общегородской конференции, а Томский произнес свою речь 3 июля по поручению Президиума, членом которого он являлся.

⁹¹ *Елов Б.* 3—5 июля 1917 г. С. 73.

⁹² Вторая и третья Петроградские общегородские конференции. С. 50—52.

⁹³ Воля народа. 1917. 4 июля.

⁹⁴ Известия. 1917. 4 июля.

⁹⁵ См.: *Стулов П. М.* Первый пулеметный полк в июльские дни // КЛ. 1930. № 3 (36). С. 105; см. также: *Лашевич М. М.* Июльские дни // Петроградская правда. 1921. 17 июля.

⁹⁶ *Метелев А.* Июльское восстание в Петрограде // ПР. 1922. № 6. С. 161.

⁹⁷ Июльские дни в Петрограде // КА. 1927. № 5 (24). С. 56—59.

⁹⁸ *Стулов П. М.* Первый пулеметный полк в июльские дни // КЛ. 1930. № 3 (36). С. 105—106.

⁹⁹ *Невский В. И.* Военная организация и Октябрьская революция // Красноармеец. 1919. № 10—15. С. 39. Иногда это заседание упоминается как неофициальное заседание Петербургского комитета или собрание Военной организации.

¹⁰⁰ *Тарасов-Родионов А.* 3—5 июля // Известия. 1922. 18 июля.

¹⁰¹ *Калинин М. И.* Владимир Ильич о движении // Красная газета. 1920. 16 июля; см. также: *Вейнберг Г. Д.* Преддверие Октябрьской революции: Мои воспоминания об июльских днях // Петроградская правда. 1921. 17 июля.

¹⁰² См. выступление Подвойского на 2-й Общегородской конференции и выступление Подвойского и Сталина на VI съезде партии в работе Б. Елова // КЛ. 1923. № 7. С. 101; Шестой съезд РСДРП(б): Протоколы. С. 17, 64.

¹⁰³ См. там же; см. также: *Шелавин К.* Очерки русской революции 1917 г. Ч. 1: Февраль — июльские дни. Пг., 1923. С. 142; *Метелев А.* Июльское восстание в Петрограде // ПР. 1922. № 6. С. 161.

¹⁰⁴ См.: *Елов Б.* После июльских событий // КЛ. 1923. № 7. С. 101.

¹⁰⁵ См. там же. С. 96.

¹⁰⁶ *Калинин М. И.* Владимир Ильич о движении // Красная газета. 1920. 16 июля.

¹⁰⁷ *Ильин-Женевский А. Ф.* На рубеже русской революции // Красный Петроград. 1919. С. 37.

¹⁰⁸ См.: *Лацис М. И.* Июльские дни в Петрограде // ПР. 1923. № 5 (17). С. 113.

¹⁰⁹ *Петров И. Ф.* Стратегия и тактика партии большевиков в период подготовки и победы социалистической революции. С. 464.

¹¹⁰ Ляцис М. И. Июльские дни в Петрограде // ПР. 1923. № 5 (17). С. 113.

¹¹¹ Владимирова В. Революция 1917 года: Хроника событий. Т. 3. С. 133; см. также: *Trotsky L. History of the Russian Revolution. Vol. 2. P. 21.*

¹¹² Революционное движение в России в июле 1917 г.: Июльский кризис. С. 23.

¹¹³ См.: Июльские дни в Петрограде // КА. 1927. № 4 (23). С. 58; *Тарасов-Родионов А.* 3—5 июля // Известия. 1922. 16 июля.

¹¹⁴ Июльские дни в Петрограде // КА. 1927. № 4 (23). С. 32. Прекрасный пример реализации этих инструкций содержится в опубликованных документах расследования деятельности 3-го пехотного запасного полка (см.: КА. 1927. № 5 (24). С. 16—19).

¹¹⁵ Там же. № 4 (23). С. 26; *Елов Б.* После июльских событий // КЛ. 1923. № 7. С. 101; Известия. 1917. 4 июля. С. 3. Следует отметить, что крепость была взята без сопротивления.

¹¹⁶ Владимирова В. Июльские дни 1917 года // ПР. 1923. № 5 (17). С. 18. В этой связи см. также: *Арский Н.* Трагикомедия 3-го июля // Пережитое. М., 1918. С. 37.

¹¹⁷ Зиновьев Г. Ленин в июльские дни // ПР. 1927. № 8—9 (67—68). С. 62.

¹¹⁸ См.: Очерки истории Ленинградской организации КПСС. С. 491; *Карамышева Л. Ф.* Борьба большевиков за Петроградский Совет: март—октябрь 1917 г. Л., 1964. С. 80.

¹¹⁹ Вторая и третья Петроградские общегородские конференции. С. 47.

¹²⁰ Протокол этого заседания был опубликован в «Известиях» 5 июля 1917 года; см. также: *Шляпников А. Г.* Июльские дни в Петрограде // ПР. 1926. № 4 (51). С. 68—72.

¹²¹ Необходимо отметить, что взгляды Троцкого на революционную ситуацию отличались от подхода каменевско-зиновьевского крыла РСДРП(б). Троцкий, как и Ленин, безусловно, считал, что активные действия следует отложить до тех пор, пока большевики не будут обладать более весомой поддержкой в провинциях и на фронте.

¹²² В этой связи см. показания В. В. Сахарова в работе И. Тоболина «Июльские дни в Петрограде» // КА. 1927. № 4 (23). С. 51.

¹²³ Известия. 1917. 4 июля.

¹²⁴ Мобилизованные правительством войска выступили против мятежных частей только в конце следующего дня. Достаточно достоверно установлено, что полувоенные организации правой ориентации принимали непосредственное участие в некоторых уличных столкновениях 3 и 4 июля (см.: *Знаменский О. Н.* Июльский кризис 1917 года. С. 66; *Половцев П. А.* Дни затмения. Париж. Б. г. С. 123—124).

¹²⁵ Ленинградские рабочие в борьбе за власть Советов. 1917. С. 71—72; *Ильин-Женевский А. Ф.* Выступление полков в Петрограде в июльские дни 1917 года // КЛ. 1929. № 3 (30). С. 112—113; *Воля народа.* 1917. 4 июля.

¹²⁶ См.: *Стулов П. М.* Первый пулеметный полк в июльские дни // КЛ. 1930. № 3 (36). С. 111—112.

¹²⁷ *Войтинский В. С.* Годы побед и поражений. 1917. С. 193; см. также доклад Войтинского на заседании ВЦИК 6 июля // Известия. 1917. 7 июля.

¹²⁸ *Войтинский В. С.* Годы побед и поражений. 1917. С. 191; см. также: *Новая жизнь.* 1917. 5 июля; *Sukhanov N. N. The Russian Revolution. Vol. 2. P. 431—432.*

¹²⁹ Известия. 1917. 5 июля.

¹³⁰ Флеровский И. П. Июльский политический урок // ПР. 1926. № 7 (54). С. 75; см. также: Петров И. Ф. Стратегия и тактика партии большевиков в период подготовки и победы социалистической революции. С. 469.

¹³¹ Троцкий Л. Д. Сочинения. Т. 3. Ч. 1: От февраля до октября. М., 1925. С. 165—166.

¹³² Зиновьев Г. Е. Год революции. Л., 1926. С. 189—190. Возможно, Зиновьеву ситуация казалась именно таковой (именно таким образом она изображается и в советских официальных исторических работах). Однако это далеко не полная картина. По вынужденному признанию Раскольников, на заседании Кронштадтского Совета 7 июля Любович позвонил Раскольникову из Петрограда (явно из особняка Кшесинской) и попросил выслать войска задолго до разговора с Зиновьевым. Безусловно, переговорив с Любовичем, Раскольников позвонил Зиновьеву в Таврический дворец и затем занялся организацией массированного похода на Петроград на следующее утро (см.: Известия Кронштадтского Совета. 1917. 14 июля).

¹³³ Зиновьев Г. Ленин в июльские дни // ПР. 1927. № 8—9 (67—68). С. 62.

¹³⁴ Музей Революции СССР. Фонд листовок. 1519.

¹³⁵ См.: Невский В. И. Военная организация и Октябрьская революция // Красноармеец. 1919. № 10—15. С. 39—40.

¹³⁶ Раскольников Ф. Ф. Вооруженное восстание или вооруженная демонстрация? // Правда. 1927. 27 июля.

¹³⁷ Невский В. И. Военная организация и Октябрьская революция // Красноармеец. 1919. № 10—15. С. 40.

VI

Июльское восстание: кульминация и крах

Петроград утром 4 июля

Уже на рассвете того теплого, но дождливого дня рабочие кварталы Петрограда оживленно готовились возобновить уличные демонстрации, начавшиеся накануне вечером. В торговых районах города патрулировали грузовики с вооруженными мятежниками и броневики, которые нагоняли страх на своих истинных и мнимых врагов. Когда стало ясно, что демонстрации будут продолжены, большинство открывшихся было банков и магазинов поспешно закрыли двери. Заводы и фабрики не работали — рабочие вышли на улицы или разошлись по домам, а к 10 часам утра остановились даже трамваи ¹. Обычная жизнь продолжалась лишь в переполненных ранеными городских больницах, которые ожидали поступления новых жертв. Врачи были приведены в состояние готовности, в частных домах на Невском и Литейном проспектах были развернуты медицинские пункты, а машинам «скорой помощи» было приказано курсировать по улицам ².

В особняке Кшесинской оперативный штаб Военной организации всю ночь разрабатывал планы и инструкции для проведения демонстрации ³. Несмотря на то что этот аспект июльской демонстрации документирован весьма скудно, есть основания полагать, что, по-видимому, Военная организация в своих замыслах не исключала возможности свержения Временного правительства ⁴. Утром непрекращающимся потоком на автомобилях и грузовиках к особняку устремились вооруженные представители рабочих и солдат для получения указаний. Конечным пунктом демонстрации должен был снова стать Таврический дворец, а от всех заводов и частей предстояло выбрать делегатов для вручения ЦИК требования «Вся власть Советам!».

В то время как партийные работники из городских районов собирались у особняка Кшесинской, на заводах и в казармах по всему Петрограду и в пригородах большевистские агитаторы вели борьбу с представителями меньшевистско-эсеровского Совета за поддержку рабочих и солдат. Реакция на призывы большевиков поддержать демонстрацию была неоднозначной. С одной стороны, на заводах пока преобладали воинственные настроения, и участие 176-го и 171-го пехотных полков из Красного Села, 3-го пехотного запасного полка из Петергофа, 3-го батальона 1-го пулеметного полка из Ораниенбаума и матросов Кронштадта казалось гарантированным, однако в то же время в Военную организацию поступали донесения, что обстановка в Петроградском гарнизоне не так однозначна ⁵. Очевидно, в менее революционно настроенных полках эксцессы, кровопролитие и неудачи предыдущего вечера в определенной степени отрезвили людей, и некоторые части, накануне шедшие в колоннах демонстрантов, сомневались в разумности повторного выхода на улицы ⁶. Более того, полки Петроградского гарнизона, не откликнувшиеся на призывы 1-го пулеметного полка, по-прежнему наотрез отказывались принять участие в восстании.

Таким образом, утром 4 июля налицо были признаки того, что революционная волна уже достигла своего гребня. Однако для лидеров партий, имевших в Совете большинство, это, вероятно, было слабым утешением, потому что по всем признакам огромное число рабочих, матросов и солдат (по современным оценкам, в демонстрации 4 июля участвовало до полумиллиона человек) было готово последовать за большевиками. Не менее важен и тот факт, что гарнизон практически не проявлял желания выступить на стороне Совета (не говоря уже о Временном правительстве).

В. С. Войтинский описывает абсолютно беспомощные попытки ЦИК привлечь на свою сторону воинские части Петроградского гарнизона для защиты Таврического дворца и восстановления порядка в городе. Он делает вывод, что «оборонять дворец было нечем. С трудом удалось сохранить наружные наряды да наладить патрули, которые держали нас в курсе того, что происходило в ближайших кварталах» ⁷. Просьбы о выделении воинских подразделений были направлены в Преображенский, Семеновский и Измайловский полки. Но в ответ, по свидетельству П. Н. Милюкова, все они заявили о нейтралитете ⁸.

И все же если положение Совета было плохим, то положение Временного правительства было во много раз хуже. Его роль была фактически сведена на нет. Даже некоторые полки и заводы, обязавшиеся подчиниться запрету ЦИК на демонстрации, тем не менее приняли резолюции с призывом о передаче всей власти Совету. Нейтралитет, объявленный такими частями, как Семеновский, Преображенский и Измайловский полки, относился к взаимоотношениям между ЦИК и большевистской оппозицией, пояснял В. С. Войтинский. О Временном правительстве «действительно забыли или, точнее, считали, что его уже не существует, и спорили лишь о том, какая власть должна прийти на смену»⁹. В ключевые моменты июльского кризиса министры несоциалистической ориентации группировались вокруг генерала Половцева в Генеральном штабе, находившемся неподалеку от Дворцовой площади, однако никто из них, за исключением министра юстиции П. Н. Переверзева¹⁰, не был в состоянии влиять на ход событий.

Еще вечером 3 июля и на следующее утро командование Петроградского военного округа предприняло безуспешную попытку вывести против мятежных воинских частей полки гарнизона, не принимавшие участия в демонстрации. Итак, утром 4 июля в распоряжении генерала Половцева было несколько казачьих частей, получивших приказ осуществлять караульное патрулирование, и некоторое число раненых с фронта, которые были задействованы для охраны Зимнего дворца и Генерального штаба. Относительно скудное подкрепление ожидалось из пригородов, но эти части не могли прибыть в город до наступления темноты¹¹. Таким образом, по практическим соображениям приказ Половцева Петроградскому гарнизону о разоружении мятежных рабочих и солдат¹², изданный в полдень 4 июля и опубликованный 5 июля, пока оставался только на бумаге.

Следует заметить, что одновременно с переговорами между представителями ЦИК и Петроградского ВО, с одной стороны, и полками Петроградского гарнизона — с другой, Временное правительство и Совет вышли на связь со штабом 5-й армии, находившимся на Северном фронте в Двинске¹³. Уже поздно вечером 3 июля председатель комитета 5-й армии А. А. Виленкин и командующий 5-й армией генерал Данилов начали формирование мощной смешанной ударной группы для отправки в столицу на случай получения соответствующего запро-

са от Совета ¹⁴. Утром 4 июля к этим приготовлениям подключился только что назначенный комиссаром Северного фронта В. Б. Станкевич ¹⁵. Однако, несмотря на серьезность ситуации, возможно, из боязни пойти на шаг, способный ослабить фронт, а частично из гордости, лидеры советского большинства не отваживались отдать приказ о переброске лояльных войск с фронта в столицу ¹⁶.

Такова вкратце была ситуация в столице, когда в 10.20 утра в Таврический дворец поступило сообщение о том, что в Петергофе замечена флотилия судов и барж, направляющихся из Кронштадта в Петроград. Но прежде чем рассмотреть этот вопрос, а также перейти непосредственно к демонстрации 4 июля, необходимо сказать несколько слов о появлении в Петрограде Ленина.

Возвращение Ленина

Примерно в 6 часов утра 4 июля большевик М. А. Савельев, направленный ЦК за В. И. Лениным, нашел его на даче В. Д. Бонч-Бруевича вблизи финской деревни Нейвола. Глубоко встревоженный известием Савельева о восстании в Петрограде, Ленин спешно собрался, чтобы ехать в столицу. «Не начало ли это серьезных действий?» — спросил Савельев. Ленин якобы ответил, что «это было бы совершенно несвоевременно» ¹⁷.

В любом случае времени для раздумий не было, и Ленин в сопровождении своей сестры Марии Ильиничны, Савельева и Бонч-Бруевича сел на поезд, отправлявшийся в Петроград в 6.45 утра ¹⁸. Укрывшись за утренними газетами, чтобы не быть узнанным, он жадно проглотил первые сообщения о кровавых уличных шествиях предыдущего вечера. Как вспоминает Бонч-Бруевич, в тот момент его больше заботил не сам факт выхода масс на улицы, а враждебность всех утренних газет по отношению к большевикам ¹⁹. Савельев запомнил, что во время этого полного тревоги путешествия Ленин был погружен в свои мысли и говорил очень мало ²⁰. Примерно в 11.00 поезд прибыл на Финляндский вокзал, около которого уже собирались толпы вооруженных рабочих Выборгского района для нового похода на Таврический дворец. От Финляндского вокзала до особняка Кшесинской не очень далеко, поэтому, несмотря на переполнявшие улицы колонны солдат и рабочих, Ленин вскоре уже был на своем командном пункте, где бушевали страсти, но было вполне безопасно.

Кронштадтцы прибывают в Петроград

В документах ЦИК есть запись: «10.20 утра прибыли Ораниенбаумские пулеметчики с пулеметами. В это время нам сообщили, что мимо Петергофа проехали кронштадтцы на 8 буксирах, в 2 баржах, в 3 траулерах, в 3 канонерках и в одном миноносце. Нам передают, что все матросы были вооружены»²¹. Несмотря на то что безымянный информатор из Петергофа явно не заметил некоторое количество пассажирских паромов, по сути сообщение было верным. Появление этой одной из самых разношерстных в истории флотилий (по иронии судьбы ею командовал будущий «красный адмирал флота» Ф. Ф. Раскольников) было вызвано тем, что утром 4 июля во всем кронштадтском порту находился только один мало-мальски серьезный военный корабль, да и тот был поврежден и не мог отойти от причала²². Итак, чтобы наконец осуществить свое долгожданное массированное наступление на Петроград, примерно 10 тысяч матросов и рабочих²³ захватили все военные корабли и гражданские суда, способные взять на борт хотя бы несколько пассажиров. Кронштадтцы имели при себе, как минимум, 60 тысяч винтовочных и 500 револьверных патронов, санитарную команду с носилками и военный оркестр²⁴.

Около устья Невы к «кронштадтской флотилии» на буксире приблизился представитель Исполкома Петроградского Совета. Он тщетно пытался объяснить, что моряков никто не вызывал, и настаивал на их возвращении. Флотилия даже не замедлила хода и вскоре уже швартовалась у Николаевской и Университетской набережных вблизи Николаевского моста. Матросы были восторженно встречены толпами рабочих с василеостровских заводов, направлявшихся к Таврическому дворцу. Находившиеся там агитаторы (среди них был и неутомимый Блейхман) призывали матросов к свержению Временного правительства. Некоторые рабочие, помня о снайперах, стрелявших по ним накануне вечером, велели любопытным студентам и профессорам университета закрыть окна. Прибывших матросов интересовало, все ли воинские части Петрограда участвовали во вчерашней демонстрации. В свою очередь рабочие спрашивали, зачем они прибыли, и слышали в ответ: «Товарищи вызвали, пришли помочь сделать в Петрограде порядок, так как буржуи здесь слишком разошлись»²⁵.

Швартовка и высадка заняли больше часа. Тем време-

нем стал накрапывать дождь. Тогда же Раскольников и Рошаль получили инструкции от Любовича и Флеровского²⁶. Вместо того чтобы идти прямо к Таврическому дворцу, матросам предстояло направиться к особняку Кшесинской, чтобы соединиться с другими частями²⁷ и, вероятно, чтобы увидеть Ленина. Можно предположить, что это было сделано также для того, чтобы и Ленин своими глазами мог посмотреть на матросов. Как бы то ни было, изменение маршрута вызвало нешуточные разногласия между большевиками и представителями других партий, возглавлявшими это шествие, особенно после того, как Раскольников пропустил мимо ушей просьбу Марии Спиридоновой — лидера левых эсеров — обратиться к матросам²⁸. В это же время ЦИК спешно направил на набережную новую группу своих представителей, призывы которых, однако, не возымели действия²⁹. Оставив их и Марию Спиридонову позади, огромная процессия тронулась в путь.

Маршрут ее пролегал по Университетской набережной, через Биржевой мост на Петроградскую сторону, затем через Александровский парк к особняку Кшесинской. Флеровский вспоминает, что знамен было не очень много, а оркестр почти не играл. «Не было легкого, радостного оживления, обычного спутника наших демонстраций,— печать серьезной сосредоточенности лежала на черных матросских колоннах,— пишет он.— «За власть Советов!» — заставить соглашателей подчиниться народной воле, разорвать с буржуазией... А как это будет — никто ясно не представлял, и эта неясность создавала настроение тревоги»³⁰.

Матросы остановились у особняка Кшесинской, вокруг которого уже собрались толпы рабочих, отдельные группы солдат (полков в полном составе не было) и несколько броневиков. С балкона третьего этажа несколько женщин уже выступили в поддержку ЦК РСДРП(б), Петербургского комитета и Военной организации, а В. И. Невский, Я. М. Свердлов и А. В. Луначарский раздавали распоряжения прибывавшим участникам марша³¹. Пока Свердлов и Луначарский произносили речи перед этим морем вооруженных рабочих, солдат и матросов, Раскольников и Флеровский прошли внутрь здания, чтобы попросить выступить Ленина. В этот момент левые эсеры из Кронштадта во главе со Смолянским и руководимые Ярчуком анархо-синдикалисты, возмущенные этими

долгими, чисто большевистскими церемониями, ушли, причем Ярчук заметил, что «они прибыли в Петроград не для митингов»³².

По свидетельству Флеровского и Подвойского, Ленин сначала отказался выступать перед собравшимися. «Я попросил Владимира Ильича выступить перед ними. Пришедшая делегация от моряков просила о том же,— читаем в мемуарах Подвойского,— но все наши просьбы Ленин отклонил, подчеркивая тем, что он против демонстрации»³³. Тем не менее в конце концов Ленин уступил, вышел на балкон и (даже по оценкам беспристрастных наблюдателей) был встречен громом оваций³⁴. Нам кажется, что, хотя раздражение Ленина по поводу выступления перед демонстрантами, по-видимому, было неподдельным, его первый отказ, вероятно, не следует понимать так, как будто в тот момент он был готов воспрепятствовать проведению шествия (в самом деле, уже после возвращения Ленина был организован целый ряд новых агитационных и мобилизационных мероприятий) или исключал возможность использования его для свержения Временного правительства. Более того, по воспоминаниям Калинина, на вопрос, означают ли уличные процессии начало захвата власти, Ленин ответил: «Посмотрим, что будет, сейчас сказать ничего нельзя!» Калинин пояснил, что этим ни в коем случае не отвергалась возможность введения полков в бой при благоприятном стечении обстоятельств или, с другой стороны, в конечном итоге отступления с наименьшими потерями³⁵.

Это было последнее публичное выступление Ленина до победы Октябрьской революции. Начав словами приветствия, он выразил уверенность, что в конце концов лозунг «Вся власть Советам!» победит, а в заключение он призвал матросов проявить сдержанность, решимость и бдительность³⁶. Матросы ожидали услышать от него совсем другое, поэтому многие были явно разочарованы. Как вспоминает один из кронштадтских большевиков, акцент Ленина на необходимости проведения мирных демонстраций был неожидан. «Не только анархисты, но и часть большевиков не представляла себе, как вооруженная колонна, жаждавшая ринуться в бой, может ограничиться мирной демонстрацией»³⁷.

Потом выступил Свердлов. Своим громким голосом он кидал клич останавливавшимся под балконом отрядам: «Требуите изгнания министров-капиталистов из правительства. Вся власть Советам!.. А если они от-

кажутся это сделать, положение делается ясным. Тогда ждите дальнейших лозунгов»³⁸. В тот момент некоторые моряки были задействованы для продолжения мобилизационной работы на заводах и в полках Петроградского гарнизона, которые пока не принимали участия в шествиях. А основная группа кронштадтских матросов, василеостровские рабочие и броневики, к которым присоединились Невский и Подвойский, начали переправляться через Неву.

Демонстрация 4 июля³⁹

Переправа рабочих Васильевского острова и матросов Кронштадта через Троицкий мост, открывающий дорогу к центру Петрограда, совпала с поступлением в Совет тревожных сообщений о том, что демонстранты собирают силы или даже уже идут по городу⁴⁰. Примерно в час дня колонны вооруженных рабочих Выборгского района в сопровождении женщин и детей, прикрываемые с флангов 1-м пулеметным полком (все еще под командованием Семашко), переправились через Неву и вскоре были на подступах к Таврическому дворцу. Через некоторое время путиловские рабочие и часть 2-го пулеметного полка объединились с рабочими Нарвского района, собравшимися у Нарвских триумфальных ворот, и во главе с командирами путиловских красногвардейцев С. Багдатьяевым и М. Войцеховским, следовавшими на легком бронемобиле, возобновили свой путь к Таврическому дворцу. Когда примерно 60-тысячная процессия проходила мимо церкви на углу Садовой и Апраксина переулка, снова, как будто по сигналу (на этот раз им был колокольный звон), демонстранты были осыпаны градом пуль из окон верхних этажей и с крыш. Позднее, давая показания следственной комиссии Временного правительства, Багдатьяев с гордостью заявил, что путиловцы быстро расправились со снайперами⁴¹. По свидетельству одного из депутатов Совета, оказавшегося вблизи перестрелки, у него на глазах были убиты 5 и ранены 27 демонстрантов⁴². Первые донесения такого рода поступили в Совет в 12.15 пополудни, а затем их поток уже почти не прекращался весь день⁴³.

Одна из наиболее серьезных стычек произошла в 3 часа дня, когда передовые формирования кронштадтской колонны находились недалеко от Таврического дворца. Основная же группа матросов растянулась по Невскому

и Литейному проспектам, где здания и витрины магазинов были украшены знаменами в поддержку Временного правительства и начала наступления на фронте. Раскольников, который шел в первом ряду демонстрантов, потом вспоминал: «При нашем появлении многие окна открывались настежь, и целые семейства богатых и породистых людей выходили на балконы своих роскошных квартир»⁴⁴. Сравнительно узкие улицы были переполнены людьми, что создавало идеальные условия для паники. «Чуть слышны отзвуки оркестра, из-за туч выглянуло солнце... и вдруг — за нами характерное стрекотанье... так-так-так... выстрелы все чаще...»⁴⁵ — писал Флеровский. По словам Ярчука, одним из первых пал знаменосец, несший черный флаг анархистов⁴⁶.

Как и вечером 3 июля, после первых же выстрелов началась паника. Матросы, настроенные более воинственно, открыли беспорядочный огонь, а остальные попадали на землю и ползком пытались укрыться в подъездах. Потери были велики, главным образом из-за неразберихи. После того как стрельба прекратилась, дома, в которых, как предполагалось, засели стрелки, были оцеплены демонстрантами, а через некоторое время на улицу пробился броневик Военной организации, обстрелявший эти здания из пулеметов⁴⁷. Группа матросов бросилась на обыск квартир верхнего этажа. Позднее газеты сообщали, что они обнаружили там пулеметы, винтовки и большое количество патронов, а несколько подозреваемых в стрельбе были убиты на месте. Основная часть матросов и рабочих в полном беспорядке продолжала двигаться к Таврическому дворцу, где их с энтузиазмом приветствовал 1-й пулеметный полк⁴⁸.

Трудно предположить, каким было бы настроение кронштадтских матросов, если бы они не попали, как они считали, в засаду, устроенную презренной буржуазией. В своих мемуарах участники демонстрации сходятся в том, что когда матросы соединились с толпами рабочих Выборгского района и солдатами 1-го пулеметного полка, осаждавшими относительно незащищенное место проведения заседаний Совета, они были более чем когда-либо полны решимости окончательно рассчитаться с Временным правительством. «Когда мы пришли к Таврическому дворцу,— докладывал Ярчук Кронштадтскому Совету спустя несколько дней,— все были настолько взбудоражены, что я подумал, что матросы пойдут на его штурм»⁴⁹. Примерно в том же духе о настроении кронштад-

тцев вспоминает и Флеровский: «...они с наслаждением бы свернули шею всем «соглашательским» вождям»⁵⁰.

Следует подчеркнуть, что если грозная позиция кронштадтцев была едина и четко определена, то среди их руководителей подобного единодушия не было⁵¹. Так, левоэсеровские и беспартийные лидеры Кронштадта рассматривали шествие исключительно как средство оказания давления на Совет с целью заставить его взять власть и склонялись к тому, чтобы разойтись, если этого не произойдет⁵². Влиятельные анархо-синдикалисты-коммунисты видели в вооруженных демонстрациях прежде всего начало восстания, которое должно было завершиться полным разгромом правительства⁵³. И наконец, промежуточную позицию между ними занимали решительные лидеры кронштадтских большевиков. Им не менее анархистов не терпелось разделаться с Временным правительством, и они, безусловно, способствовали распространению тезиса о том, что в этом и заключается конечная цель движения. Однако, как и лидеры Военной организации накануне вечером, они были парализованы нерешительностью своего ЦК⁵⁴. В этих условиях кронштадтским матросам явно недоставало эффективного руководства, и они являли собой скорее толпу, нежели армию.

Но вернемся к событиям у Таврического дворца. В то время как Раскольников во главе делегации матросов находился внутри здания, большинство кронштадтцев приняло участие в одном из наиболее сенсационных эпизодов июльского восстания — в захвате министра земледелия эсера Виктора Чернова. Этот инцидент начался, когда некоторые из наиболее возбужденных и нетерпеливых матросов потребовали встречи с министром юстиции П. Н. Переверзевым для объяснений, почему до сих пор не освобожден Анатолий Железняков, один из матросов-анархистов, арестованных во время разгрома правительства дачи Дурново. А когда стало ясно, что Переверзева нигде нет, матросы, призывая к ответу любого другого члена правительства, начали ломать ворота Таврического дворца⁵⁵.

По-видимому, не сомневаясь в даре убеждения Чернова, лидеры Совета послали его успокоить разгоряченных демонстрантов. В своем официальном заявлении следственной комиссии Временного правительства Чернов позднее сообщил, что, как только он вышел на улицу, кто-то крикнул: «Вот один из тех, кто стреляет

в народ»⁵⁶. Несколько матросов бросились обыскивать его, со всех сторон слышались требования о его аресте. Тем не менее Чернов взобрался на бочку и пытался, правда безуспешно, разъяснить позицию Совета по вопросу о правительстве. Он начал с критики кадетов, однако в ответ толпа повела себя еще более угрожающе. Ее озлобление было классически сформулировано в выкрике потрясавшего кулаками рабочего: «Принимай власть, сукин сын, коли дают!»⁵⁷

На вопрос одного из членов Петербургского комитета, почему до сих пор ничего не сделано для решения вопроса о земле, министр земледелия ответил, что эта проблема только что обсуждалась. Чернов попытался пройти назад во дворец, но был окружен группой неумных задир. Позднее один свидетель признал в них матросов из радикально настроенной кронштадтской машинной школы, находившейся под контролем большевиков⁵⁸, а другой показал, что среди них были гражданские лица, многие из которых стояли под черными знаменами анархистов⁵⁹. Как бы то ни было, Чернову объявили, что он арестован, его стащили вниз и бросили в поджидавший автомобиль.

Сообщение о том, что Чернов разорван толпой, превратило в ад кромешный заседание ЦИК, где всего за несколько минут до этого было принято решение продолжать работу, несмотря на смуту за стенами дворца. Чхеидзе поспешно внес предложение, чтобы Каменев, Мартов, Стеклов и Войтинский предприняли шаги для освобождения Чернова. Но первым к автомобилю, в котором находился министр, пробился Троцкий в сопровождении Раскольниковца⁶⁰. Задержавшие Чернова матросы предложили передать пленника Раскольникову, однако тот заявил, что арест недопустим⁶¹. Оказавшийся рядом Н. Суханов описывает дальнейшие события следующим образом: «Троцкого знали, и ему, казалось бы, верил весь Кронштадт. Но Троцкий начал речь, а толпа не унималась. Если бы поблизости сейчас грянул провокационный выстрел, могло бы произойти грандиозное побоище, и всех нас, включая, пожалуй, и Троцкого, могли бы разорвать в клочки. Едва-едва Троцкий, взволнованный и не находивший слов в дикой обстановке, заставил слушать себя ближайšie ряды... Когда он попытался перейти собственно к Чернову, окружавшие автомобиль ряды снова забесновались.— Вы пришли объявить свою волю и показать Совету, что рабочий класс больше не хочет видеть у власти буржуазию. Но зачем мешать

своему собственному делу, зачем затемнять и путать свои позиции мелкими насилиями над отдельными случайными людьми?.. Каждый из вас доказал свою преданность революции. Каждый из вас готов сложить за нее голову. Я это знаю... Дай мне руку, товарищ! Дай руку, брат мой!..

Троцкий протягивал руку вниз, к матросу, особенно буйно выражавшему свой протест. Но тот решительно отказывался ответить тем же и отводил в сторону свою руку... Мне казалось, что матрос, не раз слышавший Троцкого в Кронштадте, сейчас действительно испытывает впечатление измены Троцкого: он помнит его прежние речи, и он растерялся, не будучи в состоянии свести концы с концами... Отпустить Чернова? Но что же надо делать? Зачем его звали?

Не зная, что делать, кронштадтцы отпустили Чернова» ⁶².

Униженный и жестоко потрясенный, вероятно, в равной степени непостоянством петроградских масс и пережитым испугом, Чернов вернулся во дворец. Придя в себя, вечером он сочинил восемь уничтожающих редакционных статей против большевиков для газеты «Дело народа», правда, дежурные редакторы в конечном итоге решили, что для одного выпуска вполне достаточно и четырех ⁶³.

Продолжение уличных беспорядков, угрожающие действия кронштадтских матросов, появление вновь колонны вооруженных путиловских рабочих, приближение к Таврическому дворцу восставших полков из пригородов и, самое главное, постоянные колебания формально верных полков Петроградского гарнизона между Временным правительством и Советами — сочетание всех этих факторов вынуждало лидеров Совета перейти к рассмотрению более решительных мер во взаимодействии с командованием Петроградского военного округа, чтобы в кратчайшие сроки положить конец демонстрациям, приобретавшим все более грозный характер. Одним из наиболее важных решений был приказ о немедленной переброске войск с фронта — шаг, который Керенский назвал невыносимым во время кризиса 10 июня ⁶⁴. К вечеру 4 июля И. Г. Церетели сообщил решение Совета председателю солдатского комитета 5-й армии А. А. Виленкину, который обещал, что верные войска будут немедленно направлены и прибудут в Петроград не позднее 6 июля ⁶⁵.

Ответ командования Балтийского флота на аналогичную просьбу о помощи был не столь утешителен. С санкции ЦИК морское министерство неожиданно направило срочную телеграмму в штаб Балтийского флота, потребовав немедленно перебросить в Неву четыре миноносца для демонстрации силы и возможного использования против восставших частей Кронштадта. Телеграмма такого содержания была направлена помощником морского министра Б. П. Дудоровым командующему Балтийским флотом Д. Н. Вердеревскому в 19.15 4 июля. Однако Гельсингфорс находился вне района боевых действий, и спустя 15 минут Дудоров, явно опасаясь, что его первый приказ может спровоцировать выступление частей, симпатизирующих восставшим, телеграфировал Вердеревскому, что «ни один корабль без вашего на то приказания не мог идти в Кронштадт, предлагая не останавливаться даже пред потоплением такого корабля подводной лодкой» ⁶⁶.

Опасения Дудорова были небезосновательны. В самом деле, ненадежность Балтийского флота подтверждается тем, что находившийся в то время под сильным влиянием большевиков Центральный комитет Балтийского флота (Центробалт) имел доступ ко всем совершенно секретным шифровкам Дудорова и принуждал Вердеревского не подчиняться приказам. Заявив о своей поддержке восставших рабочих и солдат Петрограда, Центробалт принял решение направить в столицу представительную делегацию, чтобы уточнить обстановку и арестовать «контрреволюционера» Дудорова ⁶⁷. Вскоре встревоженное правительство получило ответную телеграмму Вердеревского: «Приказания исполнить не могу. Если настаиваете, укажите, кому сдать флот» ⁶⁸. В более поздней телеграмме Вердеревский добавляет: «По установившемуся порядку я единолично распоряжаюсь только оперативными действиями. Посылка миноносцев в настоящий момент есть акт политический. Все политические решения могут мною приниматься лишь в согласии с Центральным комитетом... Требуемая посылка судов в Неву внесет в флот раскол и очень ослабит его боевую мощь, а посему Центральный комитет против этой посылки, с чем я согласен» ⁶⁹.

Еще одним подтверждением атмосферы нерешительности, охватившей Таврический дворец, стала отчаянная мольба о помощи к Половцеву прислать часть его войск из пригорода. В конце концов они стали прибывать к зда-

нию Генерального штаба. «Теперь,— с явным удовольствием вспоминает Половцев,— я мог действовать в роли спасителя Совета»⁷⁰. По-видимому, на эту роль был еще один претендент. Днем 4 июля министр юстиции П. Н. Переверзев начал предпринимать попытки остановить наступление большевиков, распространив информацию о том, что они спровоцировали июльское восстание намеренно, по приказу германского генштаба.

К вопросу о «германском шпионе»

Обвинения Ленина в сотрудничестве с германским генштабом, сыгравшие важную роль в июльские дни, впервые появились задолго до описываемых событий — эта кампания была развязана правой петроградской прессой вскоре после возвращения Ленина в Россию. Однако в пользу этих утверждений свидетельствовало только то, что Ленин был беспрепятственно пропущен через территорию Германии и что его общеизвестная цель, заключающаяся в подрыве Временного правительства и военной политики России, совпадала с устремлениями немцев. Петроградские массы были гораздо более восприимчивы к большевистским лозунгам о немедленном заключении мира и продвижении революции, чем к низкопробным слухам, распространяемым возродившимися монархистами в таких печатных органах, как «Маленькая газета» и «Живое слово», поэтому обвинения большевиков в шпионаже в пользу Германии не пользовались доверием среди широких слоев населения.

Временное правительство впервые проявило интерес к обвинениям против Ленина примерно в середине мая 1917 г. Тогда Керенскому сообщили о добровольной явке в Генеральный штаб русской армии бывшего агента царской полиции прапорщика Ермоленко, который был взят немцами в плен в начале войны и завербован для проведения прогерманской агитации в России. Сославшись на двух офицеров германского генштаба, Ермоленко заявил на допросах, что Ленин — один из многих немецких агентов, заброшенных в Россию. Он ничем не подкрепил свое заявление, и даже при очень богатом воображении его нельзя назвать надежным источником. Расследование этого дела Временным правительством, тайно проведенное еще до июльского кризиса Львовым, Керенским, Некрасовым и Терещенко, было далеко не законченным.

По-видимому, правительство располагало в тот момент следующими доказательствами: признанием Ермоленко, заявлением некоего З. Бурштейна о якобы действовавшей в Стокгольме немецкой шпионской сети во главе с германским социал-демократом Парвусом, который снабжал Ленина деньгами через членов партии большевиков Я. С. Ганецкого и М. Ю. Козловского ⁷¹, а также 29 телеграммами, которые позволяли не более чем предположить, что большевики получают денежные средства от германского правительства ⁷².

Как бы то ни было, 4 июля Переверзев, очевидно, в полной уверенности, что любое промедление будет губительно, решил предъявить имевшиеся на тот момент доказательства против Ленина нейтральным полкам Петроградского гарнизона, которые пока не желали переходить на сторону Временного правительства. Вскоре после этого Переверзев напишет в свое оправдание: «Я полагал, что обнародование этих сведений вызовет в гарнизоне настроения, которые сделают дальнейший нейтралитет невозможным. Я находился перед выбором: либо предать огласке все корни и нити этого чудовищного преступления через неопределенное время, либо незамедлительно подавить восстание, чреватое свержением правительства» ⁷³. Для начала Переверзев испытал силу имевшихся у него материалов на представителях Преображенского полка, специально вызванных в ставку Генерального штаба. По свидетельству очевидцев, они были настолько потрясены разоблачениями Переверзева, что информация была немедленно доведена до представителей других в равной степени перспективных для обработки полков. Часть этих данных (представленное Генштабом краткое изложение признаний Ермоленко и подтверждение этих фактов бывшим депутатом Государственной думы от партии большевиков Г. Алексинским и журналистом В. Панкратовым) получили редакции газет для публикации на следующий день. Все это было проделано в течение дня 4 июля без санкции издерганного ЦИК, который тем временем занимался обсуждением кризиса в осажденном Таврическом дворце.

Исполкомы Советов и изменение обстановки

Объединенное заседание ИК Советов, начавшееся 4 июля в 6 часов вечера, стало одним из наиболее напряженных и критических по своему характеру собраний

с февраля по октябрь 1917 г. От его исхода зависела судьба парализованного Временного правительства. По свидетельству Войтинского, в момент открытия заседания охрану Совета от разгрома и захвата неистовавшими толпами обеспечивали 14 солдат Павловского полка и 18— броневого автомобильного дивизиона. Примерно в 9 часов вечера это крохотное подразделение было буквально сметено ворвавшимися во дворец толпами демонстрантов, которые решились на этот шаг скорее в панике, чем с намерением причинить вред собравшимся там депутатам⁷⁴. Все это сумасшедшее время сохранялось какое-то подобие порядка. Правда, пронизанные необходимостью принятия неотложных мер речи лидеров Совета постоянно прерывались выкриками и язвительными замечаниями с галерки, ревом толпы и перестрелками на улице, далекими разрывами бомб и снарядов. Спустя много часов, когда заседание наконец закончилось, войска, громогласно заявившие о своей солидарности с Советом, сменили мятежников в сквере у Таврического дворца, а Ленин и другие лидеры большевиков были заняты приготовлениями к уходу в подполье. И казалось, что большевики потерпели серьезное, может быть, решительное поражение.

Вспомним, что рано утром 4 июля с подачи большевиков были выбраны делегаты от петроградских заводов и войсковых частей, чтобы вручить ЦИК требование о передаче власти Советам. К вечеру 4 июля 90 делегатов, претендующих на изъявление воли 54 заводов и войсковых частей Петрограда, собрались в одном из небольших залов Таврического дворца для этой презентации⁷⁵. Сначала лидеры социалистического большинства отказались даже обсуждать вопрос о встрече с представителями рабочих, однако спустя некоторое время решили позволить пятерым из группы собравшихся сделать краткие заявления перед началом дебатов ЦИК. В частично опубликованном протоколе этого заседания не приводятся имена делегатов, которые в конце концов выступили перед Советом. Однако другие источники позволяют определить, что среди них были М. И. Лацис и Г. Д. Вейнберг из Выборгского районного комитета, а также представитель путиловских рабочих — вполне вероятно, Сергей Багдатыев. Наиболее характерными из этих кратких, но очень эмоциональных выступлений, сделанных с винтовками в руках, были речи второго и четвертого ораторов: «*Второй рабочий делегат*

(так в оригинале.— А. Р.): «Вы видите, что написано на плакатах. Тот же вопрос обсуждался на всех заводах... На заводах нам грозит голод. Мы требуем ухода десяти министров-капиталистов. Мы доверяем Совету, но не тем, кому доверяет Совет. Наши товарищи министры-социалисты пошли на соглашение с капиталистами, но эти капиталисты наши кровные враги. Мы требуем, чтобы немедленно была взята земля, чтобы немедленно был учрежден рабочий контроль над промышленностью, мы требуем борьбы с грозящим нам голодом!»

Четвертый представитель от рабочих: «...масса видит, что теперешнее положение страны тяжелое. Перед вами не бунт, а вполне организованное выступление. Мы требуем, чтобы вся земля перешла в руки народа. Мы требуем, чтобы были отменены все приказы, направленные против революционной армии. Мы требуем принять все меры борьбы с саботажем и локаутами промышленников и капиталистов. Необходимо установить контроль над производством. Пока соглашательская политика с буржуазией будет продолжаться, не может быть успокоения в стране. Довольно отогревать эту гадину за нашей пазухой. Сейчас, когда кадеты отказались с вами работать, мы спрашиваем вас: «С кем вы еще будете сторговываться? Мы требуем, чтобы вся власть перешла в руки Всероссийского Совета рабочих и солдатских и крестьянских депутатов. Только в этом единственный выход»⁷⁶.

По-видимому, эти призывы не произвели сколько-нибудь значительного впечатления на лидеров социалистического большинства Совета, которые в своей массе полагали, что устремления столичных рабочих и солдат не выражают волю всего населения страны и что попытка сформировать правительство без несоциалистов под давлением толпы чревата крахом. Именно эту точку зрения высказал Церетели, выступавший от имени находившегося в большинстве эсеро-меньшевистского блока: «Нынешние обстоятельства в Петрограде делают невозможным в петроградской атмосфере выносить какие-либо новые решения... Если изменить власть, поставленную съездом, той, которую требует часть гарнизона и часть рабочих Петрограда, вся страна восприняла бы это не как выражение воли демократии, а как уступку насилию меньшинства. Единственный исход для демократии — признать Временное правительство в том составе, в котором оно осталось, носителем революционной власти. Назна-

чить чрезвычайный съезд через две недели и поставить в порядок дня съезда окончательное решение вопроса о Временном правительстве и созвать съезд в таком месте, где он мог бы работать беспрепятственно, лучше всего в Москве»⁷⁷.

В этот момент поведение толпы, находившейся на улице и чувствовавшей бесплодность своих усилий, приобрело, особенно угрожающий характер. Несколько путиловских рабочих прервали Церетели, заявив, что, если он не выйдет из дворца, они вытащат его силой. Чхеидзе объяснил, что Церетели занят докладом. Это, очевидно, удовлетворило путиловцев, и дискуссия по вопросу о правительстве продолжалась.

Среди ораторов, выступивших с критикой позиции социалистического большинства, сформулированной Церетели, были представители левой оппозиции — Стеклов, Мартов, Гриневич, Камков и Спиридонова. Часто колебавшийся Стеклов, один из беспартийных социал-демократов, связанных с газетой Горького «Новая жизнь», на этот раз заявил, что Церетели не прав, полагая, что решение вопроса о правительстве может быть отложено. «Девять десятых населения,— был убежден он,— с восторгом встретят социалистическое министерство. Может быть, большим, чем свержение дома Романовых». Мартов, всегда придерживавшийся более левых взглядов, чем эсеро-меньшевистское руководство Советов, выбрал этот момент для резкого разрыва с ним по вопросу о правительстве. Как и Стеклов, он отверг возможность отсрочки его решения на две недели, аргументируя это тем, что она может привести к гибели, а история требует, чтобы Совет взял власть в свои руки. «Здесь говорили,— сказал Мартов,— что выступающие — меньшинство в стране. Но это меньшинство проявляет большую активность и поддерживает нас. Большинство же пассивно». Выступив против созыва съезда в Москве, Мартов подчеркнул необходимость создания «власти, которая сумеет двигать дальше революцию»⁷⁸.

На самом деле даже многие из сторонников Церетели в вопросе о поддержке Временного правительства считали перенос заседаний в Москву неприемлемым. Войтинский явно принадлежал к их числу. В его мемуарах находим запись о том, что перенос заседаний из Петрограда в Москву может привести к тому, что руководящие органы (Совета) вообще откажутся от идеи пребывания в Петрограде и созыва там Учредительного собрания.

Поэтому организация пленума в Москве, по его мнению, была бы крайней мерой, трагической необходимостью и прискорбным поражением⁷⁹. На объединенном заседании ИК меньшевик-интернационалист Гриневич подошел к этому вопросу аналогичным образом. Он назвал «слепотой» предложение провести чрезвычайное заседание вне Петрограда и заявил, что перенос принятия решения в Москву воссоздаст ситуацию Коммуны 1871 г. и превратит Москву в новый Версаль⁸⁰. Этот довод, несомненно, произвел впечатление, и в резолюции, в конце концов принятой ЦИК, идея о проведении пленума где-либо кроме Петрограда даже не была упомянута.

Левые эсеры Б. Камков и Мария Спиридонова также выступили за немедленную передачу всей власти Советам. Находившиеся тем временем на галерке представители рабочих и солдат внимательно наблюдали за происходящим и ждали. Наконец на голосование были поставлены три резолюции: Гоца — о поддержке Временного правительства до созыва пленума ЦИК, которая, однако, также предусматривала возможность передачи власти Советам; Мартова — призывавшая к формированию нового Временного правительства, в котором представителям Советов отводилось по крайней мере большинство; и Луначарского — с резким осуждением Временного правительства и призывом к передаче власти непосредственно в руки Советов.

Стрелки часов приближались к полуночи, кронштадтские матросы в сквере у Таврического дворца сменились путиловскими рабочими. После непродолжительной демонстрации их место, в свою очередь, заняли 176-й и 171-й пехотные запасные полки, прибывшие в пешем порядке из Красного Села, 3-й пехотный запасный полк из Петергофа, 3-й батальон 1-го пулеметного полка из Ораниенбаума и 1-й пехотный запасный полк Петроградского гарнизона во главе с Сахаровым. Мало-помалу и эти части вернулись в свои казармы: грохот артиллерийских орудий и неожиданный ливень рассеяли последних самых упорных борцов. Теперь около штаб-квартиры Совета оставались лишь несколько броневиков, угловатые силуэты которых были едва видны в потоках дождя.

В других кварталах города царил напряженная тишина. Пришвартованные корабли кронштадтской флотилии мягко покачивались на волнах вблизи Николаевского моста; большинство матросов (очевидно, по согласо-

нию с Военной организацией, большевиками Кронштадта и анархо-синдикалистами-коммунистами) разошлась по казармам Петроградского гарнизона, в Петропавловскую крепость, в особняк Кшесинской, чтобы обсушиться, поесть и отдохнуть ⁸¹. Спокойно было даже у Литейного моста, где совсем недавно, вечером, состоялось решительное сражение между возвращавшимися от Таврического дворца солдатами 1-го пехотного запасного полка, с одной стороны, и казаками Половцева и артиллеристами — с другой. В центре города на Невском и Литейном проспектах грабили магазины; то там, то здесь вспыхивали стычки с участием блуждавших групп восставших рабочих, солдат и матросов, казаков и горожан. Как вспоминает Подвойский, ситуация «начала переходить в разрозненные действия без определенных целей» ⁸².

На подходах к Выборгскому району солдаты 1-го пулеметного полка занимали спешно воздвигнутые баррикады. Около полуночи были разведены главные мосты через Неву. Несмотря на то что в руках мятежников был весь правый берег реки, это также препятствовало продвижению восставших рабочих и солдат к сердцу города, где о жестоких боях прошедшего дня напоминали только брошенное артиллерийское орудие, разбитые витрины, стреляные гильзы да трупы лошадей на мокрой мостовой.

Дебаты в Таврическом дворце все еще продолжались, хотя их исход уже не вызывал серьезных сомнений. Резолюцию Гоца поддержали меньшевик Дан, представитель крестьянской интеллигенции Кондратенко, лидер трудовиков Брамсон, эсер Сако Саакьян и представитель немногочисленной Трудовой народно-социалистической партии Н. В. Чайковский. Против выступили Луначарский и Зиновьев. Церетели отверг требования о передаче власти Совету, заявив, что в провинции настроения коренным образом отличаются от столичных. В час ночи, когда Церетели стоял еще на трибуне, делегаты Совета были вновь повержены в ужас топотом приближающихся солдат. Дальнейшие события описаны Сухановым следующим образом: «Вдруг послышался какой-то отдаленный шум. Он становился все ближе и ближе... Уже ясно был слышен в окружающих залах мерный топот тысяч ног... В зале опять волнение. На лицах беспокойство, депутаты вскочили с мест. Что это такое? Откуда новая опасность революции?..

Но на трибуне как из-под земли вырастает Дан. Он

так переполнен торжеством, что хочет скрыть хоть часть его и придать себе несколько более спокойный, объективный, уравновешенный вид, но это ему не удается.

— Товарищи! — провозглашает он.— Успокойтесь! Никакой опасности нет! Это пришли полки, верные революции, для защиты ее полномочного органа ЦИК...

В этот момент в Екатерининском зале грянула могучая «Марсельеза». В зале энтузиазм, лица мамелюков просветлели. Торжествуя косясь в сторону, они в избытке чувств хватают друг друга за руки и в упоении, стоя с обнаженными головами, тянут «Марсельезу»⁸³.

Первым для несения службы у Таврического дворца прибыл Измайловский гвардейский полк. Вскоре к нему присоединились Преображенский и Семеновский полки — в полном боевом снаряжении и в сопровождении военных оркестров. Судя по информационным сообщениям, появление каждой воинской части вызывало прилив чувств у лидеров Совета, которые, несмотря на усталость, с новыми силами запевали «Марсельезу». Эсеро-меньшевистские лидеры ЦИК имели все основания, чтобы с облегчением вздохнуть. Пришел конец оскорблениям и невыносимому напряжению, которым они подвергались весь день напролет со стороны восставших петроградских масс.

Причина столь неожиданной перемены настроения до этого нейтральных полков поздно ночью 4 июля вызывает споры ученых. Некоторые подчеркивают важную роль разоблачительных заявлений Переверзева перед представителями Петроградского гарнизона. Так, эсер Н. Арский вспоминал, что «весть о том, что большевистское восстание служит немецким целям, немедленно стало распространяться по казармам, всюду производя потрясающее впечатление. Ранее нейтральные полки постановили выступить для подавления мятежа»⁸⁴. Факт распространения документов о «германском шпионе» в полках до их прибытия к Таврическому дворцу некоторые мемуаристы, в том числе Войтинский и Церетели, игнорируют, подчеркивая, что документы были опубликованы только на следующий день. Многие исследователи считают, что ключевым фактором, давшим толчок активной поддержке Совету, была другая информация, также получившая широкое распространение вечером: о выступлении с Северного фронта верной Совету мощной смешанной группы войск, готовой восстановить в столице порядок.

Изучение соответствующих материалов позволяет предположить, что оба момента — документы Переверзева и известие об отправке лояльных войск — сыграли одинаково важную роль. Выше уже упоминалось, какое сильное воздействие оказали документы о «германском шпионе» на представителей Преображенского полка. По-видимому, их реакция была типичной, а после того как утром 5 июля газета «Живое слово» опубликовала эти материалы под броским заголовком «Ленин, Ганецкий и Козловский — немецкие шпионы», враждебность к большевикам приобрела всеобщий характер. Что же касается значения информации об отправке войск с фронта, теперь стало ясно, что Северный фронт поддерживает Совет, что ЦИК полон решимости подавить восстание и что скоро он будет обладать достаточными для этого силами. Церетели зафиксировал в своих «Воспоминаниях», что, по словам членов полковых комитетов Петроградского гарнизона, когда стало известно об этом, солдаты сами стали изъявлять желание немедленно отправиться к Таврическому дворцу⁸⁵.

Был еще один фактор, вероятно способствовавший изменению обстановки,— нарастающая дезорганизация и кровавый характер демонстраций (по имеющимся данным, за два дня беспорядков было убито и ранено около 400 человек). Как бы то ни было, утром 5 июля ЦИК и командование Петроградского военного округа неожиданно получили в свое распоряжение группу войск, которая была достаточно внушительна и без посторонней помощи могла восстановить порядок в столице, тем более что к тому времени многие из вышедших на демонстрацию заводов и полков были совершенно деморализованы. В этой ситуации, не откладывая дела в долгий ящик, по вопросу о правительстве ЦИК принял резолюцию Гоца, выражавшую интересы большинства. Принятая в 4 часа утра 5 июля резолюция, в частности, гласила: «Обсудив кризис, созданный выходом из состава правительства трех министров-кадетов, объединенное собрание Исполнительных комитетов Советов... признает, что уход кадетов ни в коем случае не может считаться поводом для лишения правительства поддержки революционной демократии, но что вместе с тем уход этот дает демократии основание для пересмотра своего отношения к организации правительственной власти...

Ввиду этого собрание постановляет созвать через 2 недели полное собрание И. К. Рабочих, Крестьянских

и Солдатских Депутатов с представительством с мест для решения вопроса об организации новой власти...

Вместе с тем... заседание подтверждает, что до нового решения полных составов Исп. Ком. вся полнота власти должна остаться в руках теперешнего правительства, которое должно действовать последовательно, руководствуясь решениями Всероссийского съезда Советов рабочих и солдатских депутатов и Всероссийского съезда крестьянских депутатов.

И если бы революционная демократия признала необходимым переход всей власти в руки Совета, только полному собранию Исполн. Комитетов может принадлежать решение этого вопроса»⁸⁶.

Ленин и крах июльского восстания

В одном из наиболее спорных мест своих записок о русской революции Суханов приводит разговор с А. В. Луначарским, который имел место уже после июльских событий. Во время него собеседник Суханова изложил некоторые из планов Ленина относительно июльского восстания. В частности, Луначарский якобы сообщил, что ночью 3 июля Ленин однозначно планировал совершить государственный переворот и что Ленин, Троцкий и Луначарский были заранее выбраны для занятия министерских постов в будущем большевистском правительстве. Взяв власть, оно намеревалось незамедлительно издать декреты о мире и земле, чтобы получить поддержку масс. В соответствии с версией Суханова эта договоренность была достигнута между Лениным, Троцким и Луначарским в то время, когда кронштадтские матросы направлялись от особняка Кшесинской к Таврическому дворцу. Луначарский якобы заявил, что переворот провалился только потому, что 176-й пехотный запасный полк, которому было суждено сыграть в нем главную роль, был перехвачен по дороге к Таврическому дворцу, а Ленин по необъяснимой причине опоздал к месту событий и не смог провозгласить создание нового правительства. Особо Суханов подчеркивает, что его разговор с Луначарским был записан именно так, как он его запомнил. Он признает, что некоторые заявления Луначарского выглядят неправдоподобными (например, он считает, что по логике вещей главной силой большевистского переворота должны были бы стать кронштадтские

матросы и что Троцкий лично не позволил им арестовать Чернова). Суханов допускает также, что он, а точнее — Луначарский мог все перепутать, и предлагает «трудолюбивым историкам разобраться в этом вопросе»⁸⁷.

Поскольку соответствующие архивы закрыты, а опубликована лишь малая толика необходимых документов, пока эта цель недостижима для западных ученых, какими бы усердными они ни были. Со своей стороны, официальная советская трактовка описываемых событий отвергает возможность того, что Ленин мог даже думать о захвате власти в «мирный период» революции, который, по мнению советских ученых, завершился только после июльских дней, а сам Ленин ночью 3 июля не только не планировал переворот, но вообще находился за пределами Петрограда. «Рассказ о намерении захвата власти и о составлении большевистского министерства,— резюмирует О. А. Лидак,— это плод досужей фантазии г.Суханова»⁸⁸.

Несмотря на то что фактические ошибки и несуразности, безусловно, ставят под сомнение достоверность воспоминаний Суханова, а какие-либо иные подтверждения того факта, что Ленин стоял во главе неудавшегося переворота 4 июля, отсутствуют, вряд ли стоит сомневаться в правдивости заявления Калинина, что после возвращения в Петроград Ленин оставлял открытым вопрос, являются ли уличные шествия началом захвата власти или нет. Как уже говорилось, Ленин отрицал значение политических демонстраций, основываясь на опыте 10 июня, а не июльских дней. Таким образом, его колебания относительно захвата власти в конце июня — начале июля скорее всего были связаны с такими вопросами, как подготовка и выбор времени. Однако 4 июля выбор вариантов у РСДРП(б) неожиданно существенно сузился. Все надежды на то, что, уступив давлению масс и взяв власть, Совет поможет большевикам исправить их шаткое положение, рухнули после того, как ЦИК принял решительные меры по пресечению демонстраций. Фактически их выбор сводился к тому, чтобы в срочном порядке остановить демонстрации, надеясь избежать далее бесполезных потерь или продолжить их в надежде на создание условий для захвата власти. Оба пути были малопривлекательны, поскольку, с одной стороны, участие партии в восстании зашло настолько далеко, что Временное правительство, если ему было суждено вы-

жить, при первой возможности непременно предприняло бы против большевиков решительные меры. С другой стороны, несмотря на хорошие перспективы захвата власти днем 4 июля, нельзя было игнорировать тот факт, что такая попытка могла бы быть опровергнута менее радикально настроенными провинциями и, что гораздо более существенно, верными правительству войсками с фронта (те же факторы заставили Ленина пойти на попятную 10 июня) ⁸⁹.

Мы уже говорили о том, что после возвращения в Петроград утром 4 июля Ленин, очевидно, и не пытался остановить демонстрации. Если это означает, что он намеревался пойти по второму пути, что наиболее вероятно, то информация, начавшая поступать к нему к концу дня 4 июля, вряд ли могла вселять надежду на успех. Во-первых, появились первые сообщения о разоблачениях Переверзева. Днем 4 июля работник министерства юстиции Н. С. Каринский конфиденциально сообщил об этом В. Д. Бонч-Бруевичу, который незамедлительно поставил в известность Ленина. Однако тот, по свидетельству Бонч-Бруевича, уже об этом знал ⁹⁰. Столь серьезное отношение Ленина к начатой против него полуофициальной кампании говорит о том, что он совершенно правильно предугадал ее возможную роль в сложившейся обстановке.

Более того, примерно в то же время поступили достоверные сведения о переброске войск с фронта. Церетели пишет, что, как только появились эти слухи, Зиновьев попытался уточнить, действительно ли войска из районов боевых действий идут в столицу. Он получил подтверждение от меньшевика В. А. Анисимова сразу же после того, как руководство Совета дало добро на эту акцию ⁹¹.

С приближением ночи становилось ясно, какое воздействие эти факторы оказали на демонстрантов и на настроения ранее пассивных частей Петроградского гарнизона. Час принятия решений стремительно приближался и наступил так внезапно, что не оставил времени для оценки возможной реакции провинции на столичные события. Примерно в два или три часа ночи, без сомнения, до появления газеты «Живое слово» на улицах, но после прибытия Измайловского полка к Таврическому дворцу, на заседании ЦК было принято решение призвать солдат вернуться в казармы и прекратить уличные выступления ⁹². Оно было ненавязчиво обнародовано

5 июля на последней странице «Правды», окончательная верстка которой происходила при личном участии Ленина. В нем говорилось, что демонстрации решено прекратить, «цель демонстрации достигнута. Лозунги передового отряда рабочего класса и армии показаны внушительно и достойно».

К сожалению, протокол заседания ЦК, на котором демонстрации были отменены, не опубликован. К. А. Мехоношин, представлявший на этой встрече Военную организацию, приводит достаточно интересное, хотя и фрагментарное описание дебатов по этому вопросу:

«Июльские события 1917 года уже развернулись... Временное правительство готовилось к разгрому революционных организаций. Город напоминал военный лагерь двух борющихся сторон... Наступил переломный момент. Надо было решать — идем ли мы дальше или закрепляемся на занятой позиции.

В этот день мне пришлось быть в качестве представителя Военной организации на заседании ЦК. Владимир Ильич обратился к нам:

— «Дайте точный подсчет сил. Назовите части, которые безусловно пойдут с нами. Какие колеблются? Кто против нас? Где склады оружия и боевых припасов? Чем располагает противная сторона в ближайших к Питеру районах? Где сосредоточено продовольствие и в достаточном ли количестве? Обеспечено ли охранение мостов через Неву? Подготовлен ли тыл для отступления в случае возможной неудачи? и т. д.» — вот главнейшие вопросы, которые были заданы тов. Лениным и которые сразу привели нас в трезвое состояние. Кстати сказать, мы сами такого подсчета, под знаком возможного уже тогда решительного столкновения, не делали, ограничиваясь общим учетом положения»⁹³.

Трудно сказать, выступал ли Мехоношин против решения ЦК о прекращении демонстраций, хотя мы и располагаем по крайней мере еще одним свидетельством того, что в тот момент Военная организация сохраняла свою левацкую ориентацию. В «Солдатской правде» от 5 июля нет ни единого упоминания о решении ЦК прервать демонстрацию. Напротив, передовая под заголовком «Что происходит на улицах?» заканчивалась заявлением, что партия пролетариата возглавила массовое движение и до победного конца будет продолжать борьбу за передачу власти Советам. Если Военная организация и отставала от ЦК в осознании необходимости

отступления, в последующий период реакции ее слабость в сложившейся ситуации стала очевидной даже для ее наиболее радикальных лидеров.

Примечания

¹ См.: Речь. 1917. 5 июля; Новая жизнь. 1917. 6 июля.

² Воля народа. 1917. 5 июля.

³ См.: *Миронов Т. Г.* Борьба большевиков за Петроградский гарнизон в период двоевластия 1917 года. С. 238; Биржевые ведомости. 1917. 5 июля. Утренний выпуск.

⁴ См.: *Невский В. И.* Военная организация и Октябрьская революция // Красноармеец. 1919. № 10—15. С. 39—40.

⁵ В этой связи представляется важным следующий отрывок выступления Подвойского на 2-й Общегородской конференции: «На 4 июля в ночь настроение в полках было, безусловно, подавленное, в то время как настроение среди рабочих и не вышедших накануне полков поднялось. ...До двенадцати, до часу Военная организация не могла дать ответа на вопрос, скоро ли выйдут полки» (*Елов Б.* После июльских событий // КЛ. 1923. № 7. С. 101).

⁶ Павловский и Финляндский полки, например, отказались участвовать в демонстрации 4 июля.

⁷ *Войтинский В. С.* Годы побед и поражений. 1917. С. 193.

⁸ См.: *Милюков П. Н.* История второй русской революции. Т. 1. С. 243.

⁹ *Войтинский В. С.* Годы побед и поражений. 1917. С. 194.

¹⁰ Поздно вечером 3 июля Переверзев впервые предложил попытаться дискредитировать большевиков немедленной публикацией имевшихся в распоряжении правительства документов, якобы свидетельствующих о том, что большевики работают на немцев.

¹¹ *Милюков П. Н.* История второй русской революции. Т. 1. С. 243; см. также: *Войтинский В. С.* Годы побед и поражений. 1917. С. 193.

¹² *Владимирова В.* Революция 1917 года: хроника событий. Т. 3. С. 140.

¹³ *Владимирова В.* Июльские дни 1917 года // ПР. 1923. № 5(17). С. 12; *Войтинский В. С.* Годы побед и поражений. 1917 год. С. 206—208.

¹⁴ Там же; *Церетели И. Г.* Воспоминания... Т. 2. С. 317—318. Не вызывает сомнения, что в тот период Северный фронт безоговорочно поддерживал ВЦИК.

¹⁵ *Станкевич В. Б.* Воспоминания 1914—1919 гг. Берлин, 1920. С. 184—185.

¹⁶ *Войтинский В. С.* Годы побед и поражений. 1917. С. 208. Временное правительство отдало свой первый приказ об отправке войск поздно вечером 3 июля, однако, по утверждению Церетели, комитет 5-й армии задержал их отправку в ожидании подтверждения этого приказа Советом.

¹⁷ *Бонч-Бруевич В.* На боевых постах Февральской и Октябрьской революций. М., 1931. С. 72.

¹⁸ Биржевые ведомости. 1917. 7 июля. Вечерний выпуск.

¹⁹ *Бонч-Бруевич В.* На боевых постах... С. 73.

²⁰ См.: *Савельев М.* Ленин в июльские дни // Правда. 1930. 17 июля.

²¹ Известия. 1917. 5 июля.

²² См.: *Раскольников Ф. Ф.* Кронштадт и Питер в 1917 году. С. 120.

²³ Оценки численности кронштадтцев, прибывших в Петроград 4 июля, колеблются от 10 до 30 тысяч человек (*Известия*. 1917. 5 июля). Необходимо отметить, что в Кронштадте демонстрации пользовались поддержкой анархистов-синдикалистов-коммунистов, большевиков, в меньшей степени — левых эсеров и некоторых беспартийных.

²⁴ См.: *Лурье М. Л.* Кронштадтские моряки в июльском выступлении 1917 года // *КЛ*. 1932. № 3(48). С. 96.

²⁵ Там же. С. 96—97; *Новая жизнь*. 1917. 5 июля; *Флеровский И. П.* Предметный урок // *Правда*. 1922. 16 июля.

²⁶ А. М. Любович и И. П. Флеровский — кронштадтские большевики. Оба они провели ночь в Петрограде. Судя по их воспоминаниям, Флеровский в основном — в Таврическом дворце (оттуда он информировал Кронштадт о резолюции, принятой рабочей секцией), а Любович поддерживал связь с Военной организацией в особняке Кшесинской.

²⁷ Такое объяснение было предложено лидерам — нечленам партии большевиков, которые протестовали против подобных изменений (см. критические замечания Ярчука и левого эсера Смолянского в «*Известиях Кронштадтского Совета*» 7 июля 1917 г., а также 14 июля).

²⁸ *Колбин И. Н.* Кронштадт от февраля до корниловских дней // *КЛ*. 1927. № 2(23). С. 149.

²⁹ *Новая жизнь*. 1917. 5 июля.

³⁰ *Флеровский И. П.* Июльский политический урок // *ПР*. 1926. № 7(54). С. 77.

³¹ *Биржевые ведомости*. 1917. 5 июля. Утренний выпуск; *Раскольников Ф. Ф.* Кронштадт и Питер в 1917 году. С. 123.

³² Комментируя этот эпизод в Кронштадтском Совете после июльских событий, левый эсер А. Баранов счел странным, что «люди, которые возмущаются, что другие носят портреты Керенского, сами ведут нас под благословение Ленина» (*Известия Кронштадтского Совета*. 1917. 14 июля).

³³ *Подвойский Н. И.* Год 1917. С. 62.

³⁴ *Биржевые ведомости*. 1917. 5 июля. Утренний выпуск.

³⁵ См.: *Калинин М. И.* Владимир Ильич о движении // *Красная газета*. 1920. 16 июля.

³⁶ См.: *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 34. С. 24.— *Ред.*

³⁷ *Любович А. М.* 3—5 июля // *Ленинградская правда*. 1925. 16 июля.

³⁸ См.: *Луначарский А. В.* Из воспоминаний об июльских днях 1917 г. // *Петроградская правда*. 1922. 16 июля.

³⁹ При подготовке этих материалов были использованы сообщения из «*Речи*», «*Известий*», «*Новой жизни*».

⁴⁰ *Sukhanov N. N.* *The Russian Revolution*. Vol. 2. P. 443—444.

⁴¹ См.: Путиловцы в трех революциях. Сборник материалов по истории Путиловского завода /Под ред. С. Б. Окуня. М.; Л., 1933. С. 355.

⁴² *Известия*. 1917. 5 июля.

⁴³ В некоторых столкновениях 4 июля участвовали военные патрули, состоявшие главным образом из казаков и юнкеров. Они действовали по приказу Половцева об аресте и разоружении восставших солдат и рабочих. Как и накануне вечером, в них также принимали участие возмущенные граждане и правые организации (см.: *Знаменский О. Н.* Июльский кризис 1917 года. С. 66—67).

⁴⁴ *Раскольников Ф. Ф.* Кронштадт и Питер в 1917 году. С. 124.

⁴⁵ *Флеровский И. П.* Июльский политический урок // *ПР*. 1926. № 7(54). С. 78.

⁴⁶ См.: Ярчук Х. Кронштадт в русской революции. Нью-Йорк, 1923. С. 13.

⁴⁷ Известия Кронштадтского Совета. 1917. 7 июля.

⁴⁸ Лурье М. Л. Кронштадтские моряки в июльском выступлении 1917 года // КЛ. 1932. № 3(48). С. 98.

⁴⁹ Известия Кронштадтского Совета. 1917. 14 июля.

⁵⁰ Флеровский И. П. Июльский политический урок // ПР. 1926. № 7(54). С. 79.

⁵¹ Отсутствие единства среди кронштадтских лидеров нашло яркое отражение в горячих дискуссиях по поводу демонстраций, состоявшихся после июльских дней в Кронштадтском Совете (см.: Известия Кронштадтского Совета. 1917. 7—18 июля. Все выпуски).

⁵² На следующий день левый эсер Г. Смолянский заявил в своем выступлении на заседании Кронштадтского Совета: «Наша задача была пойти к Таврическому дворцу и передать наши требования... Мы хотели толкнуть его [Совет] взять власть. Когда наш протест не был принят во внимание, мы не сочли возможным оставаться» (там же. 7 июля).

⁵³ Х. Ярчук пишет: «Организация анархистов-синдикалистов-коммунистов считала, что вооруженная демонстрация перейдет в восстание; власти, таким образом, будет нанесен решительный, мощный удар, после которого она уже больше не сможет оправиться; Советы же рабочих, солдатских и крестьянских депутатов на местах доведут ее в дальнейшем процессе борьбы до полного уничтожения» (см.: Кронштадт в русской революции. С. 11).

⁵⁴ По утверждению Н. Н. Суханова, в то время Ф. Ф. Раскольников имел полномочия для роспуска ВЦИК «при благоприятных обстоятельствах» (см.: Записки о революции. Т. 4. С. 426—427). Хотя такую возможность не следует исключать полностью, но скорее всего настолько важное решение во все времена могло оставаться только за ЦК РСДРП(б). По-видимому, именно это имеется в виду в следующем отрывке из воспоминаний В. И. Невского: «События развивались так быстро, что каждая минута нерешительности была поражением: Военная организация, боевыми действиями которой по решению бюро управляли Подвойский и Мехоношин, исполняла приказание ЦК, а директива ЦК была таковой, что доводить дело до конца и пускать в ход силы нельзя. Поэтому со стороны большевистских масс проявлена нерешительность» // Красноармеец. 1919. № 10—15. С. 40.

⁵⁵ Известия. 1917. 5 июля.

⁵⁶ Ильин-Женевский А. Ф. Арест В. Чернова в июльские дни 1917 года // КЛ. 1926. № 6(21). С. 70.

⁵⁷ См.: Милюков П. Н. История второй русской революции. Т. 1. С. 244.

⁵⁸ Колбин И. Н. Кронштадт организуется, готовится к бою // Октябрьский шквал: моряки Балтийского флота в 1917 г./ Под ред. П. Ф. Куделли и И. В. Егорова. Л., 1927. С. 41.

⁵⁹ Ильин-Женевский А. Ф. Арест В. Чернова в июльские дни 1917 г. // КЛ. 1926. № 6(21). С. 70.

⁶⁰ Sukhanov N. N. The Russian Revolution. Vol. 2. P. 445; см. также: Покровский М. Гражданин Чернов в июльские дни // Правда. 1922. 16 июля.

⁶¹ Известия Кронштадтского Совета. 1917. 13 июля.

⁶² Sukhanov N. N. The Russian Revolution. Vol. 2. P. 446—447.

⁶³ Radkey O. H. The Agrarian Foes of Bolshevism. P. 284.

⁶⁴ См. настоящее издание. С. 82.

⁶⁵ Церетели И. Г. Воспоминания... Т. 2. С. 318.

⁶⁶ Балтийские моряки в подготовке и проведении Великой Октябрьской социалистической революции. С. 122.

⁶⁷ Там же. С. 123. Председателем Центробалта в то время был большевик П. Дыбенко.

⁶⁸ Там же. С. 346.

⁶⁹ Морское министерство Керенского в июльские дни // Петроградская правда. 1921. 17 июля.

⁷⁰ *Половцев П. А.* Дни затмения. С. 125.

⁷¹ *Лидак О. А.* Июльские события 1917 г. // Очерки по истории Октябрьской революции / Под ред. М. Н. Покровского: В 2 т. М.; Л., 1927. Т. 2. С. 331.

⁷² Эти телеграммы переведены Б. В. Никитиным (*The Fatal Years*. London: William Hodge, 1938. P. 119—122). Связь между революционной деятельностью Ленина и усилиями германского правительства по подрыву Временного правительства и военной мощи России представляет собой один из наиболее противоречивых моментов революционного периода. В некоторых из захваченных документов германского МИДа имеются подтверждения тому, что большевики получали от немцев финансовую поддержку. Одно из самых убедительных свидетельств — письмо министра иностранных дел Германии Кульмана, направленное кайзеру 3 декабря 1917 г., в котором утверждается, что «только когда большевики начали получать от нас финансовые средства на постоянной основе через различные каналы и под разными предлогами», им удалось наладить свою пропагандистскую работу (см.: *Zeman Z. A.—B.* (ed.). *Germany and the Revolution in Russia. 1915—1918: Documents from the Archives of the German Foreign Ministry*. London: Oxford University Press, 1958. P. 94—95). В настоящее время факт получения большевиками значительных сумм от германского правительства летом 1917 г. представляется доказанным. Однако в обширной литературе по данному вопросу не просматривается веских доказательств того, что немцы каким-либо образом направляли или хотя бы воздействовали на курс или тактику Ленина.

⁷³ См. письмо Переверзева редактору «Биржевых ведомостей» от 9 июля 1917 г. Вечерний выпуск.

⁷⁴ См.: *Войтинский В. С.* Годы побед и поражений. 1917. С. 198.

⁷⁵ *Лацис М. И.* Июльские дни в Петрограде // ПР. 1923. № 5(17). С. 113.

⁷⁶ Известия. 1917. 6 июля.

⁷⁷ Там же.

⁷⁸ Там же.

⁷⁹ *Войтинский В. С.* Годы побед и поражений. 1917. С. 193.

⁸⁰ Известия. 1917. 6 июля.

⁸¹ Известия Кронштадтского Совета. 1917. 7, 13 июля. Покинув Таврический дворец, некоторые матросы в сопровождении лидеров меньшевиков и эсеров вернулись на свои суда и отплыли в Кронштадт. Большинство, однако, осталось в Петрограде на ночь. По заявлению Ярчука, цель этой задержки заключалась в том, чтобы усилить и продлить демонстрации // Кронштадт в русской революции. С. 13.

⁸² *Подвойский Н. И.* Военная организация ЦК РСДРП(б) и военно-революционный комитет 1917 // КЛ. 1923. № 6. С. 80.

⁸³ *Sukhanov N. N.* *The Russian Revolution*. Vol. 2. P. 455.

⁸⁴ *Арский Н.* Трагикомедия 3-го июля // Пережитое. М., 1918. С. 43; см. также: *Милюков П. Н.* История второй русской революции. Т. 1. С. 246; *Шляпников А. Г.* Июльские дни в Петрограде // ПР. 1926. № 4(51). С. 84.

⁸⁵ См.: *Церетели И. Г.* Воспоминания... Т. 2. С. 330.

⁸⁶ Известия. 1917. 7 июля.

⁸⁷ *Sukhanov N. N. The Russian Revolution. Vol. 2. P. 479—482.* Луначарский, занимавший в то время пост народного комиссара просвещения, опроверг эту версию Сухацова в письме от 30 марта 1920 г.: «Очевидно, Николай Николаевич, Вы впали в глубокое заблуждение... Конечно, ни т. Ленину, ни т. Троцкому, ни тем более мне не приходило в голову сговариваться о захвате власти, никакого даже намека отдельного на что-то вроде триумvirата не было... Конечно, мы не скрывали от себя, что, если бы меньшевистский с.-р. совет захватил власть, она скоро соскользнула бы к более левым и решительным революционным группам.

Поводом к Вашему заблуждению явился, вероятно, мой рассказ Вам о том, что в решительную минуту июльских событий я, разговаривая с т. Троцким, сказал ему, что считал бы бедствием и вступлением в неизбежное поражение, если бы власть оказалась тотчас же в наших руках, на что т. Троцкий, который всегда был гораздо более меня решителен и уверен в победе, отвечал мне, что, по его мнению, это вовсе не было бы так плохо, что массы конечно поддержали бы нас».

⁸⁸ *Лидак О. А. Июльские события 1917 года // Очерки по истории Октябрьской революции. Т. 2. С. 331.*

⁸⁹ См.: *Раскольников Ф. Ф. Вооруженное восстание или вооруженная демонстрация? // Правда. 1927. 27 июля.*

⁹⁰ См.: *Бонч-Бруевич В. На боевых постах Февральской и Октябрьской революций. С. 83—86.*

⁹¹ См.: *Церетели И. Г. Воспоминания... Т. 2. С. 329.*

⁹² *Лидак О. А. Июльские события 1917 года // Очерки по истории Октябрьской революции. Т. 2. С. 297.*

⁹³ *Мехоношин К. Из воспоминаний о тов. Ленине // Политработник. 1924. № 2—3. С. 7.*

VII

Июльское восстание: отступление и реакция

Капитуляция петроградских большевиков

Изменение соотношения сил в пользу Совета и Временного правительства, произошедшее поздно ночью с 4 на 5 июля, ощутилось на улицах молниеносно. К полудню 5 июля верные правительству войска полностью контролировали все районы столицы, за исключением рабочих кварталов, а антибольшевистские настроения были настолько сильны, что многие части города стали для большевиков буквально небезопасны. Вообще-то интенсивность реакции на бурные события 4 и 5 июля тревожила не только большевиков. Левый меньшевик Войтинский вспоминает о 5 июля, когда улицы Петрограда стали ареной для «настоящей оргии контрреволюции» и «разгул черносотенства грозил уничтожить плоды нашей победы над бунтарской стихией», как об одном из самых «тяжелых дней революции»¹.

До некоторой степени стремительность реакции объясняется значительной враждебностью к партии большевиков, накопленной еще в доиюльский период не только в консервативных, но и в либерально-демократических и социалистических кругах. Кроме того, целый ряд правых организаций, по-видимому, только и ждал возможности подтвердить свое влияние. Реакционер генерал Половцев добрую половину июня спал и видел, как бы расправиться с большевиками, и не был склонен к сдержанности теперь, когда его решимость разделяли Временное правительство и многие лидеры Совета. 4 июля Временное правительство по согласованию с ЦИК поручило Половцеву очистить Петроград от вооруженных толп, разоружить 1-й пулеметный полк и занять особняк Кшесинской². В тот же день поздно вечером Половцев составил конкретные планы для выполнения

этого указания. И к утру 5 июля находившиеся в его распоряжении части были полностью готовы к операции. Наступление на большевиков началось на рассвете 5 июля захватом типографии «Правды» по приказу Половцева. Солдаты лишь немного опоздали и не смогли арестовать Ленина, который буквально за несколько минут до их появления покинул здание типографии, чтобы уйти в подполье в первый раз за весь дооктябрьский период. Обыскав и разгромив все помещения, а также арестовав находившихся там рабочих и солдат, подразделение вернулось в ставку Генерального штаба ³. Тем временем патрули, составленные из офицеров, солдат и казаков, начали операции по прочесыванию городских кварталов. Весь день напролет они конфисковывали вооруженные грузовики, разоружали и арестовывали подозрительных рабочих, солдат и, особенно, матросов, которые не успели скрыться за баррикадами в рабочих кварталах, потому что мосты через Неву были или разведены, или находились под усиленной охраной.

Крайне трудно воссоздать действия ЦК РСДРП(б), Петербургского комитета и Военной организации во время этой, последней фазы июльского восстания. Отчасти это объясняется тем, что руководство партии рассеялось по городу и было дезорганизовано. Кроме того, была уничтожена связь между высшими и низшими партийными звеньями, в результате чего деятельность партии координировалась, может быть, даже хуже, чем 3 июля. Более того, практически нет опубликованных документов по заключительному этапу июльского восстания, аналогичных тем материалам, которые оказали огромную помощь в изучении внутрипартийной жизни в период его подготовки. Поэтому историки вынуждены в значительной степени полагаться на большое количество подчас взаимоисключающих воспоминаний.

5 и 6 июля центр событий переместился в особняк Кшесинской, продолжавший оставаться штаб-квартирой Военной организации. Рано утром 5 июля находившиеся там ее лидеры отреагировали на разгром типографии «Правды» и слухи о предстоящем наступлении Половцева тем, что стали готовиться к схватке ⁴. Достаточно определенно трудно выяснить, было ли сопротивление санкционировано ЦК, хотя то, что он разрешил кронштадтским матросам остаться в столице, позволяет сделать вывод о по меньшей мере неоднозначности его позиции. Как бы то ни было, поскольку матросы составляли костяк сил Военной организации, их командиром

был назначен Раскольников. Под его руководством были расставлены пулеметы и розданы патроны. Он же инструктировал на случай открытия огня солдат и матросов, размещенных во внешнем саду особняка, которым предстояло действовать самостоятельно.

На бланках Военной организации были срочно разосланы запросы за подписью Раскольникова: в Кронштадт — на четыре орудия, снаряды и ручные гранаты ⁵, на склад артиллерийского имущества флота — на три 47-мм пушки и несколько пулеметов и в Гельсингфорс — на несколько военных кораблей ⁶. В то же время, судя по записке, адресованной в 180-й пехотный запасный полк И. В. Куделько и М. Тер-Аругюнянцу, предпринимались попытки сохранить боеготовность частей гарнизона. В этой записке, также разосланной в другие ячейки Военной организации, говорилось, что ЦК, Исполнительная комиссия Петербургского комитета и Военная организация проводят совещание в связи с разгромом типографии «Правды», поэтому солдаты должны оставаться в состоянии готовности, но не выходить из казарм до принятия решения о дальнейших действиях ⁷.

В своих воспоминаниях Ф. Раскольников характеризует эти меры как исключительно оборонительные, но тем не менее он же считал, что «достаточно ввести в устье Невы один хороший корабль, чтобы решимость Временного правительства значительно пала» ⁸. В связи с этим О. А. Лидак приводит одно интересное наблюдение, которое противоречит официальным советским версиям. Он пишет, что «когда 5 июля ВО предпринимала целый ряд военных мероприятий, тогда, наверно, кроме соображений самозащиты и самообороны, были еще и другие соображения. Мы склонны полагать,— делает вывод О. Лидак,— что ВО тогда в полной мере не уяснила себе изменившуюся политическую ситуацию, она, вероятно, полагала, что удастся сохранить существовавшее до 3 июля соотношение сил» ⁹. Л. Троцкий утверждал примерно то же самое. «Приходится предположить,— писал он,— что в дневные часы 5 июля руководители Военной организации и Раскольников с ними еще не оценили полностью перелома обстановки, и в тот момент, когда вооруженная демонстрация должна была спешно отступить назад, чтобы не превратиться в навязанное врагом вооруженное восстание, кое-кто из военных руководителей сделал несколько случайных и необдуманных шагов вперед» ¹⁰.

Как бы то ни было, решимость Военной организации большевиков к сражению не нашла достаточно широкого отклика среди масс уже сникших рабочих и солдат. Но были и существенные исключения. Как отмечает М. Лацис, Выборгский районный комитет РСДРП(б) «чисто инстинктивно» привел в состояние боеготовности заводские комитеты и Красную гвардию, а также разработал планы, предусматривавшие разведение мостов через Невку, которая отделяет Выборгский район от Петроградской стороны; и создание оборонительных сооружений у Литейного моста ¹¹. В воспоминаниях Метелева говорится, что приблизительно в то же время молодые рабочие Выборгской стороны, спрятав в карманы, в сапоги и под пальто бомбы, переправились через Невку, чтобы поддержать 16-ю роту 1-го пулеметного полка и кронштадтцев, оборонявших Петропавловскую крепость ¹². Более того, и другие подразделения 1-го пулеметного полка были явно настроены биться. П. М. Стулов приводит факт, что утром 5 июля члены Военной организации К. Романов и А. Поляков высказались о целесообразности проведения еще одной демонстрации против Временного правительства и призвали свои роты осмотреть оружие и подготовиться к выступлению ¹³. Однако в целом создается впечатление, что вскоре после того, как соотношение сил стало меняться в пользу Совета и Временного правительства, численность бойцов Военной организации резко сократилась, так как в полках, ранее находившихся под сильнейшим влиянием большевиков, были приняты резолюции в поддержку Совета и с сожалением по поводу своих прежних «прегрешений». Именно так случилось в Гренадерском полку, где, согласно сообщению в «Биржевых ведомостях», 5 июля Рошаль предпринял неудачную попытку заинтересовать солдат в дальнейших действиях против Временного правительства ¹⁴. Большинство рабочих, со своей стороны, хотя и без энтузиазма, готовились вернуться на свои заводы.

Кстати, почти полностью отсутствует информация о деятельности в тот период анархистов-коммунистов, хотя вполне можно предположить, что и они принимали участие в некоторых оборонительных приготовлениях. Как сообщала «Новая жизнь», утром 5 июля анархисты распространяли прокламации, в которых говорилось, что вчерашняя вооруженная акция показала силу русской революции, но не дала практических результатов. Листовка завершалась заявлением, что для решительного завоева-

ния власти рабочие и солдаты должны будут выступить снова ¹⁵.

Необходимо также отметить, что, в то время как военные командиры по обе стороны баррикад готовились к борьбе, члены ЦК РСДРП(б) и Исполкома Совета делали все, чтобы избежать серьезного военного столкновения. Так, Ленин, по всей видимости, отреагировал на разгром типографии «Правды» с присущим ему реализмом. Убедившись, что только отступление может сократить потери в стане большевиков, через Зиновьева он приказал Военной организации срочно сдать Петропавловскую крепость ¹⁶.

В первой половине дня 5 июля ленинская позиция о тщетности сопротивления была изложена Зиновьевым на совещании лидеров ЦК РСДРП(б), Военной организации и нескольких представителей Петербургского комитета, которые сумели добраться до особняка Кшесинской из своих районов. Тогда, вероятно, уже стало известно, что фронтовые части приближаются к столице и что демонстрации вызвали лишь незначительную поддержку в провинции. Действительно, вечером 4 июля и 5 июля в некоторых крупных провинциальных городах были спешно организованы аналоги петроградских манифестаций, однако ни в одном из них особых успехов достигнуто не было. Типичным был ход событий в Москве. Днем 4 июля Московский комитет РСДРП(б), узнав об обстановке в столице, собрался для разработки плана действий. Отвергнув требования радикалов о немедленном захвате почтамта, телеграфа и телефонных станций (то есть фактически организовать вооруженное восстание), большинством голосов руководство комитета приняло решение провести вооруженную демонстрацию в 8 часов вечера того же дня. Однако вскоре после этого Московский Совет запретил все демонстрации, и большинство рабочих и солдат остались глухи к призывам большевиков ¹⁷.

По-видимому, в то время, то есть в первой половине дня 5 июля, некоторые члены Военной организации в частях вполне могли надеяться, что кое-какие из прибывавших с фронта полков можно будет убедить перейти на сторону повстанцев, как это произошло в феврале ¹⁸. Однако вряд ли хоть один из его членов в ЦК мог тешить себя этой иллюзией. В данных обстоятельствах ЦК проголосовал за то, чтобы «не пересматривать решение о прекращении демонстраций» ¹⁹, и подготовил еще один соответствующий призыв для немедленного

распространения в массах. Рабочим и солдатам рекомендовалось не поддаваться на провокации «мобилизующейся реакции» и избегать демонстраций и конфронтаций любого рода. В перспективном плане указывалось на необходимость проявлять терпение и дисциплинированность, а также возобновить кампанию по привлечению «отсталых» элементов среди городского населения и в провинции ²⁰.

Подтвердив свое решение об отмене демонстраций, ЦК направил своего представителя в Таврический дворец, чтобы выяснить отношение Совета к партии большевиков. Через некоторое время, очевидно по приглашению Каменева и Зиновьева, в особняк Кшесинской прибыла делегация ЦИК Советов. В результате переговоров между большевиками в лице Л. Б. Каменева, К. А. Мехоношина и Г. И. Бокия и представителем ЦИК М. И. Либером было достигнуто соглашение о предотвращении дальнейшего кровопролития ²¹. Согласно этой договоренности (в интерпретации большевиков) Совет гарантировал непринятие дальнейших репрессивных мер против партии и обещал освободить из-под стражи всех демонстрантов, против которых не выдвинуто обвинений в уголовных преступлениях. Взамен большевики обязывались вернуть в воинские части броневики, отправить всех матросов в Кронштадт и сдать Петропавловскую крепость ²². Теперь, вспоминал В. И. Невский, «на заседании Центрального Комитета партии восстание было объявлено неудавшейся демонстрацией» ²³.

Действительно, через некоторое время все еще находившиеся под контролем Военной организации броневики были возвращены в ремонтные мастерские запасного броневого автомобильного дивизиона ²⁴, а к вечеру большинство размещенных в казармах гарнизона кронштадтцев боковыми улицами отошли к своим судам, и лишь несколько сот матросов остались в особняке Кшесинской и в Петропавловской крепости ²⁵. Это было сделано вовремя, так как поздно вечером в Таврическом дворце ЦИК предъявил ультиматум кронштадтской делегации во главе с Раскольниковым, Рошалем и Ярчуком. Ранее данные гарантии о неприменении ответных мер против большевиков и освобождении арестованных были забыты, и морякам было отведено время до утра, чтобы сдать оружие и знамена и покинуть столицу или подвергнуться насильственному разоружению. Кронштадтская делегация, очевидно не зная, что большая часть матросов

уже успела покинуть город, занялась обсуждением ультиматума. Однако от нее внезапно потребовали немедленного ответа. На вопрос Раскольниковова о причине такого неожиданного изменения позиции Совета Либертуманно ответил, что «железная необходимость властно требует этого»²⁶. Несколько позже он объяснил ужесточение позиции Совета тем, что войска Петроградского военного округа уже готовились атаковать особняк Кшесинской, а предупредить об этом кронштадтцев было нельзя²⁷. Как бы то ни было, покидать столицу, как никогда прочно захваченную контрреволюцией, по кронштадтским меркам было унижительно, но несравненно хуже было при этом еще лишиться своего оружия. Раскольников отверг ультиматум Либера, обосновав это тем, что не может принять такие условия, не переговорив со своими матросами, и с этим кронштадтская делегация ушла в ночь²⁸.

Тем временем командование Петроградского военного округа внесло последние штрихи в планы захвата особняка Кшесинской и Петропавловской крепости и отдало последние приказы. Генерал Половцев либо не знал, что силы большевиков в значительной степени иссякли и что руководство партии не намерено оказывать сопротивления правительственным войскам, либо намеренно игнорировал эту информацию. Другого объяснения масштабам военной организации против большевиков, начатой им в 3 часа утра 6 июля, мы не находим. В состав ударной группы вошли Петроградский полк, восемь броневиков, по одной роте от Преображенского, Семеновского и Волынского гвардейских полков, матросы Черноморского флота, несколько подразделений кадетов, авиационная школа и фронтовая бригада самокатчиков, поддерживаемые тяжелой артиллерией.

На рассвете эти войска под командованием А. А. Кузьмина были построены на Дворцовой площади для напутственных речей лидеров Совета А. Р. Гоца и Н. Д. Авксентьева и затем переправились через Неву на Петроградскую сторону. Они быстро окружили Петропавловскую крепость и особняк Кшесинской, а Кузьмин наблюдал поле боя с другого берега Невы из окна третьего этажа Мраморного дворца, расположенного напротив крепости, одолжив для этого прекрасный полевой бинокль у проживавшего во дворце бывшего великого князя Ивана Константиновича. В 7 часов утра по приказу командующего Петроградским военным

округом была отключена телефонная связь с полками гарнизона, находившимися под влиянием большевиков. Когда все подготовительные мероприятия были завершены, Кузьмин позвонил в особняк Кшесинской и от имени командования военного округа и Всероссийского ЦИК потребовал от большевиков немедленной сдачи без предварительных условий. По просьбе большевиков им был предоставлен час для обсуждения этого требования, после чего телефонная связь с особняком также была прекращена. Подвойский, который говорил с Кузьминым по телефону, потом вспоминал, что оставшиеся в особняке матросы и солдаты (300 кронштадтцев и 200 солдат 1-го пулеметного и Гренадерского полков) ответили на требование о сдаче усиленными приготовлениями к обороне здания³⁰. Как следует из газетных сообщений, по дозорным правительственных войск было произведено несколько выстрелов.

Так как особняк Кшесинской довольно уязвим для артиллерийского обстрела, Военная организация в конце концов решила, что оставаться в нем нет никакого смысла. Мятежникам удалось перебежать в Петропавловскую крепость, находившуюся на расстоянии всего нескольких сот ярдов³¹. А вскоре и Кузьмин отдал приказ атаковать. Артиллеристы приготовились открыть по его команде огонь. Однако ударная группа, в авангарде которой шли броневики и пехота, не встретила сопротивления. Пушки так и не заговорили. Буквально за несколько минут особняк был взят. Солдаты захватили внушительное количество оружия и арестовали семерых большевиков, которые отчаянно пытались завершить эвакуацию партийных документов. Подвойскому, который также остался в особняке, удалось бежать. Тем временем в Петропавловской крепости мятежники, перешедшие под командование членов Военной организации А. Ф. Ильина-Женевского и Мальцева, осмотрели и зарядили пушки и пулеметы на крепостных валах и стали ждать атаки, наблюдая за проходившими по Александровскому парку правительственными частями. Тогда же на соседней улице несколько большевиков Выборгского района, среди которых был Метелев, заняли позиции на пути бригады самокатчиков, чтобы начать бомбометание, как только солдаты откроют стрельбу³².

Более трезвые головы все еще пытались предотвратить столкновение. На добровольной сдаче матросов и солдат настаивали и некоторые представители Совета и ЦК РСДРП(б). Переговоры между представителями

мятежников (Ильин-Женевский и Ярчук) и правительства (Б. О. Богданов и Г. П. Мазуренко, командовавший всеми прибывшими с фронта частями) затянулись до полудня. Последние твердо настаивали на сдаче оружия. В конце концов Ильин-Женевский обратился к стоявшему рядом Сталину и спросил его, сдаваться или нет. «Ничего больше не остается», — ответил тот ³³. Мятежные матросы и пулеметчики поставили этот вопрос на голосование. Большинство проголосовало против принесения себя в жертву за дело революции. Повстанцев быстро разоружили и переписали, а матросов препроводили к их судам для позорной отправки в Кронштадт. (Такая же участь постигла анархистов-коммунистов. Правительственные войска, направленные для захвата дачи Дурново днем 6 июля, практически не встретили сопротивления, и штаб-квартира анархистов быстро была взята.)

Вскоре после сдачи мятежников несколько членов Исполнительной комиссии ПК РСДРП(б) собрались в относительно безопасном здании районной думы на Выборгской стороне. Большинство членов этой обычно воинственной группировки были подавлены сокрушительным поражением своей партии, однако были и другие, жестоко разочарованные в навязанной им Центральным Комитетом политике отступления ³⁴. Например, выступая от имени Выборгского районного комитета, М. И. Лацис призвал партию к организации всеобщей забастовки, чтобы дать восстанию новую жизнь. Несмотря на то что это предложение было поддержано только двумя из пяти присутствовавших членов комиссии, было решено по крайней мере переговорить об этом с Лениным.

В тот же день несколькими часами позже члены Исполнительной комиссии встретились снова, на этот раз в лачуге сторожа завода «Рено», где скрывался Ленин. По словам Лациса, Ленин решительно отверг идею всеобщей забастовки. Отнесясь к Исполнительной комиссии как к провинившимся школьникам, он написал от ее имени следующий категоричный призыв к рабочим о возвращении к станкам:

«Исполнительная комиссия Петербургского комитета РСДРП, во исполнение опубликованного вчера решения ЦК РСДРП (решения, подписанного и Петербургским комитетом), призывает рабочих к возобновлению работ с завтрашнего дня, т. е. с утра 7 июля» ³⁵.

Этим последним незначительным эпизодом завершилась капитуляция петроградских большевиков.

Вечером 6 июля Ленин встретился с несколькими членами ЦК РСДРП(б) в небольшой квартире на Выборгской стороне. На встрече присутствовали Зиновьев, Каменев и Сталин, а также представитель Военной организации Подвойский. Судя по всему, большую часть времени Ленин отвел анализу «текущего момента» и его прогнозам относительно дальнейшего хода революции. На сегодняшний день мемуары Подвойского являются единственным источником, в котором детально излагаются соображения Ленина на той встрече ³⁶. Однако они в основном совпадают с формулировками статьи лидера большевиков «Политическое положение» от 10 июля и более обширной работы «К лозунгам», подготовленной несколькими днями позже ³⁷.

По свидетельству Подвойского, Ленин не пытался принизить серьезность поражения партии, выразив при этом уверенность в ее способности выжить. Сказав, что в условиях победившей реакции «вся предыдущая работа партии будет временно сведена на нет», он сделал упор на положительных результатах июльских событий. Ленин считал, что эсеры и меньшевики бесповоротно вступили в союз с военной контрреволюцией, в руках которой находится реальная власть, и пролетариату теперь придется избавляться от иллюзий относительно получения власти от буржуазии мирным путем. По словам Ленина, теперь пролетариат мог выбирать только между захватом власти и гибелью. В этой связи он назвал лозунг «Вся власть Советам!» устаревшим и призвал заменить его другим — «Вся власть рабочему классу во главе с его революционной партией — большевиков-коммунистов!». Вполне вероятно, что это было первым открытым признанием Ленина абсолютной необходимости захвата власти большевиками, который предстояло осуществить в не столь отдаленном будущем ³⁸.

Подвойский не сообщает, обсуждался ли на том совещании или голосовался ленинский анализ ситуации. Прежде всего это относится к вопросу о вооруженном восстании и отречении от Советов *. По имеющимся в настоящий момент сведениям, основные пункты новых тезисов

* В. И. Ленин и после событий 3—5 июля не отрекался от Советов, а предлагал временно снять лозунг «Вся власть Советам!». Возврат к этому лозунгу он связывал с новым этапом революции (см.: *Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 34. С. 81, 135—136, 205, 207, 231*).— *Ред.*

впервые подверглись всестороннему обсуждению на расширенном совещании ЦК 13—14 июля, где они были отвергнуты³⁹. На VI съезде РСДРП(б) они были приняты только после продолжительных дебатов и в значительно измененном виде⁴⁰. Но известно другое: на заседании ЦК 6 июля были одобрены два чрезвычайно важных решения более сиюминутного характера. Первое предусматривало, что партийные организации будут стремиться перенести репрессии, не уходя в подполье, чтобы сохранить легальность, а второе — подтверждало решение, принятое накануне, о том, что Ленин и Зиновьев ни в коем случае не должны идти на суд.

Тем временем внешне жесткая линия Временного правительства, получившего поддержку в виде прибывших с фронта крупных контингентов войск, позволила поднять престиж Совета. 6 июля на затянувшемся за полночь заседании кабинета министров было принято официальное постановление об аресте и привлечении к судебной ответственности «всех участвовавших в организации и руководстве вооруженным выступлением против государственной власти, а также всех призывавших и подстрекавших к нему»⁴¹. За этим постановлением последовали приказы об аресте таких видных большевиков, как Ленин, Зиновьев, Каменев, а также руководителей Межрайонного комитета Луначарского и Троцкого. 7 июля по предложению Керенского Временное правительство приняло постановление о разоружении и расформировании всех воинских частей, участвовавших в мятеже, и передаче их личного состава в распоряжение военного и морского министра⁴².

В тот же день Керенский выступил с резким осуждением ситуации в Кронштадте и Гельсингфорсе и от имени Временного правительства приказал арестовать 67 членов делегации Центробалта, а также явно ненадежного Вердеревского. Кроме того, он потребовал ареста «контрреволюционных зачинщиков» на всех морских объектах и кораблях в течение 24 часов⁴³. Через два дня вновь на заседании Временного правительства, когда Керенский уже сменил князя Львова на посту премьер-министра (Львов подал в отставку 8 июля в связи с коренными разногласиями с министрами-социалистами), была образована специальная следственная комиссия из чиновников высшего звена с чрезвычайными юридическими полномочиями для проведения тщательного расследования всех аспектов июльского мятежа и вынесения

обвинительных заключений против виновных ⁴⁴. Одновременно правительство предприняло попытку ввести временный запрет на уличные собрания и на владение огнестрельным оружием частными лицами.

В последующие дни среди прочих были арестованы и взяты под стражу Каменев, Троцкий, Луначарский, Харитонов, Хаустов, Багдатов и Рахья. «Правда», «Солдатская правда» и «Голос правды» были закрыты (в тот момент было практически невозможно найти типографию, готовую печатать большевистские материалы). Кроме того, подверглись налетам, обыскам и погромам отдельные районные и заводские комитеты. Короче говоря, петроградские большевики вкусили все прелести «манипулирования настроением масс». Антибольшевистские настроения в народе были также подогреты известием, впервые полученным ночью 6 июля, о крупном отступлении 11-й армии на Юго-Западном фронте в результате массированного контрнаступления австро-германских армий. Опубликованное «Новой жизнью» 11 июля открытое письмо Ленина и Зиновьева, задуманное как ответ на обвинения правительства, практически не могло обратить вспять «контрреволюционного» вала, главным образом потому, что для многих людей, которых ранее не удовлетворяли опубликованные доказательства, отказ Ленина предстать перед судом выглядел как признание им своей вины. Изданные в СССР мемуары об этом этапе июльских событий насыщены горькими воспоминаниями о том, как партийные кадры вынужденно подвергались враждебному отношению и издевательствам с подачи представителей средней и высшей буржуазии. Несмотря на то что советская историческая наука фактически игнорирует такие вопросы, как разочарование масс после поражения июльских событий, разгром армии и нападки на руководство РСДРП(б), совершенно очевидно, что популярность партии среди рабочих и особенно среди солдат на короткий срок резко упала.

Большевистские методы массовой пропаганды были временно эффективно применены оппозицией. При этом все же следует отметить, что массового выхода из партии не отмечалось и даже в пик реакции на отдельных заводах, главным образом в Выборгском и Нарвском районах, по-прежнему проходили резолюции большевиков. В то же время приток новых членов в РСДРП(б) замедлился, а рабочие практически всех районов столицы в целом сникли ⁴⁵. Не следует оставлять без внимания факт,

что значительное количество политически неграмотных рабочих и солдат так же легко поддавалось воздействию антибольшевистской пропаганды, как ранее обещаниям скорой победы над буржуазией со стороны большевиков. Судя по докладу представителя Невского района на заседании Петербургского комитета 10 июля, дела обстояли именно таким образом. Он жаловался, что большинство рабочих поддавалось слухам и «бульварной прессе». А делегат Колпинского района заявил, что с момента ликвидации демонстраций «настроение рабочих повернулось против нас». На том же заседании представитель Порохового завода (один из шести большевиков, изгнанных со своих заводов после июльских событий) сетовал по поводу «клеветы» в адрес большевиков и «слежки» за ними, назвав рабочих своего района «стоячим болотом»⁴⁶.

Вполне вероятно, что на какое-то время в состоянии замешательства оказалось значительное количество рядовых большевиков, потрясенных тем, что удача так резко отвернулась от их партии. Это в полной мере подтверждается резолюцией, принятой после июльских дней исполкомом большевистской организации огромного завода «Металлист» в Выборгском районе. Резолюция объявляла о полной поддержке Совета и передавала местную партийную организацию под его контроль. В ней также содержалось требование к ЦК РСДРП(б) и Петербургскому комитету отказаться от всех своих полномочий и предстать перед судом, чтобы доказать, что «100 000 рабочих большевиков не могут быть германскими шпионами». И наконец, исполком завкома провозгласил себя независимым от высших партийных инстанций вплоть до созыва конференции для выборов нового состава Центрального и Петербургского комитетов. Следует подчеркнуть, что эта резолюция была принята 16 голосами «за», при четырех «против» и четырех воздержавшихся⁴⁷.

В то время как правительственные репрессии и реакция в массах привели к временному сокращению численности большевистской организации в целом, наиболее ощутимому удару подверглась, безусловно, Военная организация⁴⁸. Действительно, теперь она была лишена своих лидеров, ряда армейских частей, солдатского клуба и газет. Перечень лиц из состава армии и флота, находившихся под следствием, арестованных и заключенных под стражу в результате слушаний Временного правительства, выглядит как справочник «Кто есть кто» Военной

организации РСДРП(б). Поэтому материалы следствия являются бесценным источником для изучения этой организации в период июня — июля 1917 г. Два руководителя Военной организации — Н. И. Подвойский и В. И. Невский, а также А. Я. Семашко из 1-го пулеметного полка сумели избежать ареста, причем последний успешно скрывался, несмотря на крупномасштабные розыскные мероприятия. Однако среди многих других членов Военной организации, арестованных Временным правительством после июльского восстания, были А. Я. Поляков, И. Н. Ильинский, П. А. Кошелев, Я. М. Головин, К. Н. Романов и Е. И. Спец (1-й пулеметный полк); И. В. Куделько, Н. П. Вишневецкий, В. М. Коцюбинский и М. К. Тер-Арутюнянц (180-й пехотный запасный полк); В. В. Сахаров, И. Осипов и Г. Осипов (1-й пехотный запасный полк); П. В. Дашкевич и А. Толкачев (3-й пехотный запасный полк); А. Тарасов-Родионов (офицерская пехотная школа); К. Мехоношин и С. Ган (Гренадерский полк), а также кронштадтцы Ф. Ф. Раскольников, С. Г. Рошаль, Л. А. Брегман, Ф. В. Громов и А. И. Ремнев. Имеющиеся опубликованные данные позволяют сделать вывод, что из почти двухсот человек, обвиненных Временным правительством в причастности к организации июльского восстания, многие были членами Военной организации или могут быть установлены в качестве таковых сейчас. Немногим из них удалось избежать ареста, некоторым было запрещено покидать свои части до завершения следствия, а большинство было заключено в тюрьму. Из последней группы некоторые были освобождены во время корниловского мятежа, а некоторые же оставались в заточении до самого кануна Октябрьской революции. Но ни один из них не предстал перед судом⁴⁹.

Возвращаясь к судьбе отдельных полков — участников июльского движения, необходимо вспомнить, что все эти части подлежали разоружению, а их личный состав — расформированию. Совершенно логично первым был лишен оружия 1-й пулеметный полк. По свидетельству Стулова, в полку еще царил мятежный дух, когда 8 июля под усиленным конвоем он был выведен на Дворцовую площадь, разоружен и переброшен в Соляной Городок — окраинный район Петрограда. Там полк был расчленен, а личный состав — отправлен на фронт⁵⁰. На следующий день были разоружены Гренадерский и 180-й пехотный запасный полки⁵¹.

Для расформирования ненадежных частей по плану генерала Г. Д. Романовского, утвержденному Керенским 11 июля (с припиской «согласен, но требую твердого проведения этого без дальнейшего уклонения»), полки Петроградского гарнизона были разделены на три категории в зависимости от степени их участия в июльских событиях. В первую категорию были зачислены части, участвовавшие в демонстрациях полным или почти полным составом — Гренадерский полк, 1, 3, 176 и 180-й пехотные запасные полки, а также 1-й пулеметный полк, которые в совокупности составляли костяк Военной организации в гарнизоне. Эти части должны были расформировать полностью и навсегда, а их личный состав (за исключением арестованных) подлежал отправке на фронт. Во вторую категорию попали части, в которых только отдельные роты вышли на демонстрацию,— Московский, Павловский, 3-й стрелковый и 2-й пулеметный полки, а также 6-й саперный батальон. В них расформировывались только виновные подразделения. И наконец, третья категория состояла из частей, не принимавших активного участия в шествиях, но имевших в своем составе виновных лиц. В эту категорию были отнесены все прочие полки гарнизона, и приказ предписывал тщательнейшим образом очистить их от подрывных элементов. Своим планом Романовский предлагал сократить численность гарнизона на 100 тысяч человек за счет наиболее ненадежных элементов⁵². Интересно, что подобной всеохватывающей программы, видимо, не предусматривалось для отдельных кронштадтских частей, вероятно, в связи с отсутствием там достаточного влияния Временного правительства⁵³.

Слабость ответных мер

Хотя в рамки настоящего исследования не входит детальный анализ причин неспособности Временного правительства эффективно предотвратить распространение большевизма и обеспечить надежность Петроградского гарнизона, все-таки следует отметить, что возмущение деятельностью большевиков среди рабочих и солдат Петрограда было недолгим. Прежде всего, новое правительство Керенского не сумело ни превзойти своих предшественников при устранении социальных, экономических и политических причин массовых волнений, ни вос-

становить даже минимального общественного порядка. Более того, несмотря на частые декларации о необходимости сильной центральной власти, все краткосрочные меры, намеченные правительством под впечатлением июльского восстания и призванные не допустить повторения вооруженных манифестаций, исполнялись спустя рукава и не принесли желаемых результатов.

Неспособность правительства осуществить эти меры, безусловно, объясняется вполне реальными обстоятельствами, и мы ни в коем случае не хотим предположить, что ход революции стал бы иным, если задуманное было бы выполнено. Однако для сведения читателя необходимо сказать, что расформирование ненадежных полков сводилось всего-навсего к отправке на фронт рот, предположительно состоявших из наиболее подрывных элементов. Да и это, по всей вероятности, было сделано лишь частично, потому что осуществить перевод 100 тысяч особенно непокорных солдат легко только на словах. Совершенно естественно, что большинство полевых командиров не были никак заинтересованы в получении такого пополнения. Как бы то ни было, подразделения зачисленных в «первую категорию» Гренадерского, 1-го и 180-го пехотных запасных полков во время Октябрьской революции все еще находились в столице. Точно таким же образом, за исключением 1-го пулеметного, 180-го пехотного запасного и Гренадерского полков, ни одна из мятежных частей скорее всего так и не была разоружена. Более того, никаких карательных мер не было предпринято против кронштадтских частей и кораблей Балтийского флота.

Правительство также не смогло претворить в жизнь свои планы по разоружению гражданского населения. Не вызывает сомнения тот факт, что рабочие большинства заводов последовали рекомендации ЦК РСДРП(б) от 7 июля и спрятали свое оружие, вместо того чтобы сдать его правительственным войскам. Кроме того, некоторое количество оружия перекочевало к рабочим из полков, которым грозило разоружение. А когда корниловский мятеж создал непосредственную опасность успешного военного переворота справа, Петроградский Совет был вынужден лично приложить руку к вооружению рабочих города.

И наконец, наименее эффективными из всех действий правительства стали попытки подавить партию большевиков. Складывается впечатление, что репрессии против

центральных и местных партийных организаций и арест отдельных членов партии, возможно, за исключением деятелей Военной организации, были не более чем временным препятствием и не нанесли серьезного ущерба партийному аппарату ни наверху, ни внизу. В основном партийные комитеты успешно выдержали первые удары и довольно быстро вновь обрели почву под ногами. А через несколько недель даже Военная организация, ставшая, вероятно, мудрее и осторожнее, активно занялась воссозданием позиций в гарнизоне. Воскресла и репрессированная партийная печать. После относительно непродолжительного перерыва петроградские большевики возобновили издание ежедневных газет под слегка измененными названиями. Однако их враждебность по отношению к режиму ничуть не убавилась.

Необходимо также отметить, что амбициозное и многостороннее расследование событий специальной следственной комиссией Временного правительства, которое могло бы сильно скомпрометировать большевиков (особенно Военную организацию), так и не было доведено до конца. Официальное расследование с задействованием целого ряда подкомитетов шло все лето. В связи с мятежом генерала Корнилова работа комиссии несколько затянулась и явно была близка к завершению лишь к октябрю 1917 г., когда ее деятельность была окончательно остановлена победой большевиков.

ЦК РСДРП(б) против Военной организации после июльского восстания

Как мы уже установили, июльский мятеж и крах наступления Керенского на фронте способствовали росту неприятия большевиков во всех российских политических кругах. Неудивительно, что июльское поражение вызвало сильную реакцию внутри самой партии, причем в первую очередь критике подверглась Военная организация. В одной из бесед с В. И. Невским после июльских событий Я. М. Свердлов ссылаясь на членов ЦК, полагающих, что Военная организация, прежде всего Невский, Мехоношин, Подвойский и Кедров, была зачинщиком демонстраций и несла вину за поражение партии⁵⁴. Как вспоминает рядовой член Военной организации А. Минчев, после июльского поражения на Военную организацию косо смотрели не только товарищи из числа партийного

руководства, но и некоторые районные комитеты ⁵⁵. Один из ведущих советских специалистов по борьбе большевиков за влияние в армии, С. Рабинович, упоминает, что уже в 1906 г. Военная организация партии официально критиковалась за неприкрыто автономные действия. Он пишет, что «в связи со стихийными выступлениями солдат в июльские дни на «военку» снова посыпались обвинения в сепаратизме, отрыве от общей партийной организационной работы, нежелании подчиняться директивам ЦК и т. п.». Поэтому, продолжает Рабинович, «Н. Подвойскому пришлось впоследствии на VI съезде партии выступить в защиту организации» ⁵⁶.

Полуконспиративный VI съезд партии большевиков проходил в Петрограде с 26 июля по 3 августа 1917 г. На нем, как указывают имеющиеся свидетельства, противники Военной организации пошли дальше устной критики. Будущее Военной организации обсуждалось на специальной военной секции, протоколы которой не опубликованы. Б. З. Шумяцкий, делегат Средне-Сибирского бюро РСДРП(б) и, очевидно, член этой секции, пишет, что на VI съезде Троцкий, Каменев и Бухарин настаивали на роспуске Всероссийского бюро Военной организации в целом на том основании, что она дублирует работу обычных партийных организаций. Согласно Шумяцкому, военная секция большинством отвергла такой подход, признав необходимость сохранения Военной организации при Центральном Комитете ⁵⁷. В материалах VI съезда дискуссия и решение о будущем Военной организации нашли отражение в заключительном документе военной секции. Здесь же и резолюция, принятая восемью голосами против четырех: «Ввиду целого ряда особенностей — бытовых, профессиональных и организационных — жизни и работы военных членов партии секция санкционирует существование при ЦК, под его постоянным и прямым руководством особого центрального военного органа, направляющего всю текущую работу партии среди военных при помощи своих областных, районных и местных центров тыла и фронта, в свою очередь, работающих на местах также под руководством общепартийных местных организаций и их руководящих коллективов» ⁵⁸.

Тем не менее внутривнутрипартийные гонения Военной организации на этом не завершились. В своих воспоминаниях В. И. Невский утверждает, что отвечавший за организационные вопросы Я. М. Свердлов признался ему, что после июльских событий Военная организация подверг-

лась обвинениям в ходе так называемого суда. На нем А. С. Бубнов, Ф. Э. Дзержинский, В. Р. Менжинский и Я. М. Свердлов были назначены ЦК для инспектирования и контроля различных аспектов деятельности Военной организации. Судя по записям Невского (беседа состоялась скорее всего в конце августа), в конечном итоге все обвинения против Военной организации были сняты, возможно, отчасти и в результате личного вмешательства Ленина. Владимир Ильич, вспоминая Невский, узнав о задании Свердлову ознакомиться с деятельностью Военной организации, заявил ему: «Помочь им нужно, но никаких нажимов и порицаний быть не должно. Наоборот, следует поддержать их: кто не рискует, тот никогда не выиграет; без поражений не бывает победы»⁵⁹.

За исключением мемуаров Невского, практически нет никаких свидетельств о партийном суде над руководством Военной организации⁶⁰, однако в опубликованных протоколах ЦК РСДРП(б) за август — сентябрь 1917 г. приводятся некоторые детали конкретных мер, принятых ЦК для ограничения самостоятельности Военной организации после июльских дней. Одна из мер была направлена на то, чтобы не позволить Военной организации издавать свою газету. После июльских событий первой из большевистских изданий регулярно стала выходить газета Военной организации «Рабочий и солдат», однако на своем первом же заседании после VI съезда (4 августа) ЦК постановил, что «Рабочий и солдат» должен стать центральным органом партии вместо «Правды», запрещенной Временным правительством 5 июля⁶¹. Одновременно было также решено временно запретить собственную газету как Военной организации, так и Петербургскому комитету. Вскоре Военной организации каким-то образом удалось наладить издание еще одной газеты («Солдат»), а когда ЦК попытался забрать и ее, Военная организация оказала яростное сопротивление за сохранение своих полномочий. Она твердо заявила о своем праве на издание самостоятельной газеты и выразила официальный протест против, по словам ее представителей, «прямой системы гонений и репрессий чрезвычайно странного характера», которая утвердилась с момента изменения прежнего состава ЦК, то есть после VI съезда⁶². В ответ на этот протест на заседании ЦК 16 августа в жестких формулировках было подтверждено подчиненное положение Военной организации в партийной иерархии: «Военное бюро является организацией, ведущей работу среди солдат.

При этом... исходя из партийного устава, не может существовать никакой целостной партийной руководящей организации параллельно с другой партийной организацией. Это относится как к местным организациям, так и всероссийским. Поэтому не может быть самостоятельным политическим центром и Всероссийское бюро Военной организации»⁶³.

Дав такую резкую отповедь, ЦК позволил Военной организации продолжить издание «Солдата» при условии введения в редакцию газеты члена ЦК с правом вето. Как свидетельствуют протоколы заседания ЦК от 16 августа, Свердлов и Дзержинский были назначены для переговоров с Военной организацией и обеспечения нормализации отношений между ней и ЦК, а также для контроля над изданием «Солдата». Нельзя однозначно утверждать, что эта акция имеет отношение к суду, упомянутому Свердловым, однако это вполне возможно.

Как бы то ни было, спустя всего две недели, безусловно в связи с необычайно успешными действиями Военной организации по мобилизации Петроградского гарнизона против генерала Корнилова, Свердлов представил ЦК позитивный отчет о текущем состоянии дел в Военной организации. По его словам, в то время она представляла собой «не целостную политическую организацию, а военную комиссию при ЦК. При этом работа Военки ставится постепенно в тесную связь с общепартийной работой. Вся работа в Военной организации ведется под контролем ЦК: в «Солдате» работает тов. Бубнов, а вся работа вообще ведется тов. Дзержинским и Свердловым»⁶⁴. В протоколах ЦК это свидетельство является последним относительно трений между ЦК и Военной организацией, возникших в связи с ее деятельностью в июльском восстании. По прошествии всего нескольких недель под контролем ЦК и при полном одобрении Ленина Военная организация непосредственно приступила к созданию боевых сил, которые были необходимы для претворения в жизнь ленинского призыва к немедленному вооруженному восстанию.

Примечания

¹ *Войтинский В. С.* Годы побед и поражений. 1917. С. 209.

² *Лидак О. А.* Июльские события 1917 года // Очерки по истории Октябрьской революции. Т. 2. С. 298.

³ Известия. 1917. 6 июля; *Еремеев К.* Июльский погром 1917 года // Правда. 1927. 17 июля.

⁴ *Раскольников Ф. Ф.* Кронштадт и Питер в 1917 году. С. 135—137; *Ильин-Женевский А. Ф.* От февраля к захвату власти. С. 71—72.

⁵ На заседании в полдень 5 июля Кронштадтский Совет отверг эту просьбу, ограничившись отправкой делегации с целью содействовать эвакуации матросов без борьбы. Нерешительность в большевистских рядах в тот момент подтверждается тем, что сначала даже некоторые большевики выступили против отправки запрошенных артиллерийских орудий, поскольку ЦК решил не предпринимать дальнейших действий и призвал все части вернуться в казармы. После перерыва те же самые большевики неожиданно изменили свое мнение, потому что «Раскольников не такой человек, который будет просить помощи зря» (см.: Известия Кронштадтского Совета. 1917. 7 июля).

⁶ См.: *Лурье М. Л.* Кронштадтские моряки в июльском выступлении 1917 года // КЛ. 1932. № 3(48). С. 84—85; *Раскольников Ф. Ф.* Кронштадт и Питер в 1917 году. С. 136—138.

⁷ В записке, отправленной М. Тер-Арутюнянцем И. Куделько примерно в то же время, говорится, что, по мнению некоторых представителей Военной организации в частях, возобновление уличных демонстраций все еще возможно. Тер-Арутюнянец сообщает, что он направляется на совместное заседание Петербургского комитета и Военной организации, что Васильевский остров и Петроградская сторона в руках большевиков и что к вечеру, вероятно, решится, выступят ли солдаты снова (Июльские дни в Петрограде // КА. 1927. № 4(23). С. 32).

⁸ *Раскольников Ф. Ф.* Кронштадт и Питер в 1917 году. С. 137.

⁹ *Лидак О. А.* Июльские события 1917 года // Очерки по истории Октябрьской революции. Т. 2. С. 298. В редакторской сноске к этому заявлению говорится, что такая характеристика позиции Военной организации недостаточна обоснованна.

¹⁰ *Trotsky L.* History of the Russian Revolution. Vol. 2. P. 53.

¹¹ См.: *Лацис М. И.* Июльские дни в Петрограде // ПР. 1923. № 5(17). С. 114.

¹² *Метелев А.* Июльское восстание в Петрограде // ПР. 1922. № 6. С. 173.

¹³ *Стулов П. М.* Первый пулеметный полк в июльские дни 1917 г. // КЛ. 1930. № 3(36). С. 115.

¹⁴ Биржевые ведомости. 1917. 6 июля. Утренний выпуск.

¹⁵ Новая жизнь. 1917. 6 июля.

¹⁶ См.: *Зиновьев Г.* Ленин в июльские дни // ПР. 1927. № 8—9 (67—68). С. 64.

¹⁷ См.: *Знаменский О. Н.* Июльский кризис 1917 года. С. 123—132. Протокол заседания Московского комитета от 5 июля, на котором обсуждался вопрос о демонстрации, см. в книге: Революционное движение в России в июле 1917 г.: июльский кризис. С. 106—112.

¹⁸ *Стулов П. М.* Первый пулеметный полк в июльские дни 1917 г. // КЛ. 1930. № 3(36). С. 116.

¹⁹ *Ахун М. И., Петров В. А.* 1917 год в Петрограде: Хроника событий. С. 67; см. также: Новая жизнь. 1917. 6 июля.

²⁰ Листок правды. 1917. 6 июля.

²¹ *Мехоношин К.* Июльские дни в Петрограде // Известия. 1922. 16 июля.

²² *Подвойский Н. И.* Военная организация ЦК РСДРП(б) и Военно-революционный комитет 1917 г. // КЛ. 1923. № 6. С. 81; см. также: Шестой съезд РСДРП(б): Протоколы. С. 65.

²³ *Невский В. И.* Народные массы в Октябрьской революции // Работник просвещения. 1922. № 8. С. 21.

²⁴ Июльские дни в Петрограде // КА. 1927. № 5(24). С. 35—36.

²⁵ Известия Кронштадтского Совета. 1917. 8 июля.

²⁶ *Раскольников Ф. Ф.* Кронштадт и Питер в 1917 году. С. 141—142.

²⁷ *Лидак О. А.* Июльские события 1917 года // Очерки по истории Октябрьской революции. Т. 2. С. 298.

²⁸ Известия Кронштадтского Совета. 1917. 11 июля; *Раскольников Ф. Ф.* Кронштадт и Питер в 1917 году. С. 142; *Ярчук Х.* Кронштадт в русской революции. С. 14.

²⁹ При работе над эпизодом о нападении на особняк Кшесинской и Петропавловскую крепость автор использовал свидетельства очевидцев, опубликованные в газетах «Известия» и «Биржевые ведомости» 7 июля 1917 г.

³⁰ *Подвойский Н. И.* Военная организация ЦК РСДРП(б) и Военно-революционный комитет 1917 г. // КЛ. 1923. № 6. С. 82.

³¹ Известия Кронштадтского Совета. 1917. 15 июля.

³² *Метелев А.* Июльское восстание в Петрограде // ПР. 1922. № 6. С. 174.

³³ *Ильин-Женевский А. Ф.* От февраля к захвату власти. С. 82.

³⁴ *Лидак О. А.* Июльские события 1917 года // Очерки по истории Октябрьской революции. Т. 2. С. 344.

³⁵ Ленинский сборник. Т. 7. С. 317—318 (см.: *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 32. С. 423.— *Ред.*). См. также: *Лацис М.* Июльские дни в Петрограде... // ПР. 1923. № 5(17). С. 115.

³⁶ *Подвойский Н. И.* Военная организация ЦК РСДРП(б) и Военно-революционный комитет 1917 г. // КЛ. 1923. № 6. С. 84.

³⁷ *Ленин В. И.* Политическое положение // Полн. собр. соч. Т. 34. С. 1—5; *он же.* К лозунгам // Там же. С. 10—17.— *Ред.*

³⁸ В состоявшихся в то время беседах Ленин, безусловно, имел в виду возможное восстание через несколько недель и никак не позднее осени (см.: *Лидак О. А.* Июльские события 1917 года // Очерки по истории Октябрьской революции. Т. 2. С. 331—332).

³⁹ См.: *Совокин А. М.* Расширенное совещание ЦК РСДРП(б) 13—14 июля 1917 г. // Вопросы истории КПСС. 1959. № 4. С. 125—138.

⁴⁰ См.: Шестой съезд РСДРП(б): Протоколы. С. 110—146, 255—257.

⁴¹ Журналы заседаний Временного правительства (Петроград, 1917), выпуск от 6 июля 1917 г. С. 1.

⁴² Там же, выпуск от 7 июля 1917 г.

⁴³ «Никаких контрреволюционных зачинщиков в своей среде и вообще в Кронштадте мы не знаем, а посему никаких арестов производить не можем»,— таков был ответ Кронштадтского Совета на поступившее распоряжение (*Колбин И. Н.* Кронштадт организуется, готовится к бою // КЛ. 1927. № 2(23). С. 153—154).

⁴⁴ Июльские дни в Петрограде // КА. 1927. № 4(23). С. 2—5.

⁴⁵ См. отчеты районных комитетов на заседании Петербургского комитета 10 июля. Первый легальный Петербургский комитет большевиков в 1917 г. С. 210—216.

⁴⁶ Там же.

⁴⁷ Известия. 1917. 16 июля.

⁴⁸ См. доклад Подвойского на возобновленной 2-й Общегородской конференции 16 июля; *Елов Б.* После июльских событий // КЛ. 1923. № 7. С. 102.

⁴⁹ Июльские дни в Петрограде // КА. 1927. № 4(23). С. 6—13.

Интересное описание пребывания членов Военной организации в заключении приводится в статье А. Ф. Ильина-Женевского «Большевики в тюрьме Керенского» (см.: КЛ. 1928. № 2(26). С. 43—65). Наиболее полные биографические данные о членах Военной организации содержатся в работе М. И. Ахуна и В. А. Петрова «Большевики и армия в 1905—1917 гг.».

⁵⁰ *Стулов П. М.* Первый пулеметный полк в июльские дни // КЛ. 1930. № 3(36). С. 122.

⁵¹ *Дрезен А. К.* Петроградский гарнизон в июле и августе 1917 г. // КЛ. 1927. № 3(24). С. 218.

⁵² Революционное движение: июльский кризис. С. 73—74.

⁵³ Единственной карательной мерой против моряков был арест некоторых ключевых фигур. Раскольников, Рошаль, Ремнев и другие сдались властям по указанию Кронштадтского Совета после того, как 13 июля правительство выступило с угрозой заблокировать Кронштадт, если они этого не сделают.

⁵⁴ *Невский В. И.* В октябре: Беглые заметки памяти // Каторга и ссылка. 1932. № 11—12(96—97). С. 28.

⁵⁵ *Минчев А.* Боевые дни // КЛ. 1924. № 9. С. 9.

⁵⁶ *Рабинович С. Е.* Большевистские военные организации в 1917 г. // ПР. 1928. № 6—7(77—78). С. 187—189.

⁵⁷ *Шумяцкий Б.* Шестой съезд партии и рабочий класс // В дни великой пролетарской революции. М., 1937. С. 93. Позиции Троцкого и Каменева были, вероятно, доведены через посредников, поскольку во время съезда оба все еще находились в тюрьме.

⁵⁸ Шестой съезд РСДРП(б): Протоколы. С. 289.

⁵⁹ *Невский В. И.* В октябре: Беглые заметки памяти // Каторга и ссылка. 1932. № 11—12(96—97). С. 28—30.

⁶⁰ Несколько другое упоминание относительно суда я смог обнаружить только в книге А. Ф. Ильина-Женевского «От февраля к захвату власти». С. 98.

⁶¹ Первый номер «Рабочего и солдата» вышел 23 июля. После закрытия Временным правительством 10 августа он был заменен газетами «Пролетарий» (13 августа), «Рабочий» (25 августа) и «Рабочий путь» (3 сентября). ЦК возобновил издание «Правды» 27 октября 1917 г., то есть сразу после захвата власти большевиками (см. Большевистская печать: Сборник материалов / Под ред. А. К. Белкова и Б. П. Веревкина. М., 1960. Т. 4).

⁶² Протоколы Центрального Комитета РСДРП(б): Август 1917—февраль 1918. М., 1958. С. 25.

⁶³ Там же. С. 22—23.

⁶⁴ Там же. С. 39—40.

VIII

Заключение: разногласия в партии

В течение всего времени после победы Октябрьской революции написание истории партии большевиков находилось под жестким контролем КПСС и варьировалось в зависимости от изменения политических и идеологических требований. Тем не менее одна из непререкаемых аксиом советской историографии заключается в утверждении принципиально однородного характера партийного руководства во время революции. В результате советские историки вынуждены либо игнорировать такие отклонения от предписанного Лениным революционного курса, как «правый оппортунизм» Каменева и Зиновьева или левизну Лациса и Семашко, либо представлять их как изолированных обструкционистов. Поэтому в советских исследованиях совершенно бесполезно искать честный анализ видимых разногласий во взглядах и политике между Петербургским комитетом и ЦК партии в период с апреля по июль 1917 г., не говоря уже о безусловно разрозненной, но никак не малозначимой деятельности Военной организации РСДРП(б) на том этапе. Тем не менее имеющиеся свидетельства приводят к выводу, что именно эти факторы — ключевые для понимания роли и целей большевиков в подготовке и проведении сорвавшейся 10 июня демонстрации и в июльском восстании.

Разногласия, которые имели место в партии весь 1917 г., возникли почти сразу после Февральской революции и материализовались в появлении умеренного и радикального направлений, несмотря на относительно небольшую численность Петроградской организации (чуть более двух тысяч человек)¹. Резко расходясь по вопросам об отношении к войне, к Временному правительству, представители этих двух группировок подчас проводили взаимоисключающие политические курсы. Возвратившись в Россию, Ленин воочию наблюдал этот раскол в Петроградской организации и не жалел времени на критику подобного состояния дел. Вспомним его первое

крупное выступление, в котором он говорил об утрате былой «дисциплины» и «единомыслия» в стане большевиков.

Несмотря на то что сегодня некоторые советские историки до некоторой степени признают отсутствие единства в партии после Февральской революции, они при этом утверждают, что по практическим соображениям все серьезные разногласия были устранены в апреле после возвращения Ленина в Россию. На 1-й Общегородской конференции большевиков Петрограда Ленину действительно удалось добиться формального принятия его радикального курса подавляющим большинством членов партии. Однако отчасти это объясняется тем, что его резолюции по вопросам о войне и о Временном правительстве были достаточно двусмысленны, чтобы одновременно ослабить опасения умеренных и воодушевить радикалов. По существу, основные резолюции апрельских конференций (I Петроградской и VII Всероссийской) нацелили партию на социалистическую революцию, однако оставили открытыми вопросы «как?» и «когда?» По-видимому, лидеры большевиков правой ориентации вышли с этих конференций с ощущением, что продолжительная кампания по воспитанию масс, предусмотренная Лениным как обязательное условие передачи власти Советам, на деле мало чем отличается от их собственной программы действий, основанной на уверенности в неизбежности неопределенного по продолжительности буржуазно-демократического этапа революции. Более того, они, вероятно, надеялись, что под воздействием российской действительности Ленин смягчит свою позицию. А тем временем их присутствие в редакции «Правды» и в ЦК позволяло им рассчитывать на ведущую роль в формировании партийной политики. С другой стороны, партийные радикалы выходили с тех же форумов в полной уверенности, что Ленин разделяет их общее нетерпение в стремлении к захвату власти. Таким образом, хотя апрельские конференции и упрочили руководящую роль Ленина в идеологической и политической сферах, коренные внутрипартийные разногласия так и не были преодолены. Многие организационные вопросы остались без ответа, и, что гораздо важнее, партия получила лишь самое приблизительное руководство к действию.

Тем временем среди российских рабочих, крестьян и солдат начали появляться первые признаки разочарования результатами Февральской революции. С апреля по июнь 1917 г. в Петрограде наблюдался резкий рост

численности членов партии, что позволило большевикам в последующем сыграть столь важную роль в политической жизни столицы. К сожалению, в исторической литературе обращается очень мало внимания на качественное изменение состава партии большевиков на том этапе. А ведь даже на базе имеющихся отрывочных сведений складывается впечатление, что в период численного роста партии были сняты практически все требования к членству в ней, чтобы в кратчайшие сроки создать боевую массу. К открытию VII (Апрельской) Всероссийской конференции в Петрограде было уже 16 тысяч большевиков ². К концу июня их число достигло 32 тысяч плюс к этому две тысячи солдат, вступивших в Военную организацию, а еще четыре тысячи из них приобщившихся к работе в «клубе «Правды» ³.

Неизбежным следствием такого внушительного роста стало значительное усложнение проблем управления. Лишь некоторые из новых членов Петербургской организации были большевиками-ветеранами, вернувшимися из ссылки или из эмиграции, однако большая часть пополнения пришла из среды наиболее нетерпеливых и разочарованных элементов пролетариев и гарнизона. Они знали мало, а то и вообще ничего о марксизме и не желали считаться с партийной дисциплиной. Таким образом, кроме преодоления умеренности ЦК, Ленину было необходимо охладить тысячи пылких новобранцев (и привлечь новых) и в то же время руководить большевиками до того, как наступит подходящий момент для захвата власти.

Первые признаки того, что задача эта не будет легкой, проявились во время апрельского кризиса, когда некоторые члены Петроградской партийной организации без санкции ЦК начали предпринимать шаги для свержения Временного правительства. То же самое произошло и во время подготовки демонстрации 10 июня. До конца так и не ясно, какие цели преследовал Ленин в связи с этим событием, но, судя по всему, ЦК санкционировал не более чем мирную демонстрацию. Тем не менее 9 июня Военная организация сориентировала свои силы на возможные вооруженные столкновения, а возглавляемый Лацисом деятельный Выборгский комитет РСДРП(б) вооружился и разработал план захвата жизненно важных объектов. Как мы установили, эти приготовления были прекращены только в последнюю минуту по настоянию более умеренных членов ЦК и фракции большевиков на I съезде Советов без согласования с Петербургским комитетом и Военной организацией. По признанию Ленина,

он предпочел пожертвовать демонстрацией, чем пойти на открытый разрыв с Советом. Полностью осознав опасность преждевременного восстания в революционной столице, Ленин уделял гораздо больше внимания таким аспектам, как организация, выдержка и дисциплина. Он подчеркнул первоочередность всех этих моментов в своем выступлении на чрезвычайно важном заседании Петербургского комитета 11 июня; именно к этому сводилось его обращение к Всероссийской конференции военных организаций РСДРП(б), где призывы к немедленному свержению Временного правительства были особенно настоятельны; именно этому был посвящен ряд передовых статей в «Правде», написанных Лениным.

Тем не менее на заводах и в воинских частях Петрограда наблюдается резкий рост недовольства, нетерпения и соответственно стремления к активным действиям со стороны радикальных элементов Петербургского комитета и Военной организации. В результате образовалась своеобразная пропасть между деятельностью районных и первичных организаций большевиков, с одной стороны, и курсом ЦК — с другой. В этой связи события 18 июня представляются особенно важными.

Вспомним, что в тот день большевикам удалось превратить массовую уличную демонстрацию, организованную I съездом Советов рабочих и солдатских депутатов, во внушительное выражение поддержки своей программы. В тот же день русская армия начала свое заранее разрекламированное наступление на Юго-Западном фронте. Для большевиков каменевского толка победа партии в демонстрации, организованной Советом, значительно бледнела перед лицом успеха Временного правительства в деле объединения населения страны при помощи решительного прорыва русской армии. Они, как никогда прежде, отстаивали свой тезис о неизбежности продолжительного буржуазно-либерального этапа революции и считали, что партия должна идти умеренным курсом.

Совершенно другие выводы из событий 18 июня сделали более радикально настроенные партийцы, принадлежавшие к Петербургскому комитету, Военной организации и Кронштадтскому комитету большевиков. Деятели типа Подвойского, Невского, Белякова, Семашко, Сахарова (Военная организация) и Лациса, Стукова, Залуцкого (Петербургский комитет) массовая поддержка программы большевиков казалась достаточным основанием полагать, что у партии хватит сил для захвата

власти. А начало наступления и отправка частей гарнизона на фронт были для них признаками того, что революция в опасности. Более того, немало большевиков было искренне озабочено возможной потерей поддержки масс, если партия останется пассивной. На Всероссийской конференции военных организаций РСДРП(б), на заседаниях Петербургского комитета, на многочисленных митингах в Кронштадте и, во время массовых мероприятий, организуемых Военной организацией, они критиковали ЦК за навязывание им роли «пожарного» и настаивали на немедленном начале активных действий. Несмотря на то что 20 июня руководство Военной организации содействовало подавлению попыток 1-го пулеметного полка поднять гарнизон на мятеж, мы располагаем свидетельством Невского, что 22 июня Военная организация явно без санкции ЦК начала строить свои собственные планы восстания.

Как уже говорилось выше, немногим более недели спустя неукротимый 1-й пулеметный полк дал толчок июльскому восстанию, которое было организовано при участии членов полковой Военной организации большевиков и почти мгновенно поддержано рядовыми членами партии во всей столице и в Кронштадте. Не вызывает сомнения тот факт, что ЦК согласился возглавить восстание крайне неохотно и с большим запозданием, только после того, как участие в нем было официально одобрено Военной организацией, Исполнительной комиссией Петербургского комитета и 2-й Общегородской конференцией РСДРП(б). Если попытаться вкратце сформулировать роль большевиков в подготовке и организации июльского восстания, то можно утверждать, что отчасти оно стало результатом многомесячной антиправительственной агитации и пропаганды РСДРП(б), что рядовые большевики петроградских заводов и воинских частей сыграли ведущую роль в его организации и что руководство Военной организации и часть ПК способствовали его развитию вопреки желанию Ленина и ЦК.

И наконец, необходимо подчеркнуть, что роль Ленина в июльских событиях была, видимо, второстепенной. Его уверенность в необходимости социалистической революции, выраженная прежде всего в лозунге «Вся власть Советам!», безусловно, вдохновила восставших. Более того, радикальные большевики из Военной организации и Петербургского комитета, которые для организации июльского движения вступили в союз с анархистами-коммунистами, вполне могли полагать, что расходятся

с Лениным только в вопросе времени и что в конечном итоге он одобрит их действия. Однако, судя по всему, Ленин вполне искренне, но, как оказалось, безуспешно пытался сдерживать усиливавшиеся мятежные настроения в Петрограде, пока не будет обеспечена необходимая поддержка в провинции и на фронте. Таким образом, еще до восхода солнца 5 июля, когда силы большевиков находились на грани гибели, а надежда на победу была утеряна, Ленину не оставалось ничего, кроме как подать сигнал к унижительному, хотя и временному отступлению.

Июльские события, как ничто иное, убедили Ленина в необходимости свержения Временного правительства вооруженным путем. Поражение большевиков оказалось куда менее серьезным, чем можно было ожидать. Партии удалось не только компенсировать свои потери, но и увеличить свои ряды во время неудачного мятежа генерала Корнилова. В последний день августа возродившиеся большевики впервые получили большинство в Петроградском Совете, еще через две недели Ленин уже призывал руководство петроградских большевиков к немедленному низложению Временного правительства. Важно отметить, что во второй половине сентября и в октябре 1917 г., когда РСДРП(б) снова разделилась в вопросе о захвате власти, руководство Военной организации уже настаивало на безусловной необходимости тщательной подготовки наступления на Временное правительство⁴. В своих воспоминаниях Невский пишет в этой связи, что «некоторым товарищам казалось тогда, что мы (руководство Военной организации) слишком осторожны... Но наш опыт (особенно в июльские дни) показал нам, что значит отсутствие тщательной подготовки и перевеса сил»⁵. Как продемонстрировала Октябрьская революция, ни для руководства Военной организации, ни для большевиков в целом уроки июля не прошли бесследно.

Примечания

¹ Очерки истории Ленинградской организации КПСС. С. 451.

² VII (Апрельская) Всероссийская конференция РСДРП(б). С. 201.

³ Елов Б. Петроградская организация РСДРП(б) накануне июльских событий // 3—5 июля 1917 г. С. 56.

⁴ См. доклад Невского по поручению Военной организации на заседании Петербургского комитета 15 октября // Первый легальный Петербургский комитет. С. 310—312.

⁵ Невский В. И. В Октябре: Беглые заметки памяти // Каторга и ссылка. 1932. № 11—12 (96—97). С. 36.

Избранная библиография

1. Хроника

Авдеев Н. Революция 1917 года: Хроника событий. Т. 1: Январь — апрель. Т. 2: Апрель — май. М.: Госиздат, 1923.

Ахун М. И., Петров В. А. 1917 год в Петрограде: Хроника событий и библиография. Л.: Ленпартиздат, 1933.

Владимирова В. Революция 1917 года: Хроника событий. Т. 3: Июнь — июль. М.: Госиздат, 1923.

Заславский Д. О., Канторович В. А. Хроника Февральской революции. Т. 1: 1917 год: февраль — май. Пг.: Былое, 1924.

Константинов А. П. (ред.). Большевики Петрограда в 1917 году: Хроника революционных событий в Петрограде. Л.: Лениздат, 1957.

Максанов В., Нелидов Н. Хроника революции. Выпуск 1: 1917 год. М.; Пг.: Госиздат, 1923.

2. Документы и материалы

Балтийские моряки в подготовке и проведении Великой Октябрьской социалистической революции. Сборник / Под ред. П. Н. Мордвинова. АН СССР. Ин-т истории и др. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1957.

Большевистская печать: Сборник материалов / Сост. А. К. Белков и Б. П. Веревкин. Вып. 4. М.: ВПШ и АОН, 1960.

Browder Robert P. and Kerensky Alexander F. (eds.). The Russian Provisional Government. 1917: 3 vols. Stanford: Stanford University Press, 1961.

Вторая и третья общегородские конференции большевиков в июле и октябре 1917 года: Протоколы. М.; Л.: Госиздат, 1927.

Golder F. A. (ed.). Documents of Russian History. 1914—1917. New York: Century, 1927.

Дрезен А. К. (сост.). Большевизация Петроградского гарнизона. Сборник материалов и документов. Л.: Лениблиздат, 1932.

Дрезен А. К. (ред.). Буржуазия и помещики в 1917 году: Частные совещания членов Государственной думы. М.; Л.: Партийное издательство, 1932.

Елов Б. (ред.). Петроградская организация РСДРП(б) накануне июльских событий // 3—5 июля 1917 г. Пг., 1922. С. 53—74.

Елов Б. После июльских событий // Красная летопись. 1923. № 7. С. 95—127.

Журналы заседаний Временного правительства. Пг., 1917.

Zeman Z. A. (ed.). Germany and the Revolution in Russia. 1915 —

1918: Documents from the Archives of the German Foreign Ministry. London: Oxford University Press, 1958.

Ильин-Женевский А. (ред.). Арест Виктора Чернова в июльские дни 1917 года // Красная летопись. 1926. № 6(21). С. 68—75.

Ильин-Женевский А. Ф. (ред.). Выступление полков в Петрограде в июльские дни 1917 года: Материалы «Дела 3—5 июля» // Красная летопись. 1929. № 3(30). С. 105—119.

Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. 1898—1954: В 4 т. 7-е изд. М.: Госполитиздат, 1954.

Ленинский сборник. Т. I. М.: Госиздат, 1924; Т. VII. М.: Госиздат, 1928.

Лурье М. Л. (ред.). Кронштадтские моряки в июльском выступлении 1917 года // Красная летопись. 1932. № 3(48). С. 76—105.

Морское министерство Керенского в июльские дни // Петроградская правда. 1921. 17 июля.

Окун С. Б. (ред.). Путиловец в трех революциях: Сборник материалов по истории Путиловского завода. М.; Л.: Огиз, 1933.

Первый Всероссийский съезд Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. Л.: Госиздат, 1930.

Первый легальный Петербургский комитет большевиков в 1917 году: Сборник материалов и протоколов заседаний Петербургского комитета РСДРП(б) и его Исполнительной комиссии за 1917 г. / Под ред. П. Ф. Куделли. М.; Л.: Госиздат, 1927.

Переписка Секретариата ЦК РСДРП(б) с местными партийными организациями. Сборник документов. Т. 1. Март — октябрь 1917 г. М.: Госполитиздат, 1957.

Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов: Протоколы заседаний Исполнительного комитета и Бюро Исполнительного комитета. М.: Госиздат, 1925.

Протоколы съездов и конференций Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков): Шестой съезд, 8—16 августа 1917 г. / Под ред. А. С. Бубнова. М.: Госиздат, 1927.

Протоколы Центрального Комитета РСДРП(б): Август 1917 — февраль 1918. Ин-т марксизма-ленинизма при ЦК КПСС. М.: Госполитиздат, 1958.

Революционное движение в России в апреле 1917 года: Апрельский кризис / Ред. коллегия: Л. С. Гапоненко (отв. ред.) и др. АН СССР. Ин-т истории. М.: Изд-во АН СССР, 1958.

Революционное движение в России в июле 1917 года: Июльский кризис / Ред. коллегия: Д. А. Чугаев (отв. ред.) и др. АН СССР. Ин-т истории. М.: Изд-во АН СССР, 1959.

Революционное движение в России в мае — июне 1917 года: Июньская демонстрация / Ред. коллегия: Д. А. Чугаев (отв. ред.) и др. АН СССР. Ин-т истории. М.: Изд-во АН СССР, 1959.

Седьмая (Апрельская) Всероссийская конференция РСДРП(б); Петроградская общегородская конференция РСДРП(б): Апрель 1917 года: Протоколы. Ин-т марксизма-ленинизма при ЦК КПСС. М.: Госполитиздат, 1958.

Тоболин И. (ред.). Июльские дни в Петрограде // Красный архив. 1927. № 4 (23). С. 1—63; № 5(24). С. 3—70.

Шестой съезд РСДРП(б): Август 1917 года: Протоколы. Ин-т марксизма-ленинизма при ЦК КПСС. М.: Госполитиздат, 1958.

Яковлева Я. А. (ред.). Разложение армии в 1917 году. М.; Л.: Госиздат, 1925.

3. Газеты и журналы за 1917 год

«*Бакинский рабочий*» (Баку) — ежедневная газета Бакинского комитета РСДРП(б).

«*Биржевые ведомости*» (Петроград) — буржуазно-либеральная газета. Издавалась ежедневно с 1885 по 26 октября 1917 г.

«*Бюллетень Всероссийской конференции фронтовых и тыловых военных организаций РСДРП(б)*» (Петроград) — издавался Военной организацией РСДРП(б) в качестве специального приложения к «Солдатской правде» 16—24 июня 1917 г.

«*Волна*» (Гельсингфорс) — ежедневная газета, орган Гельсингфорского комитета РСДРП(б). Выходила с 30 марта по 16 июля 1917 г.

«*Воля народа*» (Петроград) — ежедневная газета, орган правого крыла партии эсеров. Выходила с 29 апреля 1917 г. по февраль 1918 г.

«*Вперед*» (Петроград) — журнал межрайонцев.

«*Голос правды*» (Кронштадт) — ежедневная газета, орган Кронштадтского комитета РСДРП(б). Выходила с 15 марта по 28 октября 1917 г.

«*Дело народа*» (Петроград) — ежедневная газета, орган ЦК партии эсеров. Выходила с 14 марта по 25 октября 1917 г.

«*Единство*» (Петроград) — газета правых меньшевиков группы «Единство», руководящую роль в которой играл Г. В. Плеханов. Выходила с 1917 г. по январь 1918 г.

«*Живое слово*» (Петроград) — газета правой ориентации.

«*Звезда*» (Екатеринослав) — газета Екатеринославского комитета РСДРП(б).

«*Известия Кронштадтского Совета рабочих и солдатских депутатов*» (Кронштадт) — орган Кронштадтского Совета.

«*Известия*» (Петроград) — ежедневная газета, орган Петросовета до I Всероссийского съезда Советов рабочих и солдатских депутатов, после которого стала совместным органом ЦИК и Петросовета.

«*Листок правды*» (Петроград) — газета. Вышел один номер 6 июля 1917 г. вместо «Правды».

«*Маленькая газета*» (Петроград) — ежедневная газета правой ориентации.

«*Новая жизнь*» (Петроград) — ежедневная газета левых меньшевиков. Один из редакторов — М. Горький.

«*Новое время*» (Петроград) — ежедневная газета либерального толка. Выходила с 1868 г. по 26 октября 1917 г.

«*Окопная правда*» (Рига) — газета, орган Военной организации большевиков, издававшаяся для Северного фронта.

«*Правда*» (Петроград) — газета, Центральный Орган РСДРП(б).

«*Рабочая газета*» (Петроград) — ежедневная газета, центральный орган партии меньшевиков. Выходила с 7 марта по 30 ноября 1917 г.

«*Речь*» (Петроград) — ежедневная газета, центральный орган партии кадетов. Основана 23 февраля 1906 г. Закрыта петроградским ВРК 26 октября 1917 г.

«*Сибирская правда*» (Красноярск) — ежедневная большевистская газета.

«*Солдатская правда*» (Петроград) — ежедневная газета, орган Военной организации РСДРП(б). Выходила с 15 апреля по 5 июля 1917 г., с 23 июля под названиями «Рабочий и солдат», «Солдат».

4. Воспоминания и работы деятелей партии большевиков

- Антонов-Овсеенко В. А.* Строительство Красной Армии в революции. М.: Красная новь. 1923.
- А. Ш. (Шапиро).* «Анархизм-коммунизм и анархо-синдикализм» // Голос труда. 1918. 27 января.
- Бадаев А.* Большевики в Государственной думе. М.: Госполитиздат, 1954.
- Бонч-Бруевич В.* На боевых постах Февральской и Октябрьской революций. М.: Федерация, 1931.
- Бурсин.* Питерские рабочие об июльских днях: Завод «Эриксон» // Красная летопись. 1924. № 9. С. 26.
- Вейнберг Г. Д.* Преддверие Октябрьской революции: мои воспоминания об июльских днях // Петроградская правда. 1921. 17 июля.
- Гаврилов И.* Очерки по истории Выборгской парторганизации города Ленинграда. Л.: Ленпартиздат, 1933.
- Граф Т.* В июльские дни 1917 года // Красная летопись. № 6. 1928. С. 313—314.
- Егоров В. И.* Июльские дни 1917 года // Ленинградская правда. 1926. 18 июля.
- Егорова Е. Н.* Юнкерам плевали в лицо // Ленинградская правда. 1926. 18 июля.
- Еремеев К.* Июльский погром 1917 года // Правда. 1927. 17 июля.
- Залежский В. Н.* Из воспоминаний подпольщика. М.: Госиздат, 1931.
- Зиновьев Г. Е.* Год революции. Л.: Госиздат, 1926.
- Зиновьев Г.* Ленин в июльские дни // Пролетарская революция. 1927. № 8—9 (67—68). С. 55—72.
- Ильин-Женевский А. Ф.* Большевики в тюрьме Керенского // Красная летопись. 1928. № 2(26). С. 43—65.
- Ильин-Женевский А. Ф.* Июль 1917 года. М.: Госиздат, 1927.
- Ильин-Женевский А. Ф.* На рубеже русской революции // Красный Петроград. 1919. С. 34—44.
- Ильин-Женевский А. Ф.* От февраля к захвату власти: Воспоминания о 1917 годе. Л.: Прибой, 1927.
- Ильин-Женевский А. Ф.* Военная организация РСДРП(б) и «Солдатская правда» // Красная летопись. 1926. № 1(16). С. 57—73.
- Иткина А. М.* Оплот большевизма // Нарвская застава в 1917 году в воспоминаниях и документах / Ред. М. И. Протопопов и др. Л.: Лениздат, 1960. С. 145—158.
- Калинин М. И.* Владимир Ильич о движении // Красная газета. 1920. 16 июля.
- Кедров М.* Из красной тетради об Ильиче // Пролетарская революция. 1927. № 1 (60). С. 36—69.
- Кедров М.* Всероссийская конференция военных организаций РСДРП(б) // Пролетарская революция. 1927. № 6(65). С. 216—231. Великая Октябрьская социалистическая революция. Сборник воспоминаний участников революции в Петрограде и Москве. М.: Госполитиздат, 1957. С. 71—82.
- Колбин И. Н.* Кронштадт организуется, готовится к бою // Октябрьский шквал: Моряки Балтийского флота в 1917 году / Ред. П. Ф. Куделли, И. В. Егоров. Л.: Красная газета, 1927. С. 23—50.
- Колбин И. Н.* Кронштадт от февраля до корниловских дней // Красная летопись. 1927. № 2(23). С. 134—161.
- Крупская Н. К.* Ленин и партия. М.: Госполитиздат, 1963.
- Куделли П. Ф.* (ред.). Ленинградские рабочие в борьбе за власть Советов в 1917 году. Л.: Госиздат, 1924.

Лацис М. И. Июльские дни в Петрограде. Из дневника агитатора // Пролетарская революция. 1923. № 5(17). С. 102—116.

Лацис М. И. Накануне октябрьских дней // Известия. 1918. 6 ноября.

Лашевич М. Июльские дни // Петроградская правда. 1921. 17 июля.

Ленин В. И. Сочинения. 4-е изд. М.: Госполитиздат, 1941—1957.

Луначарский А. В. Из воспоминаний об июльских днях 1917 года // Петроградская правда. 1922. 16 июля.

Любович А. М. 3—5 июля // Ленинградская правда. 1925. 16 июля.

Мехоношин К. Июльские дни в Петрограде // Известия. 1922. 16 июля.

Мехоношин К. Из воспоминаний о тов. Ленине // Политработник. 1924. № 2—3. С. 7—9.

Мехоношин К. Из воспоминаний о В. И. Ленине // О Владимире Ильиче Ленине: Воспоминания. 1900—1922 годы / Под ред. Л. В. Ивановой и Н. И. Крутиковой. М.: Госполитиздат, 1963. С. 243—245.

Метелев А. Июльское восстание в Петрограде // Пролетарская революция. 1922. № 6. С. 158—177.

Минчев А. Боевые дни // Красная летопись. 1924. № 9. С. 5—10.

Невский В. И. Две встречи // Красная летопись. 1922. № 4. С. 142—146.

Невский В. И. Народные массы в Октябрьской революции // Работник просвещения. 1922. № 8. С. 20—22.

Невский В. И. Организация масс // Красная газета. 1922. 16 июля.

Невский В. И. В буре деяний: Петроград за пять лет советской работы. М.; Пг.: Госиздат, 1922.

Невский В. И. В Октябре: Беглые заметки памяти // Каторга и ссылка. 1932. № 11—12(96—97). С. 27—45.

Невский В. И. Военная организация и Октябрьская революция // Красноармеец. 1919. № 10—15. С. 34—44.

Невский В. И. Замечания к сообщению Б. Елова и статье Ф. Раскольникова // Красная летопись. 1923. № 7. С. 128—130.

- -ов. Выборгская районная дума 1917 года // Ленинградская правда. 1927. 4 ноября.

Подвойский Н. И. Год 1917. М.: Госполитиздат, 1958.

Подвойский Н. И. Июльские дни: Три момента // Правда. 1925. 18 июля.

Подвойский Н. И. Военная организация ЦК РСДРП(б) и Военно-революционный комитет 1917 г. // Красная летопись. 1923. № 6. С. 64—97; № 8. С. 7—43.

Покровский М. Н. Гражданин Чернов в июльские дни // Правда. 1922. 16 июля.

Раскольников Ф. Ф. Кронштадт и Питер в 1917 году. М.; Л.: Госиздат, 1925.

Раскольников Ф. Ф. Кронштадт в июльские дни // Правда. 1927. 16 июля.

Раскольников Ф. Ф. На боевых постах. М.: Воениздат, 1964.

Раскольников Ф. Ф. Вооруженное восстание или вооруженная демонстрация? // Правда. 1927. 27 июля.

Раскольников Ф. Ф. Заседания первого легального ПК // Пролетарская революция. 1922. № 8. С. 48—54.

Розанов А. Первый пулеметный полк // Петроградская правда. 1922. 16 июля.

С. М. На Путиловском заводе в июльские дни // Петроградская правда. 1922. 18 июля.

Савельев М. Ленин в июльские дни // Правда. 1930. 17 июля.

Свердлова К. Т. Яков Михайлович Свердлов. М.: Молодая гвардия, 1960.

Смирнов П. и др. Рецензия на книгу Ф. Ф. Раскольников «Кронштадтцы: из воспоминаний большевика» // Красная летопись. 1933. № 5—6 (50—51). С. 214—215.

Сулимова М. Это будет последний и решительный бой // Летопись Великого Октября / Под ред. А. Ю. Крутицкого. М.: Советская Россия, 1958. С. 101—107.

Тарасов-Родионов А. 3—5 июля // Известия. 1922. 18 июля.

Троцкий Л. Д. Сочинения. Т. 3. Ч. 1: От февраля до октября. М.: Госиздат, 1925.

Trotsky L. The History of the Russian Revolution. Translated by Max Eastman: 3 vols. Ann Arbor: University of Michigan Press, 1957.

Trotsky L. The Stalin School of Falsification. Translated by John G. Wright. New York: Pioneer Publishers, 1962.

Флеровский И. П. Июльский политический урок // Пролетарская революция. 1926. № 7(54). С. 57—90.

Флеровский И. П. Предметный урок // Правда. 1922. 16 июля.

Хохряков А. (Боннер С.) Из жизни Петроградского гарнизона в 1917 году // Красная летопись. 1926. № 2 (17). С. 29—50.

Шляпников А. Июльские дни в Петрограде // Пролетарская революция. 1926. № 4 (51). С. 46—89; № 5 (52). С. 5—60.

Шляпников А. Канун семнадцатого года: В 2 т. М.; Пг.: Госиздат, 1923.

Шляпников А. Семнадцатый год: В 4 кн. Пг.: Госиздат, 1923.

Шумяцкий Б. Первый съезд Советов // В дни Великой пролетарской революции: Эпизоды борьбы в Петрограде в 1917 году / Ред. И. П. Товстуха. М.: Огиз, 1937. С. 52—60.

Шумяцкий Б. Шестой съезд партии и рабочий класс // В дни Великой пролетарской революции: Эпизоды борьбы в Петрограде в 1917 году / Ред. И. П. Товстуха. М.: Огиз, 1937. С. 88—95.

Яблонский В. 3—5 июля // Красная летопись. 1922. № 2—3. С. 158—164.

5. Другие мемуарные источники

Аронсон Г. Россия накануне революции. Нью-Йорк, 1962.

Арский Н. Трагикомедия 3-го июля // Пережитое. М.: Верфь, 1918. С. 33—45.

Войтинский В. С. Годы побед и поражений: 1917. Берлин, 1922 // Nicolaevsky archives, The Hoover Institution, Stanford, California.

Woytinsky W. S. Stormy Passage. New York: Vanguard Press, 1961.

Kerensky A. F. Russia and History's Turning Point. New York: Duell, Sloan and Pearce, 1965.

Kerensky A. F. The Catastrophe: Kerensky's Own Story of the Russian Revolution. New York: Apleton, Century, Crofts, 1927.

Милюков П. Н. История второй русской революции: В 3 т. София: Российско-болгарское книгоиздательство, 1921—1924.

Милюков П. Н. Россия на переломе: В 3 т. Paris: Imprimerie d'art Voltaire, 1927.

Милюков П. Н. Воспоминания. 1859—1917. Нью-Йорк: Издательство им. Чехова, 1955.

Nikitine B. V. The Fatal Years. London: William Hodge, 1938.

Половцев П. А. Дни затмения. Париж: Возрождение. Б. г.

Родзянко М. В. Государственная дума и февральская 1917 года революция // Архив русской революции. Т. 6. Берлин, 1922.

Станкевич В. Б. Воспоминания 1914—1919 гг. Берлин: И. П. Ладыхников, 1920.

Sukhanov N. N. The Russian Revolution. 1917. Edited, abridged and translated by Joel Carmichael: 2 vols. New York: Harper and Row, 1962.

Суханов Н. Н. Записки о революции: В 7 т. Берлин; Пб; М.: З. И. Гржебин, 1922—1923.

Церетели И. Г. Воспоминания о февральской революции: В 2 т. Paris: Mouton and Co., 1963.

Chernov V. M. The Great Russian Revolution. Translated and abridged by Philip E. Mosely. New Haven: Yale University Press, 1936.

Ярчук Х. Кронштадт в русской революции. Нью-Йорк: Издание исполнительного комитета профессиональных союзов, 1923.

6. Музейные коллекции

Государственный музей Великой Октябрьской социалистической революции. Ленинград. Коллекция фотографий и листовок.

Музей Революции СССР. Москва. Коллекция фотографий и листовок.

Центральный военно-морской музей. Ленинград. Коллекция фотографий.

7. Диссертации советских историков

Быков Г. Д. Революционная деятельность большевиков Выборгской стороны города Петрограда в период подготовки и проведения Октябрьской социалистической революции. Кандидатская диссертация. ЛГУ. Л., 1951.

Железков Н. Июльский политический кризис 1917 года. Кандидатская диссертация. ТГУ. Томск, 1955.

Знаменский О. Н. Июльский кризис 1917 года. Кандидатская диссертация. ЛГУ. Л., 1962.

Миронов Т. Г. Борьба большевиков за Петроградский гарнизон в период двоевластия 1917 года. Кандидатская диссертация. ЛГУ. Л., 1954.

Пчелко Ф. П. Военная организация большевистской партии в период борьбы за массы в 1917 году. Кандидатская диссертация. МГПИ. М., 1946.

Петров И. Ф. Стратегия и тактика партии большевиков в период подготовки и победы социалистической революции: Март — октябрь 1917 г. Докторская диссертация. АОН при ЦК КПСС. М., 1961.

8. Работы на русском языке

Ахун М. И., Петров В. А. Большевики и армия в 1905—1917 гг. Л.: Красная газета, 1929.

Балбанов М. От 1905 к 1917. Массовое рабочее движение. М.; Л.: Госиздат, 1927.

Бурджалов Э. Н. О тактике большевиков в марте — апреле 1917 года // Вопросы истории. 1956. № 4. С. 38—56.

Вавилин И. Ленин и Петербургская организация большевиков в 1917 г. до июля // Ленин как руководитель Ленинградской организации большевиков / Под ред. О. А. Лидака. Л.: Ленпартиздат, 1934. С. 75—95.

Владимирова В. Июльские дни 1917 года // Пролетарская революция. 1923. № 5(17). С. 3—52.

Горев Б. И. Анархизм в России. М.: Молодая гвардия, 1930.

Д'ор О. Л. Красный часовой Кронштадт. М.: Литературно-издательский отдел ПУ РСФСР, 1920.

Дрезен А. К. Петроградский гарнизон в июле и в августе 1917 г. // Красная летопись. 1927. № 3(24). С. 191—223.

Залесская Ф. Июньская демонстрация 1917 г. // Пролетарская революция. 1927. № 6(65). С. 127—163.

Знаменский О. Н. Июльский кризис 1917 года. М.; Л.: Наука, 1964.

Игнатов Е. I Всероссийский съезд Советов рабочих и солдатских депутатов // Пролетарская революция. 1927. № 6(65). С. 72—126.

Ильин М. С. Демонстрация и митинг на Марсовом поле в Петрограде 4 июня 1917 г. // Вопросы истории. 1957. № 6. С. 126—130.

Карамышева Л. Ф. Борьба большевиков за Петроградский Совет. Март — октябрь 1917 г. Л.: Лениздат, 1964.

Князев С. П. (ред.). Петроградские большевики в Октябрьской революции. Л.: Лениздат, 1957.

Кочаков В. М. Состав Петроградского гарнизона в 1917 г. // Ученые записки ЛГУ. 1956. Вып. 24. № 205. С. 60—86.

Кривошеина Е. П. Две демонстрации. М.; Л.: Государственное социально-экономическое издательство, 1931.

Левин Е. Московская организация большевиков в июле 1917 г. // Пролетарская революция. 1929. № 2—3 (85—86). С. 123—151.

Лидак О. А. Июльские события 1917 года // Очерки по истории Октябрьской революции / Под ред. М. Н. Покровского: В 2 т. Т. 1. М.; Л.: Госиздат, 1927. С. 257—346.

Лидак О. А. 1917 год. Очерк истории Октябрьской революции. М.; Л.: Партиздат, 1932.

Невский В. И. Очерки по истории Российской Коммунистической партии. 2-е изд. Л.: Прибой, 1925.

Очерки истории Ленинграда: В 4 т. АН СССР. Ленингр. отд-ние Ин-та истории. М.; Л.: Издательство Академии наук СССР, 1955—1967.

Очерки истории Ленинградской организации КПСС: В 2 т. Т. 1: 1883— октябрь 1917 г. Л.: Лениздат, 1962.

Петров И. Ф. Стратегия и тактика партии большевиков в подготовке победы Октябрьской революции. М.: Госполитиздат, 1964.

Попов Н. Г. Путиловец в июльские дни // Борьба классов. 1932. № 11—12. С. 280—298.

Рабинович С. Е. Большевицские военные организации в 1917 году // Пролетарская революция. 1928. № 6—7(77—78). С. 179—198.

Рабинович С. Е. Борьба за армию в 1917 г. Л.: Госиздат, 1930.

Рабинович С. Е. Работа большевиков в армии в 1917 г. // Война и революция. 1927. № 6. С. 96—108.

Рабинович С. Е. Всероссийская конференция большевицских военных организаций 1917 г. // Красная летопись. 1930. № 5(38). С. 105—132.

Рабинович С. Е. Всероссийская военная конференция большевиков 1917 г. М.: Госвоениздат, 1931.

Совакин А. М. К истории июньской демонстрации 1917 г. // Вопросы истории КПСС. 1966. № 5. С. 45—54.

Совакин А. М. Расширенное совещание ЦК РСДРП(б) 13—14 июля 1917 г. // Вопросы истории КПСС. 1959. № 4. С. 125—138.

Старцев В. И. Очерки по истории петроградской Красной гвардии и рабочей милиции. М.; Л.: Наука, 1965.

Стулов П. М. Первый пулеметный полк в июльские дни 1917 г. // Красная летопись. 1930. № 3(36). С. 64—125.

Флеер М. Г. Петербургский комитет большевиков в годы войны 1914—1917 г. Л.: Прибой, 1927.

Шелапин К. К вопросу о подготовке июльских дней // Звезда. 1925. № 3(9). С. 143—149.

Шелавин К. Очерки русской революции 1917 г. Часть 1: Февраль — июльские дни. Пг.: Прибой, 1923.

Цукерман С. И. Петроградский районный комитет большевиков в 1917 г. // Красная летопись. 1932. № 5—6(51—52). С. 213—240.

Югов М. С. Советы в первый период революции // Очерки по истории Октябрьской революции / Под ред. М. Н. Покровского: В 2 т. Т. 2. М.; Л.: Госиздат, 1927. С. 113—253.

9. Работы, вышедшие за рубежом

Baron Samuel. H. Plekhanov, The Father of Russian Marxism: Stanford University Press, 1963.

Carr Edward H. The Bolshevik Revolution, 1917—1923: 3 vols. New York: Macmillan, 1951—1953.

Chamberlin W. H. The Russian Revolution, 1917—1921: 2 vols. New York: Macmillan, 1935.

Curtiss John S. The Russian Revolutions of 1917. Princeton: Van Nostrand, 1957.

Daniels Robert V. The Conscience of the Revolution. Cambridge: Harvard University Press, 1960.

Deutscher Isaac. The Prophet Armed. New York: Oxford University Press, 1954.

Fainsod Merle. How Russia Is Ruled. Cambridge: Harvard University Press, 1958.

Fischer Louis. The Life of Lenin. New York: Harper and Row, 1964.

Florinsky Michael T. The Fall of the Russian Empire. New York: Collier Books, 1961.

Futrell Michael. Northern Underground. London: Faber and Faber, 1963.

Haimson Leopold. The Problem of Social Stability in Urban Russia. 1905—1917. // Slavic Review. XXIII. № 4 (1964). P. 619—642; XXIV. № 1 (1965). P. 1—22.

Karpovich Michael. Imperial Russia. 1801—1917. New York: Holt, Rinehart and Winston, 1932.

Keep J. L. The Rise of Social Democracy in Russia. London: Oxford University Press, 1963.

Meyer Alfred G. Leninism. New York: Praeger, 1957.

Николаевский Б. И. Г. Церетели и его воспоминания о 1917 г. // Социалистический вестник. 1962. № 9—10. С. 132—136.

Pares Bernard. The Fall of the Russian Monarchy. New York: Vintage Books, 1961.

Pipes Richard. The Formation of the Soviet Union. 1 st ed. rev. Cambridge: Harvard University Press, 1964.

Radkey Oliver H. The Agrarian Foes of Bolshevism. New York: Columbia University Press, 1958.

Schapiro Leonard B. The Communist Party of the Soviet Union. New York: Random House, 1959.

Schmitt B. E. The Coming of the War. 1914: 2 vols. New York: Charles Scribner's Sons, 1930.

Shub David. Lenin. New York: Mentor, 1948.

Treadgold Donald W. Twentieth Century Russia. Chicago: Rand McNally, 1959.

Ulam Adam B. The Bolsheviks. New York: Macmillan, 1965.

Von Laue Theodore H. Why Lenin? Why Stalin? Philadelphia: Lippincott, 1964.

Warth Robert D. The Allies and the Russian Revolution. Durham: Duke University Press, 1954.

Wolfe Bertram D. Three Who Made a Revolution. Boston: Beacon, 1948.

Послесловие

Имя американского профессора, крупного специалиста по истории русских революций 1917 г. А. Рабиновича уже известно широким кругам российской общественности. Его монография «Большевики приходят к власти. Революция 1917 года в Петрограде» была издана в 1989 г. издательством «Прогресс» массовым тиражом на русском языке и получила заинтересованный отклик читателей. Поэтому нет особой необходимости представлять автора новой книги нашему читателю. Скажу только, что он принадлежит к тому поколению американских советологов-историков, которое порвало с традиционно консервативными и упрощенными представлениями об Октябрьской революции, долго господствовавшими в западной немарксистской историографии, и стало на путь объективного исследования сложных и противоречивых процессов предыстории и истории великой российской революции. Свобода от идеологической предубежденности и тенденциозности открыла новые познавательные возможности.

Несмотря на трудности, связанные с недоступностью советских архивов, А. Рабиновичу и его коллегам удалось создать в 60—70-х годах ряд трудов, которые заняли видное место в обширной зарубежной литературе об Октябре. Приходится признать, что во многих отношениях, и прежде всего добросовестном стремлении понять и воссоздать причины, движущие мотивы острой борьбы различных общественных сил и конкретный ход событий того периода, эти труды выгодно отличались от основной массы работ советских историков. Даже во времена хрущевской «оттепели», когда мы, советские историки, впервые после почти 30-летнего перерыва, немало сделали для прогресса своей науки и освобождения ее от оков сталинизма, в наших трудах была рассказана лишь часть правды о революциях 1917 г. Ибо основные сталинские схемы и догматические постулаты были лишь частично подорваны, а не преодолены окончательно. Наступившая же полоса брежневской

реставрации неосталинизма привела к тому, что сталинские догмы и мифы возродились с новой силой и сделали, по сути, невозможными правдивые исследования по истории Октябрьской революции. Только начавшаяся в 1985 г. перестройка создала качественно новые условия для плодотворной исследовательской работы советских историков на основе принципов историзма и научной объективности. Она же открыла новую главу в отношениях с нашими зарубежными коллегами. От навязанной сверху конфронтации с ними, обязательного «разоблачения» немарксистских историков как фальсификаторов (конечно, нельзя отрицать, что среди них были и есть и такие, точно так же как в наших рядах их не меньше, если не больше) мы перешли к широкому и плодотворному сотрудничеству, обмену информацией и идеями. Публикацию двух книг профессора А. Рабиновича в нашей стране надо рассматривать как проявление поворота во взаимоотношениях с зарубежными учеными-историками.

Книга «Кровавые дни» посвящена июльским событиям 1917 г. Именно тогда, в первые дни июля, в открытой схватке противоборствующих классовых и политических сил решался коренной вопрос жизни страны: как дальше пойдет русская революция — по пути мирного развития с двойкой перспективой — либо стабилизации буржуазно-демократического строя, либо перехода власти к Советам — или насильственного революционного переворота, ориентированного на социализм. С высоты сегодняшней ретроспективы мы лишний раз убеждаемся, что в те далекие драматические дни действительно решалась судьба России. Не случайно впервые после свержения царизма яростное столкновение борющихся сил произошло именно по вопросу о власти — главному вопросу всякой революции.

Заслуга автора книги как исследователя состоит в том, что он, порвав с традицией путчистского объяснения причин июльских событий, показал, что они с естественной необходимостью выросли из всей совокупности объективных и субъективных обстоятельств того времени, из самой логики революционного процесса. Чтобы показать генезис июльских событий 1917 г., он предпринял краткий, но убедительный исторический экскурс, начав с анализа исторической ситуации, сложившейся в связи с вступлением России в первую мировую войну. Крупными мазками нарисованы нарастание экономического и политического кризисов в России, неспособность царского правительства найти

реформистский выход из них, неизбежность краха романовской монархии. После Февральской революции динамичность революционного процесса резко возросла.

Одно из достоинств книги, заметно отличающее ее от многих наших работ на ту же тему,— это яркий показ усиления динамичности социальной и политической жизни России после Февраля, чреватой стихийными взрывами и непредсказуемыми потрясениями. И автор справедливо связывает ее с вовлечением в активную политическую борьбу широких народных масс — рабочих, солдат, матросов Петрограда, а не с подрывной деятельностью большевиков, как это обычно многие годы делалось в зарубежной литературе. Будучи добросовестным исследователем, он приходит к верному выводу, что набравшее силу после Февраля 1917 г. массовое движение нельзя было произвольно обуздать, остановить на полпути или повернуть вспять. Автор сам не подозревал, насколько актуальным окажется этот вывод в наши дни, когда в отечественной публицистике развелось множество доброхотов-волюнтаристов, задним числом возжелавших остановить революцию на февральском рубеже. Может быть, взгляд со стороны, к тому же столь авторитетного ученого, поможет читателю понять всю невежественность таких пожеланий, не говоря уже о некоторой их запоздалости.

В центре внимания американского историка — роль петроградских большевиков в дни июльского кризиса, точнее — его назревания и трагической развязки. Хотелось бы отметить несколько конструктивных моментов в его подходе к раскрытию столь непростой проблемы. В отличие от нашей литературы, в особенности историко-партийной, большевистская партия, а она представлена в книге ее Центральным Комитетом, Петербургским комитетом и его Исполнительной комиссией, Военной организацией, нередко райкомами, а также рядовыми членами, выглядит не как монолит, действующий по безошибочным указаниям вождя — В. И. Ленина или командам ЦК. Большевистская партия и ее Петроградская организация — это живая, демократическая, открытая для свободных дискуссий и борьбы мнений массовая политическая партия. Исследование порой острых разногласий и дискуссий внутри партии по тактическим вопросам, связанных с различной оценкой ситуации в июне и июле 1917 г., степени сознательности и революционности масс, выбором форм наступательных действий,

выработкой лозугов и т. п., последовательно и в целом удачно проведено в книге и составляет ее сильную сторону. Надо признать, что даже в лучших наших трудах об июльском кризисе (см., напр.: *Знаменский О. Н.* Июльский кризис 1917 года. М.; Л., 1964; Октябрьское вооруженное восстание. Семнадцатый год в Петрограде. Л., 1967. Кн. 1) эти сюжеты по понятным причинам звучат приглушенно.

Большевики предстают в книге как в высшей степени инициативная и гибкая политическая партия, чутко улавливающая сдвиги в настроениях масс, тесно связанная с ними, в первую очередь с рабочими, солдатами и матросами, отражающая и генерализирующая их интересы и требования, как партия, стремившаяся стать во главе народа, чтобы вести его за собой, а не замкнутый «орден меченосцев» или аппаратчиков. И как показано в книге, различные ее течения и организации по-разному отражали процесс революционирования масс. Отчасти отсюда наличие в ее рядах в 1917 г. правого, «умеренного» (центристского) и радикального течений, а также революционно-экстремистских элементов.

В. И. Ленин писал в мае 1917 г., что рабочие и беднейшие крестьяне России раз в 1000 левее Черновых и Церетели, т. е. эсеров и меньшевиков, раз в 100 левее большевиков*. Это было не данью конъюнктуре или лестью массам, а трезвой оценкой соотношения настроений народных масс и политики партий. В книге показано, как быстро и в силу каких причин радикализировались уже политизированные после Февраля рабочие и солдаты Петрограда и почему все труднее было большевикам сдерживать спонтанную активность масс, их стремление действовать самим, часто через голову политических партий и демократических организаций (например, того же Петроградского Совета).

В этой связи объективный анализ позиции большевиков в отношении стихийно нараставшего с конца июня движения петроградских масс заслуживает всяческого одобрения. Показаны сдержанность ЦК и ПК и вместе с тем радикализм многих членов и руководителей Военной организации партии, испытавших на себе давление солдатской стихии. Едва ли не первым в мировой историографии об Октябрьской революции А. Рабинович так полно и глубоко исследовал деятельность Военной организации при ЦК РСДРП(б) (в мае в ее состав вошла

* См.: *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 32, С. 35.

и Военная организация Петербургского комитета) в марте — июле 1917 г.

Все политические партии России отдавали себе отчет в том, что «человек с ружьем» сыграет в развернувшемся в стране противоборстве решающую роль. Что касается Петроградского гарнизона, то о его значении в книге сказано словами одного из руководителей большевистской Военной организации В. И. Невского: «Завоевать Петроградский гарнизон — это означало занять первое место в революции». Соответственно все политические партии и круги пытались укрепить свои позиции в армии и на флоте. Но, по сути, только большевикам с их реалистической оценкой интересов, психологии и настроений солдатских и матросских масс удалось создать стройную и влиятельную партийную организацию для непосредственной работы в армии и на флоте. Из книги видно, что Военка (так сокращенно называлась Военная организация большевиков) смогла в сравнительно короткие сроки завоевать авторитет среди солдатских и матросских масс, подчинить уже к июлю значительную часть гарнизона своему влиянию, несмотря на то, что во главе большинства солдатских комитетов стояли тогда эсеры и меньшевики.

Но повышенный интерес к роли Петроградского гарнизона и деятельности Военной организации РСДРП(б) привел автора, как мне кажется, к известному перекосу в освещении реального соотношения сил в столице в канун и в ходе июльских событий. Верно, конечно, что инициаторами вооруженной демонстрации (восстания, по автору) 3 июля были солдаты, а среди них — солдаты 1-го пулеметного полка, выделявшегося своим радикализмом, а зачастую и экстремизмом. Но все же главной массовой силой в демонстрациях 3 и 4 июля были рабочие столичных заводов и фабрик. У них было более чем достаточно оснований для недовольства политикой Временного правительства и для антиправительственного выступления. Не случайно именно делегация 54 заводов с участием представителей некоторых воинских частей огласила на совместном заседании ЦИК и Исполкома Всероссийского Совета крестьянских депутатов заявление с требованием перехода всей власти к Советам и прекращения политики соглашательства с буржуазией. Рабочие Петрограда составили и основную массу демонстрантов 3 и 4 июля. Если общая численность демонстрантов в эти дни определяется приблизительно в 400 тысяч человек, то

численность демонстрантов-солдат равнялась 40—60 тысячам (при численности гарнизона в феврале 1917 г. 460 тысяч человек без Кронштадта)*.

Но, отмечая определенный крен в солдатскую сторону, не могу не отметить как бесспорную заслугу автора, что главными действующими лицами в его книге являются не только и не столько партийные лидеры и функционеры среднего звена, а рядовые солдаты, рабочие и матросы. К слову сказать, наша историография, греша таким пороком, как вульгарный социологизм, ухитрилась сделать революцию безлюдной, сведя ее к руководящей и направляющей деятельности большевистской партии и действию «объективных закономерностей».

Для некоторых читателей, вероятно, покажутся непривычными такие формулировки, как поражение большевиков, их капитуляция и т. п., которыми автор характеризует исход июльских событий. Официальная советская историография, долгое время базировавшаяся на сталинской концепции партии-победительницы, игнорировала даже прямые ленинские высказывания о том, что большевики были разбиты в июльские дни 1917 г.** Им действительно тогда пришлось испытать чашу поражения, хотя и не сокрушительного. Такова историческая правда, и она отражена в данной книге.

Как и в любом научном труде, не все в монографии А. Рабиновича равноценно, а некоторые его положения и выводы кажутся недостаточно доказательными. Так, автор характеризует демонстрацию петроградских рабочих и солдат 3 и 4 июля как восстание, мятеж против Временного правительства. Известно, что такое определение родилось еще в июле 1917 г. в официальных заявлениях правительства и ЦИК Советов. В зарубежной историографии оно получило права гражданства и практически стало краеугольным камнем всей концепции июльского социального взрыва. Советская историография до сих пор смотрела на это глазами Ленина, многократно обращавшегося к анализу и оценке июльских событий как по горячим следам событий, так и ретроспективно. Сейчас мы пересматриваем и переосмысливаем многие оценки Ленина, в том числе и по проблемам истории Октябрьской революции. И тем не менее представляется, что Ленин был прав, возражая против опреде-

* См.: *Знаменский О. Н.* Июльский кризис 1917 года. С. 106; Октябрьское вооруженное восстание. Кн. 1. С. 21.

** См.: *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 41. С. 87.

ления июльских событий как восстания, даже стихийного. А с точки зрения долгосрочной политики большевистской партии он считал, что восстание, будь оно организовано 3—4 июля, было бы преждевременным, а следовательно, непростительной ошибкой*. Более того, он утверждал, что «ни одна, ни центральная, ни местная организация нашей партии не только не выставляла ни письменно, ни устно лозунга захвата власти 3—4 июля, но и не ставила даже этого вопроса на обсуждение»**. Да и действия демонстрантов — вооруженных солдат, матросов и красногвардейцев — в течение двух роковых дней, несмотря на перевес сил на их стороне, не сопровождались захватом правительственных учреждений или каких-либо других стратегических объектов. В. И. Ленин, правда, не мог знать тогда и, вероятно, не знал и позже, что среди солдат 1-го пулеметного полка, рядовых большевиков — членов Военной организации и даже ее некоторых руководителей вынашивались планы вооруженного восстания. Со ссылкой на позднейшее свидетельство В. И. Невского А. Рабинович пишет, что уже 22 июня «Военная организация, явно без санкции ЦК, начала строить свои собственные планы восстания». В то же самое время она со страниц большевистской печати официально обращалась к солдатам и рабочим «с просьбой *не верить* никаким призывам к выступлению на улицу от имени Военной организации»***. Правильно отметив более чем сдержанное отношение ЦК РСДРП(б) к проведению мирной, но вооруженной демонстрации 3 июля, автор, противореча самому себе, пишет, будто ЦК согласился, хотя крайне неохотно и с большим запозданием, возглавить восстание. По всей вероятности, автор имеет в виду совещание членов ЦК и ПК РСДРП(б), делегатов 2-й Общегородской конференции большевиков, представителей некоторых заводов и полков, состоявшееся около 10 часов вечера 3 июля в особняке Кшесинской, на котором было решено «призвать уже вышедшие на демонстрацию массы к ее мирному проведению, не допуская попыток захвата правительственных учреждений».

Таким образом, о восстании 3—4 июля, как таковом, вряд ли правомерно говорить, хотя тему эту нельзя считать исчерпанной в исследовательском отношении.

* См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 32. С. 419; Т. 34. С. 21—23, 145, 243—244, 336.

** Там же. Т. 34. С. 145.

*** КПСС в борьбе за победу социалистической революции в период двоевластия: Сборник документов. М., 1957. С. 144.

Бесспорно, одним из трудных аспектов исследования июльского кризиса является выяснение его, так сказать, краткосрочных и долгосрочных последствий. Основные наблюдения автора, касающиеся коренных изменений в соотношении общественных сил, в политике различных партий, Временного правительства и генералитета, мне представляются интересными. Но один вывод относительно воздействия кризиса на большевистскую партию, а именно об усилении разногласий в партии, является излишне категоричным (см. Заключение).

Как и всякая неудача, понесенное в июльские дни поражение оказалось ударом по партии. Но надо удивляться тому, что большевики сумели, отчасти из-за несоординированных действий своих противников, не только устоять, но и быстро оправиться, сохранив без особых потерь свой потенциал. Более того, они единственные из участников драматических событий обратили вскоре поражение в один из факторов своей будущей победы. Как правильно отметил автор, большевики извлекли необходимые уроки для последующей борьбы за власть. В партии остались те же основные идейные течения (правое, центр и леворадикальное), которые обозначились на VII Всероссийской (Апрельской) конференции РСДРП(б) в связи с крутым стратегическим поворотом от революции буржуазно-демократической к революции социалистической. Внутрипартийные разногласия и борьба мнений при обсуждении уроков июльских событий и вытекающих из новой ситуации задач (прежде всего по вопросу об отношении к лозунгу «Вся власть Советам!»), как мне кажется, привели не к усилению разногласий в партии, что можно было ожидать после понесенного поражения, а к сплочению ее рядов. Кроме того, учтем, что разногласия по вопросам стратегии и тактики затрагивали, как правило, верхние и средние эшелоны партии.

Другая спорная проблема, которой хотелось бы коснуться,— это проблема финансовой поддержки большевиков Германией, а проще говоря, о «шпионстве» Ленина в пользу Германии. Как видно и из книги, своего апогея кампания разоблачений и обвинений в адрес Ленина и большевиков в связях с немцами достигла именно в июльские и послеиюльские дни. Она была тогда, как и сейчас (для некоторых наших эпигонствующих публицистов), средством дискредитации большевиков в массах. Должен признать, в том, что эта проблема периодически возникает, отчасти виновны и мы, историки. Вместо того чтобы

обстоятельно исследовать вопрос об источниках финансирования партии на разных этапах ее деятельности, в особенности в 1917 г., мы ограничивались тем, что с порога отметали обвинения в финансовых связях отдельных большевиков с немцами как клеветнические. Не подлежит сомнению и доказано зарубежными документальными публикациями, что германское правительство готово было для подрыва боеспособности России финансировать любых противников как царского, так и Временного правительства. Но серьезные зарубежные исследователи, в частности известный американский дипломат и историк Джордж Кеннан, еще в 50-х годах убедительно доказали подложность компрометирующих большевиков документов, в частности так называемых сиссоновских документов (названных так по фамилии американского журналиста Эдгара Сиссона — составителя опубликованного в США сборника «Германо-большевистский заговор»). Надо быть слишком доверчивым или не иметь реального представления о Ленине и большевиках, чтобы принять версию об их финансировании, о «шпионстве» в пользу Германии за доказанную истину.

Исследование А. Рабиновича на большом документальном материале показывает объективную силу большевизма в России в 1917 г. и слабость противостоявших ему альтернативных политических сил. Сам автор не скрывает, что он сторонник такого хода и исхода русской революции, который бы привел к увенчанию ее однородносоциалистическим правительством, однако это не помешало ему остаться объективным исследователем одной из драматических страниц истории нашей Родины. Читатель, думается, оценит не только содержательную сторону книги американского ученого, но также и его свободный, живой и яркий стиль изложения.

П. В. Волобуев

Оглавление

К читателю	3
Пролог	11
I. Историческая ситуация	16
II. Борьба начинается	41
III. Неудавшаяся демонстрация 10 июня	64
IV. Напряжение усиливается	109
V. Начало июльского восстания	150
VI. Июльское восстание: кульминация и крах	194
VII. Июльское восстание: отступление и реакция	225
VIII. Заключение: разногласия в партии	248
Избранная библиография	254
<i>П. В. Волобуев. Послесловие</i>	263

Алекс Рабинович

КРОВАВЫЕ ДНИ: Июльское восстание 1917 года в Петрограде

Заведующий редакцией *В. М. Подугольников*

Редактор *Т. Д. Дажина*

Младший редактор *М. Ю. Мухина*

Художник *М. Л. Уранова*

Художественный редактор *Е. А. Андрусенко*

Технический редактор *Н. К. Капустина*

ИБ № 9038

Сдано в набор 19.12.91. Подписано в печать 19.03.92. Формат 84x108 ¹/₃₂.
Бумага книжно-журнальная офсетная. Гарнитура «Таймс». Печать оф-
сетная. Усл. печ. л. 14,28. Уч-изд. л. 16,54. Тираж 10 тыс экз. За-
каз № 2499. С093.

Российский государственный информационно-издательский Центр
«Республика» Министерства печати и информации РСФСР.

Издательство «Республика». 125811, ГСП, Москва, А-47, Миус-
ская пл., 7.

Полиграфическая фирма «Красный пролетарий».
103473, Москва, Краснопролетарская, 16.

Доца 10 Министровъ Капиталистовъ
Вся власть
Съставъ Рев. Сад. и Крест. Депутатъ
и Министровъ Социалистовъ
Требуя Николая II перевести
въ Петро-Пав. Крѣпость.